sci_history
nonfiction
nonf_publicism

Евгений
Яковлевич
Зазерский

Анатолий
Владимирович
Любарский

Ленин. Эмиграция и Россия

Книга кандидата исторических наук Е. Зазерского и журналиста А. Любарского - первое в Лениниане документальное повествование, охватывающее весь период жизни В. И. Ленина в эмиграции (почти 15 лет). Она перенесет читателя в Швейцарию, Францию, Бельгию, Англию, Австрию, Германию, Чехословакию, Италию, Польшу, Швецию, Финляндию, Данию. Расскажет о том, как из "эмигрантского далека" Владимир Ильич руководил большевистской партией, первой в мире пролетарской партией нового типа... Как обучал он ее стратегии и тактике революционной борьбы, готовил рабочий класс, всех трудящихся к грядущим битвам с царским самодержавием и буржуазией. Дважды вынужденный покидать Россию, Ленин ни на один день не порывал с нею связи. Это опровергает созданный нашими идейными противниками миф о его якобы "одиночестве" в эмиграции, об "отрыве" от России.



ru

rvvg

doc2fb, FictionBook Editor Release 2.6.6
2012-07-03
219F22F6-FE14-46A9-A43E-061FF8A3D7F3
1.0

Политиздат
1975

Е.Я. Зазерский, А.В. Любарский

ЛЕНИН. ЭМИГРАЦИЯ И РОССИЯ

Часть первая

У истоков

Водным рубежом опоясывает Нева остров. Высятся на нем мрачные стены с поднятыми над ними башнями. На дубовых, обитых железом воротах - хищный двуглавый орел, распростерший свои крылья. Тут же надпись: "Государева ..."

Это - Шлиссельбургская крепость. Днем и ночью охраняются ее ворота. Днем и ночью часовые на стенах следят за каждым, кто приближается к ней. Идет уже шестнадцатый год, как здесь, в "государевой тюрьме", содержится женщина. На ней серая юбка, серая арестантская куртка с черными рукавами и черным бубновым тузом на спине. Вместо пальто ей служит серый халат, вместо ботинок грубое подобие обуви - "коты".

Она потеряла в крепости и имя и фамилию. Значится же под одиннадцатым номером.

Много лет спустя женщина вспомнит: "Тюремная жизнь, как снегом, покрывала наши надежды, ожидания и даже воспоминания, которые тускнели и стирались. Мы ждали смены, ждали новых товарищей, новых молодых сил... Но все было тщетно: мы старились, изживали свою жизнь, - а смены все не было и не было. И мнилось, что все затихло, все замерло... и на свободе та же пустыня, что и в тюрьме..." [1]

Узницу номер 11, из-под пера которой выйдут эти строки, зовут Верой Фигнер. Она была одним из организаторов убийства Александра II, членом исполнительного комитета тайной политической организации "Народная воля". Она была одной из горстки героев, совершивших попытку захватить власть, но захватить без участия народа, путем лишь индивидуального террора.

Сидя в каземате русской Бастилии, отрезанная от внешнего мира, не знает Фигнер, что разгром народовольцев не остановил часов истории, что появилась в России новая мощная сила - пролетариат. Не ведает она и о том, что усилился в стране революционный натиск, что уже провозглашена, хотя еще и не создана, Российская социал-демократическая рабочая партия...

Фигнер тревожится:

- Смена медлит... Смена не приходит...

А между тем за тысячи километров от нее, в глухом селе Шушенском, затерявшемся в безбрежных сибирских снегах, отбывает ссылку человек, зовущий к свержению царской власти.

"Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей,- пишет он, - социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого

должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу".[2]
Эти слова принадлежат Владимиру Ульянову, которого мир вскоре узнает под именем Ленина. В сибирском селе вспоминает он о Вере Фигнер, о ее соратниках по "Народной воле". И утверждает:
"Если деятели старой "Народной воли" сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой".[3]
В Шушенском пишет Ленин брошюру "Задачи русских социал-демократов". Из сибирской глуши рукопись переправляют тайком за границу. Осенью 1898 года ее издают в Женеве. И вскоре, уже в отпечатанном виде, снова нелегально доставляют в Россию... Чтобы распространить ее по всей империи... Чтобы в Петербурге и Москве, Смоленске и Казани, Орле и Киеве, Иркутске и Архангельске, Сормове и Вильне узнали из брошюры, что нельзя терять время, что надо развертывать активную деятельность по организации рабочего движения, по объединению рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию.
Еще до выхода брошюры приезжает к Владимиру Ильичу Надежда Константиновна Крупская. Давно безмерно дорога стала она ему. И отсюда, из Шушенского, в одном из писем просил Владимир Ильич стать его женой. Отсюда, когда стало известно, что ссылают ее в Уфимскую губернию, обратился он в департамент полиции с просьбой разрешить его невесте отбывать ссылку с ним в Шушенском.
От Надежды Константиновны узнает Ленин: в марте нынешнего, 1898 года на съезде в Минске представители петербургского, московского, киевского и екатеринославского "Союзов Борьбы", Бунда и группы киевской "Рабочей газеты провозгласили создание Российской социал-демократической рабочей партии. Но узнает он вскоре и о том, что после блестящего начала русская социал-демократия как бы исчерпала на время свои силы, что она вернулась к прежней своей раздробленности. Все более убеждается Владимир Ильич и в том, что усиливаются идейные шатания, что оппортунистические элементы предпринимают новые попытки извратить учение основателей научного социализма - К. Маркса и Ф. Энгельса.
В один из летних дней 1899 года в селе Ермаковском собираются политические ссыльные. Собираются, чтобы обсудить "Credo" "экономистов". Противопоставить этому манифесту платформу подлинных марксистов. И здесь Ленин оглашает "Протест российских социал-демократов": "Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники". [4] Семнадцатью подписями скрепляется документ, призывающий все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить эту резолюцию, высказать свое отношение к поднятому вопросу, "чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской социал-демократической рабочей партии".[5]
- С чего начать? - этот вопрос стоит перед Лениным.
"Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея, - узнаем от Г. Кржижановского, отбывающего в эту же пору сибирскую ссылку. - Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах ... Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата,- вот что было в центре его аргументации".[6]

Вспомнит позднее и Крупская: “Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях... Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу”.[7]
И вот наконец истекает срок ссылки. На лошадях день и ночь, благо вовсю светит луна, затем по железной дороге выбираются Ульяновы из сибирской глуши. Мыслями Владимир Ильич уже там, где ждет большая работа, где ждут соратники и друзья. Радостное настроение омрачает лишь предстоящая разлука с женой: ее следует оставить по пути - в Уфе, оставить отбывать еще год ссылки.
Задуманный печатный орган нуждается в редакторах, сотрудниках, агентах. Их надо подобрать. И подобрать в разных городах Российской империи. Предстоит организовать транспортировку, распространение газеты. А из департамента полиции уже вышло между тем предписание, объявляющее “уроженцу г. Симбирска помощнику присяжного поверенного Владимиру Ильину Ульянову, что по рассмотрении в особом совещании, образованном на основании 34 ст. положения о государственной охране, обстоятельств дела о названном лице, господин министр внутренних дел постановил: воспретить ему, Ульянову, по освобождении его 29 января 1900 года от надзора полиции, жительства в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до особого распоряжения”.[8]
Запрещается “названному лицу” проживать и в губерниях: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской, Варшавской и Петроковской, Белостокском уезде Гродненской губернии, Области Войска Донского. Запрещается жить в Вильне, Киеве, Николаеве, Одессе, Харькове, Риге, Юрьеве, Либаве, Казани, Томске, Елисаветграде, местечке Кривом Роге, а также в Иркутске и Красноярске с их уездами.
И все же, едва оказавшись в центре России, Ленин отправляется и туда, где появляться ему запрещено.
“...В здешнюю столицу,- доносит в департамент полиции начальник Московского охранного отделения,- приехал известный в литературе (под псевдонимом “Ильин”) представитель марксизма Владимир Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири, и поселился, тоже нелегально, в квартире сестры своей Анны Ильиной Елизаровой...”[9]
Он живет в Москве несколько дней. Встречается с местными социал-демократами, обсуждает с ними важнейшие вопросы революционной работы. Встречается он здесь и с И. Лалаянцем - представителем Екатеринославского комитета РСДРП. А затем отправляется в Нижний Новгород, Петербург, чтобы и там обсудить планы создания нелегальной общерусской социал-демократической газеты.
Обосновывается Владимир Ильич в Пскове. Ведь этот древний русский город, в котором разрешено жить ссыльным революционерам, расположен всего в нескольких часах езды от Петербурга. И хоть учреждается за Лениным негласный надзор полиции, Псков становится временной штаб-квартирой будущих редакторов новой газеты. На одной из его тихих окраин, в Петровском посаде, поднадзорный Ульянов проводит совещание, о котором полиция даже не подозревает. Ленин зачитывает собравшимся свой “Проект заявления редакции “Искры” и “Зари””. Это призыв к объединению русских социал-демократов. Призыв направить все свои усилия на образование пролетарской партии. Призыв сделать первый шаг на пути к этому - создать общерусский марксистский печатный орган.
Но такую газету, и Ленин говорил об этом еще в Шушенском, немыслимо было создать в самой России. Надо было выбраться за пределы империи. Выбраться как можно быстрее.
И вот наконец путь за границу открыт. “Сейчас, - сообщает Владимир Ильич матери в Подольск, - получил паспорт из канцелярии губернатора”.[10] Выдан ему 5(18) мая заграничный паспорт для поездки в Германию сроком на 6 месяцев. (Здесь и далее, когда речь идет о событиях в России, даты приводятся по старому и новому стилю, во всех остальных случаях - только по новому стилю.)
Однако много дел у Ленина в России. Не может он еще ее покинуть. И нелегально снова отправляется в Петербург: надо еще раз повидаться с местными социал-демократами - условиться о способах сношений.
Ленин появляется в Питере с корзиной нелегальной литературы. Быстро передает ее в нужные руки. Успевает и навестить кое-кого. Но едва выходит утром на улицу, как его

схватывают полицейские. Они крепко держат Владимира Ильича за оба локтя. Держат так, чтобы он ничего не смог выбросить из карманов...
Долго длится допрос. И заносят в протокол то, что сообщает следователю Владимир Ильич: "В С.-Петербург я прибыл 20 мая, утром, по Варшавской жел, дороге, по пути в город Подольск и с целью, главным образом, посещения редакций и окончания моих денежных и литературных дел перед отъездом за границу, на отъезд куда я уже получил паспорт от г. псковского губернатора; еду туда для продолжения моих научных занятий и пользования библиотеками, так как в России мне закрыт доступ во все большие города, а также и с лечебными целями".[11]
Что же касается до его частных свиданий в Петербурге, то отказывается Владимир Ильич что-либо о них сообщать. Это, категорически заявляет он, не входит в состав совершенного проступка - самовольного прибытия в столицу. Сообщает же Владимир Ильич лишь то, что и без того, видимо, известно уже следователю: "...я посетил два раза редакцию "Северного курьера", куда я явился для передачи своего отказа на предложение, полученное мною незадолго от г. редактора. Ночевал я, вследствие запоздания к поезду, у Екатерины Васильевны Малченко - Б. Казачий переулок, д. №11, кв. 6, которую я упросил разрешить мне переночевать вследствие моего опоздания на поезд..."[12]
21 мая (3 июня) 1900 года, когда Ленина арестовывают, в его кармане лежит письмо. Написано оно химическим способом на листке с каким-то счетом. В нем - сведения о заграничных связях. И все десять дней, пока Владимира Ильича держат в доме на Гороховой - в управлении петербургского градоначальства,- не знает он: проявили ли письмо? выдало ли оно его? Если да, под угрозой окажутся планы, столь близкие к осуществлению...
Но листок не привлекает внимания полицейских. Снова Ленин на воле. И снова встречи с теми, кто станут его помощниками, соратниками в издании нелегальной газеты. В Подольске, куда ему разрешают приехать для встречи с матерью, он беседует о предстоящей работе с П. Лепешинским. В Нижнем Новгороде план издания обсуждает с местными социал-демократами. В Уфе, где ждет его жена, договаривается о содействии будущей газете с А. Цюрупой, А. Свидерским, В. Крохмалем и другими. К нему приезжают туда В. Носков из Ярославля, П. Румянцев из Самары, Л. Книпович из Астрахани. И с ними уславливается Владимир Ильич о шифре, адресах, связях. А затем отправляется и Самару, Сызрань, Смоленск, где ждут его товарищи, где также обсуждает он с ними вопросы, связанные с изданием Искры.
Июльским днем 1900 года Владимир Ильич покидает Россию.
А спустя короткое время начальникам всех жандармских пограничных пунктов рассылается циркуляр № 2144. Им предписывается "установить наблюдение" за возвращением в пределы империи ряда лиц, выбывших за границу. В случае проезда этих лиц через пограничный пункт, предписывает департамент полиции, "обратить внимание таможенных чинов на тщательный досмотр их багажа и, при обнаружении чего-либо предосудительного, арестовать и телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний, в противном же случае предоставить им свободно следовать, уведомив о направлении избранного ими пути департамент и начальника подлежащего жандармского управления для установления за деятельностью и сношениями лиц... секретного наблюдения...".[13]
В приложенном к циркуляру списке лиц, "за коими по возвращении в пределы России надлежит учредить негласный надзор полиции", значится "Ульянов, Владимир Ильин..."[14]
Примечания:
[1] Вера Фигнер. Избранные произведения в трех томах, т. 3. М., 1933, с. 28.
[2] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 175-176.
[3] Там же, с. 176.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2. М., 1969, с. 24.
[7] Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 38.
[8] "Красный архив", 1934, т. 1 (62), с. 129.

[9] Там же, с. 131.
[10] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 187.
[11] “Красная летопись”, 1924, № 1 (10), с. 22.
[12] Там же.
[13] “Красный архив”, 1934, т. 1 (62), с. 137.
[14] Там же, с. 138.

Вступая в новый век

Поезд везет Ленина по Швейцарии.
Пять лет назад, в 1895 году, он уже бывал в этих местах. И сообщал отсюда матери: “Природа здесь роскошная. Я любуюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона...”[15]
Ленин приезжал тогда к Плеханову, к которому относился с глубочайшим уважением, с симпатией. И тот признался, что ему не приходилось еще встречаться с таким выдающимся представителем революционной молодежи, что ни с кем не связывал он еще столько надежд, как с Ульяновым. Плеханов отмечал и удивительную его эрудицию, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию, И все же уже тогда обнаружились у них разногласия в вопросе о гегемонии пролетариата, его союзе с крестьянством, о роли либеральной буржуазии в революционной борьбе.
Сейчас предстоит новая встреча. Не в самой Женеве, где у российской охранки наверняка есть свои глаза и уши, останавливается теперь Ленин. Он поселяется в деревенской гостинице в шести километрах от города. А отсюда будет ездить еще дальше, в раскинувшиеся по берегу озера дачные местечки. Там с членами группы “Освобождение труда”, и прежде всего с Плехановым - руководителем этой первой русской марксистской организации, намерен он обсудить программу будущей газеты. Ибо в своих планах отводит этой группе немалую роль. Ибо не считает возможным повести без нее новое дело.
Из Парижа по просьбе Ленина вызывают телеграммой публициста Юрия Стеклова. К утру он уже в Швейцарии, Плеханова Стеклов застает на лужайке под тенистым деревом. Тут же Вера Засулич, Александр Потресов, только недавно отбывший царскую ссылку, Николай Бауман, бежавший из ссылки и примкнувший в Женеве к плехановской группе. Беседа идет о программе новой газеты - “Искры”, а также о другом, задуманном Лениным, печатном органе - научно-политическом журнале “Заря”.
“...Хотя Ленин и шутил, откидываясь назад всем телом... смеялся и рассказывал анекдоты,- вспомнит позднее Стеклов,- но сразу видно было, что это прирожденный вождь, вождь, которого не только выдвинула на это место история, но который и сам прекрасно сознает свое назначение... Нельзя было сказать, чтобы он навязывал свою волю и личность. Это делалось как-то естественно и незаметно. Даже Плеханов, который имел гораздо более богатый революционный стаж и научное образование, перед Лениным как-то отступал на задний план и терялся. Видно было, что Плеханов все-таки кабинетный мыслитель, теоретик, остроумный собеседник, блестящий полемист и писатель, но не более, а Ленин - это кремень, трибун, народный вождь, топором прорубающий дорогу в чаще и уверенно ведущий за собой массы”.[16]
Проходит несколько дней. В Корсье, близ Женевы, вновь съезжаются представители русских социал-демократов и плехановской группы. Вновь совещаются они об издании "Искры", о выпуске “Зари”, об их программе, совместном редактировании.
И в эту, и в предыдущую встречу Ленин знакомит с проектом редакционного заявления. Он обсудил его с единомышленниками еще в Пскове. Проект отражает то, что происходит теперь в России, отражает нынешнее состояние революционной борьбы. А эта борьба характеризуется быстрым распространением идей социал-демократизма; стихийным движением промышленного пролетариата, который начал объединяться в борьбе против своих угнетателей. Проект констатирует, что повсюду появляются теперь кружки рабочих и

социал-демократов интеллигентов, повсюду распространяются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу.
Российское правительство стремится задержать революционное движение. “Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышишь о “провалах” социалистов во всех концах России, о поимке транспортов, о взятии агитаторов, о конфискации литературы и типографий,- но движение не останавливается,- говорится в предложенном Лениным проекте редакционного заявления,- а все растет, захватывает более широкий район, проникает все глубже в рабочий класс, привлекает все больше и больше общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти несмотря на все препятствия и преодолеет их”.[17]
“Искра” призвана способствовать этому. Плеханов же проявляет к проекту недоверие. Ленин убеждается: Плеханов исходит из соображений личного престижа, а не интересов дела, он стремится командовать, хочет стать единоличным редактором.
Мелким, убористым почерком на фирменных бланках цюрихского гранд-кафе напишет Ленин вскоре Надежде Константиновне, находящейся в ссылке, об этих первых днях эмиграции, первых встречах, первых спорах, беседах на чужой, нероссийской земле:
“Я старался соблюдать осторожность, обходя “больные” пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали и маленькие “трения” в виде пылких реплик Г. В. (Г. В. Плеханов) на всякое замечаньице, способное хоть немного охладить или утишить разожженные (расколом) страсти. Были “трения” и по вопросам тактики журнала: Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы...”[18]
Но не может Ленин допустить, чтобы потухла, так и не разгоревшись, “Искра”. И запишет он для Крупской, ждущей от него вестей: чтобы не дать торжествовать противникам, решено о происшедшем не говорить никому, кроме самых близких. “По внешности,- отметит Владимир Ильич,- как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла,- только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие...”[19]
Поезд везет Ленина через Германию. Всего несколько часов отделяют его от женевских встреч, от переговоров, оставивших у него горький осадок.
Пристроившись у окна, Ленин набрасывает проект соглашения. Первая же строка отмечает “солидарность основных взглядов и тождество практических задач” заграничной группы и российских социал-демократов. Ленин утверждает, что “названные организации заключают между собою союз”, что “обе группы оказывают друг другу всестороннюю поддержку”.[20]
Редакторами “Искры” станут члены обеих групп - Ленин, Плеханов, Аксельрод, Потресов, Засулич, Мартов. А обоснуется редакция в Мюнхене. На этом настоял Ленин: никогда еще в этом городе не было русских революционных организаций; следовательно, там есть больше надежд остаться незамеченными.
На несколько дней он останавливается в Нюрнберге. Здесь встречается с германским социал-демократом Адольфом Брауном. Договаривается с ним о помощи “Искре”. Отсюда рассылает письма. Одно - в Париж, Стеклову,- отзыв на статью, предназначенную для создаваемого партийного органа. Ленин заявляет “о невозможности для социал-демократов хоть на минуту отказаться от своих строго социал-демократических принципов”.[21]
Сюда, в Нюрнберг, пишет Владимиру Ильичу Засулич. После отъезда Ленина она беседовала, оказывается, с Плехановым о только что состоявшихся переговорах. А затем к ней пришло от Георгия Валентиновича письмо. “Он говорит в нем,- сообщает Засулич,- что все время думал об этой истории и разговор со мною окончательно убедил его, что мы правы, а он был неправ”.[22]
Но то, что Ленин в Нюрнберге, что именно сюда занесли его дела “Искры”, должно остаться в строгой тайне. Пусть российская охранка ищет его в другом месте. И он пишет матери в Россию, зная, что это письмо будет перлюстрировано:
“Удивляюсь я, дорогая мамочка, что не получаю от тебя ни одного письма: я писал тебе уже дважды из Парижа и теперь пишу с дороги (ездил кататься на Рейн). Я здоров и

провожу время недурно: видел на днях Анюту (А. И. Ульянова-Елизарова находилась в то время в Нюрнберге), катался с ней по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде, а здесь хорошая погода тоже редкость, вообще же дожди, грозы".[23]
Не был между тем Ленин в Париже. Не ездил кататься на Рейн. И пишет так из Нюрнберга лишь потому, что соблюдает строжайшую конспирацию.
Не здесь ли, до отъезда из Нюрнберга, перерабатывает и дополняет Ленин написанный им ранее проект заявления об издании газеты? Оно выйдет вскоре отдельным листком. И будет стоять на этом листке эпиграф, который давно избрал для "Искры" Ленин,- строка из ответа декабристов Пушкину на его послание в Сибирь, ответа, написанного в Читинском остроге,- "Из искры возгорится пламя". Ведь убежден Ленин, что возгорится из искры могучее пламя, И сожжет оно все старое, все прогнившее, очистит человечеству путь в новую эпоху.
Ленин озабочен тем, чтобы быстрее опубликовано было заявление. Нельзя, чтобы и другие, подобно Плеханову, рассматривали "Искру" прежде всего как литературное предприятие. "По мере наших сил,- утверждает он в заявлении,- мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы".[24]
Ленин обращается с призывом не только к социал-демократам и сознательным рабочим. Он обращается ко всем, кого гнетет и давит буржуазно-помещичий строй. Он предлагает им со страниц "Искры" и "Зари" разоблачать царское самодержавие. Кое-кто склонен понимать социал-демократию как организацию, служащую лишь стихийной борьбе пролетариата. Их удовлетворяет только местная агитация, только "чисто рабочая" литература. "Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением,- заявляет Ленин,- Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом".[25]
Под именем герра Мейера появляется Ленин в Мюнхене. Поселяется он в сером от многолетней копоти пятиэтажном доме на Кайзерштрассе, у трактирщика Риттмейера. Снимает небольшую комнату - метра два на четыре. Эта комната, сообщит десятки лет спустя немецкий журнал "Националь-политишесфорум", более чем скромна, И когда появляется герр Мейер, хозяйка извиняется за бедность обстановки. Но гость отвечает с улыбкой:
- Это меня заботит меньше всего.
Сообщит "Националь-политишесфорум" и о непритязательности Ленина, в которой сейчас, да и потом, вряд ли кто может его превзойти. Он сам протирает пол, сам покупает продукты. Все должно быть у него в порядке. "Это означало и аккуратность, с какой он отвечал на письма, и пунктуальность, с какой он приходил на встречи,- отметит журнал.- Это спартанское самоограничение было выше, чем добродетель".[26]
Итак, Ленин уже в Мюнхене. Но почему из письма, пришедшего от него в Москву, сестра Мария узнает подробности пражской жизни брата? Почему он сообщает ей совсем иной адрес: "Herrn Franz Modracek, Smesky, 27. Prag. Osterreich. Австрия"?[27]
Оказывается, что среди множества проблем, вставших перед Лениным, одна из первостепенных - связь с Россией. Связь надо осуществлять так, чтобы как можно дольше о его местопребывании не ведала российская полиция. Надо посылать и получать корреспонденцию через другой город.
Выбор Ленина, еще до приезда в Мюнхен, пал на Прагу. Ведь она лежит между Мюнхеном и Россией. Следовало найти там верного человека, чтобы с его помощью держать почтовую

связь с агентами “Искры”, родными и друзьями. И, направляясь в Мюнхен, Ленин остановился в Чехии. Встретился с пражскими социал-демократами. Побывал на квартире у одного из них - Франтишека Модрачека. И договорился с ним о “транзитном” адресе.
- Я согласился, - расскажет через много лет Модрачек,- так как счел это поручением нашей социал-демократической партии: раз там дали ему мой адрес, значит, тем самым поручили мне оказать ему помощь. Он хотел, чтобы в России все думали, будто он живет у меня. Ко мне будут приходить для него из России пакеты с книгами и различные письма, а я должен буду пересылать их дальше, на запад... Он сам дал мне адрес. Даже два: один - на имя Карла Ломана, Мюнхен, Габельсбергерштрассе, 20, для господина Мейера, и другой - какому-то трактирщику Риттмейеру, тоже в Мюнхен. Мы договорились, что Мейер тоже будет время от времени присылать мне свои письма в Россию, а я должен относить их на почту в Праге, чтобы царская полиция думала, будто он и в самом деле здесь постоянно живет... [28]
Из Мюнхена, из старого дома на Кайзерштрассе, Ленин отправляет в Лондон, находящемуся там В. Ногину, экземпляр редакционного заявления. Пока заявление не разойдется в России, предупреждает он, его следует держать в секрете, не показывать никому. Исключая, впрочем, близкого друга Ногина, имеющего “полномочия от СПБ группы”.[29]
Не случайна эта оговорка. Друг, которого имеет в виду Ленин,- С. Андропов, деятель группы “Рабочее знамя”. Сформировавшаяся в 1897 году в Петербурге, она была оппозиционно настроена к столичному “Союзу борьбы за освобождение рабочего класса”. В “Союзе” после ареста Ленина и его соратников усилилось влияние “экономистов”, которые девизом рабочего движения провозглашали борьбу за экономические требования. Главной же целью “Рабочего знамени” стала социалистическая пропаганда среди рабочих. И хотя летом следующего года основных ее деятелей арестовали, осенью в Петербурге возникло новое “Рабочее знамя”. Однако и на сей раз полиция наносит по группе удар. Многие ее члены вынуждены покинуть Петербург. Так оказывается в Лондоне Андропов. Здесь представляет он теперь “Рабочее знамя”. Это его имеет в виду Ленин, запрашивая Ногина: “...не может ли он дать адреса для явки в Питере и пароля, чтобы передать им (членам группы “Рабочее знамя”.- Авт.) наше заявление”.[30]
Хоть и решено издавать газету в Мюнхене, Плеханов остался в Женеве. Аксельрод по-прежнему живет в Цюрихе. Мартов еще не прибыл из России. Не приехала и Засулич. Прожив в Мюнхене короткое время, надолго покинул его и Потресов. И вся тяжесть забот о налаживании издания “Искры”, о подготовке к выходу “Зари”- первого научно-политического журнала русских марксистов - лежит на Ленине.
Казалось, решена уже одна сложная проблема: Иоганн Дитц, депутат рейхстага, руководящий издательством Германской социал-демократической партии, согласился издавать “Зарю”. “...Но ответственного все еще нет”,[31] - озабочен Ленин. Нет так называемого ответственного редактора, наличие которого необходимо по германским законам о печати и которого все еще не удается подобрать. “Если не найдем ответственного,- с сожалением сообщает Ленин Аксельроду,- перенесем типографию в другое место”.[32] А это крайне нежелательно. Ведь значительная часть материала для первого номера “Зари” уже готова.
Все больше времени отнимает у Ленина переписка. Я временами изнемогаю”,[33] - признает он. И это понятно: ведь часть переписки законспирирована, а многие письма требуют особого ключа для расшифровки и зашифровки.
Кружными путями идет к Ленину в Мюнхен корреспонденция. Ее получает проживающий в Нюрнберге, по Новой улице, торговец сигарами Филипп Регнер. В адресованный ему пакет вкладывается конверт с указанием: “Для Петрова”. А Петров, предупрежден Регнер,- это Ульянов. Пишут Ленину через пражского социал-демократа Франтишека Модрачека и через верных друзей в Париже. Поступает корреспонденция на лейпцигский адрес Иоганна Дитца. В самом Мюнхене получают для Ленина почту доктор медицины Карл Леман и трактирщик Георг Риттмейер, у которого поселился Владимир Ильич.
А в работу уже включились многие агенты “Искры” - в Петербурге, Москве, Харькове, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Одессе, Николаеве... Поэтому “для газеты,- сообщает Ленин Аксельроду, - материала корреспондентского уже много...”.[34]

На его столе корреспонденции из Питера. В одной - свидетельство рабочего о безобразных санитарных условиях на фабрике Паля. В другой речь идет о жестоком подавлении в 1898 году забастовки на фабрике Максвеля. Петербургский агент “Искры” сообщает: ночное нападение полиции вызвало среди максвельцев стремление к еще более решительной, к еще более упорной борьбе. И снова свидетельство рабочего. Рабочим и крикнуть нельзя, как их грабят,- пишет он в Искру”.- На Руси для этого существует цензура, которая охраняет все подлости, совершающиеся правительством и фабрикантами... Наш враг - царско-полицейский деспотизм, который гнетет рабочих.
Товарищи! Постараемся сдвинуть все существующее с места и вместо старого гнилья создадим новое правление братское, т. е. социальное с царством свободы, равенства и братства”.[35]
Ленин обрабатывает этот присланный из Петербурга материал. Очень заботится о сохранении стиля, самобытности корреспонденции. Стремится к тому, чтобы правка не обесцвечивала рабочих писем.
Материалом из Петербурга намерен Ленин открыть в первом номере “Искры” отдел “Хроники рабочего движения и писем с фабрик и заводов”. А затем пойдет корреспонденция о пробуждении рабочих на кирпичных заводах Московской губернии. Надо дать и этот, только что доставленный листок. В нем - гневный рассказ о репрессиях в Харькове - обысках, арестах, рассказ о тех, кто называет себя охранителями, истинно русскими людьми, но под гнетом которых стонут миллионы. Пусть и со страниц “Искры” прозвучат на всю Россию взволнованные слова из харьковской листовки: “Новиков и Радищев, Пушкин и Лермонтов, Герцен и Лавров, Белинский и Чернышевский, тысячи менее талантливых, но не менее любящих родину подверглись гонению “правды ради”. Длинными вереницами шли лучшие люди науки, а подлая опричнина намечала все новые жертвы. Но никогда на Руси так не обострялась борьба света и тьмы, как теперь. Тысячи людей по всем городам и весям запираются в тюрьмы, а десятки тысяч идут им на смену”.[36]
Ленин читает корреспонденцию о положении на сормовских заводах. И в ней приводится текст листовки. Ее разбрасывали по городу глухой сентябрьской ночью. Призывала листовка рабочих не допустить снижения расценок, восстать против обирания их в потребительской лавке, дружно бороться и с хозяевами, и с правительством.
А это письмо пришло в Мюнхен из Екатеринбурга, Пишет рабочий местной типографии. Рассказывает, как выиграли его товарищи стачку. Письмо следует поместить в первом же номере... Как и корреспонденцию об одесских портовиках, оставшихся без работы, в один прекрасный день произведших “основательный разгром”[37] магазинов и без всякого суда заточенных в тюрьму...
В дом на Кайзерштрассе, где живет Ленин, проникли вести и о студенческих волнениях. Вот письмо из Киева о протестах студентов против назначения на университетскую кафедру одного из профессоров. А этот литографированный листок - из Петербурга. Его распространяли слушательницы Высших женских курсов, возмущенные исключением своей подруги, ее высылкой из российской столицы. Прислал питерский агент “Искры” и листок “От студентов С.-Петербургского университета”. Ленин узнает из него: дважды собирались уже сотни студентов университета, чтобы продемонстрировать свою солидарность со слушательницами курсов, выразить свой протест против произвола, являющегося лишь “частичным проявлением господствующего режима”.[38]
О студенческих волнениях, решает Ленин, надо дать заметку, обобщающую и киевское письмо, и петербургские листовки. Эта заметка должна призвать в ряды борцов против режима самовластья всех, кому ясна недостаточность одних заявлений протеста. И поместить ее лучше всего в отделе "Из нашей общественной жизни". Вместе с письмом из сибирской ссылки. С письмом о полицейском надзоре за Вольно-экономическим обществом. С корреспонденцией о застое промышленных дел и росте безработицы. С письмом об отчаянном положении народных учителей.
Но что делать с рукописью, доставленной харьковскими товарищами? С обширнейшей корреспонденцией о маевке, переполошившей полгода назад царские власти? Очень уж она велика для газеты. А между тем материал бесценный. И ней - описания событий, сделанные самими рабочими. Большую корреспонденцию “Майские дни в Харькове” (около 50 тысяч

букв), - сообщает Ленин Аксельроду,- думаем выпустить отдельной брошюрой, а в газете поместить лишь коротенький экстракт, а то не занимать же 3/4 листа одной вещью!"[39] Да, только таким путем можно распространить эту корреспонденцию в возможно большем количестве, возможно шире. Ведь близится новая маевка. Пора начать к ней подготовку. А одна из важных, первоочередных мер - ознакомление с тем, что уже достигнуто в России социал-демократическим движением.
И, не откладывая, Ленин пишет к этой брошюре предисловие. Он призывает: "Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века, - и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм".[40]
А как быть с тем, что написал Аксельрод? Нужная статья - об умершем недавно Вильгельме Либкнехте, старейшем вожде германской социал-демократии. Но и она очень велика. "...Право, уже не знаем, как и быть, - пишет автору Ленин.- Ведь у Вас вышла по размерам статья для журнала... Половина Вашей статьи займет газетную страницу целиком + еще столбец! Это крайне неудобно для газеты, не говоря уже о неудобстве дробить такую статью..."[41] И Аксельрод по просьбе Владимира Ильича ее сокращает.
В сутолоке бесконечных дел Ленин подготовляет статью, которая должна открывать первый номер "Искры". "Русская социал-демократия,- пишет он, - не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы".[42]
Владимир Ильич напомнит со страниц "Искры", что еще более пятнадцати лет назад об этом заявляли представители русской социал-демократии, члены группы "Освобождение труда". Напомнит, что два с половиной года назад заявили о том и представители русских социал-демократических организаций, образовавшие Российскую социал-демократическую рабочую партию. "Но, несмотря на эти неоднократные заявления,- подчеркивает Ленин,- вопрос о политических задачах социал-демократии в России снова выступает на очередь в настоящее время. Многие представители нашего движения выражают сомнение в правильности указанного решения вопроса. Говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, отодвигают на второй план политические задачи пролетариата, суживают и ограничивают эти задачи, заявляют даже, что разговоры об образовании самостоятельной рабочей партии в России просто повторение чужих слов, что рабочим надо вести одну экономическую борьбу, предоставив политику интеллигентам в союзе с либералами".[43]
Ленин отвергает подобные взгляды. Ведь они сводятся к признанию русского пролетариата несовершеннолетним, к полному отрицанию социал-демократической программы. Именно это утверждают, по существу, "экономисты", разъезжающие по городам Западной Европы, созывающие повсюду собрания русских эмигрантов, пытающиеся сорвать выход "Искры", убеждающие, что борьба между различными направлениями ведет якобы лишь к разрушению единства. Отвечая им, Ленин еще в октябре писал А. Якубовой - одному из редакторов экономистской "Рабочей мысли": "...борьба вызовет, может быть, раздражение нескольких лиц, но зато она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения... Без борьбы не может быть и разборки, а без разборки не может быть и успешного движения вперед, не может быть и прочного единства... Открытая, прямая борьба - одно из необходимых условий восстановления единства. [44] И в первом же номере газеты Ленин намерен поэтому категорически заявить, что главная, основная задача - содействие политическому развитию, политической организации рабочего класса. Всякий же, "кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению".[45]
Но где печатать газету?
В Мюнхене, оказывается, это пока невозможно: здесь нет еще русского шрифта. Значит, в Лейпциге - полиграфическом центре Германии? Да, там, разумеется, удобнее всего. Там выходит множество книг на иностранных языках. Там печатается ряд социал-

демократических изданий, в том числе - "Лейпцигер Фольксцайтунг", в которой сотрудничают Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Франц Меринг.
С помощью друзей Ленин отыскивает в Лейпциге крошечную типографию. Она расположена на Руссенштрассе, 48. Герман Рау, ее хозяин и редактор рабочей спортивной газеты, убежденный социал-демократ. Быстро раздобывают русский шрифт.
И все же печатание почему-то откладывается со дня на день "… Главное эта томительная неопределенность...”[46] - возмущается Ленин. 16 ноября он наконец облегченно вздыхает: "Теперь на днях надеемся начать набор".[47] Но радость преждевременна. Дело по-прежнему движется медленно. Надо выехать в Лейпциг самому. И Ленин отправляется туда. Вновь просматривает весь материал первого номера. Вновь перечитывает написанную им передовую, в каждой строчке которой пера в силу, жизненность российской социал-демократии. Эту веру он стремится как можно быстрее передать в России тем, для кого предназначена “Искра”.
Ленин возвращается в Мюнхен. А матери сообщает: “Я ездил на днях в Вену и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения...”[48] Это - для тех, кто перлюстрирует в России его письма. Это все с той же целью строжайшей конспирации.
Первый номер “Искры” поступает из типографии 24 декабря 1900 года. В самом начале нового столетия газета в специальных чемоданах с двойным дном уже уходит в Россию. Со страниц “Искры” Ленин провозглашает насущной задачей борьбу против самодержавного правительства, завоевание политической свободы. Он указывает на то, что русская социал-демократия призвана “внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением”.[49]
Чем же отличается только что рожденная “Искра” от тех русских газет, которые попадают к Ленину?
“...Здесь библиотеки нет,- пишет он матери,- и кроме “Русских Ведомостей” почти ничего не видишь...”[50] Обратимся же к этой единственной регулярно поступающей в Мюнхен российской газете, которую читает сейчас Ленин. К этой либерально-буржуазной газете, защищающей идеи конституционной монархии и буржуазного реформаторства. Узнаем из нее, чем на рубеже веков живет русское общество.
Мелочи и пустяки заполняют новогодний номер “Русских ведомостей” - сообщения о том, что велосипедисты “устраивают в залах Немецкого клуба свой обычный костюмированный вечер”, что некий аферист отказался платить за взятое напрокат пианино, что “в здании петербургского окружного суда обнаружена пропажа железного денежного ящика”...
Впрочем, касаются “Русские ведомости” и вещей более серьезных:
“Материальная необеспеченность большинства населения, юридическая его приниженность, господство в его среде безграмотных и невежества, слабый уровень образования и знаний даже в более обеспеченных классах, отсутствие прочного правопорядка, излишнее стеснение общественной самодеятельности и свободы слова,- все это ставит преграды правильному развитию нашей страны”.
Но не к революционной буре зовет публицист “Русских ведомостей”, по-видимому даже не подозревающий о ее приближении. Зовет лишь к “постоянной совместной деятельности правительственных и общественных сил”, лишь к “развитию бодрой самодеятельности во всех классах общества”.[51]
Иным ветром веет со страниц “Искры”. Верой в грядущую победу революционных масс дышит ее первая передовая, написанная Лениным. Она завершается словами:
“При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это - только мелкие стычки с неприятелем, это - небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских

революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного".[52]

Только тогда, когда создана будет такая партия, убежден Ленин, исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: "Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!"

Примечания:

[15] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 8.
[16] "Красная нива", 1924, № 7, с. 162.
[17] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 323.
[18] Там же, с. 334-337.
[19] Там же, с. 351.
[20] Там же, с. 353.
[21] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 38.
[22] "Социал-демократическое движение в России", т. I. М.-Л., 1928, с. 74.
[23] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 189.
[24] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 358-359.
[25] Там же, с. 359.
[26] См. "Советская печать", 1961, № 11, с, 55.
[27] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 193.
[28] См. Мирослав Иванов. Ленин и Праге. М., 1963, с. 27-28.
[29] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 59.
[30] Там же, с. 60.
[31] Там же, с. 47.
[32] Там же.
[33] Там же, с. 50.
[34] Там же, с. 47.
[35] "Искра" № 1, декабрь 1900 г.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 50.
[40] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 363.
[41] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 61.
[42] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 371.
[43] Там же.
[44] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 55-56.
[45] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 374.
[46] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 51.
[47] Там же, с. 69.
[48] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 197.
[49] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 374.
[50] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 210.
[51] "Русские ведомости", 1901, № 1.
[52] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 376-377.

Под именем доктора Иорданова

Перенесемся из провинциально тихого Мюнхена, где живет Ленин, в шумный Париж... На улице де Гренелль отыщем особняк русского консульства. И пройдем в ту часть дома, где мало кому доводится бывать. Здесь, на первом этаже, в двух небольших комнатах с зарешеченными окнами, выходящими во двор, разместилась заграничная агентура русской политической полиции.

В ее канцелярии стоят вдоль стен высокие, до самого потолка, шкафы с делами архива. Тут кипы “агентурных листков”, альбомы фотографий революционеров, печатные каталоги из 15-20 тысяч карточек. На каждой - приметы разыскиваемых и подлежащих аресту лиц. А в соседней комнате - кабинете главы русской политической полиции в Париже - вырабатываются директивы и планы “внешнего” и “внутреннего” наблюдения. В кабинете обобщаются донесения шпиков и провокаторов. Отсюда уходят в Россию агентурные сведения.

Одно из них, помеченное 21 декабря 1900 года, гласит: “В последнее время мне удалось узнать из достоверного источника имена трех вожаков вновь народившегося... социал-демократического кружка...” Один из “трех вожаков” - приехавший недавно за границу Ульянов. “Осторожная проследка за означенными революционерами, - рекомендует глава агентуры,- осветила бы народившуюся организацию, воинственные задачи которой сильно меня беспокоят. Из того же источника мне известно, что Ульянов и К° предполагают в ближайшем будущем устроить большой съезд в России из социал-демократов всех толков, имеющий целью свести борьбу с почвы чисто экономической на политическую, с пропагандою насильственных действий”.[53]

Пакет с донесением, скрепленный сургучными печатями, холодным декабрьским утром приходит в Петербург. Его доставляют в дом на Фонтанке. Некогда он принадлежал Лобанову-Ростовскому, затем графу Кочубею. Ныне тут департамент полиции. Украшенная тропическими растениями лестница ведет на третий этаж. За дубовой дверью - библиотека. В ней все нелегальные издания, попадающие в руки охранки, все, что выходит за границей и тайно переправляется в пределы Российской империи. Имеются в библиотеке и выловленные агентами первые номера “Искры”.

Этажом ниже, в огромном зале, стоят невысокие шкафчики с выдвигающимися ящичками. Это картотека. В нее внесены данные о тех, на кого пала хоть малейшая тень подозрения в “вольнодумстве”. Уже не первый год значится в картотеке и помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов.

Пакет из Парижа доставляют директору департамента. И вскоре из дома на Фонтанке уходят секретные предписания в разные концы империи, в том числе в Москву. Оттуда глава московской охранки Зубатов присылает в ответ свои рекомендации:

“Хорошо бы накрыть их собрание, и так как роль Ульянова и др. вполне выяснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее особым совещанием, ибо долгое наблюдение, в целях формальных улик, даст им возможность раскачать публику до бомб; беря их последователей, но мелких, мы будем лишь играть им на руку, раздувая настроение и вызывая усиленную агитацию, Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции НЕТ НИКОГО”.[54]

А в России между тем уже передают из рук в руки "Искру".

Агенты охранки доносят, что в новой газете речь идет о своевременности приступа к политической борьбе, так как рабочие обучились уже экономической борьбе”. Зубатов встревожен. “Ожидают возвращения Владимира Ульянова, имеющего эту теоретическую формулу воплотить в кровь и плоть. Вот бы хлопнуть-то сего господина!”[55] - восклицает он.

Всем губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам, начальникам жандармских, губернских и железнодорожных полицейских управлений, во все пограничные пункты департамент полиции рассылает список лиц, “подлежащих розыску по делам политическим”. В этом списке под № 89 значится “Ульянов, Владимир Ильин, потомственный дворянин Симбирской губернии, помощник присяжного поверенного”,[56] выбывший за границу и вошедший в состав Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. В списке перечислены - на случай, если появится он в России - его приметы:

“Рост 2 арш. 5 и 1/2 вершков, телосложение среднее, наружностью производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины”. В случае обнаружения человека с такими приметами его приказывается

“обыскать, арестовать и телеграфировать департаменту полиции для получения дальнейших указаний”.[57]
Но “подлежащий розыску по делам политическим” Ульянов не собирается еще возвращаться на родину. Он знает: только из эмигрантского далека возможно пока сколачивать, организовывать революционные силы. Только укрываясь в тихом Мюнхене, выдавая себя за герра Мейера, может он хоть на время избавиться от агентов царской охранки. Только здесь оказалось возможным наладить издание “Искры”. И отсюда переправляют в Россию экземпляры очередного номера газеты, в котором подчеркивается, в частности: “Рабочее движение только тогда в состоянии будет достигнуть своей освободительной цели, когда передовые рабочие станут убежденными социал-демократами и активными деятелями революционных организаций, когда они добьются не обособления от социал-демократической революционной интеллигенции, а, напротив, тесного союза с ней”.[58]
Уже не в Лейпциге, а в Мюнхене, в типографии на Зенефельдштрассе, 4, напротив главного вокзала, печатается “Искра”. Владелец этой типографии Максимус Эрнст - социал-демократ. Никто, кроме него, а также коммерческого директора типографии Эцольда, технического директора Крауса и наборщика Гросса, не знает, что именно здесь выходит общерусская нелегальная газета “Искра”. И когда Ленин встречается с Эрнстом и Эцольдом, он настоятельно подчеркивает необходимость тщательной конспирации в их работе.
Вспоминая об этих днях, Эрнст отметит, что в целях конспирации даже в бухгалтерские книги не заносилось никаких записей о выпуске “Искры”, И эти предосторожности были оправданы, ибо кайзеровская полиция, связанная с царской охранкой, активизировала свою деятельность.
Иозеф Блуменфельд - наборщик при лейпцигском издании “Искры” - подготовляет своего мюнхенского коллегу Гросса к выпуску русской газеты. С этой целью тот изучает русский язык. И вскоре уже может без ошибок набирать приносимые Лениным статьи, заметки. Они идут в Мюнхен из России через подготовленные Лениным “транзитные” пункты. В начале 1901 года значительная часть корреспонденции - о студенческих волнениях, о том, что молодежь требует предоставить ей право создавать организации, свободно собираться на собрания, не подвергаться полицейскому надзору. Правительство, узнает Ленин, стремится сломить “бунтарский” дух. За “учинение скопом беспорядков” оно отдает в солдаты 183 студента Киевского университета. И хотя второй номер “Искры” уже сверстан, Ленин помещает в нем только что написанную гневную статью. Он клеймит тех, кто преследует студентов за их законные требования. Он призывает все сознательные элементы во всех слоях народа, и прежде всего передовых рабочих, к солидарности со студенчеством.
“Рабочий класс,- заявляет Ленин,- постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба низлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку... Студент шел на помощь рабочему,- рабочий должен прийти на помощь студенту”.[59]
Около ста сообщений приходит весной к Ленину о студенческих стачках, манифестациях. “В России,- пишет он Аксельроду,- черт знает что делается: демонстрации в СПБ., Москве, Харькове, Казани, Москва на военном положении (там забрали, между прочим, мою младшую сестру и даже зятя, никогда ни в чем не участвовавшего!), побоища, переполнение тюрем и проч.”.[60]
На столе Ленина лежат письма, листки. Разными путями доставлены они из России. И Ленин делает на них пометки: Получено 28.III.01 из Берлина”,[61] “Получено 28.III.01 из Англии”,[62] “Получено 28.III.01 из Лондона”,[63] “Получено 28 апреля из Парижа”…,[64] В этих письмах и листовках находит он обстоятельные рассказы о сходках в высших учебных заведениях России, вызванных отдачей в солдаты участников волнений в Киевском университете.

Петербургские корреспонденты сообщают ему о гектографированном письме за подписью "Мать", клеймящем произвол царских сановников; о распространяющемся в Питере стихотворении студента "Тогда и теперь", зовущем на борьбу; об отпечатанном в одной из столичных типографий "Злободневном листке", направленном против самодержца российского. Из Харькова пишут о студенческих волнениях и демонстрации. Приходит корреспонденция из Киева, подписанная "В. Нов.", о расстреле призванного в солдаты студента Пиратова. Неизвестный корреспондент сообщает подробности студенческого движения в Москве.
Ленин готовит в это время третий номер "Искры". И намерен опубликовать в нем обзор сообщений, поступивших из Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Казани. Центральное место должны занять свидетельства очевидцев и участников событий, разыгравшихся в Петербурге у Казанского собора.
"Искра" расскажет о том дне - 19 февраля (4 марта) 1901 года,- когда четыреста студентов прошли по Невскому проспекту с пением "Марсельезы", когда конные и пешие полицейские, врезавшись в толпу, жестоко расправились с демонстрантами. "Этот первый опыт манифестации показал,- заявит ленинская газета,- что сочувствие публики обеспечено студенчеству, выступающему против произвола царского самодержавия".[65] Но эта демонстрация, отметит в то же время "Искра", из-за отсутствия революционной организации рабочих не носила характера народной схватки с полицией: "...никто не позаботился о том, чтобы наряду со студенческими требованиями были выставлены более широкие требования".[66]
Несколько столбцов отведет Ленин в "Искре" и новой демонстрации 4(17) марта, на сей раз совместной демонстрации студентов и рабочих. Об этом написали ему те, кто своими глазами видел чудовищное побоище, учиненное полицейскими и казаками. Их свидетельства приведет "Искра". И призовет петербургских рабочих: "Помните о людях, убитых, раненых и арестованных 4-го марта: эти люди восстали против вашего злейшего врага, против полицейского самовластия, которое держит русских рабочих и весь русский народ в угнетенном, униженном, бесправном состоянии".[67]
В этот мартовский день, когда Ленин читает доставленное из Петербурга письмо о демонстрации у Казанского собора, в Штутгарте выходит первый номер "Зари". Три статьи опубликовал в нем Владимир Ильич: "Бей, но не до смерти", "Зачем ускорять превратность времен?", "Объективная статистика". Под общим заголовком "Случайные заметки" объединил он статьи, написанные на основе сообщений, почерпнутых из русских газет.
Ленин ждет сейчас Надежду Константиновну. Еще в феврале писал Владимир Ильич матери: "Скоро конец Надиного срока (24.III по здешнему, а по вашему 11. III)".[68]
Крупская покидала далекую уфимскую ссылку. Но как сообщить ей свой мюнхенский адрес? Ведь она посылала ему письма в Прагу, на адрес Франтишека Модрачека... Даже не подозревала, что обосновался Ленин вовсе не в Чехии, а в Баварии.
Между строк книги симпатическими чернилами вписал он подлинный, скрываемый от всех адрес. Не предполагал, конечно, Ленин, что книга не попадет в Уфу, что так и не узнает жена, куда на самом деле следует ей ехать. И направится она в Прагу, полагая, что там под фамилией Модрачек живет Владимир Ильич.
Никто, разумеется, несмотря на телеграмму, в Праге ее не встречает. Наняв извозчика, погрузив свои корзины, отправляется Надежда Константиновна по адресу, куда посылала письма Владимиру Ильичу. И оказывается наконец в рабочем квартале, в узком переулке, у громадного дома, из окон которого торчат проветривающиеся перины...
Она спешит на четвертый этаж. Ей открывают дверь.
- Модрачек, герр Модрачек,- произносит Крупская. Из комнаты показывается мужчина.
- Я Модрачек,- представляется он. Надежда Константиновна ошеломлена:
- Нет, это не мой муж.
Модрачек догадывается, кто перед ним. Он называет трактирщика в Мюнхене, у которого Ленин снимает комнату: на имя этого трактирщика пересылает Модрачек идущую из России корреспонденцию.
И теплым апрельским утром появляется Крупская в доме на Кайзерштрассе.
Друзья раздобыли Ленину новый паспорт. Теперь он уже доктор юриспруденции Иордано К. Иорданов.

Что же это за человек, имя которого принял Владимир Ильич?
Он был главным врачом полевого госпиталя во время сербско-турецкой войны. Был полковым и бригадным врачом в русско-турецкую войну 1877-1878 годов. Доктора избрали депутатом Учредительного народного собрания в Тырнове. Он принимал участие в составлении первой болгарской конституции.
В паспорт этого достойного доброй памяти болгарина вписывают жену Марицу. И под именем супругов Иордановых снимают Ульяновы другую комнату - в рабочей семье.
"У них была большая семья - человек шесть,- вспомнит потом Крупская.- Все они жили в кухне и маленькой комнатешке... Я решила, что надо перевести Владимира Ильича на домашнюю кормежку, завела стряпню. Готовила на хозяйской кухне, но приготовлять надо было все у себя в комнате. Старалась как можно меньше греметь, так как Владимир Ильич в это время начал уже писать "Что делать?". Когда он писал, он ходил обычно быстро из угла в угол и шепотком говорил то, что собирался писать. Я уже приспособилась к этому времени к его манере работать. Когда он писал, ни о чем уж с ним не говорила, ни о чем не спрашивала. Потом, на прогулке, он рассказывал, что он пишет, о чем думает. Это стало для него такой же потребностью, как шепотком проговорить себе статью, прежде чем ее написать" [69].
Вскоре прибывает и Елизавета Васильевна, мать Крупской. Через все годы эмиграции пройдет она с дочерью и зятем. Как и в ссылке, нежно будет заботиться о "молодых", тепло, по-матерински, встречать их друзей. Для тех, кого пошлет Ленин через границу, она сошьет "корсеты", в которые упрячут нелегальную литературу. Дочери поможет в переписке с Россией - подготовит "скелеты" для химических писем...
Секретарем "Искры" сразу же становится Крупская. И лучшего секретаря редакции нельзя себе представить. Она избавляет Ленина от множества организационных дел. Помогает ему в переписке с корреспондентами "Искры", с социал-демократическими комитетами, отдельными товарищами.
Из комнаты, снятой в рабочей семье, а затем из квартиры на Зигфридштрассе, 14, куда переезжают Ульяновы, поддерживаются с товарищами в России тщательно оберегаемые революционные связи, но многим адресам уходит отсюда ежедневно письма Крупской. В них указания Ленина, его советы, поручения. В них запросы о том, что интересует Владимира Ильича.
Каждое из уходящих в Россию писем, по сути дела, шесть писем. Ведь прежде, чем его отправить, засвидетельствует спустя много лет Е. Стасова, следует: 1) написать письмо, 2) подчеркнуть в нем все то, что надо зашифровать, 3) зашифровать все это, 4) проверить шифровку, чтобы не было пропусков, ошибок, 5) написать письмо внешне, т. е. такое, которое бы легко проходило цензуру, 6) между строками его написать само письмо химическими чернилами. И только после этого, подписавшись Катей - партийным псевдонимом, под которым ведет Крупская переписку, можно отправить письмо в Россию.
Все больше писем, корреспонденции приходит теперь и из России. Из них узнает Ленин о демонстрациях и стачках рабочих Екатеринослава, Ростова-на-Дону, Батума, Саратова, Баку, Нижнего Новгорода, Вильно. Узнает о крестьянских восстаниях в Харьковской, Полтавской, Саратовской Губерниях.
"...Были массовые обыски и аресты,- сообщает 19 апреля (2 мая) петербургский корреспондент "Искры".- Называют цифру около 800. Полицейских чинов действовало всего около 5000... О числе арестов можно судить по таким фактам: в Выборгскую привезено 96 мужчин, в предварилку сажают исключительно мужчин, а женщины сидят по участкам... Масса арестов и обысков у рабочих" [70].
Узнает Ленин и о событиях, происшедших в Петербурге почти три недели спустя.
"7-го сего мая, (20 мая по новому стилю) - выписывает он из пришедшего в Мюнхен номера "Нового времени", - после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 рабочих разных отделений завода прекратили работу и, при объяснении с помощником начальника завода подполковником Ивановым, предъявили разные неосновательные требования" [71].
Ленин анализирует это полицейское сообщение. В нем, приходит он к заключению, не сказано главного. Далека эта официальная версия от тех событий, что произошли на самом

деле в майский день 1901 года на рабочей окраине Петербурга, от событий, что получили впоследствии название Обуховской обороны.
В тот день рабочие Обуховского завода забастовали. Вот какими, оказывается, были их “неосновательные требования”: освобождение из заключения товарищей, арестованных за участие в первомайской демонстрации, введение восьмичасового рабочего дня, снятие помощника начальника завода и мастеров, грубо обращающихся с ними, отмена ночных работ, увеличение расценок.
К обуховцам присоединились рабочие и работницы соседних предприятий. И против забастовщиков бросили конных жандармов, полицию, войска.
Шесть часов неподалеку от завода шло ожесточенное сражение. И хотя вооружены были рабочие только камнями и кусками железа, они отбили несколько атак.
На помощь восставшим со всех концов Петербурга двинулись рабочие. Но полиция перекрыла заставы.
Изолированные и безоружные, обуховцы вынуждены были сдаться. На улицах села Александровского началась зверская расправа. Сотни рабочих бросили в тюрьмы. Однако завод продолжал бастовать.
Ленин сразу же откликнулся на события в Петербурге. Он сообщает Аксельроду, что в печатающемся пятом номере “Искры” будет опубликована “одна (или даже две) статейки о побоище 4-7 мая в С.-Петербурге (на Выборгской стороне и на Обуховском заводе)”, а также “живое письмо петербургской работницы об убийстве 4 мая рабочего (ее родственника) в толпе, шедшей на Невский”[72]. И со страниц “Искры” уличает во лжи составителей официального сообщения.
Владимир Ильич утверждает: “Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков” [73].
Он знает: в последнее время много говорят о том, что уличная борьба против современного войска невозможна, что она безнадежна. Но ведь пример обуховцев убеждает в том, что все эти толки вздорны. Этот пример подтверждает, что уличная борьба возможна. И безнадежно, заявляет Ленин, не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с рабочими не одного только завода.
Да, в этой схватке обуховцы не имели в руках ничего, кроме камней. Но уж, конечно, запрещение градоначальника, иронически замечает Ленин, не помешает им в следующий раз запастись другим оружием.
Да, в этот майский день рабочие были не подготовлены. И тем не менее они отбили атаки нескольких сотен конной стражи, жандармерии, городовых, пехоты.
“Вспомните,- пишет Ленин,- легко ли удался полиции штурм одного дома номер 63 по Шлиссельбургскому тракту!”[74] Произошло это еще в декабре 1898 года. Чтобы сломить забастовку рабочих фабрики Максвеля за Невской заставой, полиция решила арестовать ее организаторов. И той декабрьской ночью отряды пеших и конных городовых окружили казарму. Они попытались ворваться внутрь дома. Но встретили упорное сопротивление безоружных рабочих, их жен, детей. В течение нескольких часов те героически оборонялись.
“Подумайте, - напоминает спустя два с половиной года Ленин,- легко ли будет “очистить от рабочих” не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга!”[75] И тут же добавляет: “Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, “очищать” столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4-го марта...” [76]
Ленин имеет в виду совсем недавнюю, мартовскую демонстрацию у Казанского собора студентов и рабочих.
Со страниц “Искры” Ленин обращается к российским пролетариям:
- Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее моестание![77]
Он призывает:
- Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7-го мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу! [78]

“Искру” с ленинской статьей доставляют в Россию. Приходит она сюда в те дни, когда во все русские газеты и журналы поступает секретный циркуляр цензуры. Отныне, гласит он, запрещается что-либо печатать о революционном движении рабочих без предварительного одобрения... департамента полиции.
“Опасным признано,- пишет Ленин,- всякое обсуждение этих “волнующих общество” событий, всякое упоминание об их распространении и их важности”. Такой запрет, утверждает он, “доказывает лучше всяких рассуждений, насколько само правительство склонно считать рабочие волнения событием государственной важности” [79].
Даже “архиблагонамеренное” [80] “Новое время” - газету петербургских дворянских и чиновно-бюрократических кругов - приостанавливают на неделю. Ее наказывают за статью о рабочих демонстрациях, за одно только то, что она коснулась запретной темы.
Нелегальная же “Искра” обходится без цензуры. Не из российской прессы, а из ленинской газеты узнают весной и летом 1901 года в разных уголках империи правду о выступлениях пролетарских масс.
Все чаще в русских газетах и журналах, приходящих в Мюнхен, обнаруживает Ленин статьи, в кривом зеркале изображающие жизнь, думы, стремления рабочих. Вот и в “Русском богатстве” некто Дадонов стремится представить иваново-вознесенских рабочих чуждыми всякой солидарности, без всяких запросов, стремлений. Эту ложь, решает Ленин, должны опровергнуть сами рабочие. И Крупская пишет по его поручению Бабушкину: “Прочтите эти статьи (если нужно, купите нужные номера “Русского Богатства” на наш счет) и напишите по поводу них заметку...” [81]
- Нет, не заметку, а статью или заметку[82],- поправляет Ленин.
“...Постарайтесь собрать как можно больше фактических данных,- наставляет Крупская Бабушкина.- Очень важно бы было поместить в Искре опровержение этого вздора со стороны рабочего, близко знакомого с жизнью Иваново-Вознесенска” [83].
Но это опровержение, убежден Ленин, можно было бы поместить не только в “Искре”. Ему очень хочется, чтобы статья рабочего была опубликована в таком толстом научном журнале, как “Заря”. Трижды подчеркивает он в письме Крупской слово “рабочий”.
И Бабушкин выполняет поручение Ленина. Он пишет статью “В защиту иваново-вознесенских рабочих”. Владимир Ильич публикует ее приложением к девятому номеру “Искры”. Под статьей, вылившейся в брошюру, подпись: “Рабочий за рабочих”.
Примечания:
[53] “Красный архив”, 1934, т. 1 (62), с. 138.
[54] Там же.
[55] Там же, с. 140.
[56] Там же, с. 139.
[57] Там же.
[58] “Искра” № 2, апрель 1901 г.
[59] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 395.
[60] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 90-91.
[61] “Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника”, т. 1. М., 1970, с. 302.
[62] Там же.
[63] Там же, с. 303.
[64] Там же.
[65] “Искра” № 3, апрель 1901 г.
[66] Там же.
[67] Там же.
[68] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 204.
[69] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, с. 52-53.
[70] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра” с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг.” (далее “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”), т. 1. М , 1969, с. 74-75.
[71] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, с. 16.
[72] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 114.
[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 18.
[74] Там же, с. 19.

[75] Там же.
[76] Там же.
[77] Там же, с. 15.
[78] Там же, с. 19.
[79] Там же, с. 73.
[80] Там же.
[81] Ленинский сборник VIII, с. 158.
[82] Там же.
[83] Там же.

С чего начать?

В Берлине на небольшой фабрике изготовлены чемоданы с двойным дном. В них укладывают сотни экземпляров Искры". И тщательно подобранные люди провозят эти чемоданы через границу. Поступают в Россию альбомы и книги, переплеты которых склеены из "Искры". Ее заделывают в аляповатые гипсовые фигуры и шлют в Петербург, в специально открытую мастерскую...
По на пограничных заставах таможенные чиновники все более придирчиво осматривают вещи следующих в Россию, Ленину сообщают об аресте на границе значительных партий "Искры". Надо изыскивать все новые и новые возможности для транспортировки газеты. И нет, кажется, дня, чтобы не занимался этим Ленин...
22 апреля 1901 года. Вместе с Крупской Ленин пишет М. Вечеслову - социал-демократу, по профессии врачу, организовавшему транспортировку "Искры" из Берлина в Россию через западную границу. Он дает ему указание: "Красные листки надо переправить в Питер, поэтому чемодан с ними надо послать в ту сторону (в Псков, но не в Смоленск и не в Полтаву)" [84].
А в Полтаву сосланному туда А. Штесселю - члену группы содействия "Искре" - уходит в этот же день из Мюнхена сообщение: "В (Здесь и далее в угловые скобки заключены слова и фразы, зачеркнутые по конспиративным соображениям. В квадратных скобках восстанавливаются пропущенные буквы, слоги и отдельные слова, а также поврежденные части текста.) чемодан с "Искрой" № 2. Спишитесь о получении оттуда литературы багажом...
Есть человек, который берется за транспорт[ировку], но ему нужен помощник в . Приготовьте человека, который мог бы поехать туда, чтобы столковаться и, если надо, остаться там недели три" [85].
27 апреля. Ленин и Крупская пишут в Харьков Л. Радченко - агенту "Искры". Они ставят ее в известность: "Номер второй должен быть у виленца. Относительно литературы Вам необходимо снестись с Псковом, туда отправляется много литературы, и Вам удобнее самим сговариваться об ее распределении..."[86]
Вечеслова же в этот день предупреждают: "Кроме человека от группы "Социалист", который должен приехать в Берлин, в Бреславль приедет за чемоданами еще человек. Вы получите телеграмму оттуда или из другого города, близкого к границе: Heinrich, schickt zwei oder drei (Генрих, присылай два или три, нем.), пошлите тогда туда немедленно..."[87]
29 апреля. Снова из Мюнхена пишут М. Вечеслову: "К вам приедет еще человек из 3.1 5.1 6.5 9.3 9.4 10.2". Расшифровав эти цифры, Вечеслов узнает: следует ждать посланца из Пскова. Сообщают пароль: "мадемуазель 3.3 16.8 13.2 17.3 17.2". Вечеслов расшифрует - "мадемуазель триен". И далее: "Может еще приехать человек из 2.4 13.2 9.2 10.11 6.3 4.2, пароль: "Где бы достать доклад Цеткиной..."" [88] Человек с этим паролем - из Вильно.
3 мая. В Вильно же по просьбе Ленина Крупская пишет нелегально проживающему там и занимающемуся транспортировкой искровской литературы С. Цедербауму: "В Берлин сообщили пароль и просили снабдить Вашего человечка номером третьим "Искры", который уже вышел. Мы связали Вас с поляками, дали им адрес и наш заграничный ключ.

Приготовьте человека, который мог бы поехать за литературой в Варшаву или куда-нибудь в те места, поляки напишут, куда и когда" [89].
19 мая. Ушедшее из Мюнхена письмо адресовано в Самару, ветеринарному врачу К. Газенбушу: "...Существует план устроить в С[амаре] склад литературы, которая могла бы расходиться из С[амары] по Волге: в Нижний, Казань, Ярославль и т. д. Поэтому сделайте все, что возможно, в этом направлении, т. е. постарайтесь найти квартиру, дайте нам адрес для явки с литературой, пароль и пр. Все это для нас очень важно" [90].
28 мая. Л. Книпович, сосланной в Астрахань и возглавляющей искровскую группу, Ленин и Крупская сообщают: "В Персию послана литература (из Берлина) 4-мя посылками, все так, как было писано..." Необходимо проверить, "как скоро может быть доставлена литература? Это все важно знать, чтобы выяснить, годен ли этот путь для доставки №№ "Искры"..." [91].
5 июня. Крупская пишет сосланному в Смоленск студенту Московского университета В. Клестову. И Ленин дописывает к этому письму: "Доктор (О ком идет речь, не установлено. Возможно, что это врач социал-демократ В. Розанов, входивший в группу "Южный рабочий" и оказывавший содействие в транспортировке "Искры".) должен поселиться на границе, например, в Полангене (у нас в тех местах есть связи с нерусской стороны, есть и свой склад), изучить местные условия ... постараться найти себе благовидное занятие... поставить себя в хорошие отношения к маленьким местным чинам и приучить их к частому переходу границы... При таком частом переходе можно будет переносить (на теле или в чемодане по нашему способу, для чего нужен маленький чемодан для медицинских инструментов) понемногу, по нескольку фунтов литературы" [92].
Между 18 и 22 июня. Из Мюнхена в Баку социал-демократу Л. Гальперину идет указание Ленина: "Относительно восточного берега Черного моря ищите путей непременно. Особенно налегайте на французские пароходы - мы надеемся найти к ним ход отсюда"[93].
И так едва ли не каждый день. Ибо основой успеха всего дела считает Ленин доставку "Искры" в Россию.
Все меры, кажется, принял руководитель русского сыска за границей, чтобы обнаружить издателей нелегальной марксистской газеты. И все же не известны ему еще ни состав редакции, ни местопребывание ее сотрудников. Он вынужден ограничиться пока лишь заверением директора департамента полиции: "Я найду средство, действуя наверняка, ликвидировать эту крайне опасную организацию и поставить ее в совершенную невозможность дальнейшего печатания "Искры" при существующих конспиративных условиях, в высшей степени затрудняющих борьбу с ней"[94].
А стоящий во главе этой "крайне опасной организации" Ленин, его помощница Крупская сообщают между тем из Мюнхена верным людям бреславские, кенигсбергские, берлинские адреса, где можно получить для переброски в империю нелегальную русскую газету. Организуют ее пересылку агентам "Искры" в Кишиневе, Баку, Москве, Воронеже, Иваново-Вознесенске, Астрахани, Саратове, Вильно, Киеве, Одессе, Харькове, Уфе и других российских городах. Принимают меры, чтобы доходила "Искра" через Стокгольм в Петербург, через Кенигсберг - в Ровно, из Варны - в Одессу. Чтобы поступала она в Батум через Марсель, в Херсон - через Александрию, а через Тебриз - в Баку...
Но доходит ли "Искра" к тем, для кого она прежде всего предназначена, попадает ли она в рабочую среду? Ленин озабочен этим. "Читаются ли рабочими? Как рабочие относятся к ним?"[95] - запрашивает Крупская о вышедших номерах "Искры" члена Нижегородского комитета РСДРП А. Пискунова. А в другом письме - Н. Бауману - подчеркивает: "...нам интересен главным образом читатель-рабочий..." [96]
И сообщения о том, что особенно волнует сейчас Ленина, все чаще поступают из России. Из Москвы пишет Н. Бауман: "На "И[скру]" смотрят как на избавительницу от всех назревших нужд" [97]. Пишет киевский агент "Искры" И. Леман: "У наших отношение таково: они гордятся повсеместным несомненным успехом "Искры", готовы души свои положить, чтоб содействовать этому успеху..."[98] В письме, доставленном из Иваново-Вознесенска, Ленин находит радующие его строки: "Газета "Искра" распространяется и нравится рабочим, почему наша касса решила четверть своих доходов отдавать на "Искру""[99]. И по его поручению Крупская сразу же извещает И. Бабушкина, приславшего это письмо: "Мы чрезвычайно были обрадованы известием о сочувственном отношении

иваново-вознесенских рабочих к “Искре”, это сочувствие для нас важная нравственная поддержка”. [100]
О том же - что доходит “Искра” к рабочим, что ее “читают охотно” - сообщает петербургский агент газеты. Он пересылает Ленину письмо ткача. “Я многим товарищам показывал “Искру”,- читает Владимир Ильич эти строки, написанные питерским рабочим,- и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже “Мысли” (“Рабочая мысль” - газета петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, находившегося в эту пору в руках “экономистов”.), хоть и нет там наших строк. Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они и правда страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я простой рабочий и совсем уж не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень! Сейчас все рабочие точно керосином облиты, многие даже на лицо переменились, и это все видят... Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее” [101].
Из этого письма узнает Ленин, что питерский ткач собрал у себя однажды одиннадцать человек. Он прочел им статью “С чего начать?”. И до поздней ночи не расходились рабочие, обсуждая услышанное. “Как все верно сказано, как до всего дойдено”[102],- в восторге от статьи автор письма.
“С чего начать?” - статья Ленина. “Искра” опубликовала ее еще в мае. В ней идет речь о создании революционной марксистской партии. В ней излагаются и система, и план практической деятельности, остающиеся еще нерешенными вопросы о характере и способах борьбы. Она направлена против “прискорбной неустойчивости и шатания мысли”[103], особенно вредных в условиях нарастания революционного движения. Ленин предостерегает в этой статье от авантюризма и безрассудства “экономистов”, поддерживающих акты индивидуального террора, видящих в них главное средство борьбы, зовущих уже сейчас к штурму самодержавия. Он предупреждает:
“...Для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о них при каждом “повороте” истрического хода событий,- должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть “идти на штурм”, а должно быть: “устроить правильную осаду неприятельской крепости”. Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличны сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т. е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя” [104].
В статье “С чего начать?” общерусской политической газете отводится роль не только коллективного пропагандиста и агитатора. Она призвана также, утверждает Ленин, стать коллективным организатором, сплотить разрозненные организации в единую партию. “Экономисты” - противники ленинских идей о строительстве партии при помощи газеты - обрушиваются на “Искру”. Они заявляют со страниц “Рабочего дела”, что предложенный план переворачивает якобы вверх ногами отношения, которые должны существовать между партийной газетой и партийной организацией. Они обвиняют “Искру” в стремлении поставить газету “над партией”. И, разоблачая оппортунизм “экономистов” в идеологических, политических, организационных вопросах, “Искра” вступила в открытую полемику с ними.
Многое удалось уже сделать, чтобы вытеснить литературу “экономистов”, чтобы завоевать на свою сторону местные социал-демократические организации. Широкое распространение получили в подпольной России и “Искра”, и искровские издания. Но спрос растет с каждым днем. “Отовсюду раздается такой стон о литературе,- пишет в Петербург Крупская,- что на этом приходится сосредоточить все силы” [105].

Чуть ли не в каждом письме из Москвы Бауман требует присылать больше экземпляров "Искры". О том же пишут из Петербурга, Киева, Одессы, других городов. Надо, полагает Ленин, организовать перепечатку и газеты, и других изданий в самой империи.
Чтобы обговорить с ним организационные вопросы, еще в феврале 1901 года приезжал сюда из Кишинева Л. Гольдман - организатор подпольной типографии. Он прожил в Мюнхене три недели и почти каждый день встречался с Лениным, подолгу беседовал с ним.
"Что касается чайной фирмы,- сообщила вскоре Бауману Крупская,- то мы имеем уже одну и две в проекте"[106]. А "чайная фирма" на языке конспираторов - это искровские типографии: та, что действует за границей, и две нелегальные, создаваемые в самой России.
Одна из нелегальных типографий - кишиневская. Издалека внимательно следит Ленин за ее созданием. За тем, чтобы, несмотря на неимоверные трудности с финансами, отчислялись "Искрой" на нужды новой типографии сотни и тысячи рублей. Чтобы обеспечена она была рукописями для набора и матрицами...
И один из июльских дней в переплете безобидной книги приходит в Мюнхен первая продукция кишиневской типографии - брошюра Крупской "Женщина-работница". Ленин в восторге. Сразу же по его поручению Надежда Константиновна пишет Гольдману:
"...порадовали же Вы нас своей посылкой! сделано великолепно... Назначьте срок, когда прислать материалы для следующей брошюры. А там будем уже посылать материал для газеты. Повторяем, Вы страшно обрадовали нас" [107].
Пройдет некоторое время, и в Кишиневе удастся перепечатать десятый номер "Искры". И его прежде всего отправят Ленину. "Получили Ваш подарок и были чрезвычайно рады,- тотчас же откликнется Крупская.- Мейер все никак не мог налюбоваться на газету" [108].
Мейер - псевдоним Ленина. Он поздравит с удачей кишиневских товарищей. Но почему отпечатано так мало? - отметит все же с сожалением Владимир Ильич. Ведь на севере, и об этом в Кишинев сообщалось не раз, спрос на "Искру" громадный. К готовому письму Крупской Ленин допишет несколько строк:
"В интересах правильного распространения и престижа крайне важно бы было печатать "Искру" в России через 2 - 3 номера, выбирая номера, имеющие более постоянный интерес...
Но уже раз печатаете, печатайте в гораздо большем числе экземпляров: надо хоть раз попробовать насытить всю Россию" [109].
К тому времени помимо кишиневской "чайной фирмы" искровскую литературу начнет печатать в России еще одна типография - "Нина" - так назовут ее в конспиративной переписке.
В последние майские дни Крупская писала о ней в Астрахань Л. Книпович. Письмо ушло тогда с припиской Ленина:
"Каким образом думаете Вы поставить "Искру" в России? В тайной типографии или в легальной? Если последнее, то напишите немедленно, имеете ли определенные виды: мы готовы бы обеими руками ухватиться за этот план (возможно, как нас уверяли, на Кавказе)..."[110]
Еще не пришел ответ от Книпович, а уже написал Л. Гальперин-бакинский агент "Искры". Он сообщил:
" … здесь проектируется Нина. Проект близок к осуществлению..." И тут же добавил, что "ничего из всего этого не выйдет, если не будет денег, как до сих пор"[111].
Необходимые для создания типографии деньги ждали в Баку от "Искры". Но очень плоха сейчас ее касса. "...Обещать мы не можем,- тотчас же ответил Ленин,- пока не имеем обстоятельнейших сведений"[112]. Владимир Ильич должен быть в курсе всех деталей и этого первостепенной важности дела. "Нам необходимо знать точно, в чем состоит план..." - запросил он Гальперина. Насколько этот план "близок к осуществлению", "на какое количество печатаемого материала он рассчитан (можно ли "Искру" ежемесячно?), сколько именно нужно денег единовременно и сколько в месяц"[113].
Ленин настаивал: бакинские товарищи должны приложить все усилия и достать деньги, но и сам отсюда, из Мюнхена, принял уже, оказывается, меры. Через Книпович обратился он по этому поводу к работавшему в Баку крупному инженеру-электротехнику Р. Классону, оказывавшему материальную помощь социал-демократам. А один из членов группы "Искры" о том же говорил в Петербурге с Л. Красиным.

Проходит некоторое время, и с Зигфридштрассе, где живут сейчас Ульяновы, Ленин вновь пишет в Баку. Он настоятельно советует "пользоваться матрицами, которые легко пересылать (в журналах и т, п.)". В чем преимущество такого способа перепечатки "Искры"? Прежде всего, убеждает Ленин, не надо иметь шрифта. Затем - экономия времени. Матрицы потребуют меньше людей для работы,- "значит безопаснее в конспиративном отношении". А сама отпечатанная в Баку газета будет иметь вид заграничной. Это, подчеркивает Ленин, "опять-таки в видах конспирации гораздо удобнее"[114].
Так, в постоянной переписке с Лениным, создают подпольщики еще одну типографию. В сентябре завершается ее оборудование. Теперь дело за матрицами. И хоть не просто их перебросить, матрицы номеров "Искры" доставляют вскоре бакинцам. В типографии "Нина" приступают к перепечатке искровских изданий.
Из Баку, так же как и из Кишинева, продукцию подпольной типографии посылают Ленину. "Рукоделье Нины прямо великолепно"[115],- пишет по его просьбе Гальперину Крупская. И сообщает бакинским товарищам, что посланы им брошюры "Морозовская стачка", "Майские дни", "Манифест Коммунистической партии", "Сущность конституции" Ф. Лассаля. И просит "переиздать их, так как на них спрос, а старые издания подходят к концу" [116].
Типография "Нина", с удовлетворением отмечает вскоре Ленин, работает вовсю. Когда доставят ему перепечатанный ею одиннадцатый номер "Искры", он убедится, что "бакинская" копия ничем не отличается от мюнхенского оригинала. "Получили 11 №,- сообщает бакинской искровской группе Крупская.- Прямо чудо что такое!" [117]
Теперь уже можно принять предложение Баумана. Он сообщил в Мюнхен из Москвы: "Если у меня будет в достаточном количестве товара, то я могу удобно доставлять (без значительных проволочек) в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губернию, Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому, Воронеж, Тверь, Орел. Со всеми этими пунктами установлены способы доставки"[118]. Его беспокоило: будет ли своевременно поступать этот "товар" - "Искра" и искровские издания? И через Крупскую Ленин выясняет у Баумана: "Можете ли Вы устроить у себя "большой склад, тогда к Вам аккуратно будет приходить литература с Кавказа (там налажен новый, скорый путь, есть новая типография, где будет печататься "Искра" и брошюры), народ очень надежный"[119]. Из Мюнхена бакинским товарищам дается указание: Как можно скорее пересылайте в Москву искровскую литературу.
Недостаток в такой литературе испытывает и Питер. Одна лишь группа "Социалист" берется распространять до тысячи экземпляров "Искры". "Если бы, наконец, удалось бы завоевать Комитет в Питере,- еще в июле писал в Россию Ленин,- то, конечно, надо заставить его обеими руками взяться за "Искру", и за ее учащение..." [120]
Не так давно Ленин отправил в Россию двух агентов Искры". Это профессиональные революционеры С. Андропов и В. Ногин. И тот и другой - старые питерцы. Обоим хорошо знакомо положение в столичных социал-демократических кругах. Несколько раз перед отъездом они встречались в Мюнхене с Лениным. Получили от него указания, советы, как разъяснять в Питере позиции "Искры", как бороться там против вредных, оппортунистических влияний. Но вскоре после приезда в Петербург Андропов уезжает на Волгу. Там он попадает в руки полиции. Его ссылают в Восточную Сибирь. И Ногин оказывается в столице без своего единомышленника, друга.
Он отправляет в редакцию "Искры" - на ее конспиративный адрес - шифрованное письмо. Длинным рядом цифр сообщает Ногин о том, что под вымышленным именем благополучно прибыл в Петербург. Сообщает он и адрес, по которому ему следует писать на первых порах: Васильевский остров, 6-я линия, дом 17, квартира 19, Наталье Руфовне Штенгер.[121]
Ногин следует в Петербурге инструкциям, полученным от Ленина. Вопросом первостепенной важности, знает он, считает Владимир Ильич завоевание "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", находящегося под влиянием "экономистов". Но на первых порах переговоры Ногина с руководителями "Союза борьбы" не приводят ни к каким результатам. Неудаче способствуют усилившиеся в Петербурге полицейские репрессии. И в начале сентября 1901 года в Петербурге создается самостоятельная искровская группа. В

нее входят семнадцать человек. Это В. Ногин, С. Радченко, участники группы объединенных “Рабочего знамени” и “Социалиста”. Искровская группа устанавливает явки, обзаводится квартирами для хранения литературы, приступает к широкому распространению газеты. Ее влияние с каждым днем возрастает. И Ногин пишет в Мюнхен: “Сделайте распоряжение о немедленной высылке сюда литературы: здесь громадный спрос на наши издания... За “Зарю” все платят по 5 рублей и только давайте ее. №№ “Искры” идут тоже очень ходко. Словом, у публики сильный интерес к изданиям “Искры”...”[122]
Но обстоятельства складываются так, что это письмо не успевает уйти из Петербурга: 2 октября жандармы арестовывают Ногина.
Однако и после ареста руководителя петербургской искровской группы ее деятельность не прерывается. По-прежнему Ленин поддерживает с ней теснейшие связи. Он запрашивает, в частности: “Сообщите нам непременно и сообщайте регулярно, какие течения и насколько представлены в СПБ. Союзе вообще и в его центре в частности, есть ли деятельные и влиятельные люди и т. д. Мы обязательно должны быть самым точным образом осведомлены всегда о СПБ. Союзе” [123]. Владимир Ильич требует от петербургских искровцев, как и от других искровских организаций в России, “приложить все усилия, чтобы сторонники “Искры” повсюду спелись и действовали единодушно” [124].
Когда Ленин пишет это послание, новый удар обрушился на питерских искровцев: декабрьской ночью почти одновременно арестовывают десять членов группы. Но и на этот раз она выживает. Полицейская агентура вскоре устанавливает, что оставшиеся на свободе вновь “сгруппировались поставив своею целью широкую и энергичную агитацию” [125]. Теперь во главе организации Иван Радченко. Он прибыл в Питер с заданиями Ленина. Подписываясь то Аркадием, Касьяном, Радченко пишет оттуда Владимиру Ильичу. И его письма свидетельствуют: под влиянием искровской агитации все больше питерских рабочих-революционеров разочаровывается в “экономистах”, все больше рабочих переходит на политическую платформу “Искры”. И так по всей России. Еще с весны 1900 года сложились во многих городах - Пскове, Уфе, Полтаве, Москве, Самаре, Киеве, Баку и других - опорные пункты “Искры”. Сперва они занимались лишь перевозкой ее через границу, распространением в России искровской литературы. Но быстро росло их влияние. И расширялись функции опорных пунктов. Уже в апреле 1901 года Ленин писал Аксельроду о создании “Русской организации “Искры””. Но он предостерегал от поспешности, удерживал от забегания вперед. Постепенно расширял круг деятельности агентов газеты. Пока не стало ясно: назрело! пришло наконец время сплотить всех искровцев!
Ленин пишет об этом Гольдману в Кишинев. Он разъясняет, каким путем следует идти к созданию “русской организации”. Настойчиво рекомендует: “...если Вы найдете людей, которые годны на это и заслужили Ваше полное доверие, составьте из них, по общему соглашению, распорядительный комитет, и мы, конечно, напишем всем, кому можем, чтобы этого комитета слушались. Надо только, чтобы распорядительный комитет непременно думал о всей России, отнюдь не об одном районе, ибо все будущее “Искры” зависит от того, сумеет ли она побороть местное кустарничество и районную обособленность и стать на деле общерусской газетой...”[126].
Письмо уходит в Кишинев в один из декабрьских дней. А еще до этого приезжал в Мюнхен к Ленину Кржижановский. И с ним о том же вел Владимир Ильич обстоятельный разговор. С ним обсуждал тогда вопросы, связанные с созданием руководящего центра Русской организации “Искры”.
По поручению Ленина Кржижановский разъезжает по России. В разных городах встречается с искровцами. Сказанное ему Лениным передает В. Арцыбушеву, К. Газенбушу, Ф. Ленгнику, Г. Окуловой, М. Сильвину, М. Ульяновой, другим участникам совещания в Самаре, на котором избирается Бюро Русской организации “Искры”.
О принятом решении немедленно сообщают в Мюнхен. И Ленин пишет в Самару: “... ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее - вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!” [127]
Примечания:
[84] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 96.

[85] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 64.
[86] Там же, с. 70.
[87] Там же, с. 71.
[88] Там же, с. 72.
[89] Там же, с. 76.
[90] Там же, с. 89.
[91] Там же, с. 94.
[92] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 116.
[93] Там же, с. 119.
[94] Л. Меньшиков, Русский политический сыск за границей, ч. I. Париж, 1919, с. 131.
[95] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 155.
[96] Там же, с. 220.
[97] Там же, с. 244.
[98] Там же, с. 408-409.
[99] “Искра” № 5, июнь 1901 г.
[100] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 104.
[101] “Искра” № 7, август 1901 г.
[102] Там же.
[103] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, с. 5.
[104] Там же, с. 8.
[105] Ю.Г. Иванов. Подпольные типографии “Искры”. Кишинев 1962 с. 13.
[106] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 154.
[107] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 137.
[108] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 365.
[109] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 168.
[110] Там же, с. 112.
[111] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 117.
[112] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 119.
[113] Там же, с. 118-119.
[114] Там же, с. 136.
[115] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 310.
[116] Там же.
[117] Там же, с. 379.
[118] “Пролетарская революция”, 1939, № 1(11), с. 226.
[119] Там же, с. 224.
[120] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 141.
[121] См. “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 226-227.
[122] См. “Красная летопись”, 1925, № 4(15), с. 229.
[123] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 148.
[124] Там же, с. 163.
[125] См. “Красная летопись”, 1925, № 4(15), с. 235.
[126] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 167.
[127] Ленинский сборник VIII, с. 221.

Автор книги - Н. Ленин

Они встречаются впервые, Ленин с Мартыновым - одним из лидеров оппортунистического течения в русской социал-демократии, сторонники которого ограничивают задачи рабочего движения только экономической борьбой.
Речь заходит о брошюре “Кто совершит политическую революцию?” (Кто совершит политическую революцию?” В кн.: “Пролетарская борьба”, 1899, № 1, стр. 1-38.). Быстро сходятся они на том, что ее основной и недостаток - игнорирование вопроса об организации. Но разговор идет дальше.

Ну, а как вы относитесь к моему организационному плану? - спрашивает Ленин.
В этом пункте,- решительно заявляет Мартынов, - я с вами совершенно несогласен.
"...И оказывается,- убеждается Ленин,- что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для совершения" политической революции. И, как только обнаружилось это разногласие,- я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим "экономистом"!" [128]
Жизнь подтверждает правоту Ленина. Из России в Мюнхен стекаются к нему сообщения о широком размахе революционного движения.
Ленин узнает о демонстрации в Нижнем Новгороде. О том, что студенты и рабочие вышли там на улицы, чтобы проводить Максима Горького, высланного из родного города.
Владимиру Ильичу сообщают о демонстрации в Москве. О том, что перед домом генерал-губернатора учащиеся выразили свое возмущение по поводу запрещения вечера, посвященного памяти Добролюбова. Что исполнительный комитет московских студенческих организаций признал эту демонстрацию ясным показателем недовольства и протеста.
Приходят вести о демонстрации в Харькове, вызванной студенческими волнениями, о демонстрации, перешедшей в уличную схватку, в которой вместе со студентами были рабочие. Доставляют листки, прокламации из Петербурга, Москвы, Киева, Риги, Одессы. И Ленин отмечает с удовлетворением: опыт прошлого года не прошел для студентов даром; они осознали, что только поддержка народа, и главным образом рабочих, может обеспечить им успех в борьбе; они убедились, что должны бороться не только за свою свободу, но и за освобождение от рабства и угнетения всего народа, за политическую свободу.
"Мейер,- сообщает Крупская в Киев агенту "Искры",- написал по этому поводу статью. Мы заказали... до 10 тысяч оттисков этой статьи. По всем видимостям, движение разгорается, но, если бы даже оно и затихло, этим не потеряет значения. Надо ее раскидывать..." [129]
Даже в написанном химическим способом письме не рискует Крупская назвать подлинное имя Мейера, того, кто из эмигрантского далека чутко прислушивается ко всему, что происходит на родине. Не рискует назвать она имя автора статьи "Начало демонстраций", которую должны по заданию Ленина перепечатать в Кишиневе и Баку, - статьи, призывающей российский пролетариат:
"Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывается над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и ногам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, объявляя еще их "лицами порочного поведения". Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: "нам нужна свобода!",- а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа" [130].
И эти январские дни 1902 года, когда в Россию приходит номер "Искры" с пламенным призывом Ленина, когда в разные города доставляют тысячи оттисков статьи "Начало демонстраций", Владимир Ильич завершает в Мюнхене работу над книгой "Что делать?", в подзаголовке которой стоит: "Наболевшие вопросы нашего движения".
Еще в мае 1901 года, публикуя статью "С чего начать?", Ленин предлагал лишь "набросок плана"[131] создания партии, призванной возглавить революционное движение в России! Подробнее, предупреждал он, этот план будет развит в его новой брошюре. В декабре Ленин опубликовал в "Искре" "Беседу с защитниками экономизма". И вновь подчеркнул: мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру..."[132]

И вот в один из мартовских дней 1902 года книга выходит в свет. На ее титульном листе под названием стоит имя автора - Н. Ленин.
Несколько раз до сих пор уже подписывался так Владимир Ильич. Еще в мае прошлого года послал он в типографию "Искры" записку:
"Порядок статей мы необходимо должны будем изменить.
Набирайте, пока есть шрифт, оставляя набор.
Завтра-послезавтра надеемся послать статьи..."[133]
И внизу - "Ваш Ленин". Значит, в типографии уже знали, кто скрывался под этим именем.
В те же дни из Мюнхена в Париж ушло письмо социал-демократу Г. Лейтейзену. В письме шла речь о человеке, которого следовало "немедленно постараться направить… на самую границу с тем, чтобы он взялся сам непосредственно заведовать перевозкой и не только заведовать, но и перевозить или переносить сам"[134] издаваемую за пределами России революционную литературу. И вновь подпись - "Ваш Ленин". Следовательно, и Лейтейзену известен был к тому времени новый псевдоним Ульянова.
И еще одно письмо, датированное 21 октября. Оно отправлено из Мюнхена в Женеву, Плеханову. Сообщал Владимир Ильич, что послал ему на днях № 1 "Neue Zeit" со статьей Ф. Энгельса о программе. Писал о подобранных материалах для "внутреннего обозрения", к которому намерен был приступить вплотную. Писал и о будущей своей книге, давно им откладываемой. И снова поставил в конце письма: "Ваш Ленин" [135].
И все же лишь немногие знали пока это имя. Но вот в декабре вышел № 2-3 "Зари". Под статьей "Гг. "критики" в аграрном вопросе", которая войдет затем в виде первых глав в работу "Аграрный вопрос и "критики Маркса"", читатели увидели подпись: Н. Ленин. А сейчас они уже прочли это имя на обложке книги "Что делать?". Имя Ленина становится отныне главным псевдонимом Владимира Ульянова.
- Откуда же взял Ленин этот основной свой псевдоним?- спросят много лет спустя Крупскую.
- Я не знаю,- ответит она,- почему Владимир Ильич взял себе псевдоним "Ленин", никогда его об этом не спрашивала.
Мать его звали Мария Александровна. Умершую сестру звали Ольгой. Ленские события были уже после того, как он взял себе этот псевдоним.
На Лене в ссылке он не был.
Вероятно, псевдоним выбран случайно, вроде того, как Плеханов писал однажды под псевдонимом "Волгин"[136].
Штутгартская типография печатает "Что делать?", и книгу переправляют в Россию. Там мало еще кто знает, кому принадлежит этот псевдоним. В департаменте полиции отмечают: "...за границей появилась вызвавшая большую сенсацию брошюра Н. Ленина..."[137] Но даже несколько месяцев спустя приписывают ее не Ульянову, а другому лицу.
""Что делать?" - позднее напишет о своей книге Ленин,- есть сводка искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов... Кто возьмет на себя труд ознакомиться с "Искрой" 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом" [138].
Искровская тактика, искровские организационные принципы, положенные Лениным в основу книги, направлены против международного оппортунизма, в том числе и русского, принявшего в России форму "экономизма".
Далеко за рамки теоретического спора вышла развернувшаяся между искровцами и "экономистами" полемика. По самым животрепещущим вопросам революционной практики столкнула она подлинных марксистов с представителями "критического" направления, ставшими на путь ревизии марксизма. Именно поэтому столь огромное значение придает Ленин в своей книге разоблачению "пародии на марксизм".
Четко и недвусмысленно определяет он в книге "Что делать?" задачи партии нового типа, обосновывает коренное марксистское положение о том, что партия есть соединение социализма с рабочим движением. "...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией" [139],- утверждает Ленин.
Он противопоставляет в книге два непримиримо враждебных мировоззрения. С одной стороны, учение о марксистской партии как революционизирующей, руководящей, организующей силе рабочего движения. А с другой - философия преклонения перед стихийностью, низводящая партию до роли пассивного придатка рабочего движения.

Задача партии, заменяет Владимир Ильич, превращение борьбы рабочих против угнетателей в борьбу всего класса за свержение капитализма и завоевание государственной власти, за диктатуру пролетариата.
В предстоящей революции, провозглашает Ленин, пролетариат будет способен выполнить роль гегемона только тогда, когда всестороннюю политическую агитацию поведет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск па правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!" [140].
Не раз в "Что делать?" обращается Ленин к событиям, связанным с революционной борьбой рабочего класса России.
Он воскрешает в памяти дни, когда возглавлял в Петербурге социал-демократический кружок, который наряду с другими стал основой будущего "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Этот кружок, пишет Ленин, "ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи,- и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров - и мы перевернем Россию!" [141].
Владимир Ильич напоминает: в конце 1895 года петербургскими социал-демократами был подготовлен первый номер газеты "Рабочее дело". Ленин написал тогда для него передовую, в которой показал исторические задачи рабочего класса в России, в том числе одну из первоочередных - завоевание политической свободы. Носила газета, по заключению Ленина, не узко местный, тем более не "экономический" характер. "Рабочее дело" стремилось "соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия" [142]. Но уже готовый к печати номер был схвачен жандармами. Схвачен в ту самую декабрьскую ночь, когда арестовали и Ленина, и его соратников по социал-демократической организации.
Ленин пишет в книге и о "знаменитой петербургской промышленной войне 1896 года" [143]. Имеет он в виду массовую стачку рабочих-текстильщиков Петербурга. Вспыхнула стачка в майские дни, и вести о ней проникли в камеру дома предварительного заключения, где тогда находился Ленин.
Он вспоминает зимний день 1897 года. В Петербурге перед отправкой в сибирскую ссылку выпущенные из тюрьмы основатели "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" встретились с теми, кто после них возглавил "Союз борьбы". Уже тогда выявились серьезные разногласия по организационным и тактическим вопросам. И Ленин отмечает в книге этот "характерный факт... который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии" [144].
Ленин пишет о стачке рабочих Никольской мануфактуры Саввы Морозова в январе 1885 года, о "побоище рабочих в Ярославской губ."[145] - расправе, учиненной в 1895 году солдатами над бастовавшими рабочими Ярославской большой мануфактуры, о "революционной активности масс" [146] весной 1901 года, когда в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани, Томске и других городах России студенческое движение получило поддержку передовых рабочих.
Ленин предсказывает: русскому пролетариату предстоят испытания еще более трудные. "История,- заявляет он,- поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией" [147].

Разными путями доставляют “Что делать?” в Россию. Уже в марте из Киева благодарят за присланную книгу. Вскоре сообщает из Полтавы разъездной агент “Искры” М Сильвин: ““Что делать?” оставили мы: 2а3б и Коле - 4, Семену Семеновичу -3, Орлу -1, здесь - 1, остальные с Виктором послал на Волгу и Урал, Старухе...”[148] Ленин и Крупская знают: 2а3б - конспиративная кличка П. Лепешинского, “Коля” - это комитет петербургского “Союза борьбы”, “Семен Семенович” - Северный рабочий союз, Виктор - это Ф. Дан, а “Старуха” - Московский комитет РСДРП. Вот кому и через кого отправил книгу Сильвин, сообщивший в Мюнхен: “Успех она имеет огромный”.
Об этом пишут в Мюнхен из многих мест России. “О “Что делать?”... пока слышим только хвалебные отзывы”,- сообщает секретарь бюро Русской организации Искры” З. Кржижановская-Невзорова и добавляет: “Написана она превосходно...”[149]
Свидетельствует член Петербургского комитета А. Шотман: “Книга эта произвела на нас сильное впечатление, и если до этого кое-кого иногда и смущали возражения некоторых рабочих-“экономистов” против генеральства” искровских комитетов, то по прочтении этой книги исчезли, так сказать, всякие сомнения”[150]. Сибирский союз признает: “Книга Ленина “Что делать?” производит сильное впечатление на действующих социал-демократов и завершает в отношении организационных и тактических вопросов победу взглядов “Искры””[151]. Пишут орловские социал-демократы: “Мы подчеркиваем свою солидарность с “Искрой” и пользуемся случаем выразить нашу глубокую признательность автору брошюры “Что делать?””[152] Информируют редакцию “Искры” члены Тверского комитета РСДРП: “В настоящее время комитет работает над созданием организации, придерживаясь в общем взглядов, развитых т. Лениным в брошюре “Что делать?” и письме петербургским товарищам”[153]. А из Петербурга пишет И. Радченко: “Везде оперирую ленинским плугом, как самым лучшим производительным возделывателем почвы...” [154]
На окраине Питера Радченко встречается с рабочими. Весь вечер беседует он с ними. И под свежим впечатлением пишет в редакцию “Искры” о своем свидании: “В этом разговоре мне пришлось слышать, если не буквальные, то в духе цитаты из “Что делать?”. Сижу и радуюсь за Ленина, вот, думаю, что он наделал. Мне ясно было, что говорящие со мной его читали...” [155]
И как книгу, знакомую его собеседникам, называет Радченко “Что делать?”.
- Что такое? Мы такой брошюры не читали,- неожиданно для себя слышит он от рабочих.
- Может быть, читал кто-нибудь из товарищей? - поражается Радченко.
- Нет,- в один голос заявляют ему.
Радченко негодует: “Канальи комитетцы, они сожрали 75 штук, а рабочим и не дали”[156]. И радуется в то же время: “Я был поражен, передо мной сидели типы Ленина. Люди, жаждущие профессии революционной. Я был счастлив за Ленина, который за тридевять земель, забаррикадированный штыками, пушками, границами, таможнями и прочими атрибутами самодержавия, видит, кто у нас в мастерских работает, чего им нужно и что с них будет. Верьте, дорогие, вот-вот мы увидим своих Бебелей. Действительных токарей-революционеров. Передо мной сидели люди, жаждущие взяться за дело... Несколько часов прошли незаметно. Я начинаю говорить - меня останавливают, продолжают и заканчивают сами, я в свою очередь подхватываю их мысль. Мы понимали друг друга, мы были давно знакомые якобы, мы были родные, свои, по всему сходящиеся, вооруженные одинаково от пяток до головы одним и тем же оружием. Не хотелось уходить, но утренняя заря загорелась...” [157]
Ленин читает эти присланные из далекого Питера взволнованные строки. И пишет в ответ: “Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими. Нам до последней степени редко приходится получать такие письма, которые действительно придают массу бодрости. Передайте это непременно Вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам не только для печати, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания” [158].
Приходит письмо и от представителя “Искры” в Москве Е. Поповой. “Напечатайте,- просит она,- что Московский: комитет постановил отчислить в кассу “Искры” 20% всех фондов...”[159]
Через редакцию “Искры” передают москвичи Ленину благодарность за “Что делать?”.

“...Я горячо благодарю Вас за выражение сочувствия и солидарности,- пишет в ответ Владимир Ильич.- Для нелегального писателя это тем ценнее, что ему приходится работать в условиях необычного отчуждения от читателя. Всякий обмен мыслей, всякое сообщение о том впечатлении, какое производит та или иная статья или брошюра на разные слои читателей, имеет для нас особенно важное значение, и мы очень благодарны будем, если нам будут писать не только о делах в узком смысле слова, не только для печати, но и для того, чтобы писатель не чувствовал себя оторванным от читателя”[160].
Примечания:
[128] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 111-112.
[129] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 352.
[130] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, с. 371-372.
[131] Там же, с. 9.
[132] Там же, с. 367.
[133] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 106.
[134] Там же, с. 108.
[135] Там же, с. 149.
[136] См. “Молодой коммунист”, 1960, № 4, с. 117.
[137] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 150.
[138] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, с. 101.
[139] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.
[140] Там же, с. 90-91.
[141] Там же, с. 127.
[142] Там же, с. 32.
[143] Там же, с. 29.
[144] Там же, с. 33-34.
[145] Там же, с. 32.
[146] Там же, с. 78.
[147] Там же, с. 28.
[148] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 460.
[149] “Пролетарская революция”, 1928, № 6-7, с. 149.
[150] А. В. Шотман, Записки старого большевика. Л., 1963, с. 97.
[151] “Второй съезд РСДРП. Июль - август 1903 года. Протоколы” (далее- “Второй съезд РСДРП. Протоколы”). М., Госполитиздат, 1959, с. 677.
[152] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2., с. 199.
[153] “Второй съезд РСДРП. Протоколы”, с. 612.
[154] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 466.
[155] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 28.
[156] Там же.
[157] Там же, с. 28-29.
[158] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 201.
[159] “Исторические записки”, 1969, т. 84, с. 286.
[160] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 221.

“В Лондон, Якобу Рихтеру...”

Ленин и Крупская покидают Мюнхен. Но только самые близкие знают: отныне они уже вовсе не Иордановы, а Рихтеры. Держат они путь на Британские острова.
Что вынудило их покинуть Баварию? Ведь совсем недавно она казалась самым надежным местом для издания русской нелегальной газеты. Оказывается, российская охранка дозналась, что в редакции “Искры” работает Владимир Ульянов, что она “печатается в Мюнхене, но ей старательно придается вид и характер издания, выходящего в пределах

России”[1]. К тому же за изданием русской социал-демократической газеты установила слежку немецкая полиция.
Надо было уезжать из Мюнхена. Но куда?
Плеханов настаивал на Швейцарии. Он писал Аксельроду: “Оттуда, где они теперь находятся, всем нашим надо уезжать: полиция уже начала свои розыски. Теперь вопрос, куда им переехать. Я сейчас пишу, чтобы ехали в Женеву. Пиши и ты. Это будет иметь огромное влияние на будущность наших изданий. Если они уедут в Лондон или даже в Брюссель, то мы еще более от них отдалимся. А это беда. Спешу. Твой Г. П.”[2]
Нет, надо остановиться на таком городе, где можно было бы раствориться в большой массе населения, возражает Ленин, где полиция меньше бы преследовала. И он убеждает перевести издание “Искры” в Лондон.
Только двое из членов редакции поедут туда с ним. Это Мартов и Засулич. Плеханов остается в Женеве: практического участия в выпуске газеты он по-прежнему принимать не будет. Аксельрод прочно обосновался в Цюрихе. Потресов болен и лечится в Швейцарии. Значит, в Лондоне, как и в Мюнхене, Ленину предстоит всю тяжесть искровских забот нести на себе.
Поезд идет через Германию... Под мерный перестук колес Ленин углубился в исписанные листки. Это проект программы Российской социал-демократической рабочей партии.
Еще несколько лет назад в Петербурге, из дома предварительного заключения, Ленин передал на волю товарищам по "Союзу борьбы за освобождение рабочего класса” проект программы русских социал-демократов. Он сформулировал в нем основные принципы, ближайшие задачи и конечную цель революционной борьбы, определил роль марксистской партии как авангарда рабочего класса.
В сибирской ссылке в конце 1899 года Ленин написал новый проект программы партии, обосновал настоятельную необходимость ее создания, обратил внимание на ее огромное значение для революционной деятельности политической партии.
Вопрос о выработке программы партии стал особенно злободневным летом 1901 года. Ленин заявил об этом Аксельроду: “Из России нам писали, что толки о съезде усилились. Это опять и опять заставляет нас подумать о программе. Опубликование проекта программы крайне необходимо, и имело бы громадное значение” [3].
Писал о том Ленин и Плеханову. “Крайне важно поспешить с программой”[4],- настаивал он. Но сам Ленин загружен работой в газете. “Напишите, пожалуйста,- запрашивает он Плеханова,- думаете ли взяться и можете ли Вы взяться за эту работу” [5].
Тот представил первоначальный проект теоретической части. Ленин написал аграрную часть и заключение.
Некоторые положения, предложенные Плехановым, вызвали у Ленина решительное возражение. Он не мог согласиться с тем, что программа замалчивала руководящую роль партии. Наша задача, заявил Ленин, “создать организацию революционеров для руководства борьбой пролетариата”[6]. Его не мог удовлетворить и абстрактный характер плехановского проекта. Он писал в связи с этим:
“Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму”[7], что для “практически борющейся партии важнее” [8].
Ленин настаивал: в основе программы должны лежать строго научный анализ экономического строя и классовых отношений в России, точное знание ее особенностей, глубокое понимание насущных нужд народа и потребностей всего общественного развития. Такая программа, заявлял он, станет примером исполнения пролетарскими интернационалистами их обязанностей перед своим народом, перед своей страной, перед всем международным рабочим движением,
В программе, убежден был Ленин, следовало выделить рабочий класс, подчеркнуть его роль вождя в революционной борьбе. Следовало предусмотреть в программе не только возвращение крестьянам земель, отрезанных у них при уничтожении крепостного права, но “в известный революционный момент” [9] и возможность национализации земли.
И Ленин написал свой “Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии”. Согласовать два проекта - ленинский и плехановский - поручили комиссии

редакции “Искры”. Та создала новый вариант программы. В его основе - предложение Плеханова с учетом замечаний Ленина.
Владимир Ильич получил этот проект перед самым отъездом из Мюнхена. И вот читает в поезде. Первый параграф не вызывает возражений. “Развитие международного обмена,- говорится в нем,- установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным” [10].
Но в проекте, с которым знакомится Ленин, еще тринадцать параграфов. И во всех отчеркивает он отдельные слова и строки. Против каждого делает пометки: “Почистить бы слог”[11], “Излишнее повторение”[12], “Опять повторение!!”[13] Против некоторых параграфов категорически возражает: “...это совершенно недопустимо” [14], “Концы не сведены с концами” [15]...
Нет, не может согласиться Ленин с тем, что предложила комиссия!
“...Ей-ей,- заключает он,- лучше бы было, если бы высокая комиссия еще хорошенько поработала, пообдумала, переварила и дала нам свой, не склеенный, а цельный проект” [16].
Ленин ставит в конце дату: “12.IV.1902 - в вагоне”. Тут же добавляет: “Извиняюсь за мазню. Если успею, напишу еще и яснее”[17]. Из Кельна возвращает рукопись почтой в Цюрих Аксельроду.
На пути в Лондон лежит Льеж. Здесь живет Н. Мещеряков с женой - старые приятели Крупской по воскресной школе в Петербурге. В то время Мещеряков был еще народовольцем. Он первый привлек ее к нелегальной работе, обучал правилам конспирации, усердно снабжал заграничными изданиями группы “Освобождение труда”. Теперь Мещеряков - социал-демократ, давно находится в Бельгии и прекрасно знает местную жизнь...
Он рад снова увидеть Крупскую. Рад познакомиться с Лениным.
Два дня в Льеже. Затем с Мещеряковым - в Брюссель.
“Мы попали туда во время маленькой революционной вспышки,- вспоминает Мещеряков.- То была борьба за всеобщее избирательное право, происходившая в довольно скромных размерах... Я повел Владимира Ильича показывать город, учреждения рабочей партии, знаменитый тамошний кооператив и т. д. Когда мы вышли из кооператива, вдруг показались толпы рабочих. Это были участники революционной вспышки; собирались толпы демонстрантов; они разгонялись полицией и тут же обращались в бегство, ибо вожди рабочей партии старались всячески удержать рабочих в рамках умеренности и аккуратности.
Была объявлена забастовка, которая во всеобщую не вылилась. Ленин при виде этой толпы сейчас же оживился и обнаруживал большое тяготение примкнуть к демонстрации. Мне пришлось чуть не повиснуть на нем, чтобы как-нибудь им замедлить его движение. Тут как раз сбоку появилась полиция и отрезала нас от толпы” [18].
И вот наконец Лондон. На станции Чаринг-Кросс Ленина и Крупскую встречает Н. Алексеев, эмигрировавший сюда русский социал-демократ. Он получил уже запрос Ленина: можно организовать печатание “Искры” в типографии английской социал-демократической федерации? Даст ли на это согласие Гарри Квелч, редактор выходящего там еженедельника “Джастис”? И еще до приезда Ленина Алексеев встречался с Квелчем, обо всем договорился с ним.
Когда Ульяновы прибывают в Лондон, стоит, по словам Крупской, “невероятная мразь”. “Лондон поразил нас своей грандиозностью...- сообщает она,- у Владимира Ильича лицо сразу оживилось, и он с любопытством стал вглядываться в эту твердыню капитализма, забыв на время и Плеханова и конфликты в редакции” [19].
Около недели под фамилией Рихтер живут Ленин и Крупская и одной из “спальных комнат”, сдаваемых небогатыми квартирохозяевами, а затем переезжают в небольшой дом в районе Финсбури. Теперь их адрес - “Mr. Jacob Richter (Holford) 30. Holford Square Pentonville. London W.C.” [20].
Но, сообщая этот адрес Аксельроду, Ленин очень просит не называть его никому, “кроме самых близких лиц”[21]. Поскольку предстоит продолжить тщательно законспирированное

дело, он просит: "Если можно,- постарайтесь и в разговорах употреблять систематически Мюнхен вместо Лондона и мюнхенцы вместо лондонцы"[22].
Там, где поселились Ульяновы, однообразными унылыми рядами тянутся прокопченные стандартные дома. Кругом - кирпич, камень, ни клочка зелени. Нечто подобное описал Фридрих Энгельс в книге "Положение рабочего класса в Англии" - описал на основе собственных наблюдений, достоверных источников.
Рихтер и его супруга сняли на Холфорд-сквер две комнаты.
"Сегодня было письмо от Наденьки...- сообщает Мария Александровна Ульянова из Самары в Томск дочери Анне.- Описывает она их маленькую квартирку, в которой масса неудобств. Всего 2 комнатки у них, и одна из них, Ел. Васильевны, изображает из себя и кухню и столовую. Вода и угли - которые служат топливом - находятся внизу, надо за ними ходить"[23].
Меблировка комнат у Ульяновых скромная: простые кровати, столы, стулья, несколько полок для книг.
"...Чересчур незатейливая обстановка комнат,- рассказывает Н. Алексеев,- вызвала недоумение у хозяйки квартиры. Особенно смущало ее отсутствие занавесок на окнах, и она настояла, чтобы какие-нибудь занавески непременно были куплены, иначе у нее выйдут неприятности с домовладельцем, который от всех жильцов своего дома требует известной респектабельности" [24].
В ближайшее воскресенье хозяйка - миссис Йо слышит стук молотка из комнат Рихтера: это новые жильцы прибивают занавески. Миссис Йо приходит в ужас. Она немедленно вызывает жену Рихтера.
- Воскресенье - день отдыха,- объясняет хозяйка,- и стучать молотком в этот день не полагается.
Занавески приходится прибить на другой день.
Смущает миссис Йо и то, что жена мистера Рихтера не носит обручального кольца. Она даже колеблется: не отказать ли из-за этого новым жильцам? Но Рихтеры платят аккуратно, и миссис Йо не хочет терять выгодных квартирантов.
В конце концов она решает:
- Они иностранцы, кто знает, какой у них закон.
На этом миссис Йо успокаивается, тем более что любезность и сердечность миссис Рихтер очень располагают в ее пользу.
Их провожатым по Лондону на первых порах становится Алексеев, прекрасно знающий английский язык. Ибо и Ленин и Крупская неожиданно для себя оказываются беспомощны. "Думали, что знаем английский язык, так как в Сибири поревели даже с английского на русский целую толстенную книгу - Веббов,- вспоминает Крупская.- Я английский язык в тюрьме учила по самоучителю, никогда ни одного живого английского слова не слыхала. Стали мы в Шушенском Вебба переводить - Владимир Ильич пришел в ужас от моего произношения: "У сестры была учительница, так она не так произносила". Я спорить не стала, переучилась. Когда приехали в Лондон, оказалось - ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекомичные положения. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время задевало за живое. Он принялся усердно изучать язык. Стали мы ходить по всяческим собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору. Ходили мы вначале довольно часто в Гайд-парк. Гам выступают ораторы перед прохожими,- кто о чем... Слушание английской речи давало многое"[25].
Но Ленин не ограничивается этим. "Атенеум"- лондонский "журнал английской и иностранной литературы, науки, изящных искусств, музыки и драмы"- публикует его объявление:
"Русский доктор прав и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанина (или англичанки) в обмен на уроки русского языка.- Письма направляйте г. Я. Рихтеру, 30, Холфорд-сквер, Пентонвилл. W. С."[26].
И вскоре у Ленина и Крупской появляются учителя: некий мистер Раймонд, почтенный старик, внешним обликом напоминающий Дарвина, служащий известной издательской Фирмы "Джордж Белл и сыновья", а также конторский служащий Вильямс и рабочий Йонг.
Еще до приезда в Лондон Ленину был известен уклад жизни Англии, ее столицы. С этим его познакомили труды К. Маркса и Ф. Энгельса, книги английских социологов. В своих

работах Ленин порой касался экономического развития Англии, ее государственного устройства, положения английского рабочего класса. Он сравнивал Англию с Россией, "в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплуатацию трудящегося..."[27].
Жизнь большого города интересует сейчас Ленина. Пользоваться конной или городской железной дорогой он по финансовым соображениям не может. Чаще всего совершает прогулки пешком. Иногда Владимир Ильич и Надежда Константиновна поднимаются на верх омнибуса и подолгу ездят, наблюдая за происходящим вокруг.
Пройдет двадцать лет. Из Англии приедет в Москву Артур Рансом - корреспондент "Манчестер Гардиан". И, отвечая на его вопросы, вспомнит Ленин свои прогулки по вечернему Лондону:
"На улицах было необыкновенно оживленно. Торговцы расположились везде на улицах, освещая свои товары небольшими металлическими трубочками с нефтью или чем-то подобным. Огоньки были очень красивы. Движение на улицах прямо-таки необыкновенное. Все покупали или продавали...
Мой приятель был "экономист" и принялся сейчас же выкладывать свою премудрость: вот, дескать, за этой необыкновенной экономической деятельностью должно следовать стремление к политической силе. Я посмеивался над таким пониманием Маркса. Обилие мелких торговцев и их оживленнейшая деятельность нисколько еще не свидетельствует об экономической большой силе класса, от которой можно и должно заключить к "политической силе"... Уличные торговцы в Лондоне, несмотря на замечательное их оживление, от "политической силы" и даже от стремления к ней были довольно далеки" [28].
Ленина можно увидеть и на улицах, где ездят только щегольские кебы, где за тихими скверами стоят парадные особняки с увитыми зеленью зеркальными окнами. Бродит он и по узким переулкам, населенным простым людом... И, наблюдая кричащие контрасты богатства и нищеты, говорит не раз:
- Two Nations! Две нации!
Его тянет туда, где можно увидеть рабочих,- в дешевый ресторанчик, бар, читальню. Он уже знает: здесь, в Англии, в церквах после богослужения бывает обычно какой-нибудь коротенький доклад, потом дискуссия. И эти дискуссии, где выступают рабочие, Ленин особенно любит слушать. Он отыскивает в газетах объявления о рабочих собраниях и отправляется в глухие кварталы столицы. Вернувшись однажды с такого собрания, он радостно говорит Крупской:
- Из них социализм так и прет! Докладчик пошлости разводит, а выступит рабочий,- сразу быка за рога берет, самую суть капиталистического строя вскрывает"[29].
То, что видит Ленин в Лондоне, подтверждает справедливость заключений, к которым он пришел еще до этой, первой своей встречи с Англией. Ленин убеждается, что, довольная жизнью, рабочая аристократия легко усвоила буржуазные взгляды на основные социально-экономические проблемы. Убеждается он и в том, что лидеры английских тред-юнионов уводят массы от политической борьбы к борьбе за улучшение условий труда - к тому, о чем еще совсем недавно писал он в книге "Что делать?", утверждая, что "стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм", что "тред-юнионизм означает... идейное порабощение рабочих буржуазией"[30].
С каждым днем все больше постигает Ленин жизнь английской столицы. Забирается в новые для него места. Бывает на окраинах. И пишет матери в Россию:
"...Мы с Надей изъездили и исходили уже порядочное количество окрестностей, нашли и прехорошие места"[31];
"Я приспособился уже порядочно к местной жизни и языком овладеваю практически"[32].
"...Захватили с собой бутерброды вместо обеда и двинулись на целый день ins Grune (на лоно природы, нем.) в воскресенье... Погуляли отлично, воздух нас всех опьянил, точно детей... Единственные из всех здешних товарищей, изучающие все окрестности города, это мы. Находим разные "деревенские" тропинки, знаем ближние места, собираемся и подальше прокатиться"[33].
Пишет о том и Крупская: "...смотрим народ, местную жизнь, здесь ее удобнее наблюдать, чем где бы то ни было.

Володя очень увлекается этими наблюдениями, увлекается и этим, так же как всем, что он делает" [34].

Примечания:

[1] "Красный архив", 1934, т. 1(62), с. 141.
[2] "Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода", т. П. М., 1925, с. 169.
[3] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 123.
[4] Там же, с. 120-121.
[5] Там же, с. 121.
[6] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 201.
[7] Там же, с. 236.
[8] Там же, с. 237.
[9] Там же, с. 337.
[10] Там же, с. 241.
[11] Там же.
[12] Там же, с. 242.
[13] Там же, с. 245.
[14] Там же, с. 246-247.
[15] Там же, с. 247.
[16] Там же, с. 252-253.
[17] Там же, с. 253.
[18] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2, с. 64.
[19] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 59.
[20] В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 180.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] "Переписка семьи Ульяновых. 1883-1917". М., 1969, с. 146.
[24] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2, с. 88.
[25] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 59-60.
[26] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 608.
[27] В.И. Ленин, Поли, собр. соч., т. 1, с. 199.
[28] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, с. 259-260.
[29] См. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 61.
[30] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 40.
[31] В.И. Ленин, Полн. соор, соч., т. 55, с. 224.
[32] Там же, с. 225.
[33] Там же, с. 231-232.
[34] Там же, с. 436.

Печатается на берегах Темзы

Как и в Мюнхене, главное для Ленина в Лондоне - "Искра". Едва появившись на берегах Темзы, он отправляется на Клеркенвилл-грин, в тот старинный дом, где бывал уже по его поручению Алексеев.

Некогда в доме располагалась кофейня, в которой собирались чартисты. В середине прошлого века его превратили в "клуб радикалов". А затем здесь начал издаваться еженедельник "Джастис", орган социал-демократической федерации Англии.

В этом доме, вошедшем в историю английского революционного движения, и станет вскоре печататься нелегальная общерусская политическая газета. Набирать и верстать ее будут в маленькой русской типографии в Ист-энде и оттуда на Клеркенвилл-грин будут привозить сверстанные полосы,

"Английские с.-д. с Квелчем во главе с полной готовностью предоставили свою типографию,- расскажет одиннадцать лет спустя Ленин.- Самому Квелчу пришлось для этого "потесниться": ему отгорожен был в типографии тонкой дощатой перегородкой

уголок вместо редакторской комнаты. В уголке помещался совсем маленький письменный стол с полкой книг над ним и стул. Когда пишущий эти строки посещал Квелча в этом “редакторском кабинете”, то для другого стула места уже не находилось...” [35]
В отведенной для Ленина клетушке единственное окно выходит во двор. Высокая серая стена оставляет для обозрения лишь небольшой кусок неба, перерезанный колокольней близстоящей церкви.
Полвека отделяют Ленина от той поры, когда здесь же, в Лондоне, Герцен создал Вольную русскую типографию. В ней печатались “Полярная звезда”, революционные воззвания, прокламации, брошюры, книги, нелегально распространявшиеся затем в России.
В Вольной русской типографии выходил “Колокол”, разоблачавший злодеяния царской бюрократии и крепостников-помещиков, полицейский произвол, хищения сановников.
Пройдет некоторое время, и под тем же хмурым лондонским небом, где некогда создана была Герценом Вольная русская типография, начнет издаваться “Искра”.
Она пока печатается в Мюнхене. Перед отъездом Ленин поручил В. Кожевниковой - техническому секретарю редакции - наблюдать за изданием там еще нескольких номеров газеты. И между Кожевниковой и Лениным сейчас регулярная переписка. Она пишет ему обо всех своих затруднениях. Ленин же отвечает аккуратно, по пунктам, почти с каждой лондонской почтой - четыре раза в день. Не пропускает без ответа ни одного вопроса. Эти ответы точные, ясные.
Еще в октябре прошлого, 1901 года Ногин запрашивал из Петербурга: “Когда же вы, наконец, напечатаете программу? Очень часто приходится выслушивать желание видеть программу “Искры””[36]. И вот приходит газета с проектом этой программы. В нем учтено большинство замечаний Ленина.
Русские социал-демократы, опираясь на марксистскую теорию, обосновывают в публикуемом документе революционную цель партии. Они определяют путь борьбы за эту цель, указанный еще Марксом и Энгельсом. Подчеркивают роль рабочего класса как вождя всех трудящихся и угнетенных. Утверждают историческую неизбежность перехода от капитализма к социализму. Утверждают, что эту задачу - задачу создания общества, свободного от всех форм эксплуатации и угнетения, решит пролетариат.
“Необходимое условие этой социальной революции,- провозглашает программа,- составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров” [37].
А какова роль марксистской партии в борьбе за революционное преобразование общества?
“Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, - отвечает программа, - международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции” [38].
И партия рабочего класса зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку те переходят на точку зрения пролетариата.
Но программа-максимум - одна из частей проекта. Она органически связана с программой-минимум. И если программа-максимум провозглашает борьбу за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, то программа-минимум нацеливает на буржуазно-демократическую революцию. Она необходимый рубеж на пути к социалистическому перевороту.
21-й номер “Искры” с проектом программы партии уходит в Россию. Его нелегально переиздают в разных городах и обсуждают в местных организациях социал-демократов.
““Искра”,- свидетельствует вернувшийся в Петербург из тюремного заключения питерский рабочий И. Егоров,- к нам попадала в довольно значительном количестве: по 50 - 100 экземпляров... “Заря” же попадала в двух-трех экземплярах... Но как “Заря”, так и “Искра” внимательно читались в кружках... Усиленно обсуждались некоторые статьи и проект программы партии” [39].
Обсуждается он и в Лондоне, в кружке рабочих-эмигрантов. Ленин охотно принимает в этом участие. “...В Ленине, руководителе нашего кружка,- сообщит один из его участников,

петербургский социал-демократ И. Михайлов, занимающийся транспортировкой “Искры”, - мы чувствовали инженера, механика, каменщика, проектирующего стройку огромной революционной партии, обрабатывающего материал для этой великой стройки, обучающего нас мастерству обтесывать и облагораживать других...” [40]

Владимир Ильич не успел еще по-настоящему обосноваться в британской столице, а сюда уже протягиваются нити, связывающие его с агентами “Искры”, с руководителями местных социал-демократических организаций... Сюда идут письма, корреспонденции для газеты. Спустя неделю после переезда в Лондон он получает из Риги корреспонденцию о распространении прокламаций в местном театре. Проходит еще два дня, и Ленин готовит к набору доставленный из России “Краткий очерк рабочего движения в Бежице (завод Брянского акционерного общества)”. Вскоре он делает редакционную правку письма из Нижнего Новгорода о демонстрациях и арестах. Знакомится с корреспонденцией из Двинска о первомайской демонстрации. Отправляет в набор сообщение о волнениях среди рабочих Шосткинского порохового завода Черниговской губернии. Знакомится с прокламацией “К русским гражданам”, изданной Донским комитетом РСДРП по поводу казни С. Балмашева, застрелившего царского министра внутренних дел. И пишет к этой прокламации введение от редакции “Искры”.

Майским утром приходит письмо от бакинской искровской группы. Ленин узнает: типография “Нина” под угрозой провала. Надо принимать срочные меры. Ее следует перевести, советует Ленин, в какой-либо другой город. И перевести безотлагательно. Указание Ленина передают В. Кецховели - “отцу Нины”, как зовут его в конспиративной переписке. И с поручением Владимира Ильича тот покидает Баку. Ему известен адрес руководителей самарской социал-демократической организации, присланный Лениным и Крупской. Кржижановскому же в Самару Ленин сообщает через Крупскую: “Типография цела, но не работает пока. Ее владелец поехал в Россию для переговоров... С отцом Нины постарайтесь повидаться и сговориться” [41].

А в Петербурге, сообщают в Лондон, искровцы по-прежнему ведут борьбу с “экономистами” за переход “Союза борьбы” на искровские позиции. В его комитете, пишет из Самары И. Радченко, произошла размежевка. Несколько ценных человек, гласит одно из присланных им писем, “порывают все дела с комитетом и переходят к нам. (Это следствие “Что делать?”)” [42]. К лету 1902 года искровцы при поддержке левого крыла “Союза борьбы” - В. Краснухи, Е. Стасовой и других - добиваются победы. “Наконец,- сообщает 13(26) июня И. Радченко,- мы вчера услышали от комитета (после некоторых переговоров): “Между нами принципиальных разногласий нет, вполне признаем программу Ленина желательной, желательно ее провести в жизнь, и, не откладывая на дальнейшее, предлагаем товарищам принять участие в переформировке комитета, дабы Саше подготовить все необходимое”” [43].

На конспиративном языке “Саша” в данном случае - предстоящий II съезд партии. Все шире разворачивает газета подготовку к его созыву. Все чаще пишет о нем в Россию, агентам “Искры”, Ленин. Он ставит в известность находящегося в Самаре Кржижановского: до съезда осталось несколько месяцев. Поэтому главная задача теперь - “чтобы вполне свои люди проникли в возможно большее число комитетов”. Он настаивает: “...подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!” Он рекомендует: “...обдумайте атаку на центр, Иваново и др., Урал и Юг” [44].

Ленин пишет о том же Ф. Ленгнику: “...Ваша задача теперь создать из себя комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца (оценив оного со всех сторон - это NB!)...” Он подчеркивает: “Это все архиважно! памятуйте это” [45].

Сообщает Ленин и в Петербург И. Радченко: “Сейчас дали бундисту явку к Вам. Это по делу съезда. Вы с ним (+ бюро или еще кто) должны образовать русский комитет для подготовки съезда. Держитесь внушительнее и с осторожностью. Возьмите на себя побольше районов, в коих Вы беретесь подготовить съезд, сошлитесь на бюро (назвав иначе), одним словом, сделайте так, чтобы все дело было вполне в Ваших руках...” [46]

В июньские дни, когда Ленин пишет эти строки, в Петербурге созывается собрание представителей “Союза борьбы”, местной группы “Искры” и “Рабочей организации”. Оно принимает решение о поддержке “Искры”, о преобразовании “Союза борьбы”, о создании Петербургского комитета РСДРП искровского направления.

И, Радченко запрашивает у Ленина "помощь в виде конкретного наброска плана местной работы в связи с общей российской"[47]. Сейчас это особенно важно. Ведь, принимая во внимание наличие сил, средств, первые уже сделанные шаги, полагает Радченко, необходимо привлечь к общей работе абсолютно все местные силы.
Ленин немедленно откликается на просьбу Радченко. Он поздравляет его и его друзей "с громадным успехом: приступом к реорганизации местного комитета". Предпринятым шагам он придает огромное значение. "Это дело,- уверяет Ленин,- может стать поворотным пунктом во всем нашем движении, и поэтому довести эту реорганизацию до конца - самая важная и самая настоятельная задача. Берегите себя сугубо,- требует он от Радченко,- чтобы успеть ее выполнить" [48].
Ленин пишет о том, какие практические шаги должны быть сделаны Петербургским комитетом. Он считает делом первостепенной важности опубликование открытого заявления, в котором Петербургский комитет изложил бы свои теоретические взгляды, организационные принципы. И этого шага, считает Владимир Ильич, ни в коем случае не следует откладывать. Ибо заявление будет иметь громадное значение для самого Петербургского комитета, и для всей России. Без него "все остальные шаги легко могут оказаться безрезультатными... а при нем сразу закрепляется новый путь"[49].
С ленинским письмом И. Радченко знакомит комитет "Рабочей организации" и Петербургский комитет. И получает от них ответ: "Очень рады, что намеченные практические шаги не расходятся с предлагаемыми Лениным, и также ни против одного пункта, рекомендуемого поместить в заявлении, возразить ничего не можем, а высказываем полную с ними солидарность, против открытого, откровенного заявления ничего не имеем..." [50]
В июле "Заявление С.-Петербургского комитета ко всем российским социал-демократическим организациям" выходит отдельной листовкой. Когда ее доставляют в Лондон, Ленин публикует в "Искре" этот документ, написанный по его рекомендации.
В один из июльских дней приходит письмо В. Носкова. Он напоминает о встрече с Лениным "на кумысе" - в Уфе, где после сибирской ссылки Владимир Ильич выступал на собрании единомышленников, знакомил их с планом издания общерусской политической газеты. Носков приехал туда из Ярославля, чтобы просить Ленина возглавить "Северный рабочий союз", объединивший социал-демократические организации Ярославской, Владимирской и Костромской губерний. "...Вы очень охотно выразили готовность руководить деятельностью "Северного союза",- пишет сейчас Носков, - хотя тогда-то я строил это на предположении, что Вы останетесь в России. Ваше согласие я передал своим товарищам, и все мы с радостью приняли Ваш ответ и с тех пор считаем Вас нашим близким товарищем, членом "Северного союза"" [51].
Еще в апреле Ленин познакомился с программой "Северного союза", принятой незадолго до того на съезде в Воронеже. Он подверг ее товарищеской критике. Отметил недооценку авторами программы марксистской теории, нечеткое определение в ней роли пролетарской партии. "Не только "развивать самосознание пролетариата" должны мы,- писал Ленин, - а также и организовывать его в политическую партию,- а затем руководить его борьбой (и экономической и политической)" [52]. Он призвал тогда деятелей "Северного союза" принять активное участие в объединении революционной социал-демократии, в выработке программы партии.
В письме Носков передает Ленину благодарность северян. Они признательны ему за то, что содействовал Владимир Ильич "большей связанности "Северного союза" с другими организациями и особенно же сближению с "Искрой""[53]. И Ленин просит, чтобы еще крепче связали его с "Семеном Семеновичем", а "Семена Семеновича" с ним. На конспиративном языке "Семен Семенович" - это "Северный рабочий союз".
Примечания:
[35] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 440.
[36] "Переписка В. И. Ленина и редакции газеты "Искра"..." т. 1, с. 275.
[37] "Искра" № 21, 1 июня 1902 г.
[38] Там же.
[39] "Красная летопись", 1928, .№ 2(2(1), с. 38-39.
[40] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 3. М., 1961, с. 33.

[41] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 1, с. 516.
[42] Там же, с. 527.
[43] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 44.
[44] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 185.
[45] Там же, с. 187.
[46] Там же, с. 188.
[47] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 56.
[48] В И Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 192.
[49] Там же, с. 194.
[50] “Пролетарская революция”, 1924, № 3(26), с. 87.
[51] “Ленин. Ленину. О Ленине”. Ярославль, 1970, с. 215.
[52] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 366.
[53] “Ленин. Ленину. О Ленине”, с. 215.

Ваши письма приносят бодрость

“Дорогой друг! Получили Ваши письма от 10/VII, без числа - с паролем и от 20/VII. Не получили ласточки (Ласточка - способ нелегальной переписки посредством посылки по условным адресам различных текущих журналов, в которых между строками текста в заранее обусловленных местах химическим способом записывалось конспиративное письмо.), второго письма с паролем и о текущих делах. Не знаю, почему запоздали” [54].
Это пишет петербургскому агенту “Искры” И. Радченко Надежда Константиновна. Запрашивает, связан ли тот с “Петей” - Киевским комитетом РСДРП. Оттуда, информирует она, “молят меха”, а “мех”, знает Радченко,- это “Искра”. Сообщает Крупская Радченко и о том, что его адрес послан Семену Семеновичу” - “Северному рабочему союзу”. Я просила Семена Семеновича,- ставит она в известность петербургского агента,- непременно повидаться и потолковать с Вами”[55]. Пишет Крупская и о “пиве” - транспортном пути через Стокгольм; о том, что надо Радченко повидаться с Дяденькой - Л. Книпович; что в Швейцарию приехал Музыкант - П. Красиков и его вызывают в Лондон; что боятся здесь за Аркадия - самого Ивана Радченко и “пусть он бережет себя”... [56]
Ленин прочитывает то, что написала Крупская, и делает приписку: “Аркадию надо бы непременно уехать из Питера, раз проследили. Уехать теперь можно... Пусть помнит Аркадий, что он у нас теперь почти один и что сберечь себя он должен во что бы то ни стало”[57].
Опасность нависла над Радченко давно. Еще полтора месяца назад он сообщил в редакцию “Искры”, что подготовил себе в Питере “наследника”, старается ввести его в курс дела и тот заменит его на случай выезда. Это Елена Стасова. ”Очень энергичный, преданный делу, конспиративный человек, с обширным кругом знакомств,- отзывался о ней Радченко.- Пароль к ней: “Я хочу видеть Жулика” (Один из партийных псевдонимов Е. Стасовой.), ответ: “Я Жулик”. Можно через Тамару (Псевдоним В. Курятникова - конторщика в магазине резиновых изделий Б. Шварца в Петербурге. С конца 1901 года его служебный адрес использовали для явки и присылки писем И. Радченко.) повидаться и с Жуликом” [58]. Но хоть и есть уже “наследник”, так много у Радченко в Питере дел, что никак не может он покинуть его. “Аркадия я знаю за человека неувлекающегося и действующего осмотрительно,- пишет он о себе в одном из писем,- а потому беспокоиться без достаточных на то данных, право, не следовало бы...” [59]
Но Ленина по-прежнему тревожит безопасность петербургского агента “Искры”. Обращаясь к нему в третьем лице, он снова категорически требует от него: “Аркадия Вы должны сберечь: Вы нам за него отвечаете, и мы Вас отдадим под суд, если Вы его не выгоните из Питера до ареста. Пусть не увлекается живой работой и не забывает, что жандармы тоже живы” [60].
В эти августовские дни 1902 года в Лондон съезжаются представители Петербургского комитета РСДРП, Русской организации “Искры”, Северного союза РСДРП. Среди них Петр

Красиков. Весь его багаж - небольшой чемодан и скрипка в футляре. В скрипке - тщательно запрятанные листовки, в них сведения о состоянии партийной работы, резолюции местных комитетов о присоединении к “Искре”.
Семь человек встречаются на Сидмаузс-стрит - одной из трущобных улиц Лондона. Здесь, неподалеку от квартиры Ульяновых, сняты небольшие комнаты: одна служит столовой, другая предназначена для приезжающих, в остальных поселились Засулич, Мартов, Алексеев. Обстановка в этой “коммуне” самая неприхотливая. Но именно здесь постоянно живут приезжающие в Лондон русские социал-демократы. Здесь под руководством Ленина и при участии прибывших из России товарищей состоится совещание редакции “Искры”.
О совещании и принятом на нем решении Крупская по поручению Ленина пишет в Петербург. Агент “Искры”, которому адресовано ее шифрованное письмо, знает: на конспиративном языке Ваня - это посланец Петербургского комитета РСДРП В, Краснуха, Музыкант - прибывший от Русской организации “Искры” П. Красиков, “Семен Семенович” - представитель “Северного рабочего союза” В. Носков, “Боря” - Бунд, всеобщий еврейский социал-демократический союз, возникший в 1897 году в западных губерниях России.
Крупская пишет: “Ну-с, у нас теперь Ваня, Музыкант и Семен Семенович. Единодушие полное. Вчера порешили следующее: Ваня, Русская организация “Искры”, Семен Семенович фактически объединяются; Ваня и Семен Семенович выпускают заявление о своей солидарности с “Искрой”... Ваня + организация “Искры” + Семен Семенович устраивают Организационный Комитет для подготовки общепартийного съезда. Потом в этот комитет должны будут войти представители от Бори и от юга, но это потом, пока же Организационный Комитет считается еще неконституировавшимся, и никто, кроме своих, о нем не знает, состоит он исключительно из своих людей. Организационный Комитет берет на себя функции ЦК и старается подготовить фактическое объединение” [61].
В этот же день пишет Крупская в Астрахань Л. Книпович: “Питер, Северный Союз и организация “Искры” объединились (фактически), они образовали Организационный Комитет по подготовке съезда (с функциями временного ЦК), подготовка понимается в самом широком смысле”[62].
Ленин просматривает, как обычно, письма, вносит свои поправки, и они уходят в Россию.
А почти два месяца спустя, уже из Петербурга, один из участников совещания на Сидмаузс-стрит, Петр Красиков, сообщает в Лондон: “Дело Реки (Организационного комитета) двинуто. Назначено к слуш[анию] (Совещание) в сам[ом] коротк[ом] времени. Будут Гражд[анин] (Гражданин - В. Краснуха. Далее: “Коля” - Петербургский комитет, Касьян - один из псевдонимов И. Радченко, “Юрий Иванович” - представитель “Южного рабочего”, “Борис” - представитель Бунда, Игнат - один из псевдонимов П. Красикова, “Фекла” - редакция “Искры”, Курц - Ф. Ленгник, Клер - Г. Кржижановский.) от Ко[ли], Касьян от Русской организации “Искры”, Юрий Иванович и Борис. Немедленно за конституированием произойдет тут же кооптация Игната от Феклы, или под другим каким соусом, Курца и Клера от Волги... Вышлите немедленно на всякий случай тот коротенький конспект по делу Реки, который набросан был Стариком” [63].
Старик - это Ленин. И просит Красиков прислать заметки, сделанные Владимиром Ильичем на августовском совещании в Лондоне.
Но не может найти заметки Ленин. Да и ни к чему они, убежден он. Ведь это были отрывочные записи. Писал Владимир Ильич для себя. Потому иногда даже не словами, а знаками. Красиков же и Краснуха помнят, конечно, о чем шла на совещании речь. И повели дело правильно. “Очень и очень обрадовался, узнав, что Вы двинули быстро дело ОК...” [64] - пишет Красикову Ленин.
Еще в апреле в Белостоке, на конференции комитетов и организаций РСДРП, создан был Организационный комитет по созыву II съезда. Но большинство участников конференции вскоре арестовали. Заключили в тюремные казематы и двух членов комитета. И после лондонской встречи с Лениным Организационный комитет воссоздали в Пскове на совещании социал-демократических комитетов. Преобладающее большинство принадлежит в нем искровцам. От Русской организации “Искры” в него кооптировали П. Красикова, Ф. Ленгника, П. Лепешинского и Г. Кржижановского.

“Спешите со съездом всеми силами”[65],- настаивает Ленин. И в письме, которое уходит из Лондона в Петербург, Красикову, дает советы: о тактике в отношении Бунда, о том, кому поручить технические вопросы, связанные с созывом съезда, о разработке его порядка дня...
Как ждут в России письма Ленина! “Дорогие и славные! - еще в июле обращался к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне И. Радченко.- Не получая от вас писем, делается грустно, хотя, казалось бы, и некогда грустить... Ваши письма, какие бы ни были, приносят с собой для меня чувство бодрости” [66]. И еще одно свидетельство - Г. Кржижановского: “Каждый из нас вспоминает, как подбадривали нас эти записки и письма... Мир революционных подпольщиков никогда не вычеркнет этого из своей благодарной памяти” [67].
Нередко из писем Ленина и Крупской узнают подпольщики впервые о событиях в империи, по тем или иным причинам замалчиваемых российской печатью. В сентябре - это побеги из киевской и екатеринославской тюрем. “Из бежавших киевлян все, кроме Гальперина и еще одного, уже здесь, Бабушкин тоже”[68],- сообщает Надежда Константиновна в Астрахань Л, Книпович.
Почти десять лет назад Бабушкин впервые увидел Ленина. Было это на рабочей окраине Питера, в кружке, которым руководил Владимир Ильич. Бабушкин был слушателем кружка. Вместе с другими передовыми рабочими он помогал Ленину в создании петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. При его участии Ленин написал первый агитационный листок русских марксистов - обращение к забастовавшим рабочим Семянниковского завода. Когда создавалась “Искра”, Ленин снова встретился с Бабушкиным. И тот стал агентом газеты, ее сотрудником, организатором рабочих корреспонденции в Орехово-Зуеве, Владимире, Шуе, Иваново-Вознесенске и других районах страны. Бабушкина арестовывают. Но он перепиливает решетку в окне камеры и бежит из екатеринославской тюрьмы. С огромным трудом, не зная ни одного иностранного языка, добирается Бабушкин до Лондона.
Наконец он в комнате Ленина. Побывав в ней той же осенью, ее опишет впоследствии Николай Мещеряков. Ленин, сообщит он, “любил порядок, царивший всегда в его кабинете и в его комнате, в отличие, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок - всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар... У Ленина, напротив, был необыкновенный порядок, воздух в комнате всегда чистый. Если у него в комнате закуривали, он, хотя в то время еще и не запрещал курить, но начинал морщиться, открывал форточки и вообще обнаруживал большое неудовольствие” [69].
Бабушкин рассказывает Ленину о положении рабочих в Подмосковье, в Питере, в Екатеринославе. Он вспоминает адреса, явки рабочих кружков, которых и сам создал немало. Рассказывает о системе штрафов, принудительной срочной работе, которой злоупотребляет администрация на всех заводах и фабриках, о стычках с полицией, об организации забастовок.
“В то время,- узнаем от Крупской,- в Лондон приехал Плеханов. Было устроено заседание совместно с Бабушкиным. Речь шла о русских делах. У Бабушкина было свое мнение, которое он защищал очень твердо и так держался, что начал импонировать Плеханову. Георгий Валентинович стал внимательнее в него вглядываться. О своей будущей работе в России Бабушкин говорил, впрочем, только с Владимиром Ильичем, с которым был особенно близок” [70].
Говорят они о завоевании “Искрой” рабочих масс, о местных социал-демократических комитетах, о том, какие комитеты будут безоговорочно и твердо поддерживать принципы “Искры” на предстоящем II съезде партии.
Когда Ленин будет писать позднее в Киев Ленгнику, он вспомнит эту свою беседу с Бабушкиным. “Я знаю из фактов - категорически заявит Владимир Ильич, - что люди деятельные умели связывать “Искру” (эту архиинтеллигентскую, по мнению плохоньких интеллигентов, “Искру”) с массой даже таких отсталых, малоразвитых рабочих, как рабочие подмосковных промышленных губерний. Я знал рабочих, которые сами распространяли среди массы (тамошней) “Искру” и говорили только, что ее мало. Я слышал совсем недавно рассказ “солдата с поля битвы”, как в одном из таких фабричных

захолустий центра России "Искру" читали сразу во многих кружках, на собраниях по 10 - 15 человек …[71]
А Бабушкин, этот "солдат с поля битвы", беседуя с Владимиром Ильичем, убеждается, что редакция "Искры" - настоящий боевой штаб. Убеждается он в огромной, неослабной энергии, с которой ведет всю редакционную работу Ленин.
Не так давно, сообщает Ленин Бабушкину, Петербургский социал-демократический комитет перешел на платформу "Искры". Он признал ее идейное и организационное руководство. Но "экономисты" по-прежнему внушают рабочим, что идеи "Искры" преждевременны, неосуществимы. Они пытаются расколоть Петербургский комитет. Бабушкин хорошо знает условия работы столичной организации. Ему надо поэтому готовиться к отъезду.
И вскоре посланец Ленина уезжает в Питер. На сей раз у бабушкина паспорт на имя крестьянина Полтавской губернии Шубенко. Везет он с собой ленинское "Письмо к товарищу о наших организационных задачах".
Еще в середине сентября пришло к Ленину из Петербурга письмо от социал-демократа А. Шнеерсона. "Полнейшая реорганизация Петербургского "Союза Борьбы", - писал тот, - невольно вызывает на первый план насущный вопрос нашей революционной борьбы - вопрос, как мы должны сорганизоваться, чтобы наша деятельность не парализовалась набегами жандармов и стараниями провокаторов"[72]. Питерский товарищ переслал Ленину свой проект организации и попросил "уделить свое внимание его письму, причем с особым удовольствием желал бы иметь его критику"[73].
И Ленин немедленно ответил на присланное письмо. Ведь в нем поднят важный вопрос, который должен заинтересовать всех русских социал-демократов.
Ответное письмо разрослось до размеров брошюры. На многих страницах развил Ленин план построения партии нового типа. Конкретизировал план, разработанный им и в "Что делать?", и в статьях, опубликованных "Искрой".
Ленин написал питерскому товарищу об общем типе и структуре социал-демократических организаций. Он высказал ему свою точку зрения на функции местных партийных комитетов. Поделился мыслями о том, как следует направить работу заводских организаций - основного звена социал-демократического движения. Доказал необходимость создания двух согласованно действующих партийных центров - Центрального Комитета и центрального органа...
Ленинское "Письмо к товарищу о наших организационных задачах", которое везет Бабушкин из Лондона в Питер, попадет туда в те дни, когда особенно сильно разгорится там борьба между революционными марксистами - сторонниками создания строго конспиративной, централизованной политической организации пролетариата - и "экономистами", выступающими за широкую, рабочую организацию для ведения чисто экономической борьбы.
"Меня очень порадовал ответ Ленина по организационным вопросам,- придет вскоре сообщение из Петербурга,- "И, я надеюсь, рассеет ту путаницу понятий, которая царила в прежнем ЦК (Речь идет о комитете петербургского "Союза борьбы".). А эта путаница была страшно вредна для дела...[74] Откликнется и Е. Стасова - член Петербургского комитета: "Письмо Ленина общее читала с восторгом и во всем с ним согласна" [75].
В Лондон между тем прибыли уже и те, кто при помощи русской организации "Искры" бежал из киевской тюрьмы. Здесь - Н. Бауман, В. Крохмаль, И. Блюменфельд, М. Литвинов, О. Пятницкий. Ленин встречается с ними. Долго беседует, вспоминая прошлое, договариваясь о будущей работе - о том, как улучшить связь между местными социал-демократическими комитетами, как шире охватить их влиянием "Искры".
Оно растет с каждым днем. И все больше становится тюк писем, идущих из России к Ленину, в редакцию "Искры".
В Лондон сообщают:

> 2 (15) сентября. Из Петербурга.
> "Связываем с вами рабочего Михаила Ивановича Калинина (Август из Ревеля), писавшего в "И[скру]" под псевдонимом Чужестранец, а также и в "Р[абочую] М[ысль]", когда находился в Петербургском Союзе. Человек весьма энергичный, имеет

много связей с провинцией, которые и сообщит вам. Намерен постоянно корреспондировать и вести с вами переписку. Ключ к ним: “К у з н е ц ы” П. Я. (“Мех гудит и дышит”...)” [76]

7 (20) сентября. Из Москвы.
“Ваши дела куда блестящее, чем думаете вы сами, везде относятся с большим интересом, ждут с громадным интересом вашей литературы, ждут, как вы отнесетесь к такому-то и такому-то факту. Только вашей литературы и ждут, только ее и читают, только на нее и смотрят как на руков[одящую][77].

9(22) сентября. Из Кореиза.
“В скором времени проектируется объединительный съезд крымских организаций (Симферопольского “Рабочего союза”, Ялтинского, Севастопольского, Керченского, Феодосийского и Мелитопольского комитетов” РСДРП.). Они обещали возбудить при сем удобном случае вопрос о признании Феклы (Редакции “Искры”.) своим официальным представителем” [78].

10(23) сентября. Из Самары,
“...Резюмирую в нескольких словах отзывы читателей об “Искре”: 1) все единогласно утверждают, что это первая настоящая политическая газета, первая газета, в которой чувствуется, что литераторы тут, милостью божией, а не с ветру; 2) все больше и больше лиц соглашается с ее организационным планом...[79]

12 (25) сентября. Из Тулы.
“Комитет (Имеется в виду Тульский комитет РСДРП.) есть, связи с рабочими очень широки. Направление ближе к “Искре”... Адрес для явки: Бабаевская ул., земское городское училище, Лидия Антоновна Басова; пароль: “Как поживает Вера Петровна?” Ответ: “Она умерла”. Тогда спросить Николаева” [80].

20 сентября (3 октября).
Из Петербурга. “Программу” Вашу обсуждаем с рабочими... Предлагала одному изложить свои взгляды письменно, высказывает ценные соображения о практической постановке работы в деревне и хотел бы получить некоторые указания”[81].

30 сентября (13 октября).
Из Нижнего Новгорода. “Наш комитет несколько преобразовался, больше организованности... Недавно принято было решение послать в “Искру” официальное заявление, в котором “Искра” признается руководящим органом...” [82]

В Лондоне, так же как и в Мюнхене, Ленин хорошо информирован о рабочем движении в России. Агенты “Искры” пересылают ему листовки социал-демократов, письма рабочих. И, получив этот бесценный для газеты материал, Ленин сразу же готовит его к отправке в типографию в Ист-Энде, где набирается очередной номер “Искры”.
Он редактирует корреспонденцию с Кавказа о крестьянском движении в Кутаисской губернии. Читает изданную Донским комитетом РСДРП листовку “К рабочим мастерских Владикавказской железной дороги” и вносит правку в сопроводительный текст. Пишет предисловие к присланной и Лондон листовке Нижегородского комитета РСДРП с речами сормовских рабочих, привлеченных к суду за организацию майских демонстраций. Знакомится с письмами о забастовке в Ростове-на-Дону, распространении прокламаций в

Азове, беззакониях властей по отношению к жителям рабочего поселка на реке Шостка и рабочим Порохового завода Черниговской губернии.
Приходят в Лондон и сообщения от Бабушкина. Он обращается к Ленину с просьбой наметить вопросы, по которым можно “проэкзаменовать” членов пропагандистской группы, г е. выяснить их позицию по отношению к принципам Искры”. Ленин пишет ему, что рекомендовать из Лондона экзаменационную программу трудно, и предлагает: “Пускай напишут все и каждый пропагандисты о той программе, по которой они читают или хотят читать,- тогда я буду отвечать подробно” [83].
Ленина интересует множество вопросов, и он ставит их перед Бабушкиным:
- Каков теперешний устав СПБ комитета?
- Приняты ли меры для слежения за каждым шагом питерской зубатовщины?
- Читаются ли в рабочих кружках систематические лекции (или устраиваются ли беседы) на тему об организации, о значении “организации революционеров”?
- Проповедуется ли широко среди рабочих, что они и именно они должны как можно чаще и шире переходить на иллегальное положение?
- Приняты ли меры к удесятерению корреспонденции из Питера?
- Внушается ли всем рабочим мысль, что именно они должны сорганизовать типографию для листков и правильное распространение их?
А десять дней спустя Ленин получает из России шестнадцатый номер газеты “Рабочая мысль”- номер, на котором, орган “экономистов” кончает свою жизнь. Ленин находит в нем “Протест комитета Рабочей организации”. Он направлен против заявления Петербургского комитета РСДРП о признании “Искры” и “Зари” руководящими органами партии.
Теперь Ленину уже вполне ясно: “экономисты” водят его питерских единомышленников за нос, уверяя их в своем согласии с “Искрой” и “Зарей”. И в тот же день он отправляет в Петербург два письма.
“Немедленно выступайте с боевым протестом (если не в силах издать, тотчас шлите сюда, а копию во всяком случае),- требует Ленин от Стасовой,- ведите решительную войну и выносите ее шире в среду рабочих” [84].
На “явный обман”, на “чистейшее надувательство”, на то, что противники “Искры” хотят выиграть время, чтобы укрепиться, Ленин обращает внимание и Бабушкина, советуя ему: “...сейчас же выпустить (а если нельзя выпустить,; то прислать сюда) листок с протестом от имени Комитета и вообще отвергнуть всякие примирительные заигрывания и подходы, начать решительную войну, беспощадную войну...”[85]
Ленин приветствует “энергичное поведение Новицкой” [86], как называет в конспиративных целях Бабушкина. Вчера в письме к Стасовой он настоятельно рекомендовал избрать Бабушкина от Питера взамен арестованного Краснухи членом Организационного комитета. Ленин убежден, что Бабушкин этого вполне заслуживает. Отдавая ему должное, он и сегодня пишет Стасовой: “...пока есть у вас Богдан, нельзя и на безлюдье жаловаться...” [87] И уходит это письмо в Петербург вместе с письмом к Бабушкину, в котором Ленин призывает его “продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний”. Он требует: “Пишите как можно чаще и, немедля, дайте ходы к вашим рабочим (и характеристику их), чтобы в случае провала мы не сели на мель” [88].
Примечания:
[54] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 121.
[55] Там же.
[56] Там же, с. 122.
[57] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 217.
[58] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 48.
[59] “Пролетарская революция”, 1928, № 6-7, с. 100-101.
[60] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 219.
[61] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 148.
[62] Там же, с. 150.
[63] Там же, с. 357.
[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 232.
[65] Там же, с. 233.

[66] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 92.
[67] См. “Надежда Константиновна Крупская. К 65-летию со дня рождения”. М., 1935, с. 36-37.
[68] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 279.
[69] “Воспоминания э Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 95.
[70] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 68.
[71] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 271-272.
[72] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 2, с. 223.
[73] Там же, с. 230.
[74] Там же, с. 535.
[75] Там же, с. 515.
[76] Там же, с. 236.
[77] Там же, с. 255.
[78] Там же, с. 263.
[79] Там же, с. 270.
[80] Там же, с. 277.
[81] Там же, с. 300.
[82] Там же, с. 340.
[83] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 249-250.
[84] Там же, с. 255.
[85] Там же, с. 256.
[86] Там же.
[87] Там же.
[88] Там же.

Ведь это Ленин!

Он идет сюда каждое утро. И когда ярко светит солнце. И в слякотную, дождливую погоду. Идет в знаменитый Британский музей. Его влечет сюда богатейшая библиотека.
Книги... Они всегда занимали особое место в жизни Ленина. В Лондоне Владимир Ильич по-прежнему неразлучен с ними. Едва обосновавшись на Холфорд-сквер, он подает прошение директору библиотеки Британского музея:

> “Сэр!
> Обращаюсь к Вам с просьбой о выдаче мне билета на право входа в читальный зал Британского музея. Я прибыл из России для изучения аграрного вопроса. Прилагаю рекомендательное письмо м-ра Митчелла.
> С глубоким уважением к Вам, сэр,
> Якоб Рихтер. Апрель 21. 1902 [89].

И. Митчелл - генеральный секретарь Всеобщей федерации тред-юнионов - пишет положенную в таких случаях рекомендацию:

> “Я имею удовольствие рекомендовать мистера Якоба Рихтера, доктора прав (из С.-Петербурга), для входа в Читальный Зал. Намерение моего друга, ходатайствующего о допущении,- изучить Земельный Вопрос.
> Я уверен, что Вы сможете удовлетворить ходатайство...” [90]

Но проходит три дня, а ответа нет. В чем дело? Ведь Митчелл написал, казалось, все, что требовалось. Добавил даже, что Рихтер - доктор юриспруденции, член высоко чтимой в Англии корпорации юристов.
Оказывается, администрации Британского музея никак не найти в справочнике улицу, на которой проживает мистер Митчелл. А коли так, то и пропуск не может быть выдан.

И Митчелл вынужден вновь обратиться к директору музея. “Сэр,- разъясняет он,- затруднения, возникшие у Вас в связи с рекомендацией, данной мною г-ну Рихтеру, просившему предоставить ему право пользоваться читальным залом, объясняются тем, что улица, на которой я проживаю (Вольтер-стрит, Клэпхем), возникла лишь недавно и, видимо, еще не указана в справочнике. Настоящим письмом я подтверждаю мою рекомендацию...”[91]
На сей раз она написана не на обычной бумажке, небрежным и неразборчивым почерком, как это было три дня назад, а на бланке федерации, отпечатана на машинке, и подпись скреплена печатью тред-юнионов.
Все формальности теперь уже соблюдены. В регистрационный журнал библиотеки Британского музея заносится номер А 72453. Ленин расписывается - Я. Рихтер.
Он обычно уходит туда с утра - узнаем мы из записок Крупской. Половину своего времени проводит в знаменитом читальном зале Британского музея - Ридинг-Рум.
Владимир Ильич сидит неподалеку от главного прохода в холл. И здесь встречает его нередко Ф. Ротштейн - русский эмигрант, социал-демократ, вошедший и в английскую социал-демократическую федерацию.

> “Меня всегда поражала,- вспоминал он,- изумительная работоспособность Ленина: он работал не только упорно, но и очень быстро, по крайней мере втрое быстрее меня... Администрация зала относилась к Ленину с большим уважением, и служащие зала нередко с удивлением говорили: “Этот читатель просто проглатывает книги... Такого количества книг не заказывает никто другой””[92].

Часто встречает Ленина в Британском музее и английский писатель Джон Мейсфильд. Он напишет позднее своему американскому коллеге Корлиссу Лэмонту об этом “необыкновенном человеке”: “Он бывал в читальном зале часто и в течение значительного периода времени, и люди замечали его- нельзя было его не заметить...” [93]
Несколько лет спустя, вновь оказавшись на берегах Темзы, Ленин расскажет московскому социал-демократу Н. Каржанскому о многих днях, проведенных в библиотеке ; Британского музея.
- Здесь,- сообщит он ему,- имеется богатейший русский отдел. Есть специальные работники, которые следят за вновь выходящей русской литературой и подбирают ее. Стоит вам сделать заявку на книгу - книга у вас будет. Особенно полон экономический отдел. Они ведь купцы: им надо торговать с Россией и надо ее знать... Вчера мне подали книги на русском языке, которых нет ни в Питере, ни в Москве.
- Как же это могло случиться? - поразится собеседник.
- Они вышли в свет в России, а потом были конфискованы,- значит, в наших библиотеках вы их не найдете. И по обмену ни одна библиотека их не получит. А англичан не интересует вопрос о том, как столыпинские молодцы из главного управления по делам печати относятся к той или иной книге... [94]
В библиотеке Британского музея Ленин занимается главным образом аграрным вопросом. С самого утра садится он за исследования о сельском хозяйстве Германии, Голландии, Франции. Делает выписки из книг, изданных в Париже, Берлине, Лондоне, Иене, Цаберне, Лейпциге. Знакомится и с тем, что поступило сюда из России. Ленин штудирует огромную литературу, чтобы изучить земельный вопрос на Западе и в России, отношение к нему марксистов.
Ленин занимался этим и раньше. Незадолго до отъезда из Мюнхена он завершил работу над статьей “Аграрная программа русской социал-демократии”. Владимир Ильич назвал ее комментарием к аграрной части проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии. Отстаивая в статье марксистские идеи, он отражал атаки только что появившейся партии социалистов-революционеров (эсеров).
Владимир Ильич разъяснял в статье основные требования социал-демократической аграрной программы накануне буржуазно-демократической революции, их классовое содержание, историческую обусловленность.
В Ридинг-Рум Ленин решает написать работу, адресованную русскому крестьянину - простому, малограмотному и даже вовсе неграмотному читателю.

“Я засел теперь за популярную брошюру для крестьян о нашей аграрной программе,- пишет Ленин.- Мне очень хочется разъяснить нашу идею о классовой борьбе в деревне на конкретных данных о четырех слоях деревенского населения (помещики, крестьянская буржуазия, среднее крестьянство и полупролетарии вместе с пролетариями)” [95].
Это - первое произведение Ленина, в котором он обращается к крестьянству. Тщательно продумывает ее план.
Несколько раз изменяет его, добиваясь четкости, стройности ясности в изложении. Он делает множество выписок о землевладении в России, о распределении лошадей у крестьян в сельских обществах. На лежащих перед ним листах вырастают стройные колонки цифр: Ленин тщательно анализирует классовый состав русской деревни.
“К деревенской бедноте”- так называет Ленин свою брошюру. Работа над нею, свидетельствует Крупская, доставляет ему удовлетворение. Он растолковывает, чего хочет рабочая партия, объясняет, почему крестьянской бедноте надо идти с рабочими.
“Многие крестьяне, - чеканно ясно пишет Ленин,- уже слышали, вероятно, о рабочих волнениях в городах. Некоторые сами бывали в столицах и на фабриках и видывали тамошние бунты, как их называет полиция. Другие знают рабочих, которые участвовали в волнениях и были высланы начальством в деревни. Третьим попадали в руки рабочие листки и книжки о рабочей борьбе. Четвертые просто слыхали рассказы бывалых людей о том, что делается в городах.
Прежде бунтовали одни студенты, а теперь поднялись во всех больших городах тысячи и десятки тысяч рабочих” [96].
Ленин пишет о том, как преследуют царские власти тех, кто борется за свои права, за свободу. Пишет и о том, что ни суды, ни тюрьмы, ни каторга не способны уже задушить рабочее движение. Он заявляет: стремление всех, кому дорого лучшее устройство общества,- соединиться в Российскую социал-демократическую рабочую партию.
О том, что Ленин работает над брошюрой, сообщает в Россию Крупская. “Скоро выйдет брошюра Ленина для крестьян, пришлем по частям тотчас по выходе, там много материала для листков”[97],-пишет она в конце апреля 1903 года в Тверь, местному комитету РСДРП.
А спустя почти месяц уходит письмо в Крестцы, уездный город Новгородской губернии. Адресовано оно агроному А. Залоге. Между строк ничем внешне не примечательного послания оказывается второй, написанный симпатическими чернилами текст: “Вышла на днях популярная брошюра Ленина для крестьян, называется: “К деревенской бедноте”, заключает в себе популярное изложение социал-демократического учения вообще и аграрной программы в частности” [98].
О том, что Ленин завершил работу над брошюрой, что “Заграничная лига русской революционной социал-демократии” издала ее в Женеве, узнают местные комитеты РСДРП. Вскоре в Россию доставляются и первые экземпляры брошюры.
Она, сообщает из Твери в Лондон Ц. Зеликсон-Бобровская, “произвела фурор”[99]. В. Носков, возглавляющий одно из транспортных бюро “Искры”, из Либавы ставит в известность редакцию: “Масса требований на брошюру Ленина” [100]. Пишет о том же и А. Гусев - один из организаторов Тверского комитета РСДРП: “Брошюру Ленина получили транспортом, но слишком мало для нас. Есть обширные связи с учителями, Нужно на худой конец 200-150 штук” [101]. Агент “Искры”, прибывший в Кострому, убеждается: “Громадным успехом пользуется “К деревенской бедноте”, недавно получена. Ее много идет к крестьянам” [102].
Позднее Центральный Комитет РСДРП перепечатает брошюру за границей. В самой России ее выпустят местные социал-демократические организации. Она получит широкое распространение. Только с мая 1903 по декабрь 1905 года брошюру нелегально доставят в семьдесят пять населенных пунктов. Ее будут изучать в подпольных социал-демократических рабочих кружках. Проникнет она в армию, на флот, к студенчеству.
Летом 1907 года петербургское издание брошюры попадет в руки прилукского уездного исправника. Тот препроводит ее в столицу, в комитет по делам печати. И только тогда с ней впервые познакомится цензор, а познакомившись, поспешит донести начальству, что многие ее строки посвящены разъяснению учения социал-демократической рабочей партии и ее программы; что брошюра содержит призывы к ниспровержению существующего государственного и экономического строя; что она зовет к борьбе за учредительное

всенародное собрание и социалистический строй. Цензор сочтет необходимым подчеркнуть в донесении, что автор брошюры убеждает читателя, деревенского пролетария, всемерно стремиться к единению с городским пролетариатом для совместной борьбы, цель которой - уничтожить гнет капиталистов и деревенских богатеев. Цензор обратит внимание начальства и на то, что автор восстанавливает неимущие деревенские классы против крупных землевладельцев.

А посему "против автора брошюры Н. Ленина... а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными"[103], возбудят в С.-Петербургской судебной палате особое дело. И, усмотрев в брошюре "К деревенской бедноте" "признаки преступных деяний", судьи утвердят арест, наложенный на нее цензурой.

Но еще за много месяцев до выхода в свет брошюры "К деревенской бедноте", осенью 1902 года, Владимир Ильич выступает в разных городах Европы с рефератами об аграрной программе российской социал-демократии. И всюду обрушивается на эсеров.

Что же вынудило Ленина, загруженного делами "Искры", занятого подготовкой к съезду, отправиться из Лондона в Швейцарию и Бельгию? Почему так решительно ринулся он в бой против социал-революционеров?

Потому, что эта партия, разъясняет Ленин, с ее мелкобуржуазной, полуанархической "революционностью" пагубно влияет на классовое сознание пролетариата, стремится подчинить его буржуазной демократии. Потому, что так называемое "социалистски-революционное" течение общественной мысли отошло от единственной международной теории революционного социализма - марксизма. Эсеры повторяют ошибку "Народной воли", всего старого русского социализма и "ограничивают свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости"[104]. Они не понимают, что "действительно революционной и истинно социалистической может быть в современной России лишь партия, сливающая социализм с русским рабочим движением"[105].

Эсеровская проповедь террора, утверждает Ленин, особенно пагубна. Опасно, что террористические настроения начинают сказываться уже у части рабочих, даже у социал-демократов. И перед осенней поездкой в Швейцарию и Бельгию в двух номерах "Искры" Ленин выступает со статьей "Революционный авантюризм", в которой подвергает резкой критике ошибочные теоретические и программные взгляды, эсеров, их авантюристическую тактику.

Этим же вопросам он посвящает и свой реферат в Женеве.

"Тогда,- вспомнит старая большевичка П. Кулябко,- я в первый раз слышала его выступление и тогда же познакомилась с ним лично. Как раз в день реферата в сумерках ко мне постучался и вошел незнакомый человек; я с первого взгляда подумала, что это кто-нибудь из российских товарищей, но он сейчас же назвал себя, приветливо улыбаясь,- "Ульянов", а когда снял головной убор, я увидела и его лысину, о которой, конечно, знала по рассказам товарищей... Завязался живой разговор... Владимир Ильич был очень оживлен и весело и заразительно смеялся... Незаметно пробежали часа полтора - два. Владимир Ильич попрощался с нами до вечера, сказав, что ему еще нужно кое-что просмотреть к реферату... О нем были расклеены в городе нашей женевской искровской группой афиши. Содержание его было об эсерах. Я пришла довольно рано; большой зал был уже битком набит. Вся женевская русская колония, кажется, до единого человека, была здесь: на две трети это были эсеры... и сочувствовавшая им студенческая молодежь" [106].

В Женеве, так же как и в Лозанне, Берне, Цюрихе, Льеже, Ленин разоблачает эсеров. Он утверждает, что тактика индивидуального террора ведет к отрыву революционеров от народа, что террористические акты приносят громадный вред рабочему движению.

Он решительно заявляет: "...партия "социалистов-революционеров" на самом деле отнюдь не стоит на точке зрения научного революционного социализма... ни в вопросах международного, ни в вопросах русского движения. На самом деле "партия" характеризуется полной беспринципностью но всех важнейших принципиальных вопросах современного социализма..." [107]

Напрасно эсеры, говорит Ленин, считают свою родословную от действительно великих революционеров - народовольцев Андрея Желябова, Александра Михайлова, Софьи Перовской и им подобных. С ними, категорически утверждает он, у эсеров нет и не может

быть ничего общего, как у мелкобуржуазной партии, по недоразумению носящей название социалистической.
Вот заметки одного из присутствующих на обсуждении реферата Ленина:
“Реферат был, конечно, убийственным для эсеров... Владимир Ильич в этом реферате, который был его первым рефератом в Женеве, показал, чего стоит пафос эсеров с их социализацией земли”, показал и вскрыл просто и ясно их реакционность во всех отношениях и их авантюризм. Говорил при этом Владимир Ильич очень страстно, его интонация невольно передавалась всем слушателям... Эсеры считали себя самыми революционными на свете, и вот приходит Ленин и... совлекает с них все их блестящие одежды, показывая при этом под ними изорванные лохмотья давным-давно изжитой мелкобуржуазной мудрости” [108].
Ленин возвращается в Лондон. Он пишет в Берн: “После путешествия я чувствовал себя изрядно утомленным, но теперь начинаю “отходить”, хотя завтра предстоит еще здесь повторить реферат” [109]
Поспорить с Лениным, узнаем из воспоминаний оказавшегося в Англии петербургского социал-демократа И. Михайлова, приходит в рабочий район Уайтчепель немало эсеров. Ленин начинает с характеристики основных положений народничества. Многие эсеры торжествуют:
- Вот, даже Ленин говорит о неопровержимых достоинствах нашего учения!
Однако Владимир Ильич подвергает с позиций марксизма все сказанное о народническом учении самой ожесточенной, уничтожающей критике. Торжествовавшие только что вожди эсеровской партии нервничают, волнуются, но ждут: что же будет дальше?
Ленин переходит к вопросам классовой борьбы, материалистического понимания истории, программы и тактики социал-демократии.
Теперь, убеждается Михайлов, он уже шлифует, заостряет все важнейшие положения марксизма. И на этом кончает...
А в феврале 1903 года Ленин в Париже. Не только из-за реферата приезжает он сюда, но и в связи с официальным приглашением Русской высшей школы общественных наук.
Ее создали в Париже почти два года назад либеральные профессора, за свои убеждения изгнанные царским правительством из высших учебных заведений России. В школе обучаются русские студенты, проживающие за границей. И хотя руководители школы проявляют открытую неприязнь к революционным марксистам, именно здесь предстоит Ленину прочесть лекции о марксистских взглядах на аграрный вопрос.
Но в расписании, вывешенном возле аудитории, нет имени Ленина. Значится же фамилия В. Ильина, выступающего с лекциями “Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Западной Европе и в России”.
Руководителям школы он известен как марксист-теоретик, автор “Экономических этюдов и статей”, а также вышедшего в 1899 году труда “Развитие капитализма в России”. Не ведают они, конечно, о том, что в делах российской полиции сказано о В. Ильине: “Названный автор более известен под другим своим псевдонимом - “Тулин”... Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это... Владимир Ильин Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году” [110].
Не знают руководители школы и о том, что В. Ильин - это тот самый Ленин, который стоит во главе “Искры”, который опубликовал книгу “Что делать?”.
Ильина, а не Ленина счел совет школы возможным допустить к чтению лекций. Ему, Ильину, послал совет в декабре 1902 года официальное приглашение.
Но за полчаса до первой лекции руководители школы все же узнают: Ильин - это Владимир Ульянов, это Ленин.
Как же отменить его лекции, если он уже в Париже?! Если уже заполнена до отказа аудитория в доме № 16 по улице Сорбонны?
Если к тому же пришли не только слушатели школы, но и узнавшие о лекции русские эмигранты - социал-демократы...
И Ленин поднимается на кафедру Русской высшей школы общественных наук. Он говорит, что прочтет четыре лекции. Начнет же с общей теории аграрного вопроса.

Владимир Ильич овладевает аудиторией настолько, что даже студенты последнего семестра, многие из которых уже заканчивают курс политической экономии, затаив дыхание с жадностью ловят каждое слово лектора.
“В первой же своей лекции,- свидетельствует один из слушателей,- он придал делу особый облик и показал, что он не только особенный экономист, но и особенный, по сравнению с другими, марксист... Владимир Ильич дал вполне исчерпывающий и законченной анализ хозяйственного строя России при таком освещении и с таким применением к анализу теории Маркса, которых не дали слушателям все другие профессора” [111].
Все свободное от лекций время Ленин - в национальной библиотеке. Предстоит чтение реферата на собрании русских политэмигрантов. И в Париже он будет говорить об аграрной программе эсеров и социал-демократов. Тщательно готовится к этому выступлению Владимир Ильич. Делает заметки из книг, которых не раздобыть в Лондоне.
Несколько дней спустя один из тех, кто прослушает реферат Ленина, напишет в Россию: “Борьба между социал-революционерами и социал-демократами теперь в полном разгаре. С одной стороны выступили такие силы, как Ленин, с другой - Чернов и др. Конечно, борьба повлекла за собой сильный раскол среди молодежи, страшный антагонизм, но ведь без этого обойтись нельзя. Сегодня читает Чернов, и социал-демократы с Лениным во главе собираются возражать. Ленин говорит прекрасно, буквально овладевает слушателями” [112].
Из Парижа, как ни загружен, Ленин продолжает руководить подготовкой партийного съезда. Ему переслали письмо Организационного комитета, требующее немедленного ответа. И Ленин отправляет ответ в Лондон Крупской. Оттуда уйдет его письмо в Россию, “... Советуем спешить со съездом,- пишет Ленин Организационному комитету.- Чем скорее созовете, тем лучше. И принимайтесь немедленно и активнее за подготовку комитетов... Главное: обеспечить полную уверенность в несомненном большинстве решительных искровцев” [113].
Еще два дня надо Владимиру Ильичу пробыть в Париже. И он сообщает Надежде Константиновне:

> “Еду, вероятно, в воскресенье. Поезда приходят не в 6, а в 3 ч. 45 и в 10 ч. 45. С одним из этих, вероятно.
> Твой...” [114]

И снова Ленин в Лондоне. По-прежнему допоздна светится его окно в доме на Холфорд-сквер.
Примечания:
[89] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 451.
[90] См. Мариэтта Шагинян. В библиотеке Британского музея.- “Октябрь”, 1968, № 3, с. 173.
[91] “Иностранная литература”, 1957, № 4. с. 22.
[92] См. И. М. Майский. Воспоминания советского посла. Кн. I. Путешествие в прошлое. М., 1961, с. 277.
[93] “Нева”, 1970, № 11, с. 216.
[94] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 1. М., 1958, с. 362-363.
[95] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 282.
[96] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, с. 131.
[97] “Переписка В. И. Ленина и редакции газеты “Искра”...”, т. 3, с. 311.
[98] Там же, с. 383.
[99] Там же, с. 471.
[100] Там же, с. 409.
[101] Там же, с. 455.
[102] “Ленинская “Искра” и местные партийные организации России (1900-1903 гг.)”. Пермь, 1971, с. 239.
[103] “Вопросы архивоведения”, 1965, № 1, с. 72.
[104] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 372.
[105] Там же, с. 373.

[106] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 1, с. 228-229.
[107] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 7, с. 55.
[108] “Каторга и ссылка”, 1924., кн. X, с. 16.
[109] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 233.
[110] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 124-125.
[111] “Коммунист” (Нижний Новгород), 1924, № 1, с. 136-137.
[112] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 153-154.
[113] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 279-280.
[114] Там же, с. 280.

Домик в Сешероне

В конце теплого майского дня 1903 года русская социал-демократка Прасковья Кулябко встречает на женевской улице Ленина. Он переходит через дорогу, всматривается в какой-то дом, потом быстро возвращается.

Оказывается, Ленин ищет себе квартиру. Кулябко предлагает свою помощь. И некоторое время они ходят по Женеве уже вдвоем.

- Довольны ли вы приездом в Швейцарию? - спрашивает спутница.

- Нет, не очень,- отвечает Ленин.- Природа - вот это хорошо, мы с Надеждой Константиновной большие любители прогулок. А сама Женева ничем не привлекательна - просто большая деревня...

Всего несколько дней, как, покинув британскую столицу, живет Ленин в городе, ставшем издавна главным центром русской революционно-демократической эмиграции. Здесь, на площади Пре-л'эвек, вблизи Женевского озера, в мае 1865 года обосновалась переехавшая из Лондона Вольная русская типография Герцена. Здесь продолжал выходить издаваемый им “Колокол”. В Женеве печатался журнал “Народное дело”, выпускаемый эмигрантами, объединившимися в Русскую секцию I Интернационала. В Женеве осенью 1883 года была основана первая русская марксистская группа - “Освобождение труда”. На узкой улице Ланси находилась типография, в которой эта группа издавала на русском языке произведения Маркса и Энгельса. А отныне тут, в Женеве, будет печататься “Искра”.

Некоторое время Ульяновы живут в пансионе мадам Рене Морар. Затем - в домике по улице Коллин. А с середины июня 1903 года поселяются в рабочем предместье Сешерон.

Их домик, мало чем отличающийся от соседних, стоит на тихой улице Шмен приве дю Фуайе. “...Внизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленьких комнатушки,- описывает этот домик Крупская.- Кухня была у нас и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды... Толчея у нас сразу образовалась непротолченная. Когда надо было с кем потолковать в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера”[115].

Живут Ульяновы наверху, куда ведет деревянная лесенка. В комнатах стоят простые столы, заваленные журналами, рукописями, газетными вырезками. По стенам - полки с книгами. В каждой комнате - прикрытая пледом койка, стулья.

Здесь пишет Ленин проекты резолюций II съезда партии-о месте Бунда в РСДРП, об экономической борьбе, о праздновании Первого мая, о представительстве Российской социал-демократической рабочей партии на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, о демонстрациях, пропаганде, об отношении к учащейся молодежи, о распределении революционных сил по России, о партийной литературе.

Здесь пишет он проект устава РСДРП, первый пункт которого гласит: “Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций” [116].

В комнате на втором этаже домика пишутся и статьи для “Искры”. Отсюда Ленин несет густо исписанные листки на улицу Кулувреньер. В доме № 27 - “Типография женевских

рабочих". Здесь швейцарские и русские рабочие набирают теперь газету российских социал-демократов.
Давно налаженными путями, но теперь уже из Женевы, уходит "Искра" в Россию. Она проникает даже в далекую Якутию. Проникает и туда, где отбывает ссылку профессиональная революционерка М. Эссен. Там газета знакомит ее с ленинским планом создания подлинно пролетарской партии, с тем, как ведется борьба за революционный марксизм, против оппортунизма, кустарничества, идейных шатаний и разброда. И находиться в ссылке, ждать ее конца становится невмоготу. Эссен бежит из Якутии. После многих мытарств она в Женеве. И здесь слышит от Владимира Ильича то, что знала до сих пор лишь со страниц "Искры".
"Задачи, поставленные перед нами Лениным,- пишет она,- заключались в основном в следующем: 1) создать, усилить и укрепить в крупных промышленных центрах искровские комитеты; 2) вовлечь передовых рабочих в руководящие партийные органы; 3) внедрять в сознание рабочих принципы революционного научного марксизма; 4) развернуть и усилить борьбу со всякого рода оппортунистическими направлениями: "легальным марксизмом", "экономизмом" и другими мелкобуржуазными течениями; 5) вести агитацию среди рабочих масс о необходимости открытых выступлений, демонстраций, забастовок и других форм революционной борьбы с самодержавием и господствующими классами; 6) готовить II съезд партии" [117].
Доклады, с которыми выступает Ленин перед русскими социал-демократами, обстоятельны и вместе с тем кратки. Он умеет быстро завоевать внимание аудитории, втянуть слушателей в спор и получает таким образом возможность определить не только степень их подготовленности, но и присущие каждому особенности характера и склонности.
Эти особенности Ленин учитывает и при отправке революционеров в Россию. Он считается с их желанием, настроением, каждому говорит:
- Подумайте, какая работа вас больше привлекает, в какой вы чувствуете себя более уверенным и куда бы вы хотели поехать. Работы непочатый край, и люди везде нужны.
Однажды приходит к нему В. Радус-Зенькович, наборщик женевской типографии "Искры". Еще не прошло года, как он бежал из сибирской ссылки, только недавно обосновался в Швейцарии. А уже тянет его обратно, на родину.
"С какой сердечностью Владимир Ильич отозвался на мое решение возвратиться в Россию для нелегальной работы,- напишет через десятки лет Радус-Зенькович.- Он тепло напутствовал меня, рассказал о задачах и методах предстоящей работы подпольщика, профессионала-революционера, о качествах, которыми должен обладать революционер" [118].
И тут же попросил зайти к Крупской - получить у нее явки, шифр для переписки, поручения...
Таков Ленин с единомышленниками. Иной - с противниками. А борьба и здесь, в Швейцарии, не затихает ни на день. Он выступает с лекциями в самой Женеве. Отправляется с этой же целью в Берн. "Сейчас Ленин читает у нас ряд лекций по аграрному вопросу,- сообщает в Петербург В. Величкина, член "Заграничной лиги русской революционной социал-демократии".- Что он за талантливый человек!" [119]
В этих лекциях обрушивается Владимир Ильич на одного из лидеров и теоретиков партии эсеров, В. Чернова, пытающегося представить русское крестьянство единой массой. Ленин доказывает, что есть в деревне бедняки, середняки, зажиточные крестьяне. И обрисовывает положение в деревне бедняков и середняков, дает анализ крестьянских волнений.
Он намерен написать брошюру против эсеров и в эту весеннюю пору составляет ее подробный план:
"Факт войны. Она только начинается. Литературная полемика.
Почему? Выяснение оснований, делающих войну неизбежной.
Особенное внимание должно быть обращено на теоретические, принципиальные разногласия" [120].
И хоть не будет написана сама брошюра, сбережет время на листках ее план с перечнем этих "принципиальных разногласий" между революционными марксистами и эсерами. Сбережет листки, на которых отмечены Владимиром Ильичем социальные корни воззрений эсеров. Указано на то, что должно быть подвергнуто бескомпромиссной, беспощадной

критике. Сбережет время ленинский план, завершающийся перечнем задач современных революционеров: “Теоретическая защита и развитие революционного марксизма”, “Всемерное участие в международной идейной борьбе”, “Организация пролетариата” и, наконец,- “Руководители должны подготовить массы к восстанию”[121].
Центром, куда стекаются теперь сообщения о революционной борьбе в России, стал домик в Сешероне, где живут Ульяновы. Через Берн в один из июньских дней приходит корреспонденция из Красноярска. Ленин узнает из нее о вышедшей там первомайской прокламации “К сибирским рабочим”. Из Саратова пересылают речь на суде рабочего Денисова. Речь, в которой тот заявил своим судьям: “Я социал-демократ. Считая, что социал-демократия, и только она одна, является истинной выразительницей интересов пролетариев вообще, и русских рабочих, в частности, я считаю долгом следовать ее принципам, поступать согласно ее программе” [122].
Доставляют Ленину листовку, изданную Воронежским комитетом РСДРП. И, внимательно ознакомившись с ней, он делает на листовке пометку: “Ответ Воронежского комитета Организационному комитету”[123], Едва достигнув Женевы, уходит в набор письмо о стачке на бумагопрядильной фабрике Воронина, что на Выборгской стороне в Петербурге. В 42-м номере “Искры” Ленин открывает им “Хронику рабочего движения”. Письмо сообщает, в частности, о листовке Петербургского комитета РСДРП по поводу стачки.
И вскоре эта листовка также доставляется Ленину. “...Главный враг - правительство, посылающее к нам своих лакеев,- читает Владимир Ильич.- Оно хочет нам всякого вреда, оно спускает на нас диких казаков с нагайками и, когда мы добиваемся счастья и свободы, велит солдатам стрелять в нас, безоружных. Сколько крови рабочей пролило оно за один прошлый год по всей России. У нас в Питере мы еще не забыли, что было на Обуховском заводе. Будем же, товарищи, бороться с Ворониным, но не забудем, что повыше его... Но мы одолеем нашего злейшего врага, правительство, только в союзе с прочими рабочими, со всем рабочим народом в России. Будем же помнить это и соединяться с Социал-Демократической Рабочей партией, которая по всей России борется за наше дело...”[124]
Листовка приходит в июле, когда в Женеву съезжаются уже делегаты партийного съезда. С мандатом от Саратовского комитета прибывает М. Лядов. После ряда мытарств и злоключений из Ростова-на-Дону добирается С. Гусев. Прибывает организатор Выборгской стороны А. Шотман. Из Екатеринослава приезжает Р. Землячка...
Появляется в Женеве и Дмитрий Ульянов - младший брат Ленина. Врач по образованию, он давно уже примкнул к революционному движению, к делу, которому посвятил себя Владимир. Делегатом на съезд его избрали в Туле. И, перейдя нелегально границу, он прибыл в Женеву за две педели до открытия съезда, чтобы хоть немного побыть с братом. Дмитрия поселяют в комнате, заполненной нелегальной литературой. Наконец-то, ничего и никого не опасаясь, он может читать запрещенные в России газеты, журналы, листовки, брошюры. Много часов проводит с Владимиром - в беседах, за шахматами, в загородных прогулках. Вечером подымаются они вместе на вершину горы, любуются открывшимся видом.
Л наутро Ленин снова в делах. Он заботится о каждом прибывшем из России. Ведь некоторые оказываются в Женеве после побега из ссылки или тюрьмы. У них нет не только средств, порой нет сносной обуви и одежды. Он хлопочет об их жилье, питании. Не успокаивается, пока не убеждается: товарищ обеспечен самым необходимым.
Кажется, ни на минуту не пустует кухня в домике Ульяновых. За чашкой чая подолгу беседует Ленин с теми, кто привез вести из России. Он знакомит делегатов с проектом устава партии, проектом порядка дня съезда. С. Степанова - делегата от Тульского комитета РСДРП - Ленин расспрашивает о партийной организации, о жизни и борьбе рабочих. Он говорит ему о необходимости создания крепкой революционной марксистской партии, интересуется, как поняли рабочие его книгу “Что делать?”. Ленин беседует с И. Мошинским - делегатом от Союза горнозаводских рабочих- и предлагает ему представить подробную записку о социал-демократической агитации среди шахтеров и металлистов Донбасса.
“Помню кухоньку, идеально чистую, где мы пили чай и где Ильич аккуратно выполнял свою часть обязанностей по хозяйству - перетирал чашки...- рассказывает делегат съезда Р. Землячка.- Первое, что меня поразило в нем,- это удивительное знание, до мелочей, всего,

что делалось тогда в организациях на местах. Он знал каждого искровца, его способности, его слабые стороны. Он имел особенность слушать, впитывая в себя каждое слово о том, как реагируют массы на нашу борьбу внутри организации. Мы наперебой рассказывали ему о жизни в России, а он с довольным видом потирал руки, делая про себя выводы, отмечая что-то на бумаге"[125].
Не только с Лениным встречаются в Женеве делегаты. Они беседуют также с Плехановым, Мартовым, интересуются делами "Искры". Только в Женеве неожиданно для себя узнают они о том, что не Плеханов, как казалось многим, а Ленин возглавляет, по существу, газету, что нет в редакции полного единомыслия, нет сплоченности.
"По каждому почти вопросу,- вспоминал М. Лядов,- Ильичу приходилось драться со стариками, с Плехановым, который никак не мог понять, что русские рабочие уже не те, с которыми ему пришлось иметь дело в восьмидесятых годах, когда он уехал из России. Вся беда его, что он не знал теперешней России, поэтому ему непонятны были стоящие перед партией задачи" [126].
Делегаты съезда узнают, что Ленин настаивает на реорганизации редакции "Искры". Ибо, как отметит он вскоре, старая шестерка до того была недееспособна, что она ни разу за три года не собралась в полном составе - это невероятно, но это факт. Ни один из 45 номеров "Искры" не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина... Аксельрод не работал вовсе... Засулич и Старовер (партийный псевдоним А. Потресова) ограничивались сотрудничеством и советом, никогда не делая чисто редакторской работы" [127].
Еще не начался съезд, а делегаты уже обмениваются впечатлениями, обсуждают текущие вопросы, слушают доклады Ленина, Плеханова, Мартова, оказываются очевидцами разгорающихся между ними споров.
Съезд еще впереди, а у делегатов уже складывается собственное мнение о тех, кто стоит во главе российской социал-демократии.
"Когда говорил Плеханов,- пишет Шотман,- я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но, если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина... Так было, и не только со мной, но и с другими рабочими делегатами... Мы каждый раз восхищались практическим чутьем Ленина, его знаниями и каким-то особенным умением излагать свои мысли.
Иногда Ленин после совещания предлагал нам пройтись с ним и побеседовать по душам. После этих бесед мы уходили еще более очарованными, хотя в этих беседах он ни разу не навязывал нам своих взглядов, не ругал инакомыслящих. Он очень ясно, как-то по-товарищески говорил, что он думает по данному вопросу"[128].
Слушая Ленина, делегаты понимают, что на предстоящем съезде неизбежна острая борьба. Линия, наметившаяся в рядах противников Ленина, отмечает Землячка, вызывает величайшие опасения. Она заставляет Ленина с особенной, только ему одному свойственной энергией организовывать, разъяснять, убеждать.
А в типографии на улице Кулувреньер печатается между тем очередной, подготовленный Лениным номер "Искры". Он выйдет перед самым съездом и передаст дыхание приближающейся в России революционной бури. Он сообщит об избиениях политических заключенных в петербургской тюрьме "Кресты", о пропаганде среди солдат стоящего в Москве Екатеринославского полка, о прокламациях, распространенных социал-демократами среди рабочих Риги, Митавы и Либавы, о всеобщей стачке в Баку, о призыве украинских рабочих к "замене царского самодержавия законодательным собранием, составленным из представителей, выбранных всем народом"[129]. Этот очередной, сорок четвертый номер "Искры" сообщит и о письме, полученном из Петербурга с казенного инструментального завода. О письме, завершающемся призывом: "Пора, товарищи, и нам примкнуть к борьбе с подлым правительством, угнетающим весь рабочий люд. Вне борьбы нет для нас спасения!.." [130]
Для сорок четвертого номера написана Лениным статья: "Национальный вопрос в нашей программе". Перед самым съездом он подчеркивает в ней: для успешной борьбы со всеми видами эксплуатации и гнета нужно не раздроблять, а объединять силы рабочего класса.
"Проклятая история самодержавия,- заявляет Ленин,- оставила, нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим

самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразия никакими “принципами” партийной особности или партийной “федерации”” [131].
Владимир Ильич выступает против стремления Бунда к разделению рабочих в партийных организациях по национальному признаку. Он отвергает его требование быть единственным представителем еврейского пролетариата. “Проще; и легче, конечно,- утверждает Ленин,- идти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: “моя хата с краю”, как хочет теперь устроиться и Бунд”[132].
Вновь и вновь указывает он на “необходимость единства”, на “невозможность общего натиска на самодержавие без полного единства”, на “обязательность; централистической организации борьбы”[133]. И призывает социал-демократов быть верными духу учения Маркса, “воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации”[134].

Примечания:

[115] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 74.
[116] В.И. Ленин, Полн. Собр. соч., т. 7, с. 256.
[117] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 109-110.
[118] “Известия” № 95, 22 апрели 1967 г.
[119] “Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника”, г. 1. М., 1970, с. 453.
[120] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., г. 7, с. 381.
[121] Там же, с. 388.
[122] “Искра” № 43, 1 июля 1903 г.
[123] “Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника”, т. 1, с. 457.
[124] “Листовки петербургских большевиков. 1302-1917”, т. 1 (1902- 1907). М., 1939, с. 95.
[125] “Воспоминания о И съезде РСДРП”, изд. 2. М., 1973, с. 162-163.
[126] Там же, с. 62.
[127] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 8, с. 17.
[128] “Воспоминания о II съезде РСДРП”, с. 118-119.
[129] “Искра” № 44, 15 июля 1903 г.
[130] Там же.
[131] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, с. 242.
[132] Там же.
[133] Там же.
[134] Там же, с.137.

Рождается партия большевиков

В чем же состоит главная задача съезда?
Пройдет некоторое время, и Ленин сформулирует ее так: “В создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны “Искрой”. Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешено трехлетней деятельностью “Искры” и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с “Искрой” (Бунд и “Рабочее Дело”), и таких, которые, признавая “Искру” руководящим органом па словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении... При таких условиях съезд не мог не превратиться в арену борьбы за победу искровского направления”[1].

Съезд решено провести в Брюсселе. Делегаты перебираются сюда из Женевы. Размещаются по частным квартирам, небольшим гостиницам. Ленин идет ко всем не владеющим ни одним языком, кроме русского, договаривается за них с хозяевами.
Бельгийские социал-демократы помогают русским снять громадное помещение склада. Сюда привозят простые скамьи, стол для президиума, несколько стульев. И собираются наконец вместе представители 26 социал-демократических организаций России. В невзрачном складском “зале” царит радостная, торжественная атмосфера. Ленин пунктуально - с часами в руках! - ведет дневник:
“2 ч. 55 м. Открытие Плехановым съезда, по поручению ОК Росс. СДРП (от имени бывшей группы “Освобождение труда”)
3 ч. выбор бюро. Большинство за открытый выбор” [2].
Председателем избирается Плеханов, вице-председателями - Ленин и Красиков. Ленин становится также членом мандатной, программной и уставной комиссий.
Но с первого же дня начинаются разногласия. В горячих дебатах проявляются различные позиции группировок. Вокруг Ленина сплачиваются последовательные искровцы. Создается коалиция объединяемых Мартовым “мягких” искровцев с антиискровцами и “болотом” - коалиция, которая к концу работы съезда окончательно определится в оппортунистическую группу.
Бурные прения вызывает порядок дня. Но утверждается в конце концов повестка, предложенная Организационным комитетом. В ее основе - разработанная Владимиром Ильичей “Программа II очередного съезда РСДРП”.
На девяти заседаниях обсуждает съезд проект программы партии - тот самый, который предлагает “Искра”. Споры идут по каждой ответственной формулировке.
Противники Ленина выступают против пункта о диктатуре пролетариата. Их главный аргумент: нет такого пункта в программах партий II Интернационала. Они возражают против включения в программу и требований по крестьянскому вопросу.
А бундовцы стремятся изменить основы разработанной Лениным марксистской национальной программы - о полном равноправии всех граждан независимо от национальности; о признании права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства; об объединении рабочих всех наций в единых классовых организациях - партии, профсоюзах, кооперативах и т. п. Не решаясь открыто выступать против ленинского положения о праве наций на, самоопределение, бундовцы пытаются подменить его требованием культурно-национальной автономии. А это подрывает единство пролетариата различных наций в борьбе, против самодержавия и буржуазии, ведет к обособлению и разделению пролетариев по национальному признаку, к объединению рабочих и буржуазии на основе национальной общности.
Ленин и его единомышленники отбивают атаки. Всеми делегатами при одном воздержавшемся Программа РСДРП в конце концов принимается. Она последовательно продолжает революционную линию Маркса и Энгельса, является подлинно марксистской программой революционной пролетарской партии. Она дает четкое определение расстановки классовых сил в России, формулирует ближайшие задачи и конечную цель борьбы пролетариата, его партии.
Но недолго приходится заседать съезду в Брюсселе. Делегаты замечают: за ними следят шпики. А вскоре местная полиция предъявляет ультиматум: некоторые делегаты должны покинуть страну.
Делегаты связываются с Эмилем Вандервельде - лидером бельгийских социал-демократов, гарантировавших безопасность русским революционерам:
- В чем дело? Что произошло?
И тот, наведя справки, вскоре сообщает:
- Как можно скорее уезжайте из Брюсселя. В противном случаем вам всем грозит арест и высылка в Россию. Русское министерство иностранных дел через своего посла предупредило, что будто бы приехали важные русские анархисты. А по отношению к анархистам, как вы знаете, между всеми странами существует соглашение о выдаче их властям. Наиболее подходящее место для переезда - Лондон. После тринадцатого заседания съезд прерывает свою работу. Делегаты маленькими группами выбираются из Брюсселя.

“Мне пришлось ехать с Владимиром Ильичей, Надеждой Константиновной, Бауманом...- рассказывает М. Лядов.- Ильич был особенно откровенен с нами. Он подробно рассказал обо всем, что происходило в редакции “Искры”, обо всех конфликтах внутри редакции. Ильич много говорил также и о том, как, избавившись от оппортунистических элементов, вроде “экономистов” и бундовцев, мы создадим настоящую централизованную партию. Мы не должны гнаться за количеством членов партии. Она должна стать настоящей боевой, единомыслящей, чтобы каждый член партии отвечал за всю партию, а партия в целом могла отвечать за каждого члена партии” [3].
И вот снова Ленин в Лондоне, который он покинул всего три с лишним месяца назад. С Крупской, Бауманом и Лядовым отправляется Владимир Ильич к живущему тут по-прежнему Алексееву. Его комнату, в которой вся мебель состоит из поломанной койки, двух еле стоящих на ногах стульев и колченогого стола, постепенно заполняют другие делегаты. Едва выпив кружку чаю, Ленин берется за дело: надо подыскать для всех жилье, найти помещения для заседаний- с целью конспирации место заседаний следует постоянно менять.
После четырехдневного перерыва съезд возобновляет работу. В дневнике, который ведет Ленин, появляется запись:
“14-ое заседание (в Лондоне).
Споры о порядке ведения впредь. Чтение польского заявления (простой переход к очередным делам). Поставлен организационный вопрос. 11.00. Мой доклад об уставе организации партии” [4].
Ленинский проект устава предусматривает крепкую организацию, а не видимость ее, не мираж, как хотят того некоторые делегаты. Он обусловливает порядок приема в партию, созыв съездов на началах полного представительства партийных организаций, коллегиальность руководства, обсуждение и принятие решений простым большинством, автономию организаций в местных делах. В основу проекта кладется идея демократического централизма, которая принципиально определяет способ решения всех организационных вопросов. Ленин считает, что, чем крепче будут партийные организации, куда входят настоящие пролетарские революционеры, тем меньше шаткости и неустойчивости будет в рядах партии, тем шире, разностороннее, плодотворнее влияние партии на массы.
Упорная борьба разгорается вокруг проекта устава, особенно вокруг первого параграфа. Ленинская формулировка закрывает доступ в партию неустойчивым, анархически настроенным элементам, тем, кто способен лишь болтать, но не работать. Его формулировка первого параграфа, убежден Ленин, устраняет организационный хаос. Мартов же и его единомышленники ориентируются на уставы социал-демократических партий Запада.
Ленин заявляет:
- Формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии... Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии [5].
Нередко и раньше расходились во взглядах Ленин и Мартов. Но прежде об этом знали немногие. Теперь политические и организационные расхождения выявились на глазах у десятков людей. Для всех, свидетельствует петербургский делегат Шотман, стало ясно, какие глубокие разногласия таятся в двух проектах параграфа о членстве партии. Он пишет: “Нужно было слышать Ленина, с какой горячностью и настойчивостью отстаивал он свою формулировку, чтобы понять, какое огромное значение он придавал правильной организации партии. Он снова и снова доказывал, что партия будет сильна только тогда, когда все ее члены связаны между собой не только тем, что признают ее программу и платят членские взносы. Нужно, чтобы каждый достойный называться членом революционной пролетарской партии принимал активное участие в ее опасной работе, а не только оказывал какое-то содействие. Не может быть членом партии какой-либо либеральный буржуа, предоставивший свою квартиру под собрание кружка” [6]. На съезде все сильнее разгорается борьба.

- Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде! - жалуется Ленину один из центристских, колеблющихся делегатов.- Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..
Ленин категорически возражает:
- Какая прекрасная вещь - наш съезд! Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! - вот это я понимаю. Это - жизнь. Это - не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить... [7]
Собеседник Ленина смотрит на него недоумевающими глазами, пожимает плечами. Они говорят на разных языках.
А нервы у Ленина уже напряжены до предела. Он страдает бессонницей. И все же когда начинается заседание, усталость словно исчезает.
Мартову удается сколотить коалицию. Незначительным большинством оппортунисты добиваются принятия первого параграфа устава в его формулировке. Но впоследствии Мартов сам признает, что значение этого поражения было для Ленина сведено к нулю принятием остальных пунктов устава. А за ленинские положения устава РСДРП в целом голосуют 42 делегата против 6 при одном воздержавшемся. Ленин удовлетворен: от одного плохого пункта устава партия не погибнет. Атмосфера особенно накаляется при выборах руководящих органов партии. Отныне их положения и функции определены уставом. Верховным органом партии признан съезд. В Совет партии одного члена назначает съезд и по два - ЦК и редакция ЦО, Совет партии призван согласовывать и, объединять деятельность Центрального Комитета и центрального органа, а в случае, если их составы целиком выбывают из-за арестов, восстанавливать эти партийные центры. До съезда российские социал-демократические организации объединяла вокруг себя “Искра”. Делегаты высоко оценивают ее заслуги. Съезд признает “Искру” центральным, органом партии, принимая тем самым искровскую идейную, тактическую, организационную линию. Но следует ли и впредь сохранять прежнюю коллегию из шести человек? “...Было ясно,- вспомнит председательствующий на этом заседании Красиков,- что в редакции активную работу делали только Плеханов, Ленин и Мартов. Мы и предложили состав редакции составить из трех человек, так как остальные - Аксельрод почти не давал статей, Засулич почти также не давала статей, Потресов - очень мало... Мы считали самым правильным состав редакции из трех ответственных членов, и в таком виде проект был предложен Лениным, и об этом знали все еще до съезда, и Мартов знал” [8].
И все же мартовцы выступают против предложения Ленина. Внутрипартийная борьба становится все ожесточеннее. Она отражается, в частности, в протоколе тридцать первого заседания съезда:
“Мартов ...Я, от имени своего и трех других товарищей, заявляю, что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции... Происшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшей место в течение второй половины съезда... Я думал, что съезд положит конец “осадному положению” внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено... [9]
Ленин ...Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг, есть, несомненно, крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня ни капельки не пугают страшные слова об “осадном положении в партии”, об “исключительных законах против отдельных лиц и групп” и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать “осадное положение”, и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как “осадное положение” для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные, законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер” [10].
Однако Мартов не сдается. Снова споры, снова скрещиваются непримиримые взгляды. Но хоть Мартов и грозит покинуть редакцию, съезд избирает редакторами “Искры” только

троих. Вслед за этим по предложенному Лениным списку избирается Центральный Комитет партии.
Отныне ленинцев, получивших большинство голосов при выборах руководящих органов партии, называют большевиками. Меньшевиками называют сторонников Мартова, потерпевших поражение при своей попытке разрушить основы партии.
На тридцати семи заседаниях, в течение трех недель шли ожесточенные бои за идеи "Искры". Подводя итоги II съезда, Ленин скажет вскоре: "Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: партии"[11].
Свершилось великое историческое событие в жизни не только России, но и всего мира: родилась революционная марксистская партия нового типа - партия большевиков.
Примечания:
[1] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 193-194.
[2] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, с. 403.
[3] "Воспоминания о II съезде РСДРП", с. 68.
[4] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, с. 412.
[5] Там же, с. 289-290.
[6] "Воспоминания о II съезде РСДРП", с. 132.
[7] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 333.
[8] См. А. М. Гиндин и Г. М. Гиндин. С Лениным в сердце. Жизнь Петра Красикова. М., 1968, с. 109.
[9] "Второй съезд РСДРП. Протоколы", с. 370-371.
[10] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, с. 307-308.
[11] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 401.

"Готовьте решительнейший отпор..."

Ленин возвращается в Женеву. Его забрасывают вопросами:
- Что случилось на съезде?
- Из-за чего был спор?
- Раскол? - спрашивает Ленина В. Бонч-Бруевич.
- Да, глубокий и принципиальный,- подтверждает Владимир Ильич.
Он отправляется на берег озера. Бродит по окрестностям города. Часто, опершись локтем на стол, сидит в дальнем углу кафе "Ландольт" - излюбленном месте встреч русских революционных эмигрантов. И всюду заново переживает события недавних дней.
Владимир Ильич полон раздумий о том, что произошло на съезде.
Только что пришло письмо от А. Калмыковой, многие годы помогавшей социал-демократам и высланной не так давно за границу. С большим доверием относится Ленин к этой женщине, принимавшей участие в народовольческом движении, тесно связанной и с группой "Освобождение труда", и с петербургским "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Он убеждается: происшедшее на съезде ее взволновало, но его результаты Калмыкова склонна объяснить "страшным нервным переутомлением". Нет, это вовсе не так! - категорически отвергает ее предположения Ленин. "Нервное переутомление, - пишет он Калмыковой, - могло лишь вызвать острое озлобление, бешенство и безрассудное отношение к результатам, но самые-то результаты совершенно неизбежны, и наступление их давно было лишь вопросом времени" [12]. Не может быть никаких сомнений в том, заявляет Ленин, что "возврата назад нет" [13].
В домике на Шмен приве дю Фуайе, где живут Ульяновы, Ленин пишет "Рассказ о II съезде РСДРП". Еще не опубликованы протоколы, и этот "Рассказ" станет пока единственным партийным документом, освещающим итоги съезда. Он станет свидетельством того, как

проходила борьба на съезде, как свершилось историческое событие и вышла на политическую арену большевистская партия.
“Русской социал-демократии,- утверждает в своем “Рассказе” Ленин,- приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине от действования путем сплетен и кружковых давлений” [14].
В этой борьбе за партийность для Ленина важна лишь принципиальная сторона. Он стремится вскрыть идейные корни разногласий, их причины и последствия для будущего развития и деятельности партии.
Владимир Ильич убеждается: сразу же после съезда меньшевики пытаются сорвать его решения. Он пишет в Монтрё Потресову: “Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и других литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления,- все это неминуемо приведет... к расколу партии” [15].
И тем, кто приезжает сейчас в Женеву из российского подполья, Ленин разъясняет сушность всего, что произошло на съезде, сущность и значение принятых на нем решений. И им говорит об “атмосфере надвигающегося раскола”.
Октябрьским утром на Шмен приве дю Фуайе появляется агент “Искры” Ц. Бобровская (Зеликсон). Ее послали к Ленину из Твери. Она застает его работающим за столом. Одет Владимир Ильич по-домашнему - в темно-синюю ластиковую косоворотку. И одежда эта, отмечает Бобровская, как-то особенно идет к его коренастой, ладной фигуре.
В другой комнате - тоже за столом - Крупская. Днями и ночами просиживает здесь она, расшифровывая полученную из России информацию о состоянии дел на местах, зашифровывая послания Ленина комитетам и отдельным работникам о положении, создавшемся в партийных центрах и заграницей, о том, что следует делать дальше.
Гостью хозяева встречают тепло. Спускаются с ней в кухню, которую Ленин шутливо зовет клубом. Как-то по-особому участливо расспрашивает Владимир Ильич ее о России, о людях, с которыми она встречалась. Оказывается, он знает многих ее товарищей по революционному подполью - тех, кто в разные годы рассказывал ей то о Тулине, то о Старике, то о Петрове. Тех, от кого она впервые узнала, что Тулин, Старик, Петров - одно лицо: Ленин.
В этот вечер он говорит Ц. Бобровской:
- Право называться профессиональным революционером остается за теми, кто беззаветно предан партии и рабочему классу. Этим правом должны пользоваться люди, у которых их собственная жизнь сливается с жизнью партии. Суживать круг организации революционеров до узкого круг, вождей не следует. Партии необходимы и постоянные рядовые работники-профессионалы, неутомимые, тесно связанные с массой, которые помогали бы камень за камнем закладывать здание партии [16].
Ленин говорит о том, как ему мыслится строительство партии, ее роль в надвигающихся революционных событиях, Он твердо верит: партия преодолеет кризис. Нужно объективно информировать местные партийные организации. Чтобы знали они о дезорганизаторских действиях меньшевиков, знали о грозящей опасности раскола.
- Первое время, верно,- предполагает Кулябко, отправляющаяся с его заданиями в Россию,- будет очень тяжело, пока удастся разъяснить рабочим суть разногласия и всего, что произошло после съезда.
- Наоборот,- возражает Ленин,- тут вам будет гораздо легче. Рабочие быстро разберутся и станут на нашу сторону. Ведь рабочие, бывшие на съезде, голосовали с нами [17].
Он пишет о том же товарищам в Россию. “...Надо готовиться к решительной войне, - предупреждает Ленин Кржижановского в письме, ушедшем в Киев,- надо добиться во что бы то ни стало, чтобы их попытка сунуться в комитеты сразу вызвала решительный отпор. Надо смотреть в оба за этим и готовить все комитеты... Долой всякую размягченность!” [18]
И снова подчеркивает: “Готовьте решительнейший! отпор...” [19] В другом письме - Кавказскому союзному комитету РСДРП - Ленин призывает не слушать сплетен против большинства, продолжать “дружную работу с товарищеским доверием к ЦК” [20].
А из России продолжает между тем поступать обширная корреспонденция. Приходит листовка Кишиневского комитета РСДРП “Кто виноват в кишиневском погроме”. В. Ногин,

из Екатеринослава просит прислать книгу Ленина “Что делать?”. Из Гомеля доставляют листок “Чудеса в Сарове и всеобщая стачка”, а из Феодосии - листовку местной социал-демократической группы “К интеллигенции”. Неизвестный корреспондент сообщает подробности судебного процесса по делу ростовской демонстрации. Пишут из Уфы - об усилении полицейских репрессий. Сообщают об арестах, судах и приговорах за революционную деятельность в Вологде и Онеге, о побегах ссыльных и о вновь прибывших в ссылку. Приходят корреспонденции о стачках на юге России, о бойкоте выборов фабричных старост в Одессе, о забастовке в Москве типографских рабочих, о стачке портных в Никополе, о всеобщей стачке в Киеве.
Ленину сообщают и о листовке Петербургского комитета РСДРП “К семянниковским рабочим”. Она уже обошла весь Питер. Листовка напоминает о преступлениях перед народом Николая II. О том, как в апреле 1895 года, едва вступив на российский престол, Николай Романов одобрил кровавую расправу над забастовавшими рабочими товарищества Ярославской большой мануфактуры. “Весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков”,- начертал тогда царь на представленном ему докладе. “Спокойное и стойкое поведение” войск выразилось в расстреле забастовщиков. Это был первый шаг, сообщает листовка. За ним последовал второй, третий... Произошла беспощадная расправа с рабочими Обуховского завода, с голодающими полтавскими и харьковскими крестьянами. Потекли реки рабочей крови, пролитой войсками и полицией в Ростове, Златоусте, Томске, Батуме, Баку, Мариуполе, Киеве, Тифлисе, Николаеве.
В письмах, листовках - обширнейший материал для “Искры”. Ленин делает на них пометки: “Сделать маленькую заметку из Никополя о стачке” [21], “Сократить изрядно и повыкинуть плохие “красоты” слога [22], “составить заметку на основании этого” [23], “Из Донецкого района (составить, слегка сократив, обстоятельную корреспонденцию)” [24], “Сократить примерно на 1/3, сохранить колорит и разговоры” [25]. И публикует заметки в “Искре”. Публикует в те дни, когда, не считаясь с волей съезда, меньшевики усиливают нападки на Ленина, стремятся лишить его связей с местными партийными организациями.
“Никого и ни в чем мы не “пятнали”, не пятнаем и не устраняем от работы. А за устранение от центра поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием” [26],- все еще пытается убедить Ленин Потресова и Мартова. Но те не прислушиваются к его призывам. Они блокируются со вчерашними противниками “Искры”. И на фракционном совещании в Женеве создают тайный антипартийный центр оппозиции. Очень скоро становится ясно: посредством шантажа, дрязг и скандалов, именуемых “лояльным бойкотом”, меньшевики ставят своей целью захват центральных учреждений партии.
Ленин предупреждает находящихся в России членов Центрального Комитета Г. Кржижановского и В. Носкова: “Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет... Война объявлена, и они... едут уже воевать в Россию. Готовьтесь к легальнейшей, но отчаянной борьбе” [27].
До сих пор Плеханов был с Лениным. А теперь переходит на позиции меньшевизма, самочинно кооптирует в редакцию “Искры” тех, кого не ввел в нее съезд.
- Знаете,- пытается при встрече с Лениным оправдать этот свой поступок Плеханов, - бывают иногда такие скандальные жены, что им необходимо уступить во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.
- Может быть,- отвечает Ленин,- но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить еще большего “скандала” [28].
“Мысль моя была именно та,- объясняет он свою позицию,- которую я выражал и печатно: если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войны не начну; если не удастся,- я сохраняю за собой свободу действий, чтобы разоблачить “скандальную жену”, если ее не успокоит и не утихомирит даже Плеханов” [29].
Но Плеханов не намерен “успокаивать” и “утихомиривать”.
“...Плеханов предлагает нам вести (вместе с ним!) в “Искре” войну против ЦК. Как бы то ни было, Ленин разбит” [30]. Это ликующее сообщение Мартов шлет Аксельроду 4 ноября 1903 года. А Ленин в эти же дни пишет в Россию: “Плеханов изменил нам, ожесточение в нашем лагере страшное; все возмущены, что... Плеханов позволил переделать решения партийного съезда. Я вышел из редакции окончательно” [31].

Нелегко принять такое решение. Ведь “Искра” - его детище. Но другого выхода нет. Ленин пишет обстоятельное объяснение. Оно адресовано редакции “Искры”. “Это вовсе не личный вопрос,--подчеркивает Владимир Ильич.- Это - вопрос об отношении большинства и меньшинства нашего партийного съезда, и я обязан ответить на него немедленно и открыто...” [32]
В своем письме Ленин отмечает, в частности: “Русские комитеты ведут борьбу против тормозящей всю работу дезорганизаторской деятельности и бойкота меньшинства. Резолюции в этом смысле уже присланы комитетами Петербургским, Московским, Нижегородским, Тверским, Одесским, Тульским, Северным союзом” [33].
Резолюция, полученная из Петербурга, выражает уверенность столичного комитета РСДРП в том, что “центральные учреждения, выбранные съездом, успешно выполнят возложенные на них задачи в деле объединения революционной социал-демократии”. Она призывает “всех товарищей к дружной совместной работе”, осуждает “всякие дезорганизаторские попытки” [34].
О том же гласит резолюция, доставленная из Москвы: “Выражая полную солидарность с постановлениями съезда, Московский комитет всецело подчиняется центральным учреждениям с уверенностью, что они успешно выполнят возложенные на них съездом обязанности в деле объединения революционной социал-демократии. Московский комитет порицает дезорганизаторские попытки, нарушающие цельность и единство в работе” [35].
Но письмо Ленина, в котором он ссылается на поддержку большевиков многими российскими организациями, не будет "публиковано в “Искре”. Его отвергли те, кого самочинно кооптировал в редакцию Плеханов. И Ленин вынужден предпринять решительный шаг. “Я напечатал теперь отдельным: листком “Письмо в редакцию “Искры” (Почему я вышел из редакции?)”,- сообщает он в Екатеринослав рабочему-большевику Н. Вилонову,- там я рассказываю вкратце, из-за кто мы разошлись, и стараюсь показать, как неверно представлено дело в № 53 “Искры” (начиная с № 53 в редакции состоят четверо представителей меньшинства и еще Плеханов.) Надеюсь, что это письмо (маленький печатный листок из 8 страничек) скоро попадет в Ваши руки, потому что в Россию его уже повезли и, вероятно, распространить будет не трудно” [36]. И Вилонов, и другие товарищи в России узнают из него, что меньшевики раздувают мелкие разногласия, встали на путь раскола партии.
Завладев “Искрой”, оппортунисты захватывают сейчас Совет партии. К голосу Плеханова, являющегося председателем Совета, прибавляются два голоса меньшевиков от новой “Искры”. “Кризис полный и страшный...- пишет Ленин в Киев.- Я борюсь за ЦК, который мартовцы, обнаглев после трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить, требуя кооптации туда своих...” [37]
Письмо адресовано Кржижановскому. Ленин настаивает на его приезде как члена Центрального Комитета в Женеву. “Это,- подчеркивает он,- безусловно и немедленно необходимо” [38]. Ибо следует как можно быстрее выработать линию ЦК. “Надо, чтобы Россия,- заявляет Ленин,- восстала твердо за ЦК...” [39] И, раздобыв нелегальный паспорт, Кржижановский выезжает за границу.
“В Женеве,- рассказывает он,- я очутился в настоящем кипящем котле... Большинство жал этого муравейника было направлено против Владимира Ильича. Особенно памятны жалобные филиппики Плеханова, убеждавшего меня в том, что ради сплоченности старой редакции “Искры”, представлявшей, по его мнению, “непобедимую армаду”, стоило идти на гораздо большие жертвы, чем та или иная уступка в толковании параграфа о членстве в партии” [40].
Большую часть времени проводит Кржижановский с Лениным. Среди всех Владимир Ильич выделяется наибольшим спокойствием, выдержанностью. Он намеренно не стремится убеждать в чем-либо Кржижановского, предоставив ему самому беспристрастно разобраться в обстоятельствах происшедшего раскола.
Меньшевики же с каждым днем усиливают кампанию против Ленина и его сторонников. “В “Искре” начата травля ЦК и Ленина, открытая и недвусмысленная” [41],- пишет в декабре 1903 года в Россию Крупская. “...Травля Ленина становится мало-помалу делом их жизни” [42],- сообщает тогда же из Женевы товарищам член Центрального Комитета и Совета партии Ленгник.

Владимиру Ильичу известно это. С горечью он пишет: “Старая “Искра” учила истинам революционной борьбы. Новая “Искра” учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая “Искра” была органом воинствующей ортодоксии. Новая “Искра” преподносит нам отрыжку оппортунизма - главным образом в вопросах организационных. Старая “Искра” заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов. Новая “Искра” “поумнела” и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая “Искра” неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой “Искре” внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает - независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания - политическое лицемерие” [43].
Но Ленин по-прежнему полон оптимизма. Подолгу беседует он с товарищами, единомышленниками перед их отъездом в Россию, на нелегальную работу. Как и прежде, держит и своих руках связи с партийными комитетами, организует транспортировку нелегальной литературы.
- Мы хотим вам поручить всю экспедицию,- говорит он Бонч-Бруевичу, пригласив его к себе.
- Мои обязанности? - спрашивает тот.
- Черт побери, это хорошо, когда люди говорят сначала об обязанностях, а потом, вероятно, о правах...- И Ленин, хитро прищурив глаз и улыбаясь, смотрит на Бонч-Бруевича.
- Я полагаю, что у рядового члена партии есть единственное право - это выполнять все возлагаемое на него Центральным Комитетом самым лучшим образом,- отвечает Бонч-Бруевич.
- И только?
- Других прав я не знаю...
- Начало хорошее, оч-чень хорошее...- И Ленин деловито обсуждает детали предстоящей экспедиции.
Этот разговор идет в домике на Шмен приве дю Фуайе. 'Теперь квартира Ленина - центр заграничного отдела Организационного комитета. Сотни писем поступают ежемесячно сюда. Не меньше уходит отсюда. И так же, как недавно в Искре”, секретарствует в заграничном отделе Крупская. Она “проявляет” письма, адресованные Ленину. Она зашифровывает наиболее секретное в ленинских письмах, вписывает это химическим способом между строк заранее заготовленного, написанного обыкновенными чернилами текста.
“...Мы придумали устраивать у себя в Сешероне раз в неделю “журфиксы”, для сближения большевиков” [44],- сообщает Крупская. На этих вечерах царит музыка. Поет романсы и арии Гусев. Особенно отличается озорная, голосистая Зверка - так зовут в партийных кругах М. Эссен. Она дразнит всякого, кто вздыхает по поводу раскола. И проясняется лицо Ленина. “Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни!” [45] - подтверждает Эссен.
Она рассказывает об этих вечерах в Сешероне: “Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы... Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение” [46].
Иногда после музыкальных вечеров Ленин, Крупская и живушая у них Эссен идут провожать гостей. Возвращаются притихшие, усталые, несколько грустные. Говорить не хочется. Каждый думает о своем. Ленин подымается к себе, присаживается на часок к рабочему столу.
А тут подходит праздник Эскалада, праздник освобождения Швейцарии от иноземной зависимости...
В этот декабрьский день по всей Женеве появляются карусели, множество палаток со сластями и яствами. А в нынешнем, 1903 году приехал сюда народный цирк, фокусники. Вечером все, наряженные в костюмы и маски, высыпали на озаренные огнями улицы. Веселье залило город.
По шумным праздничным улицам идут Ленин и Крупская. Застают дома Бонч-Бруевича. Заходят за другими товарищами.

- Что это мы все сидим за книгами, угрюмые, серьезные? - говорит Ленин.- Смотрите, какое веселье на улицах! Смех, шутки, пляски... Идемте гулять! Все важные вопросы отложим до завтра.
Толпой высыпают на улицу. Все более увлекаются общим настроением. И рождается песня. Вся улица подхватывает ее - веселую, бодрую, в которой звучат мотивы “Марсельезы”.
“Надо было видеть,- рассказывает Бонч-Бруевич,- с какой неподдельной радостью, с каким огромным увлечением; и заражавшим всех подъемом веселился Владимир Ильич здесь, на улице, среди женевской толпы, в которой, конечно, более всего принимал участие рабочий люд, трудящееся население этого небольшого, веселого и изящного городка. Наплясавшись до упаду, увлекли с собой многих и многих наших товарищей, которые скромно и чинно гуляли по улицам и с истинным изумлением смотрели на нашу компанию и особенно на Владимира Ильича, который показал свою истинную живую натуру: умел быть и сосредоточений серьезным, и увлекаться весельем, и радоваться радостям жизни...” [47]
А на следующее утро Ленин возвращается к делам... В первый день нового, 1904 года выходит “Искра” со статьей Мартова “На очереди (Кружок или партия?)” Ленин пишет в связи с этим проект обращения “К членам партии”. “Мы приглашаем редакцию нашего ЦО,- призывает он,- оглянуться прежде всего на самое себя” [48]. Ленин ставит перед “Искрой” вопрос: “Что представляет из себя эта редакция?” Что это-“кружок или должностная партийная коллегия”? И заявляет: “Если кружок, то к чему это лицемерие и фальшь с фразами о какой-то партии? Разве вы не разорвали на деле этой партии, насмехаясь недели и месяцы над ее учреждениями и ее уставом? Разве вы не разорвали на деле решений второго съезда этой партии, разве вы не довели дела до раскола, не отказались подчиняться Центральному Комитету и Совету, разве не ставите вы себя вне партии речами о том, что партийные съезды для вас не божество, т. е. не обязательны? Вы топчете ногами учреждения и законы партии и в то же время тешитесь заголовком “Центрального партийного Органа”!” [49]
Свое обращение “К членам партии” Ленин завершает призывами:
“Долой кружковщину и прежде всего долой ее из нашей партийной редакции!
Долой дезорганизаторов!
Да здравствует партия пролетариата, умеющая на деле соблюдать решения партийного съезда, умеющая чтить партийную дисциплину и организацию!..” [50]
Обращение Ленина остается неопубликованным. Но спустя несколько дней созывается Совет партии. И на первом же заседании Владимир Ильич выступает с пятью речами, вносит проект резолюции о мерах восстановления мира в партии. Четырежды выступает он и на следующий день. Четыре речи произносит на третьем заседании. “Заседания эти,- сообщает Ленин в Россию, Центральному Комитету РСДРП,-проливают окончательный свет на всю политическую ситуацию партии. Плеханов идет вместе с мартовцами...” [51]
Ленин предупреждает: “Только слепые могут не видеть теперь в чем дело. Совет дожмет ЦК всем и всячески, требуя полной уступки мартовцам” [52]. И настаивает на решительной борьбе за то, что отверг Совет партии,- за немедленный созыв нового съезда.
А тут приезжает из России член ЦК М. Эссен. Долго беседует с ней Владимир Ильич о положении дел в местных партийных организациях, в самом Центральном Комитете.
То, что сообщила Эссен, побуждает немедленно написать г. Киев, Г. Кржижановскому. Написать об угрозе захвата меньшевиками ЦК. Местные комитеты, требует Владимир Ильич, должны решительно выступить против дезорганизаторских действий ставшей уже меньшевистской “Искры”.
Письмо уходит в Россию 8 февраля.
А на следующий день все газеты сообщают, что в гавани Порт-Артура на корабли русской эскадры внезапно напал японский флот.
Началась война.
За нее ратуют правящие круги России. “Чтобы удержать революцию,- признается царский министр внутренних дел Плеве,- нам нужна маленькая победоносная война” [53].
Едва в Женеву приходят первые сообщения о войне между Россией и Японией, Ленин выступает на митинге. Он говорит не только о разразившейся войне, но и о назревающей революции.

Уже на седьмой день после начала военных действий Владимир Ильич пишет обращение "К русскому пролетариату", призванное развеять миф о военном могуществе царского строя. Из разных источников, в том числе из швейцарских и поступающих в Женеву зарубежных газет, Ленин узнает о том, что Россия делает отчаянные усилия получить за границей новый заем, что "подрядчикам обещают премию по нескольку тысяч рублей в день за ускорение работ, необходимых для военного ведомства". Ленин делает вывод, что для осуществления авантюристических планов царского правительства "все силы народа подвергаются величайшему напряжению..." [54]

Написанное им обращение надо как можно быстрее отпечатать и распространить в России. И Крупская запрашивает: "Сообщите немедля, цела ли Нина (подпольная типография в Баку), действуют ли адреса для посылки новинок, а также рукописей? Старик (псевдоним В.И. Ленина) будет писать о войне и посылать прямо вам. Торопитесь ответом" [55]. Она уведомляет товарищей в другом письме: "Старик написал листок о войне, здесь его не распространили, послали для перепечатки в Томск, Москву, Одессу, Питер, Самару, Саратов, Нижний и Екатеринослав" [56]. Составленный Лениным "листок", подписанный Центральным Комитетом РСДРП, размножается многотысячными тиражами. По всей России читают обращенные к пролетариату страстные, гневные строки:

"Интересы алчной буржуазии, интересы капитала, готового продать и разорить свою родину в погоне за прибылью,- вот что вызвало эту преступную войну, несущую неисчислимые бедствия рабочему народу. Политика деспотического правительства, которое попирает все человеческие права и держит в рабстве свой народ,- вот что привело к этой азартной игре кровью и достоянием русских граждан. И в ответ на бешеные военные клики, в ответ на "патриотические" манифестации холопов денежного мешка и лакеев полицейской нагайки сознательный социал-демократический пролетариат должен выступить с удесятеренной энергией с требованием: "Долой самодержавие!", "Пусть будет созвано народное учредительное собрание!"" [57]

В апреле Ленин снова обращается к рабочему классу с прокламацией "Первое мая", выпущенной от имени Центрального Комитета и центрального органа РСДРП. Ее перепечатывают Московский, Нижегородский, Тверской комитеты партии. Россия, утверждает в прокламации Ленин, переживает теперь такие события, когда пробуждение рабочих масс должно пойти еще быстрее, в еще более широких размерах, когда следует "напрячь все силы для сплочения рядов пролетариата, для подготовки его к еще более решительной борьбе" [58].

Новым толчком для такого пробуждения явилась война. Она, заявляет Ленин, вызывает интерес к политическим делам даже у наиболее отсталых слоев пролетариата. Она все более наглядно разоблачает "всю гнилость самодержавного порядка, всю преступность полицейской и придворной шайки, которая правит Россией". Владимир Ильич подчеркивает, что "война разоблачает все слабые стороны правительства, война срывает фальшивые вывески, война раскрывает внутреннюю гнилость, война доводит нелепость царского самодержавия до того, что она бьет в глаза всем и каждому, война показывает всем агонию старой России, России бесправной, темной и забитой, России, остающейся в крепостной зависимости у полицейского правительства". Ленин провозглашает: Старая Россия умирает. На ее место идет свободная Россия" [59].

Примечания:

[12] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 292.
[13] Там же, с. 295.
[14] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 20.
[15] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 297.
[16] Ц. Бобровская (Зеликсон). Записки подпольщика. М., 1957, с. 52.
[17] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 1, с. 232.
[18] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 296-297.
[19] Там же, с. 297.
[20] Там же, с. 310.
[21] "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 1, с. 497.
[22] Там же, с. 498.
[23] Там же, с. 499.

[24] Там же, с. 502.
[25] Там же, с. 507.
[26] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 300.
[27] Там же, с. 304.
[28] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 177.
[29] Там же.
[30] “Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова”. Берлин, 1924, с. 97.
[31] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 317-318.
[32] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 98.
[33] Там же, с. 103.
[34] “Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов”. М., 1955, с. 84.
[35] См. “Очерки истории Московской организации КПСС. 1883-1965”. М., 1966, с. 51.
[36] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 331.
[37] Там же, с. 318.
[38] Там же, с. 317.
[39] Там же, с. 318.
[40] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 26.
[41] Ленинский сборник X, с. 39.
[42] Там же, с. 63.
[43] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 402.
[44] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 89.
[45] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 116.
[46] Там же, с. 115.
[47] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., “Наука”. 1965, с. 29.
[48] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 107.
[49] Там же, с. 107-108.
[50] Там же, с. 110.
[51] В.И. Ленин,. Полн. собр. соч., т. 46, с. 350.
[52] Там же.
[53] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 291.
[54] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 170.
[55] Ленинский сборник X, с. 320.
[56] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, с. 531.
[57] Там же, с. 173.
[58] Там же, с. 183.
[59] Там же, с. 183 - 184.

Курс на новый съезд

Ленин обращается к опыту Парижской коммуны, ее завоеваниям и достижениям, недостаткам и ошибкам, рассматривая Коммуну как величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века. И в мартовские дни здесь, в Женеве, на собрании социал-демократов, выступает с докладом о Парижской коммуне.

Его речь, как всегда, проста и ясна. И слушатели, свидетельствует М. Эссен, ощущают могучее дыхание Коммуны ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение. Парижская коммуна встает перед ними как сверкающая заря новой жизни.

“Мы мысленно видели осажденный Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину,- рассказывает Эссен,- мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречий ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели... Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская

коммуна-не только героический эпизод историй показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас” [60].
После доклада возвращаются небольшой компанией. Все радостно возбуждены. Эссен спрашивает Ленина:
- Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?
Ленин останавливается:
- А вы сделали такой вывод из моего доклада?
- Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня. В эти же дни один из противников большевиков - Н. Валентинов спрашивает Ленина:
- Неужели вы в самом деле думаете, что в России в близком времени может быть социалистическая революция?
Но ведь можно доказать, что в России нет и долгое время не будет никаких возможностей для такой революции. Социалистическую революцию ни вы, ни я во всяком случае не увидим.
- А вот я, позвольте вам заявить,- отвечает Ленин,- глубочайше убежден, что доживу до социалистической революции в России...
В эту весеннюю пору 1904 года бессонными ночами пишет Владимир Ильич большую книгу “Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)”. Книгу, призванную осветить действительные причины, приведшие к расколу на II съезде. Он обосновывает организационные принципы большевистской партии, которой суждено стать политическим вождем пролетарских масс.
То, что пишет сейчас Ленин, направлено, в частности, против оппортунистических взглядов Троцкого, утверждающего, что организационные задачи партии вообще якобы не заслуживают особого внимания, заявляющего, что даже самые неотложные из них разрешаются будто бы попутно в процессе политической борьбы, что партия якобы совсем не должна быть централизованной организацией и может представлять собой сумму течений всех оттенков политической мысли.
То, что пишет сейчас Ленин, направлено и против того, что утверждает солидарный с Троцким Аксельрод, против его статей в новой “Искре”, также отвергающих централизм в построении партии, ее руководящую роль в системе классовых организаций пролетариата.
Источником для создания книги становятся протоколы съезда. Почему до сих пор к ним не проявили должного внимания?- задумывается Владимир Ильич. Может быть, потому, что слишком много в них горькой правды? Ведь именно протоколы партийного съезда, уверен он, “дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу” [61].
Ленин проделывает то, к чему зовет каждого члена партии: тщательно изучает, анализирует и “краткие конспекты речей”, и “сухие экстракты из прений” [62]. И протоколы партийного съезда позволяют установить, насколько “удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью” [63].
По протоколам вновь прослеживает Ленин ход борьбы на съезде. И доказывает: “меньшинство”-оппортунистическое течение в РСДРП. Характерные его черты: жирондизм - выражается он в том, что “меньшинство” представляет правое крыло в рабочем движении, отрицает диктатуру пролетариата, выступает за союз с буржуазией, преклоняется перед буржуазной демократией, стремится широко открыть двери партии для мелкобуржуазных элементов; хвостизм- “меньшинство” продолжает цепляться за старые кружковые формы; барский анархизм - “меньшинство” выступает против организованности и дисциплины в партии; автономизм - он выражается в отстаивании “меньшинством” такой независимости местных партийных организаций, которая исключает централизованность и сплоченность партии рабочего класса.
Существует изречение, напоминает Ленин, что каждый имеет право в течение двадцати четырех часов проклинать своих судей. “Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии,- заявляет он,- явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность

руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители "меньшинства", с наивностью, доходящей до умилительности, "проклинают своих судей" и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность" [64].

Ленин разбивает в книге взгляды меньшевиков, изобличает их позорное поведение после II съезда партии, их приемы борьбы.

Что значит - шаг вперед, два шага назад? "Шаг вперед" - это создание на II съезде партии рабочего класса. А "два шага назад"? Их сделало "меньшинство", вернувшись к временам идейного и организационного разброда в социал-демократическом движении России.

Владимир Ильич развивает в книге марксистское учение о партии. Он утверждает, что марксистская партия - это часть пролетариата, его передовой, организованный отряд, что марксистская партия вбирает в себя богатейший опыт, революционные традиции рабочего класса, что она может стать крепкой, сплоченной лишь в том случае, если будет построена на началах централизма, если в ней будет обязательная для всех ее членов дисциплина, что она должна привлекать к участию во всех партийных делах все более и более широкие массы, чтобы не только на словах быть партией масс.

"У пролетариата,- пишет Ленин,- нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно "на дно" полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала" [65].

В мае нынешнего, 1904 года здесь, в Женеве, книга Ленина выходит из печати. Ее переправляют в Россию - в Москву, Петербург, Киев, Ригу, Саратов, Тулу, Орел, Уфу, в десятки других больших и малых городов.

Владимир Ильич придает этой книге особенно большое значение. Он просит находящегося в Москве Ленгника: "Непременно познакомьте всех с брошюрой..." [66] Настаивает в письме к Кржижановскому: "...непременно ознакомься с моей брошюрой..." [67] Запрашивает находящегося в Баку Красина: "...как относитесь к моей брошюре?" [68]

Книгу Ленина уже читают повсюду. Доставленные в чемодане с двойным дном 15 экземпляров, вспоминает командированный Владимиром Ильичей в Питер В. Липшиц, были большим подарком для петербургских большевиков. Эта книга, пишет он, "оказалась тем оружием в руках наших товарищей-большевиков, которым они должны были крыть меньшевиков" [69].

Петербургские большевики поддерживают все, что отстаивает Ленин в своем труде. Они принимают резолюцию, констатирующую, что в оценке "настоящего положения дела в партии Петербургский комитет солидарен со взглядами, изложенными т. Лениным в "Шаг вперед...""; что только немедленно созванный III съезд "может спасти партию от возникновения в ней раскола"; что он явится "действительным и правдивым выразителем взглядов партии" [70].

Приходит письмо из Закавказья от М. Цхакая. Он сообщает Владимиру Ильичу: здесь ни о чем не хотят слушать, "если не заговорит агитатор о Ленине". И добавляет: "...тов.; Ленин может гордиться, что пропагандисты и агитаторы... вынуждены по всем углам разыскивать его "Что делать?" и "Шаги"" [71].

А Ленину давно уже необходим отдых. Борьба с меньшевиками отняла столько сил, так истрепала нервы! И вместе с Крупской он покидает на время Женеву.

"Мы... выбирали всегда самые дикие тропинки,- описывает Надежда Константиновна это путешествие летом 1904 года по Швейцарии,- забирались в самую глушь, подальше от людей... Сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали. Деньжат у нас было в обрез..." [72]

Да, было их очень и очень мало. "На что мы все жили тогда,- подтверждает Лядов,- было бы трудно ответить. В особенности на что жил Ильич с Надеждой Константиновной. Мы знали, что они здорово тогда нуждались, питались кое-как. Надежда Константиновна писала книжки для детей, кажется, Ильич кое-что переводил. На заработанные таким

образом гроши они жили, причем всегда решительно отказывались оба от какой-либо помощи" [73].
На скудные средства путешествуют Ленин и Крупская. Чаще питаются всухомятку - сыром и яйцами, запивая ключевой водой.
- Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шоферами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее,- советует в одном из трактиров рабочий.
И они следуют его совету. "...Владимир Ильич,- свидетельствует Надежда Константиновна,- с особенным удовольствием шел обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно похваливал дешевый и сытный обед" [74].
А затем они снова надевают мешки. И снова отправляются в путь.
Мешки у них тяжеловатые. В тот, который несет Владимир Ильич, уложен увесистый французский словарь. В мешке Надежды Константиновны - столь же тяжелая французская книга, которую она только что получила для перевода. Но за все время путешествия не открывают Ульяновы ни словарь, ни книгу. "...Не в словарь смотрели мы,- рассказывает Крупская,- а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады" [75].
Из разных мест посылают они письма родным в Россию.
По скупым, лаконичным строчкам прослеживается маршрут путешествия.
2 июля пишет Крупская: "Сейчас мы в Лозанне. Уже с неделю, как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем... За неделю мы уже значительно "отошли", вид даже приобрели здоровый. Зима была такая тяжелая, нервы так истрепались, что отдохнуть месяц не грех, хотя мне уже начинает становиться совестно" [76].
Ленин приписывает: "Дорогая мамочка!.. Мы гуляем и отдыхаем отлично. Крепко тебя обнимаю" [77].
7 или 8 июля из Фрутигена: "Привет от бродяг дорогой мамочке и Маняше. Ваш В. Ульянов [78].
16 июля Ленин сообщает из Изельтвальда: "На днях снимаемся опять" [79].
Четыре дня спустя: "Были сегодня у новой дороги на Jungfrau и идем через Meringen к Люцерну. Твой В. Ульянов" [80].
Эти письма комментируются строками из воспоминаний Крупской:
"...Взобрались куда-то над Монтрё, забрались в дичь и глушь, к каким-то лесорубам, которые рассказали нам, как выбраться на дорогу и где заночевать. Через Эгль (Aigle) "пустились в долину Роны, зашли в Бе-ле-Бен (Bex-les-Bains) к моей товарке по школе и курсам, потом долго брели вдоль Роны, верст 70 сделали -это была самая утомительная часть путешествия. Наконец, перебрались через Геммипас (Gemmipass) в Оберланд, были у подножия Юнгфрау, потом, отбив себе порядком ноги и изустав вконец, поселились на Бриенцском озере (Brienzerzee) в Изельтвальде (Izeltwald), где прожили около недели, чтобы потом опять двинуться в путь-дорогу, через Интерлакен и Зимменталь назад в женевские края" [81].
Но действительно ли, путешествуя, Ленин и Крупская дела и заботы оставили в Женеве"? Оказывается, что перед самым отъездом Ленин условился все же об адресах с Бонч-Бруевичем. И по этим адресам он высылает ему газеты, сообщает обо всех делах и новостях, переправляет поступающую из России корреспонденцию.
"Спасибо за Ваше письмо от 23.7.04 о делах" [82],- благодарит Бонч-Бруевича Ленин. И откуда-то с пути отвечает на все возникшие у товарищей вопросы: о том, что он стоит по-прежнему "за старую тактику" в борьбе с меньшевиками - "опротестовывать всякое нарушение, оглашать, агитировать, не давая поводов к желанному для них coup d`etat (перевороту) [83], о необходимости издания отдельной брошюрой открытого письма женевской большевистской группы Плеханову, призвавшего членов ЦК отмежеваться от Ленина, от его книги "Шаг вперед, два шага назад".
"Я получил Ваше письмо без даты во время путешествия..."- сообщает 10 августа Ленин Мартову. И категорически пишет ему в Женеву: "...я считаю в принципе совершенно недопустимым и незаконным, чтобы члены Совета вне заседания Совета подавали свой голос или договаривались о каких бы то ни было делах, входящих в компетенцию Совета" [84].

“Получил Ваше последнее письмо” [85],- читаем в письме, уходящем в Гомель. Из глухой швейцарской деревушки Ленин помогает товарищу - большевику М. Владимирову разобраться в положении, сложившемся в партии. Он пишет ему о раскольнической деятельности меньшевиков, о том, что те “жгут все, чему вчера поклонялись, совершенно искажая перспективу, толкуя искровство так, как толковали раньше его злейшие враги” [86], что громадное большинство местных комитетов стоит на позициях противников меньшинства. “Уже более 10 комитетов,- сообщает Ленин,- высказались за съезд” [87]. И называет Питер, Тверь, Москву, Тулу, Сибирь, Кавказ, Екатеринослав, Николаев, Одессу, Ригу, Астрахань. Нет, не может Ленин хоть день не думать о делах. И на отдыхе продолжает он работать.
В августе Владимир Ильич с Надеждой Константиновной поселяются на берегу небольшого живописного озера Лак де Бре в деревне Пюиду. Здесь, в равнинной местности, наступила уже пора жатвы. Ленин с удовольствием работает в огороде, помогает хозяину дома - крестьянину Форне, у которого снимает комнату.
Однако и здесь все время помнит о делах партии. Он встречается с отдыхающими в Пюиду несколькими членами женевской группы большевиков, договаривается с ними о плане работы, об издании за границей нового печатного органа, об агитации за III съезд партии...
Еще перед отъездом Ленина на отдых один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, Карл Каутский, дал согласие на публикацию в “Искре” своей статьи против большевиков. Потресов с радостью сообщил тогда об этом Аксельроду: “Итак, первая бомба отлита и - с божьей помощью - Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан общий план кампании против Ленина. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов... Но как бить затем - всем нам, заполнить ли собою “Искру” и в какой мере, если выпустить коллективный памфлет против него... Ваше предложение потребовать от ЦК отозвать Ленина из Совета едва ли, мне думается, приемлемо и, во всяком случае, надо сначала настроить против него общественное мнение, и тогда можно будет о чем-либо подобном подумать” [88].
Не первый месяц шантажируют меньшевики и Центральный Комитет. Пугают его угрозами раскола, хотя фактически партия уже расколота меньшевиками, хотя лишь формально находятся они вместе с большевиками в составе единой РСДРП. И без ведома двух членов ЦК - Ленина и Землячки откровенные примиренцы принимают так называемую июльскую декларацию”. Она провозглашает полную сдачу позиций меньшевикам.
Примиренцы лишают Ленина прав заграничного представителя Центрального Комитета. Они объявляют цензуру его произведений, запрещают ему агитацию за III съезд. Они оставляют за ним лишь обязанность обслуживания литературных нужд ЦК.
Большинство местных организаций осуждают “июльскую декларацию”. Петербургский комитет заявляет, что, приняв ее, Центральный Комитет “вместе с ЦО и Советом партии встал в противоречие с направлением большинства местных комитетов”, что это “заставляет Петербургский комитет еще Решительнее высказаться за созыв съезда” [89]. Московский комитет выражает свое негодование “по поводу подобного, с партийной точки зрения, совершенно незаконного бойкота самого крупного и авторитетного партийного литератора”. Он принимает резолюцию, в которой “высказывает полную солидарность со взглядами Ленина, высоко ценит всю его деятельность, в которой Ленин стремился к созданию действительно крепкой пролетарской партии” [90].
Л. Фотиева, только недавно вышедшая из тюрьмы и перед угрозой нового ареста бежавшая из России, убеждается: "и большевистская группа в Женеве крайне тяжело переживает создавшееся положение. Особенно тяжело Ленину. Он лучше всех понимает, что раскольнические действия меньшевиков ведут к бесплодной растрате сил, дезорганизации всей партийной работы в России. И это в то время, когда рост революционного движения в стране требует от партии максимального напряжения сил.
Оставить “июльскую декларацию” без ответа? Нет, этого допустить нельзя! И Ленин предлагает созвать живущих в Женеве большевиков, обсудить с ними создавшееся положение.
- Но сделать это надо так,- предупреждает он Бонч-Бруевича,- чтобы оградить себя от провокаций. Подготовить собрание следует конспиративно, помещение подобрать в необычном месте.

Бонч-Бруевич предлагает провести это собрание в одном из пригородов Женевы, который не так часто посещается меньшевиками и другими русскими эмигрантами. Здесь живут ремесленники, мелкие служащие. В пригороде много маленьких мастерских и фабричонок, открытых рынков для продажи фруктов, овощей, мяса, хлеба. А налево от моста через мутную Арву стоит небольшая гостиница, нечто вроде постоялого двора. В ней есть ресторан с отдельной комнатой, окна которой выходят в сад.
В этой комнате августовским днем 1904 года собираются девятнадцать человек, стоящие на точке зрения большинства Второго партийного съезда. И Ленин выступает перед ними с докладом. Он рассказывает о положении дел в партии, заявляет, что терпеть подобное далее - преступление. Тут же добавляет: исполняя настойчивое желание многих активных членов партии, он написал проект письма или обращения, которое необходимо отправить в Россию.
Ленин зачитывает письмо. Ко всем российским социал-демократам обращается он из Швейцарии: ”
“Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.
А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную, последнюю борьбу с самодержавием” [91].
Но может ли партия, спрашивает Ленин, удовлетворить этим требованиям, когда ее единство глубоко подорвано, дисциплина расшатана до самых основ? Разумеется, нет! И единственный выход из кризиса видит он в немедленном созыве нового съезда партии. Только новый партийный съезд, категорически заявляет Ленин, поставив лицом к лицу борющиеся стороны, заставив их определенно и открыто выразить свои стремления, способен внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил.
То, о чем говорится в написанном Лениным обращении, отражает настроение всех сидящих в комнате загородной гостиницы. Они согласны с Лениным: надо как можно быстрее распространить обращение и в России, и за ее пределами.
Несколько дней спустя принятое девятнадцатью большевиками ленинское обращение, к которому присоединяются еще трое, не присутствовавшие на совещании, доставляется и Ригу. Здесь, в нелегальной типографии местного комитета РСДРП, сообщат вскоре Ленину, обращение “К партии” печатают отдельным листком. Двести экземпляров всеми доступными средствами - разумеется, нелегальными - переправляют в разные города России. А там местные социал-демократы уже на гектографах размножают эту программу борьбы за единство партии. Повсюду читают написанные Лениным в Женеве строки, полные глубочайшей веры в силу партии, в силу рабочего класса:
“У нас рождается партия! - говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.
Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе” [92].
Тонкий лист бумаги с текстом обращения “К партии” уложен в углубление маленького зеркальца, к нему шурупами прикреплена дощечка. С этим зеркальцем посланная Лениным опытный конспиратор Р. Землячка объезжает местные комитеты - Рижский, Московский,

Тверской, Тульский, Бакинский, Батумский, Тифлисский, Кутаисский, Екатеринбургский, Пермский, Ярославский, Вятский.
Приехав в Закавказье, она пишет Ленину: “На Кавказе нами одержана полная победа” [93]. А из Москвы сообщает: “Наши дела обстоят прекрасно. Питерский и Московский комитеты присоединились к резолюции 22-х товарищей. В Питере я столкнулась с делегатом от ЦК, приехавшим туда с декларацией, победа одержана полная, и он уехал совершенно уничтоженный и прибитый... Резолюция 22-х произвела огромное впечатление. Всякие колеблющиеся элементы переходят на нашу сторону благодаря этой резолюции. Что касается друзей, то резолюция эта буквально с ликованием принимается ими” [94].
Это письмо уже застает Ленина в Женеве. Смена впечатлений, горный воздух, отдых - узнаем от Крупской - целительно повлияли на Владимира Ильича. Опять вернулись к нему сила и бодрость, вернулось веселое настроение.
Ульяновы поселяются теперь поближе к центру. Сперва - на улице Каруж. А три недели спустя переезжают на улицу Давид Дюфур. В их квартире - две комнаты и кухня. Одна отведена Ленину, как и в Сешероне, обставлена она просто: железная кровать с мочальным матрацем, небольшой стол, два стула. Столь же скромен, как всегда, быт. По-прежнему хозяйство ведет Елизавета Васильевна. Спокойная, несуетливая, она заботится о дочери и зяте, в котором не чает души.
Каждое утро приходит сюда Л. Фотиева. Она помогает сейчас Крупской в конспиративной переписке. И убеждается: тяжела, трудоемка эта работа. Множество писем поступает из России в адрес Ленина. И почти каждое требует незамедлительного ответа. Одним отвечает он сам. Другим пишет от его имени Надежда Константиновна, но Владимир Ильич перед отправкой внимательно перечитывает эти письма.
Сентябрьским утром приходит письмо из Таганской тюрьмы в Москве. Пишут Ленгник, Стасова и другие большевики. Они заверяют в своей решимости продолжать борьбу против меньшевиков, против примиренческого ЦК. Ленин поручает Крупской ответить товарищам: “Нас бесконечно обрадовало Ваше письмо, оно дышит такой бодростью, что придало и нам всем энергии...” [95]
Из Одессы Ленину пишут в эти дни: три местных большевистских комитета - Одесский, Екатеринославский и Николаевский- созвали Южную конференцию. Она высказалась за созыв III съезда партии, поручила Ленину подобрать полный состав Организационного комитета по его созыву. И Ленин немедленно отвечает: Демон *, Барон **, Сергей Петрович ***, Феликс **** и Лебедев ***** фактически уже приступили к объединению комитетов большинства. (* Землячка. ** Э. Эссен. *** Красиков. **** Литвинов. ***** Гусев.)
Сообщают Ленину и из Питера: в Колпине собрались большевики-петербуржцы, посланцы большевиков Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, Риги, Севера. Делегату Петербургского комитета партии поручили здесь запросить Центральный Комитет о его готовности “взять, наконец, на себя немедленно созыв экстренного съезда”. Конференция приветствовала выступления Ленина и его соратников “не только в вопросах организационных, но и программных и тактических” [96].
Эта весть особенно радует Ленина. “Ура! Вы работали великолепно, и Вас (вместе с папашей******, мышью******* и другими) можно поздравить с громадным успехом,- пишет он в Россию Землячке.- Такая конференция - труднейшее дело при русских условиях, удалась она, видимо, отлично. Значение ее громадно...” [97] (****** Другой псевдоним Литвинова. ******* Кулябко.)
Литвинов, Кулябко, Землячка разъясняют местным социал-демократам смысл, значение призыва двадцати двух большевиков. Ездит с этим обращением по местным организациям и Лядов. Он сообщает Ленину: “Мы окончательно убедились, что партийная масса рабочих всех промышленных центров за нас” [98].
Об этом говорят и резолюции партийных комитетов. Отовсюду поступают они сейчас в Женеву. Московский комитет “высказывает полную солидарность со взглядами Ленина” и сообщает, что “высоко ценит всю его деятельность, в которой Ленин стремился и стремится к созданию действительно крепкой пролетарской партии” [99]. Рижский комитет выражает “пожелание, чтобы тов. Ленин безусловно оставался в ЦК в качестве его единственного заграничного представителя, в надежде, что ему, может быть, удастся повлиять на

товарищей по коллегии и удержать их от дальнейших необдуманных и рискованных шагов" [100]. О солидарности с Лениным гласят доставленные в Женеву резолюции Тифлисского, Бакинского, Кременчугского, Имеретинско-Мингрельского, Екатеринославского, Петербургского и других комитетов.

Все это известно провокатору, проникшему в местную социал-демократическую группу. Тот доносит о положении в партии заведующему русской заграничной агентурой в Берлине. И оттуда в Петербург, в департамент полиции, уходит сообщение; "Центральный комитет социал-демократической партии сошелся с так называемым "меньшинством". "Большинство", руководителем которого является Ленин, объявило войну и Центральному комитету и требует съезда. Центральный комитет и "меньшинство" - против". В донесении указывается, что за "Ленина и за съезд" высказалось огромное число комитетов, и среди них комитеты Одессы, Николаева, Екатеринослава, Москвы, Твери, Петербурга, Тулы, Казани, Нижнего, Сибири, Кавказа, Риги, Воронежа, Гомеля, Северный и Северо-Западный комитеты. Сообщая о том, что "большинство" все-таки фактически сильнее "меньшинства", и к нему примкнули новые теоретические силы, глава заграничной агентуры предупреждает департамент полиции, что "Ленин готовится к изданию новой газеты..." [101].

В эти дни Крупская по поручению Ленина пишет в Россию: "...настроение теперь у всех нас бодрое, масса планов, старик тоже принялся за работу..." [102]

Старик, как мы знаем,- это Ленин. Ранним утром уходит он в библиотеку "Общества любителей чтения", что находится на узкой Гран-рю, в самой старой части города, окруженной крепостной стеной.

Здесь, вспоминает Крупская, "было очень удобно заниматься, члены общества - по большей части старички-профессора- редко посещали эту библиотеку; в распоряжении Ильича был целый кабинет, где он мог писать, ходить из угла в угол, обдумывать статьи, брать с полок любую книгу" [103].

Нередко отправляется Ленин и в университетскую библиотеку. Много лет спустя хранитель ее манускриптов Бернар Ганьебин расскажет о том, что читает здесь Владимир Ильич. В течение зимы он знакомится с докладами рабочей комиссии Соединенных Штатов. В январе 1904 года проявляет особый интерес к истории философии, а в мае внимание Ленина привлекает Азия. И в частности, Япония. Он читает изданные на французском, немецком и английском языках книги: "Возрождение Азии" Леруа-Болье, "Япония на переходной стадии" Стеффорда Рейсома, "Японцы" Карла Мюнцингера и "Маньчжурия, ее население, естественные богатства и новейшая история" Александра Хози.

Усиленный интерес Ленина к Японии вызвала, конечно, русско-японская война. В эти майские дни, когда он читает в университетской библиотеке труды о далекой азиатской стране, ее войска в битве у реки Ялу наносят первое поражение царской армии. В эту пору начинается японское наступление с суши на Порт-Артур.

"С 30 сентября по 26 октября 1904 года,- продолжаем знакомство со свидетельством Б. Ганьебина,- будущий вождь советской революции приходит очень регулярно читать французский перевод произведения Жана Блоха в четырех томах "Будущая война с технической, экономической и политической точек зрения". Одновременно он просмотрел серию немецких произведений о войне: "Политическая география" д-ра Ратцеля, "Экономическое и техническое развитие морского судоходства" Фитгера, "Во время войны через Китай 1900/01" Вегенера. Наконец, он просмотрел книгу "Анализ ощущений и отношение физического к психическому" д-ра Эрнста Маха..." [104]

Возвращается Ленин домой к обеду. А обедает в строго установленное время. За столом он обычно весел, шутит. Ни за обедом, ни за чаем не ведет деловых разговоров.

Нередко после обеда Ленин вновь уходит заниматься. Но городские библиотеки уже закрыты. И он держит путь к дому № 91 на улице Каруж.

Еще летом в русском социал-демократическом журнале "Рассвет", издаваемом в Женеве, появляется объявление об отткрытии библиотеки и архива РСДРП. Инициативу в их создании проявили В. Бонч-Бруевич, П. Лепешинский, В. Воровский, М. Ольминский. Их горячо поддержали остальные большевики-эмигранты. Так из переданных ими легальных и нелегальных книг возникла новая библиотека.

Ленин стал приходить сюда по вечерам. Чтобы создать все условия для работы, ему сделали ключ: теперь он может сам войти в библиотеку и выйти, когда ему будет удобно. В той комнате, где находится архив, к вечеру освобождают большой стол, оставляя на нем те книги, которые он заказывает из библиотечных запасов. Тут же раскладывают для него все поступающие в библиотеку новинки легальной и нелегальной литературы, все новые журналы и газеты. Отовсюду идет сюда революционная литература; она очень интересует Ленина, и он внимательнейшим образом ее прочитывает.
Владимир Ильич пользуется всяким свободным часом, чтобы побывать в библиотеке, посидеть над книгой. Одинаково глубоко изучает он множество вопросов. И удивленные библиотекари говорят о нем:
- Феномен!
Ленин ни на мгновение не оставляет борьбу. Борьбу не только против меньшевиков, но и против эсеров, анархистов, других мелкобуржуазных течений.
Когда бы ни пришел он домой, его ждут письма из России. С каждым днем их все больше и больше. Сколько материала дают они Ленину! И как читает он эти письма, особенно от рабочих!
"Помню одно письмо, писанное рабочими одесских каменоломен,- узнаем из воспоминаний Крупской.- Это было коллективное письмо, написанное несколькими первобытными почерками, без подлежащих и сказуемых, без запятых и точек, но дышало оно неисчерпаемой энергией, готовностью к борьбе до конца, до победы, письмо красочное в каждом своем слове, наивном и убежденном, непоколебимом. Я не помню теперь, о чем писалось в этом письме, но помню его вид, бумагу, рыжие чернила. Много раз перечитывал это письмо Ильич, глубоко задумавшись, шагал по комнате. Не напрасно старались рабочие одесских каменоломен, когда писали Ильичу письмо: тому написали, кому нужно было, тому, кто лучше всех их понял" [105].
А через несколько дней из Одессы доставляют еще одно письмо. Пишет начинающая пропагандистка Танюша (Т. Людвинская). Добросовестно, подробно описывает она собрание местных ремесленников. И Ленин благодарит ее за письмо. Он просит Танюшу: "Пишите чаще. Нам чрезвычайно важны письма, описывающие будничную, повседневную работу" [106].
В отсутствие Ленина приходит прибывший в Женеву Е. Маевский-представитель Сибирского союза РСДРП. Не застав Ленина, оставляет ему письмо. Конечно, признает он, "меньшинство" - анархисты и дезорганизаторы. Но ведь ничего с ними не поделаешь, сокрушается Маевский. И призывает к перемирию. Только таким, дескать, путем можно выйти из невыносимого положения. Только так якобы можно укрепить силы для дальнейшей борьбы против меньшинства. Как сожалеет Ленин, что не встретился с этим примиренцем, что не попытался разъяснить ему: нет смысла в перемирии, ибо нельзя примириться с фальшью, путаницей, дрязгой! Ибо это перемирие меньшевики используют лишь для укрепления своих позиций.
Он пишет о том Сибирскому комитету РСДРП. Разъясняет, как вредна позиция, занятая одним из его членов. Подробно информирует о положении, сложившемся в партии. "Нет,- категорически заявляет Ленин,- это недостойное социал-демократа и глубоко ошибочное по существу мнение, что допустимо перемирие с лицемерием и дезорганизацией" [107]. Чем грубее издеваются меньшевики над решениями съезда, над партией и ее работниками в России, утверждает он, "тем беспощаднее становится встречаемый ими отпор, тем теснее сплачивается большинство, объединяя всех принципиальных людей, отшатываясь от противоестественного и гнилого уже в существе своем политического союза Плеханова, Мартынова и Троцкого" [108].
Проходит несколько дней, У Ленина появляются Красиков и Гусев. Они сообщают, что заходили только что к знакомому меньшевику, колеблющемуся в оценке политических взглядов своего руководства. И увидели на столе у него листок "План земской кампании". Отпечатан этот листок в меньшевистской типографии с грифом "Только для членов партии".
- Дайте нам его почитать,- с деланным равнодушием попросил Красиков.
- Пожалуйста,- согласился хозяин.

По дороге домой, присев в сквере на скамеечке, Красиков и Гусев познакомились с листком. Меньшевики рекомендуют партийным организациям не выставлять собственных требований перед правительством. Они призывают побудить буржуазию выступать с демократическими требованиями от имени народа.

Но хоть этот “План земской кампании” выпущен “для членов партии”, большевикам он неизвестен, разослали его втайне от них.

“Пойдем скорее к Ильичу”,- родилась одновременно у обоих мысль.

И вот они у Ленина. Красиков протягивает ему листок.

- Владимир Ильич, посмотрите, очередное меньшевистское творение, которое они скрывают от нас...

“Ленин вдруг “загорелся”,- вспоминает Гусев,- схватил листок и стал его перечитывать, язвительно усмехаясь, прочитывая некоторые места вслух и подчеркивая в них “курсивом” отдельные слова и фразы... и временами заразительно смеясь” [109].

- Я напишу ответ,- заявляет Ленин.

По его тону Красиков и Гусев чувствуют, что Ленин сейчас же сядет за работу и им следует оставить его одного.

Три дня Ленина не видят ни в одной из библиотек, В своей комнате он склонился над небольшим столиком, на котором лежит стопка газет. Тут и № 10285 петербургского “Нового времени”. Ленин подчеркнул в нем то, что пишет “просвещенный” либерал о напугавшей его демонстрации у выборгской тюрьмы, о манифестации в центре российской столицы. Тут тридцать девятый номер издающегося в Петербурге буржуазно-либерального еженедельника “Право”: Ленин отметил в нем пошлые рассуждения князя Трубецкого о “внутренней опасности” крайних партий.

“...Вот вам наглядный пример того,- пишет Ленин,- что действительно оказывает на настоящих либералов устрашающее действие. Уж, конечно, боятся они не того плана, который приснился редакторам “Искры”, плана вырвать у земцев формальные обещания в пользу революционеров... они боятся революционно-социалистических целей “крайних” партий, они боятся уличных листков, этих первых ласточек революционной самодеятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии” [110].

Из-под ленинского пера выходят гневные строки, разоблачающие соглашательскую тактику меньшевиков. Ленин призывает: “Дело рабочего класса - расширять и укреплять свою организацию, удесятерять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его...” [111]

Так рождается ленинская брошюра “Земская кампания и план “Искры””. Трехтысячным тиражом в течение нескольких дней ее отпечатывают в Женеве, в кооперативной типографии. И сразу же высылают в Россию.

Эта брошюра, свидетельствует Гусев, боевой сигнал к борьбе с меньшевиками на новой основе. Теперь, после листка меньшевистской “Искры” и ответа Ленина, дороги меньшевиков и большевиков стали еще больше расходиться, еще глубже стала пропасть между ними.

Примечания:

[60] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 114-115.

[61] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 189.

[62] Там же, с. 190.

[63] Там же, с. 189.

[64] Там же, с. 191.

[65] Там же, с. 403 - 404.

[66] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 358.

[67] Там же, с. 360.

[68] Там же, с. 359.

[69] “Старый большевик” 1934. № 3(11), с. 111.

[70] “Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов”, с. 85-86.

[71] См. Г. Б. Гарибджанян, В.И. Ленин и большевики Закавказья. М., 1971, с. 48.

[72] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 91.

[73] “Молодая гвардия”, 1924. № 2-3, с 48.

[74] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 91.
[75] Там же.
[76] В.И. Ленин, Полн. собр, соч., т. 55, с. 235.
[77] Там же.
[78] Там же, с. 236.
[79] Там же.
[80] Там же, с. 237.
[81] Там же, с. 500.
[82] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 365.
[83] Там же.
[84] Там же, с. 366.
[85] Там же, с. 367.
[86] Там же, с. 368.
[87] Там же, с. 369.
[88] "Социал-демократическое движение в России", т. I, с. 124-125.
[89] "Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов", с 87.
[90] "Красный архив", 1934, т. 1(62), с. 169.
[91] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 13.
[92] Там же, с. 20-21.
[93] См. Г. Б. Гарибджанян. В. И. Ленин и большевики Закавказья, с. 50.
[94] "Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов", с. 308- 309.
[95] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 384.
[96] "Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов", с. 49
[97] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 432.
[98] "Пролетарская революция", 1922. № 3, с. 64.
[99] "Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов", с. 106
[100] Там же, с. 121.
[101] "Красный архив", 1934, т. 1(62), с. 170.
[102] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 384.
[103] Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 92.
[104] См. А. С. Кудрявцев, Л. Л. Муравьева, И. И. Сиволап-Кафтанова, Ленин в Женеве. Женевские адреса Ленина. М., 1967, с. 133.
[105] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 93-94.
[106] См. там же, с. 94.
[107] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 394.
[108] Там же, с. 395.
[109] "Воспоминания о II съезде РСДРП", с. 107.
[110] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 81-82.
[111] Там же, с. 96.

В этой газете теперь вся суть!

"Получив задание вести подготовку к III съезду партии я, ободренная новыми перспективами и освеженная отдыхом, поехала в Россию. Мне не повезло. Я на границе была арестована" [112].

Женщина, которой принадлежат эти строки, полиции известна по кличке Шикарная. Многие зовут ее Ниной Львовной. В партийной переписке ее называют Зверем, Зверушкой. На самом же деле это М. Эссен - член Центрального Комитета партии, не раз бывавшая прежде в Женеве у Ленина.

Уже много месяцев сидит она в Петербурге, на Шпалерной, в доме предварительного заключения. Однажды ей передают с воли коробку шоколадных конфет. Мария надкусывает одну... Что это? В конфете закатанный в фольгу клочок письма. Она ищет в коробке конфеты с такой же начинкой. И обнаруживает еще одиннадцать

пронумерованный клочков. Поспешно составляет их. Перед ней - послание, доставленное из Женевы.
Пишет Крупская - о положении в партии, о царящем в эмиграции настроении. “Письмо Старика,- сообщает она, - лучше всего передает это настроение” [113].
Обещанное Крупской письмо Ленина - тут же, в шоколадных конфетах. Оно на крошечных листках папиросной бумаги. Помечено 24 декабря 1904 года. Из далека обращается Ленин к узнице петербургской тюрьмы:
“Дорогая зверушка! Давно собираюсь написать Вам, да мешает сутолока. У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты “Вперед”. Все большинство ликует и ободрено, как никогда… Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы деньжонок мало, но вскоре должны быть... Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган объединит их вполне. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары,- все еще впереди. Крепко обнимаю.
Ваш Ленин” [114]
Создать новый печатный орган, свою, большевистскую газету, о предстоящем выходе которой он сообщает единомышленнице в тюрьму, Владимир Ильич задумал давно. Еще летом, отдыхая в глухой деревушке у озера Лак де Бре, он просил находившуюся в Женеве Фотиеву “возможно скорее (желательно бы сегодня)” написать “всем нашим друзьям в России”. И прилагал текст, который следовало отправить им: (Пожалуйста, немедленно приступите к сбору и отсылке всех и всяческих корреспонденции по нашим адресам с надписью: для Ленина. Крайне нужны также деньги. События обостряются... Мы ждем всего худшего. Подробности на днях” [115].
Ленин настойчиво подчеркивал: это надо послать немедленно. Рукой Крупской указывался десяток адресов, где должны были получить письмо. Первым она поставила: “Питер по адресу Мыши”. Далее в Тверь, по двум одесским адресам, в Екатеринослав, Сибирь, на Урал, в Ригу, Розе, т. е. Землячке, в Нижний Новгород, Саратов. И в конце сделала приписку: “...вообще по всем адресам друзей, в которых вполне можно быть уверенными” [116].
Там, в горах Швейцарии, у Ленина созрел план создания большевистской газеты. Еще не имея средств для выпуска, он уже собирает для нее материал, объединяет литературные силы. Продумывает и возможности издания большевистской литературы, потребность в которой возрастает с каждым днем.
- Надо организовать свое издательство,- предложил как-то Владимир Ильич.
Бонч-Бруевич соглашается взяться за дело. В несколько дней улаживает вопрос с типографией. Владельцы кооперативной наборной - рабочие-эмигранты - даже переводят ее и дом, где живет Бонч-Бруевич. И дело закипело.
В конце августа выходит первая брошюра - “Долой бонапартизм (Разбор и критика декларации ЦК)” М. Ольминского. Затем - “Наши недоразумения” М. Ольминского и А. Богданова. Выходят брошюры с грифом “Издательство Влад. Бонч-Бруевича”. Но тот просит Владимира Ильича: пусть все издания выходят с его адресом, пусть само издательство носит его имя. Владимир Ильич наотрез отказывается. Лишь после того, как Бонч-Бруевич приводит ряд убедительных доводов, он соглашается:
- Ну, хорошо. Печатайте во благо успокоения вот так...- и быстро набрасывает на клочке бумаги: “Издание Влад. Бонч-Бруевича и Н. Ленина”.
Бонч-Бруевич берет карандаш. Он хочет зачеркнуть свою фамилию.
Ленин пристально, строго смотрит на него. Он непреклонен:
- Этого делать нельзя.
Так появляется “Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина”. В письмах, идущих в Россию, Крупская сразу же сообщает: “...большинство предприняло свое издательство (издатели Бонч-Бруевич и Ленин)...” [117], “... теперь издательство будут вести Бонч и Ленин” [118], “Бонч-Бруевич и Ленин взяли на себя издательство большинства...” [119]

Пишет об этом и Ленин. Он призывает комитеты большинства Москвы, Петербурга, Одессы, Саратова, Риги, Баку: "Непременно и немедленно обратитесь официально в русский ЦК (прислав нам копию бумажки) с просьбой доставить в комитет все издания нового издательства Бонч-Бруевича и Ленина и доставлять их регулярно" [120]. Сообщает Сибирскому комитету РСДРП: "...молодые литературные силы, отшатнувшиеся от путаной лицемерной "Искры", с разных сторон, начинают тянуться к только что начавшемуся издательству большинства (издательство Бонч-Бруевича и Ленина за границей) в целях самой разнообразной поддержки его, преобразования, расширения и развития" [121]. Ленин предлагает одному из организаторов Бакинского комитета большевиков, А. Стопани: "...Приложить все усилия для всесторонней поддержки и расширения издательства большинства (начатого здесь Бонч-Бруевичем и мной...). За это взялась уже группа русских литераторов, и Вы должны немедленно начать сбор и присылку всяческих материалов, корреспонденции, листков, заметок и проч. и проч., особенно от рабочих и о рабочем движении. Непременно и немедленно" ". [122]
С начала сентября по декабрь 1904 года "Издательством социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина" выпускает в Женеве несколько ленинских работ, произведения видных большевистских публицистов. Все это отправляется в Россию и находит горячий отклик в партийных организациях. "Объединенное "большинство",- призывают рижские социал-демократы,- должно поддержать это начинание и развить его дальше в соответствии с потребностями борьбы за торжество наших принципов, за торжество партийности над кружковщиной и анархией" [123]. Выражает "свое полное сочувствие возникшей читературной группе для издания брошюр с Лениным во главе" [124] и Тверской комитет РСДРП. Он обещает большевистскому издательству полное содействие. И Крупская по поручению Ленина немедленно запрашивает у тверских товарищей адреса для высылки им литературы.
А как реагируют меньшевики на появление у большевиков собственного издательства? Владимир Ильич сообщает об этом Розе Люксембург: Как лицемерны были все разговоры меньшинства против ультрацентрализма и за автономию, ясно видно из того, что новое издательство большинства, предпринятое мною и одним товарищем... было объявлено стоящим вне партии. Новое издательство предоставляет большинству единственную возможность пропагандировать свои взгляды, так как страницы "Искры" для него почти закрыты. И несмотря на это или, вернее сказать, именно поэтому Совет партии вынес вышеупомянутое решение..." [125]
Ленин продолжает в это время подготовку к изданию большевистской газеты. По его поручению Бонч-Бруевич договаривается с какой-то французской фирмой о предоставлении кредита на бумагу, типографские работы. Лядов раздобывает небольшую сумму денег на первые расходы. Сам Владимир Ильич и по его поручению Надежда Константиновна связываются с местными организациями в разных городах России. Разъясняют им цели и задачи нового партийного органа. Призывают сотрудничать в нем. В одном из писем - оно уходит в Одессу - Крупская подробно инструктирует товарищей о материалах, которые необходимы для создаваемой Лениным новой газеты. Просит приложить все усилия, "чтобы наладить доставку сведений о ходе дел". Наставляет товарищей: "Сообщайте изменения в составе комитета, вопросы, обсуждаемые на комитетских собраниях, сообщайте подробно о ходе работы, о количестве выходящих листков, устройте так, чтобы все эти листки посылались нам в 2-х экземплярах (хорошо их вкладывать в газеты), указывая, в каком количестве вышел каждый листок, как был распространен, какое произвел впечатление; сообщите, имеется ли литература, какая, как она расходится, на что больше всего спрос, напишите, сколько у вас организаторов и пропагандистов, что за публика, сообщите о ходе работы, о характере пропаганды, о собраниях, темах, обсуждающихся на них, и т. д.". Крупская передает требование; Ленина: "Пусть пишут все члены комитета каждый о своей работе и о своих впечатлениях. Чем большее число людей; будет писать, тем полнее будет картина работы... Все это пересылайте нам, а рабочих убеждайте, что писать в газету их обязанность..." [126]
О том же информирует Надежда Константиновна и Анну Ильиничну Елизарову: "...мы, решившись на революционный образ действий - издание органа, образование бюро,- чувствуем себя гораздо лучше. Работа закипела, и мы не сомневаемся в успехе. Только

просим и молим россиян напрячь все силы, чтобы поставить как можно лучше корреспондентскую часть и связаться с нами как можно теснее" [127].
Соратники Ленина - те самые, которые еще совсем недавно в загородной гостинице одобрили написанное им обращение "К партии",- собираются вновь. Ленин излагает программу нового печатного органа. Предлагает его название - "Вперед". И собрание принимает окончательное решение об издании газеты партийного большинства.
В этот же день Владимир Ильич пишет "Письмо к товарищам". Оно печатается отдельным листком и отправляется в Россию. Ленин сообщает:
"Сегодня на собрании тесного круга заграничных большевиков окончательно решен вопрос, давно уж решенный в принципе, об основании периодического партийного органам посвященного отстаиванию и развитию принципов большинства в борьбе со смутой организационной и тактической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положительной работы русских организаций, против которых ведется теперь едва ли не везде по всей России такая ожесточенная борьба со стороны агентов меньшинства, борьба, страшно дезорганизующая партию в столь важный исторический момент, борьба, целиком ведущаяся самыми беззастенчивыми средствами и приемами раскола..." [128]
Ленин пишет товарищам в Россию, что новая газета будет отстаивать воззрения и задачи, давно уже изложенные в ряде изданных большевиками брошюр, что она будет бороться "за выдержанное революционное направление против смуты и шатаний в вопросах и организационных и тактических..." [129], что она станет "органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка" [130].
Предпринимая издание новой газеты, Владимир Ильич не мыслит ее существования без живого общения с Россией.
"Пусть не забывают этого те,- призывает он,- кто не на словах только, а на деле хочет считать (и хочет сделать) наш орган - органом всего "большинства", органом массы русских работников... Над социал-демократической газетой должны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих... Только тогда и только при условии такой широкой переписки можем мы все сообща сделать нашу газету действительным органом рабочего движения в России" [131].
Итак, делать газету сообща. Стремиться к тому, чтобы таким образом стала она подлинным органом рабочего движения. Эта мысль пронизывает многие письма Ленина, уходящие сейчас в Россию,- письма, адресованные местным организациям, отдельным товарищам.

Он сообщает находящейся в России Землячке: "
Деньги нужны страшно
. Примите немедленно все меры, чтобы выслать хоть 1-2 тысячи рублей, иначе мы висим в воздухе и действуем совсем на авось" [132]. И просит довести до конца с Буквой - так по конспиративным соображениям называет сейчас Ленин М. Горького - переговоры о денежной помощи новой газете.

Он пишет Кавказскому союзному комитету РСДРП: ...посылайте, пожалуйста, побольше, побольше и побольше рабочих корреспонденции. От Вас зависит теперь успех органа в особенности, ибо начало особенно трудно" [133].
Пишет тверским товарищам: "...послали Вам письмо с извещением об издании новой газеты большинства "Вперед". Там подробно выясняем, что заставило нас приступить к изданию газеты, разъясняем ее задачи и прочее. Известите, получили ли это наше подробное письмо, напишите свое отношение к нему. Ради бога, пишите о положении дел, о местной работе" [134].
Запрашивает Сызрань: "...можно ли рассчитывать на Вашу поддержку, которая была бы для нас крайне важна" [135].
В конце декабря отдельным листком выходит отредактированное Лениным объявление об издании органа большинства. А вскоре вновь собирается Женевская группа большевиков. Владимир Ильич представляет редакторов новой газеты: Галерку - это Михаил Ольминский; Шварца - так зовут Вацлава Воровского; Воинова - под этим именем известен Анатолий Луначарский.
Присутствующий тут Лепешинский скажет почти два десятилетия спустя:

- Луначарский, Боровский, Ольминский - о, с такими помощниками можно было начинать литературную кампанию, и Ильич “дерзнул”!
Ленин работает над первым номером газеты. Он пишет передовую “Самодержавие и пролетариат” - о военном крахе и политическом кризисе самодержавия, о неизбежности и близости в России революции, о величайшей, всемирно-исторической цели, к которой стремится рабочий класс: “освободить человечество от всяких форм угнетения и эксплуатации человека человеком” [136].
Совсем недавно “Правительственный вестник” опубликовал указ Николая II сенату “о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка”. Царь пообещал реформы, но лишь второстепенного характера. Указ этот подтвердил, что самодержец российский и не помышляет об изменении формы правления.
Петербургский комитет РСДРП откликнулся на царский указ гневной листовкой. Даже эти мизерные реформы, утверждала она, существуют только на бумаге, и нынешним правительством они не будут осуществлены.
Кому царский указ поручает осуществить реформы? - спрашивали авторы листовки. И отвечали: “Комитету министров, руки которых обагрены кровью борцов за народную свободу, которые грабят народ, тянут из него все соки и дли этого держат его в рабстве и невежестве, которые затеяли преступную войну с Японией в интересах кучки капиталистов и великих князей...” [137]
То, что пишет Ленин в передовой для первого номера газеты “Вперед”, перекликается с этой листовкой Петербургских большевиков. Он утверждает: “Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание исстрадавшиеся народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв. Самодержавная Россия разбита уже… Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения” [138].
Ленин призывает готовиться к этому со всей энергией. Он предсказывает, что одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В статье, предназначенной для первого номера газеты “Вперед”, Владимир Ильич утверждает, что пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать победу всему народу...
Пишет Ленин и другую статью - “О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов”. И сразу же признает: вопреки полицейским преследованиям, русский рабочий класс уже давно перешел к открытой борьбе, к уличным выступлениям, к массовым народным собраниям, к прямым схваткам с врагом на улицах.
Одно из этих выступлений - в Петербурге, по существу, сорвалось из-за дезорганизаторской деятельности меньшевиков, заявляет Владимир Ильич. Еще в конце октября он предупредил находившегося на Урале И. Радченко: “Сейчас меньшинство ведет осаду Петербурга” [139]. Писал он и кавказским товарищам: меньшевики сорвали в столице рабочую демонстрацию. “О питерском позоре”, о “срыве демонстрации меньшинством” [140] Владимир Ильич сообщил только что в Россию и Землячке.
Эту антивоенную демонстрацию Петербургский комитет назначил на 28 ноября. Она должна была выразить боевое, стремительно выливавшееся наружу настроение рабочих масс. Демонстрация обещала быть грандиозной. Но за три дня до нее собрался Петербургский комитет. Три его члена - большевики - на заседании отсутствовали. И, воспользовавшись этим, меньшевики провели свое решение, отменяющее демонстрацию. Поспешно сожгли они двенадцать тысяч призывавших к ней листовок.
На следующий день большевики добились отмены позорного решения. Но уже поползли по столице слухи, что демонстрация отложена на неопределенное время. В результате она оказалась сорванной.
Ленин узнал об этом из разных источников, в том числе из письма рабочего. Пришло оно в Женеву из российской столицы.
Письмо рабочего служит Ленину основой еще для одной статьи - “Пора кончить” - о “дезорганизаторской выходке петербургского “меньшинства”” [141]. Он пишет ее совместно С В. Воровским. И подчеркивает в ней: то, что позволили себе в Петербурге

меньшевики,- последняя капля; она должна переполнить чашу терпения партии; это не случайность, а обдуманный шаг к расколу комитета. “Мы должны, в отличие от “меньшевиков”, которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле,- призывает Ленин,- что партия порывает с этими господами все и всякие отношения” [142].
Спустя некоторое время Ленин получит новое письмо из Питера. Грозные события Кровавого воскресенья помешают опубликовать его, и оно не дойдет до потомков. Но сохранятся ленинские строки, которые должны были сопровождать это письмо в газете. “Выводы петербургского товарища,- гласят они,- вполне подтверждают правильность нашего заключения (“Вперед”, № 1, “Пора кончить”). Советуем всем комитетам и организациям большинства скорее и решительнее отстранить; дезорганизаторов, чтобы можно было заниматься делом, а не дрязгой” [143]. О том, кто эти дезорганизаторы, говорится в первоначальном варианте примечания Ленина: это меньшевики, вполне доказавшие свое полное нежелание работать вместе подчиняясь большинству, дезорганизовавшие учреждения созданные Вторым партийным съездом, это меньшевики, с которыми “у партии нет иных средств борьбы, кроме разрыва” [144].
Но вернемся к новой, создаваемой Владимиром Ильичем газете. По поручению Ленина Крупская сообщает в Петербург для немедленной передачи только что отбывшей тюремное заключение С. Афанасьевой: “В первом номере “Вперед”, который выходит завтра, будет резкая статья против поведения петербургских меньшевиков. Вообще номер вышел боевой... Помогайте же встать на ноги новому органу, теперь ведь идет уже вопрос о борьбе принципов...” [145]
И вот наступает 6 января 1905 года - день рождений большевистской газеты. Ее первый же номер зовет к сплоченности российских социал-демократов. Зовет к быстрейшему созыву съезда партии. С удовлетворением информирует Ленин читателей о конференциях местных комитетов - четырех кавказских, Одесского, Екатеринославского, Николаевского, Петербургского, Московского, Тверского, Рижского, Северного, Нижегородского. “Надеемся вскоре,- обещает он,- привести подробные данные”. Пока же Владимир Ильич ограничивается сообщением, что эти “конференции категорически высказались за немедленный созыв III съезда партии и за поддержку литературной группы “большинства”” [146].
“Сысойке от Ленина личное” [147] - с такой припиской несколько дней спустя уходит в Россию письмо Владимира Ильича. Сообщая “Сысойке” - А. Богданову о начале печатания новой газеты, Ленин пишет о намерении выпускать ее еженедельно, хотя ей грозит опасность “обанкрутиться”: “Необходимо 400 frs. (150 руб.) на номер, а у нас всего 1200 frs.”. Ленин призывает организовать газете помощь, ибо в первые месяцы она “нужна дьявольски” [148]. Он предостерегает: “...если не будет аккуратного выпуска, то вся позиция большинства понесет гигантский, едва поправимый удар” [149]. Ленин требует налечь всеми силами на организацию литературного сотрудничества из России. Он называет имена литераторов и социал-демократов, которым следовало бы, по его мнению, заказать статьи, корреспонденции, призывает привлечь для этого рабочую и особенно студенческую молодежь.
“...Надо приучаться просто беседовать и запросто переписываться с заграничным журналом, если хотят, чтобы это был свой журнал,- пишет Ленин.- Я бы считал в этих видах прямо необходимым и безусловно необходимым раздать каждому студенческому кружку, каждой рабочей группе по адресу (заграничному, их теперь много, будет еще больше) Вперед”... Раздавайте адреса и требуйте прямых сношений с редакцией “Вперед”. Без этого не пойдет орган... Надо, чтобы десятки и сотни рабочих прямо и непосредственно писали в “Вперед”” [150].
Владимир Ильич просит также адреса рабочих. По этим адресам, сообщает он, можно высылать в конвертах газету. Он убежден: “Рабочие бояться не будут. Полиция не в силах перехватывать и десятой доли конвертов” [151].
Первостепенное значение придает Ленин созданной им газете. Направляя лидеру швейцарских социал-демократов Герману Грейлиху “Краткий очерк раскола в РСДРП”, он подчеркивает в нем:

“Направление газеты “Вперед” есть направление старой Искры”. Во имя старой “Искры” “Вперед” решительно борется с новой “Искрой”.
Фактически, следовательно, оказалось две Российские социал-демократические рабочие партии. Одна с органом “Искрой”, “официально” называемым Центральным Органом партии, с Центральным Комитетом, с четырьмя русскими комитетами из двадцати... Другая партия с органом “Вперед”, с “Бюро русских Комитетов Большинства”, с 14-ью комитетами в России... На стороне “впередовцев” все принципиально убежденные сторонники старой “Искры” и большая часть сознательных передовых рабочих и практических деятелей партии в России...
Мы, большевики, утверждаем, что на нашей стороне большинство настоящих, русских, партийных деятелей” [152].
Примечания:
[112] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2. с. 121.
[113] “Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской”. М., 1966. с. 59.
[114] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 429.
[115] Там же, с. 372.
[116] Там же.
[117] “Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов”, с. 270.
[118] Там же, с. 272.
[119] Там же, с. 276.
[120] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 386.
[121] Там же, с. 395.
[122] Там же, с. 400.
[123] “Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов”, с. 124- 125.
[124] “Ленин и Тверской край”. М., 1969, с. 28.
[125] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 63-65.
[126] “Красная летопись”, 1924, № 1(10), с. 67.
[127] “Литературное наследство”. Т. 80. “В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы”. М., 1971, с. 609.
[128] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 103.
[129] Там же, с. 105.
[130] Там же, с. 106.
[131] Там же, с. 106 - 108.
[132] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 423-424.
[133] Там же, с. 426.
[134] Там же, с. 427.
[135] Там же, с. 427.
[136] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 131.
[137] “Листовки петербургских большевиков”, т. 1, с. 145.
[138] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 135-136
[139] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, с. 391.
[140] Там же, с. 432.
[141] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, е. 146.
[142] Там же, с. 148.
[143] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, с. 353.
[144] Там же.
[145] “Пролетарская революция”, 1925, № 3(38), с. 29.
[146] “Вперед” № 1, 4 января (22 декабря) 1905 г.
[147] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 5.
[148] Там же.
[149] Там же, с. 6.
[150] Там же, с. 6 - 7.
[151] Там же, с. 7.
[152] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 236.

И грянула буря!

Ленин с Крупской идут в библиотеку на Гран-рю. По дороге встречают Луначарского с женой.
- Революция! В России революция! - восклицает Луначарский.
А выскочивший из-за угла мальчишка-газетчик оглашает улицу пронзительными криками:
- Революсьон ен Рюсси! Революсьон ен Рюсси!
В этот день, 23 января, "Трибюн де Женев" сообщает о том, что произошло накануне в Петербурге.
...За несколько дней до того из заграничных и легальных русских газет Владимир Ильич узнал, что забастовали путиловцы. Стачка вспыхнула из-за увольнения заводской администрацией четырех рабочих. Стихийно начавшееся движение охватило другие заводы.
"Из иностранных газет узнали,- сообщает в Петербург Крупская,- что на Путиловском заводе стачка". Ее интересует: "Есть ли у комитета там связи?" Ибо о стачке необходимы подробные сведения для газеты "Вперед". Причем как можно быстрее. "Приложите все усилия,- просит она,- чтобы организовать писание корреспонденции самими рабочими" [153].
Едва ли не в каждой корреспонденции об этих событиях встречал Ленин имя Гапона, совсем недавно неизвестного священника церкви при петербургской пересыльной тюрьме. Теперь он стоял во главе организации "Собрание фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга". Учреждена была она, как гласил ее устав, якобы "для трезвого и разумного проведения членами собрания свободного от работ времени с действительной для них пользою как в духовно-нравственном, так и в материальном отношении".
Что касается "материального отношения", то внесено было это в устав для придания "собранию" большей значимости. А вот "духовно-нравственное" воздействие действительно осуществлялось. И главным образом на средства правительства. Появилась у рабочих, благодаря этому воздействию, поддерживаемая Гапоном наивная вера в освобождение от гнета без классовой борьбы, с благословения царя. И не знали, конечно, рабочие, что их новоявленный "отец" связан с главой тайного политического сыска.
Под свежим впечатлением только что прошедшего собрания рабочих Семянниковского завода Ленину написали в Женеву из-за Невской заставы. Ему сообщили, что в Питере началось широкое стачечное движение, что каждый день то на одном, то на другом заводе вспыхивает забастовка.
Владимир Ильич узнал из этого письма: "Вышли листки от Петербургского комитета: два - к прядильной фабрике Шау и один - к путиловским рабочим" [154].
Отпечатанные на гектографе и распространявшиеся в Петербурге листовки, о которых сообщили Ленину, призывали прядильщиков:
"...Соединимся же вместе против наших врагов... И в этой борьбе нас поддержат рабочие других фабрик и заводов, потому что у всех рабочих одни и те же враги - хозяева-капиталисты и царь с его жандармами и полицией...
Да здравствует стачка! :
Долой грабителей-капиталистов!
Долой самодержавие!
Да здравствует братский союз всех рабочих!" [155]
А листовка, обращенная к путиловцам,- та самая, о которой написал Ленину питерский рабочий,- звала к борьбе:
"Пора, пора уже сбросить нам с себя непосильный гнету полицейского и чиновничьего произвола! Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов и собраний; нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)..." [156]
Когда забастовали петербургские заводы, Гапон, чтобы не разоблачить себя в глазах рабочих, вынужден был публично их поддержать. Но уже родился замысел грандиозном авантюры. Претворить ее в жизнь взялся Гапон. Он выступил перед рабочими с призывом:

- К царю - за защитой!
Этот призыв рабочие восприняли как спасение от всех! бед, как выход из тяжелого положения.
Ленин узнал обо всем из письма к нему С. Гусева - секретаря Петербургского комитета партии. Тот сообщал: “Из прилагаемой при сем вырезки Вы увидите, как обстоят дела в Питере. Добавьте, что забастовали Обуховский, Семянниковский, мастерские Варшавской ж. д., как говорят, Патронный завод и Новое адмиралтейство”. Гусев писал о проклятом Гапоне, “который приобрел большую популярность благодаря тому, что ему разрешают свободно устраивать собрания рабочих... и говорить там не только профессионального характера речи, а также и политические” [157]. Он высказывал Владимиру Ильичу свои подозрения о причастности Гапона к охранке. С тревогой сообщал, что тот назначил на воскресенье шествие к Зимнему дворцу для подачи царю петиции...
Большевики пытались удержать рабочих от выступления. В листовке, распространенной в российской столице, они предупреждали: “Такой дешевой ценой, как одна петиция, хотя бы и поданная попом от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку - только таким путем можно завоевать свободу” [158].
В то время, когда печаталась и распространялась по Питеру эта большевистская листовка, Ленин писал в Женеве статью “Петербургская стачка”. Она предназначалась для ближайшего номера газеты “Вперед”. Владимир Ильич отмечал “поразительно быстрый переход движения с чисто экономической почвы на политическую...”. Констатировал “громадную солидарность и энергию десятков и сотен тысяч пролетариата...” [159] Подчеркивал, что “примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса не уменьшают, а скорее усиливают значение пробивающегося революционного инстинкта пролетариата” [160].
Эти строки Ленин написал за сутки до 9 (22) января...
Воскресным утром в разных районах Петербурга собрались празднично одетые рабочие. С ними были жены, дети. Они принесли хоругви, царские портреты. На рассвете манифестанты двинулись в путь. Шли медленно - с таким расчетом, чтобы к двум часам всем колоннам собраться на Дворцовой площади.
Не знали рабочие, что за день до этого в столицу были введены войска. Что свыше сорока тысяч солдат и казаков уже заняли подступы к Зимнему дворцу. И едва передние колонны достигли Дворцовой площади, как раздался залп, за ним второй, третий. Расправа началась и в других концах города...
Первые сообщения из Петербурга в “Трибюн де Женев” отрывочны и скупы. Но даже по этим вестям Владимир Ильич оценивает разыгравшиеся события как начало революции в России.
Еще до Кровавого воскресенья Ленин писал о том, что она стоит на пороге буржуазно-демократической революции и что о близости революционного взрыва свидетельствуют, в частности, сложившиеся в стране экономические условия.
В России развивается крупная капиталистическая промышленность, оснащенная современными машинами. По степени концентрации производства она превосходит промышленность многих европейских стран. В России капиталистические отношения проникли и в сельское хозяйство. И все же она продолжает оставаться отсталой аграрной страной, где сохраняются крепостнические пережитки, а помещичье-дворянские латифундии тормозят ее экономический прогресс. Они служат источником полукрепостнической эксплуатации, угнетения крестьянства. Царское же самодержавие, являясь диктатурой крепостников-помещиков, стоит на страже полуфеодальных порядков. Между ростом производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями в деревне, между господствующим в стране самодержавием и потребностями общественного развития давно уже, утверждает Ленин, существует непримиримое противоречие. И разрешить его призвана буржуазно-демократическая революция.

Революционный взрыв, предсказывал Владимир Ильич, будет ускорен поражением царизма в русско-японской войне. Эта война, писал он, наглядно вскрыла гнилость самодержавия, показала, что выход из тупика, в который царизм завел страну, может быть найден только ценой его свержения. Всего за восемь дней до расстрела манифестации в Петербурге в связи с падением Порт-Артура Ленин заявил: “Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма” [161]. Он писал: самодержавие ослаблено, в революцию начинают верить самые неверующие, эта всеобщая вера есть уже начало революции.
И тут - первые сообщения о кровавой расправе с рабочими в Петербурге.
“Мы пошли туда,- вспоминает Крупская,- куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях,- в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели: “Вы жертвою пали...”, лица были сосредоточенны. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда “падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...”” [162].
Любой русский эмигрант может сказать, где находится эта столовая. Тут заседает обычно Женевская большевистская группа. Тут читаются доклады, лекции, рефераты. И вот в этой столовой, где с утра до вечера толпится народ, Ленин обсуждает с товарищами пришедшие из России ошеломляющие вести.
“С одной стороны, конечно,- пишет Луначарский,- все сердца затрепетали скорбным гневом, но вместе с тем вся дальнейшая перспектива вырисовывалась с отчетливой ясностью. Прежде всего, конечно, сделал все надлежащие выводы сам Владимир Ильич. Его зоркий ум, вооруженный марксистским анализом, позволил нам, можно сказать, в первые дни, если хотите, даже в первые часы осмыслить все событие. Под его руководством мы поняли, что это будет не только для петербургского, но для всероссийского пролетариата концом всяких предрассудков относительно самодержавия, межой, за которой начинается история революционной борьбы пролетариата уже не кружками и группами, а всем его массивом” [163].
Из столовой Лепешинских Владимир Ильич торопится в наборную газеты “Вперед”. Помещается она тут же, где живет большинство членов редакции.
Набор очередного номера уже готов. Француз Жан собирается отвезти его в типографию.
- Добрый день,- приветствует Ленина наборщик Михаил Ханин,- поздравляем с революцией на родине!..
- Это ваше приветствие и надо добавить в третий номер, без этого нельзя же выпустить газету!
Все направляются к установленному на переносных досках набору. Ханин выбрасывает набранный петитом материал “почтового ящика”. Освободившееся место отводит для заметки, которую держит в руках Ленин.
Через пятнадцать - двадцать минут все готово. Ханин отправляет набор в печать. В очередной номер газеты “Вперед” заверстана заметка Ленина “Революция в России”. Она гласит:
“Петербургское рабочее движение шло за эти дни поистине семимильными шагами. Экономические требования сменяются политическими. Стачка становится всеобщей и приводит к неслыханно колоссальной демонстрации; престиж царского имени рушится навсегда. Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!
Сегодняшний и завтрашний день решат многое. Каждый час меняет положение. Телеграф приносит захватывающие дух известия, и всякие слова кажутся теперь слабыми по сравнению с переживаемыми событиями. Каждый должен быть готов исполнить свой долг революционера и социал-демократа.
Да здравствует революция!
Да здравствует восставший пролетариат!” [164]

Владимир Ильич живет теперь особенно напряженной жизнью: от одного выпуска “Трибюн де Женев” до другого. Из нее, а также из приходящих в Женеву зарубежных газет узнает он подробности расстрела питерских рабочих. Английские и немецкие корреспонденты считают, что русская полиция умышленно позволила разрастись стачечному движению, что российское правительство стремилось вызвать кровавую расправу, само создавало наиболее выгодные для такой расправы условия. И Ленин отмечает: “Очень вероятно, что это правда. События кровавого дня 9 января замечательно подтверждают это” [165].
С волнением читает он в газетах, что в России события развиваются с поразительной быстротой, что вопреки правительственным сообщениям во многих и многих местах столицы лилась кровь, что столкновения рабочих с войсками становились все ожесточеннее, что пролетариат вооружается. Ленин делает выписки из статьи очевидца, опубликованной в “Нойе фрайе прессе”, из “Матэн” и “Франкфуртер цайтунг” - о поведении либералов перед 9 января, из “Таймс” - о развитии движения после Кровавого воскресенья и о настроении войск. “Фоссише цайтунг” приносит сообщение о том, что волнения охватывают уже и провинцию.
А из Петербурга в Женеву идут письма товарищей. И в них - подробности событий, происшедших воскресным днем в Петербурге, сообщения о бурном росте революционного движения. “Рабочий класс,- заявляет Ленин,- получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата “смерть или свобода!” эхом перекатывается теперь по всей России” [166].
Множество выписок на четвертушках листов лежит на столе Ленина, когда пишет он статьи и заметки: “Что происходит в России?”, “Поп Гапон”, “План петербургского сражения”, ““Царь-батюшка” и баррикады”, “Первые шаги”, “Канун кровавого воскресенья”, “Число убитых и раненых”. Под общим названием “Революционные дни” публикует Ленин эти статьи и заметки в газете “Вперед”. Владимир Ильич ведет на ее страницах дневник русской революции...
Примечания:
[153] “Пролетарская революция”, 1925, № 3(38), с. 38.
[154] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 9, с. 222.
[155] “Листовки петербургских большевиков”, т. 1, с. 150-151.
[156] Там же, с. 152.
[157] “Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы.Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М., 1955, с. 8.
[158] “Листовки петербургских большевиков”, т. 1, с. 158.
[159] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9. с. 176.
[160] Там же, с. 176-177.
[161] Там же, с. 158.
[162] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 95-96.
[163] А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления М., 1968, с. 104 - 105.
[164] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 178.
[165] Там же, с. 210-211.
[166] Там же, с. 201-202.

Растет революционная волна

Трагические события Кровавого воскресенья, узнает из газет Ленин, вызывают гнев во всем мире. В Брюсселе на открытом воздухе собираются тысячи людей. С возгласами “Долой царизм! Долой убийц!” они направляются к российскому посольству. В Вене почти одновременно созывается два грандиозных митинга протеста. В Праге, Кракове, Триесте рабочие протестуют против зверской расправы с мирной манифестацией. В Милане на большом собрании рукоплещут оратору-социалисту, высказывающему горячее пожелание

скорейшего ниспровержения царизма. В итальянском парламенте социалистический депутат выражает сочувствие русским борцам за свободу.
С докладами о событиях в России выступают выдающиеся деятели германской социал-демократии - А. Бебель, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг, К. Либкнехт. Повсюду открывается подписка в помощь петербургским рабочим. И эти деньги пересылаются нередко через того, кто стоит во главе поднявшейся России,- через Ленина.
Ему пишет от имени французских социал-демократов Эмиль Демолен: “Нескольким товарищам и мне удалось собрать 22 фр. 25 сант., которые я вам посылаю, чтобы использовать их, как вы найдете нужным. Мы оплакиваем вместе с вами глупость армии, которая не умеет распознать своих друзей” [1].
Ленину сообщают из Италии: “Уважаемый товарищ! От всей души рад послать тебе 3-й подписной лист (№ 154), Деньги эти пожертвованы 2-мя местными обществами масонов в пользу революционного движения в России...” [2]
Из газетной заметки узнает Ленин: хоть и тяжелое время переживает сейчас лондонский пролетариат, нужно видеть, какой град медных и серебряных монет в пользу семей борцов, погибших за освобождение России, сыплется из толпы на плинтус Нельсоновской колонны, обращенный в платформу во время митинга на Трафальгарской площади. И несколько дней спустя он сообщает Петербургскому комитету РСДРП: в пользу вдов и сирот рабочих, павших 9(22) января: Петербурге, получены через редакцию “Вперед” деньги от английского “Комитета представительства рабочих”. Из Женевы эти деньги уже пересланы Петербургскому комитету. Надо сообщить о них, настаивает Ленин, всем без исключения организациям партии, с тем чтобы те помогли их правильному распределению.
По-прежнему каждый день внимательно просматривает Владимир Ильич приходящие в Женеву “Московские ведомости”, швейцарские, французские, английские, германские газеты. И делает множество выписок о событиях в России.
Одна из записей - подслушанный английским корреспондентом на московской улице разговор рабочих об уроках дня, о царизме.
- Топоры? - услышал тот -Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья.
Слова московского рабочего Ленин приводит в статье “План петербургского сражения”. Предназначена она для газеты “Вперед”. “Такие и подобные разговоры,- добавляет он от себя,- ведутся теперь по всей России”. Ленин убежден: Эти разговоры... не останутся одними разговорами” [3]. Подтверждение тому - в письмах к нему товарищей по партии, и письмах корреспондентов газеты “Вперед”. Ленину сообщают в Женеву:
Из Москвы. “Начало революционному движению здесь уже положено. Забастовала масса фабрик и заводов. Войска п полиция все время наготове, Замоскворечье оцеплено войсками...” [4]
Из Могилева. “У нас... рабочие в таком же приподнятом настроении, как и во всей России. Злоба и ненависть к правительству проникли даже к самым отсталым рабочим... На днях, надо полагать, организации объявят забастовку всех рабочих города...” [5]
Из Минска. “...Мы отправились снимать рабочих в мастерских, не приостановивших работы. Против этого полиция принимала самые зверские меры. Когда рабочие на обойной фабрике Шифмановича решили прекратить работу, то ее хозяин запер ворота и отправился за полицией. После довольно долгого и томительного ожидания один из рабочих, не выдержав, решился перелезть через ворота. В это время к заводу подоспел призванный хозяином помощник пристава Лучик с несколькими городовыми. “Стрелять!” - крикнул он, указывая на спустившегося уже на землю рабочего! Раздался выстрел, и рабочий упал, обливаясь кровью” [6].
В потоке корреспонденции, поступающей в дом на улице Давид Дюфур, где живут Ульяновы,- немало листовок. Их печатают местные социал-демократические организации, обращены они к рабочим массам. Зовут они к борьбе против царского строя.
“К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины,- читает Владимир Ильич прокламацию, доставленную из Петербурга.- Разносите товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое.

Да здравствует революция, да здравствует учредительное собрание народных представителей!" [7]
Ленин включает прокламацию в свою статью "Две тактики". Он публикует эту статью в шестом номере газеты "Вперед". И хоть не осуществился призыв петербургских рабочих, ибо, знает Владимир Ильич, не может он осуществиться так скоро, как хотят того рабочие, отдает Ленин должное замечательному, смелому практическому приступу к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед российским революционным движением. "Этот призыв,- утверждает Владимир Ильич,- будет повторен еще не раз, и попытки восстания неоднократно могут еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими" [8].
Прокламация, под которой стоит подпись "Российская социал-демократическая рабочая партия", лежит на стоя Владимира Ильича среди многих других, доставленных из России. Тут же приветствующий борьбу питерских пролетариев листок Екатеринославского комитета РСДРП. Ленин готовит листок к опубликованию в том же номере газеты "Вперед", для которого предназначена статья "Две тактики".
А листовки продолжают поступать отовсюду. С припиской "Для Ленина от Нации" С. Гусев пересылает листок "Ко всем гражданам". Он отпечатан в нелегальной типографии Бакинского комитета РСДРП. В нем - призыв к сплочению вокруг Российской социал-демократической рабочей партии в борьбе за низвержение самодержавия. Пришли из Питера и листки Бюро комитетов большинства - "Насущные вопросы" и "Отношение Российской социал-демократической рабочей партии к либералам". Это о них пишет Ленин Гусеву: "Оба листка Бюро... превосходны, и мы перепечатываем их целиком в "Вперед". Вот если бы так же продолжали!!" [9]
Особенно активен Гусев. "Сейчас рассматривал таблицу нашей корреспонденции с Россией,- сообщает Владимир Ильич секретарю Бюро комитета большинства.- Гусев прислал 6 писем за 10 дней..." [10]
Обстоятельно описывает тот положение дел в России. И Ленин благодарит его: "За письма большое спасибо. Продолжайте непременно в том же духе..." Но требует при этом не ограничиваться конспектированием полученных материалов и сообщений. "Непременно пересылайте их... целиком",- настаивает Ленин. Он призывает Гусева: "...обязательно связывайте нас непосредственно с новыми силами, с молодежью, со свежими кружками. Не забывайте, что сила революционной организации в числе ее связей" [11]. Ведь стоит только ему, Гусеву, провалиться, предостерегает Ленин, и нарушатся связи Заграничного центра. Этого можно избежать лишь в том случае, если будут своевременно подготовлены десятки новых, молодых, верных друзей большевистской газеты - таких, которые могли бы работать, вести отношения, переписываться с нею.
Из писем соратников, из большевистских листовок черпает Ленин самые точные сведения о размахе революционной волны. И сообщает в газете "Вперед" о всеобщей стачке г Москве, восстании в Риге, манифестации рабочих Лодзи, назревании восстания в Варшаве, брожении пролетарских масс в Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковно, Вильне, о стачках в Ревеле и Саратове, выступлениях матросов в Севастополе, вооруженном столкновении рабочих с войском в Радоме. Он редактирует статью М. Ольминского "Раскаты первого грома", вводит в нее сведения из телеграмм заграничных газет о числе московских стачечников, краткие сообщения о забастовках в Вильне, Гомеле, Брянске, Киеве, Екатеринославе, Тифлисе, Нарве. Используя газетные телеграммы и корреспонденции, Ленин пишет заметку "Варшава"-о развитии там всеобщей стачки. По газетным телеграммам он составляет обширный обзор революционных выступлений в Прибалтийском крае.
Листовки и корреспонденции, поступающие из России, подтверждают справедливость вывода, к которому здесь, в Женеве, пришел Ленин: революционное движение будет теперь расти как лавина, народ не остановится на полпути, рабочие будут самоотверженно бороться против самодержавия. Все больший размах получит революционная волна в деревне, где усиливаются самочинные порубки леса, где крестьяне захватывают амбары с зерном, поджигают помещичьи имения. Все активнее будет включаться теперь в революционное движение и студенческая молодежь, выражающая свою солидарность с пролетариатом.

Практическую основу, на которой могут соединиться для общего удара революционные массы, Ленин видит в немедленном вооружении рабочих, в подготовке и организации революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений. "На пролетариат всей России,- заявил он в четвертом номере газеты "Вперед",- смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага" [12].
Как далеко вперед ушло революционное движение от мудрствования меньшевиков, которые во имя "процесса планомерного развития классового самосознания и самодеятельности пролетариата" рекомендовали как высший тип демонстраций "доставку заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасыванье его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания". Ленин делает вывод, что "события действительной борьбы пролетариата сразу вымели весь этот политический хлам новоискровских публицистов в сорную яму" [13].
Но даже сейчас, когда в России революция, меньшевики не прекращают раскольническую деятельность. И сейчас они стремятся опорочить большевистские комитеты, развернувшие революционную работу.
"Под влиянием известий из Питера,- сообщает Владимир! Ильич 31 января в Московский комитет РСДРП,- мы попробовали было устроить с меньшинством совместно митинг надеясь, что в такую минуту не будет никаких препирательств. И что же? Меньшевики самым наглым образом нарушили все условия, зная, что большевики на скандал не пойдут. Теперь меньшевики всячески эксплуатируют события в свою пользу. Именем Совета (имеется в виду Совет партии) собирают деньги, на которые отправляют в Россию меньшевиков и т. п., рекламируют себя всячески перед европейской социал-демократией и играют на примиренческое настроение публики, которая не может допустить, что в такой важный момент ЦК будет делать различие между меньшинством и большинством" [14].
Утром этого январского дня в меньшевистской "Искре" Ленин прочел статью Дана "Начало революции". С гневом отчеркнул в ней строки, превозносящие фракционный центр меньшевиков - "Петербургскую группу при ЦК". И пишет сейчас же московским большевикам: "В Питере на время событий состоялось временное соглашение между комитетом и "группой при ЦК". Комитет проявлял самую усиленную деятельность: выпускал массу листков, посылал ораторов, организовал сбор денег и раздачу пособий стачечникам, под руководством комитета стачечники стали вооружаться, строить баррикады и пр., и вот "Искра" ни словом не поминает Петербургского комитета, а зато всячески рекламирует "С.-Петербургскую группу при ЦК", заявляя, что в Питере деятельность стала оживляться с появлением этой группы. В иностранных газетах тоже рекламируется эта дезорганизаторская группа" [15].
Ленин разоблачает раскольников и запрашивает Московский комитет: "Что у вас делается? Есть ли силы в комитете? есть ли в комитете рабочие? как стоит работа? есть ли техника?" [16]
Еще в ноябре 1904 года редакция "Искры" обратилась с письмом к партийным организациям. В нем излагался план поддержки рабочей партией конституционного движения либеральных земцев. Этот оппортунистический план Владимир Ильич подверг тогда критике в брошюре "Земская кампания и план "Искры"". Но меньшевистско-примиренческий Центральный Комитет согласился с планом редакции "Искры". Сейчас, в дни революции, особенно важно знать, на чьей стороне партийные организации, чью позицию они поддерживают в этом вопросе. И в письме, уходящем в Россию 31 января, Ленин просит сообщить, "предлагал ли ЦК проводить в жизнь план "Искры" по отношению к либералам? Как отнесся к этому плану комитет? На чьей точке зрения по этому вопросу он стоит. Ленина или "Искры"?" [17]
В пору, когда пролетарские массы восстают против гнета и бесправия, против самодержавного режима, когда революция принимает общенародный характер, крайне

важно еще более расширить связи с местными организациями партии. И в Россию уезжают посланцы Ленина. В Питер, сообщает в одном из писем Крупская, отправляется пять человек. Всего же их будет около тридцати. Она предупреждает: необходимо приготовить ночлег, паспорта...
Много лет спустя Лядов - один из тех, кто выполняет сейчас поручения Ленина,- вспомнит об этих днях: "Мы работали в России, объезжали комитеты, проводили в жизнь директивы Ильича. Мне пришлось частенько ездить нелегально за границу. Приедешь на неделю, расскажешь Ильичу все новости, нагрузишься его инструкциями, указаниями, советами и едешь обратно разыскивать товарищей по Бюро Комитетов Большинства. И всегда мы удивлялись, как верно, сидя там, в Женеве, Ильич умел оценивать положение вещей, как ясно перед ним вырисовывалась вся картина запутанных взаимоотношений, создавшихся в России в связи с неудачной японской войной, после кровавого 9 января" [18].
Революционные события в России побуждают Ленина еще чаще, чем до сих пор, "советоваться с Марксом" - так любит он говорить, штудируя труды К. Маркса. Теперь это его статьи о восстании, работы Ф. Энгельса по военному искусству.
"Ильич,- сообщает Крупская,- не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании,- он; прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают, и его разговоры об ударных группах во время партизанской войны, "о пятках и десятках" были не болтовней профана, а обдуманным всесторонне планом" [19].
В женевских библиотеках внимательно изучает сейчас Ленин и опыт Парижской коммуны, ибо рассматривает её как величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века, считает ее образцом тактики для революционного пролетариата, первым примером его диктатуры. .
Еще в 1894 году Владимир Ильич писал о Парижской коммуне в своей книге "Что такое " Друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?". Год спустя он изучал книгу Гюстава Лефрансе - члена Совета Коммуны - и намеревался позднее обратиться к работам других участников и сторонников первой пролетарской революции. Высказывания Ф. Энгельса об историческом значении Парижской коммуны для рабочего движения Ленин приводил в книге Что делать?". 18 марта 1903 года он выступил с речью о Коммуне на митинге лондонских рабочих - выходцев из России. О Коммуне Ленин писал на страницах "Искры", говорил на II съезде партии, а в марте 1904 года - в Женеве на собрании социал-демократов.
И вот сейчас в библиотеке "Общества любителей чтения" Ленин знакомится с мемуарами знаменитого деятеля Парижской коммуны Гюстава Клюзере. Речь идет в них о тактике баррикадной борьбы, о технике восстания. Отредактировав и опубликовав вскоре в газете "Вперед" русский перевод одной главы этих мемуаров, Ленин советует тем, к кому она дойдет в России: "...оригинальные мысли Клюзере должны послужить для русского пролетария лишь материалом для самостоятельной, применительно к нашим условиям, переработки опыта западноевропейских товарищей" [20].
Из Женевы ленинская газета дает русским рабочим и другие практические советы: "Баррикаду можно строить только из сыпучих тел: песка, земли, в крайнем случае из дерева, обсыпанного землей; это надо помнить революционерам и запасаться не только оружием, но и землекопным инструментом" [21].
Подобные рекомендации есть и в письмах, рассылаемых Крупской по указанию Ленина: как создавать и обучать боевые дружины, как доставать оружие, как пользоваться им. Следуя этим советам, большевики многих российских промышленных центров организуют боевые дружины, собирают средства на приобретение оружия.
Острая необходимость сейчас в популярной брошюре по военной тактике, фортификации, о баррикадной тактике уличного боя. Ленин предложил написать ее социал-демократу В. Филатову - журналисту, сотрудничавшему еще в "Искре". "Сейчас получил Ваше письмо,- тотчас же сообщает тот Владимиру Ильичу,- и спешу ответить, от радости просто руки дрожат..." [22]
На страницах газеты "Вперед" Ленин выступает со статьями о тактике партии в начавшейся революции. Он отстаивает ведущую роль в ней пролетариата, разъясняет значение союза

рабочих и крестьян, пропагандирует идею вооруженного восстания, разъясняет роль партии как его организатора и руководителя.
Не раз задумывается в эти дни Ленин о Гапоне.
Кто он - этот поп? - спрашивает он себя. Провокатор? За это говорит как будто тот факт, что он участник и коновод опекаемого царской полицией “Собрания фабрично-заводских рабочих”.
Гапон между тем появляется в Париже. За ним бегают корреспонденты. Английское издательство платит бешеные деньги за его высокопарные мемуары, в которых тот превозносит себя как народного трибуна.
Приезжает Гапон и в Женеву.
“Попал он сначала к эсерам,- вспоминает Крупская,- и те старались изобразить дело так, что Гапон их человек, да и все рабочее движение Питера также дело их рук. Они страшно рекламировали Гапона, восхваляли его...
Через некоторое время после приезда Гапона в Женеву к нам пришла под вечер какая-то эсеровская дама и передала Владимиру Ильичу, что его хочет видеть Гапон. Условились о месте свидания на нейтральной почве, в кафе...” [23]
Конечно, можно было отклонить это предложение. Но ведь Гапону еще верят многие рабочие. Значит, надо идти.
Встретившись на следующее утро с Луначарским за чашкой чая, Ленин сообщает, что видел накануне Гапона, что тот ведет переговоры с разными революционными организациями, в том числе и с большевиками, о некоторых совместных действиях.
Вечером вместе с несколькими своими соратниками Ленин вновь встречается с Гапоном.
“Он был острижен, носил бороду и усы,- описывает Гапона участник этой встречи Луначарский.- Одет был в пиджак, был несколько суетлив, много говорил, и по правде сказать, говорил порядочные пустяки. Речь у него была живая, с сильным украинским акцентом, разглагольствовал он о том, что надеется на всеобщее поднятие крестьянской молодежи, или, как он выражался, украинских парубков, на юге России. Говорил он, но очень смутно и гадательно, о возможности бунта во флоте. Толковал о необходимости перебросить в Петербург контрабандой значительное количеству оружия... Мы все больше слушали. Кое-какие, по обыкновению меткие, скрывавшие за собой известную политико-психологическую подкладку, вопросы ставил Гапону Владимир Ильич...” [24]
Гапон просит Ленина прослушать написанное им воззвание. С большим пафосом он читает:
- Не нужно нам царя, пусть будет один хозяин у земли - бог, а вы все у него будете арендатели! Ленин хохочет. И его смех смущает Гапона:
- Может, не так что, скажите, я поправлю. Ленин сразу же становится серьезным.
- Нет,- говорит, он,- это не выйдет, у меня весь ход мысли другой...
“После нескольких бесед,- сообщает Луначарский,- Ленин пришел к выводам, по отношению к Гапону нелестным. Он прямо говорил нам, что Гапон кажется ему человеком поверхностным и может оказаться флюгером, что он больше уходит в фразу, чем способен на настоящее дело, и вообще действительно серьезным вождем, хотя бы и для полусознательных масс, явиться не может” [25].
О том же он говорит и приехавшему к нему вскоре из Петербурга члену Боевой технической группы Н. Буренину,
Создана была эта группа в российской столице местным комитетом РСДРП сразу после январских событий. Она устанавливала связи с рабочими, создавала в районах и на предприятиях боевые отряды, добывала и распределяла оружие.
- Имейте в виду,- предупреждает Ленин Буренина, намеревающегося встретиться с Гапоном,- что верить ни одному его слову нельзя. Кончит он, наверно, плохо. Вашего настоящего имени ему ни в коем случае не открывайте, абсолютно никаких связей ему не давайте...
Пройдет короткое время, и развеется миф об “отце Георгии”. Он будет разоблачен как агент охранки. И на даче неподалеку от Петербурга по приговору партии эсеров накинут на шею Гапона петлю...
Примечания:
[1] “Письма В. И. Ленину из-за рубежа”. М., 1969, с. 31.
[2] Там же, с. 33.

[3] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9. с. 213.
[4] “Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года”, с. 290.
[5] Там же, с. 518-519.
[6] Там же, с. 519.
[7] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 260.
[8] Там же, с. 261.
[9] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 17.
[10] Там же, с. 10.
[11] Там же, с. 12.
[12] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.
[13] Там же, с. 256.
[14] Ленинский сборник XXXVII, с. 11.
[15] Там же, с. 11-12.
[16] Там же, с. 12.
[17] Там же.
[18] “О Ленине. Воспоминания”, кн. II, М., 1925, с. 93-94.
[19] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 99.
[20] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 9, с. 347.
[21] “Вперед” № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.
[22] См. В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 9, с. 413.
[23] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 96.
[24] А. Луначарский. Воспоминания и впечатления, с. 105-106.
[25] Там же, с. 106.

Вперед! Только вперед!

Письмо адресовано Рахметову (А. Богданов) и Харитону (С. Гусев). “Пропагандируйте самым широким образом подписку из Питера,- пишет им из Женевы Ленин.- Пусть студенты и особенно, рабочие выписывают десятками и сотнями на свои собственные адреса. Бояться этого по нынешним временам смешно. Все перехватить никогда не сможет полиция. Будет доходить 1/2-1/3 и это уже очень много. Давайте эту мысль любому кружку молодежи, которая найдет и сотни своих путей за границу. Давайте шире адреса для посылки писем в “Вперед”, как можно шире” [26].

Для связи с газетой “Вперед” при Петербургском комитете создано специальное бюро. “Корреспондентское бюро уже частью организовано,- еще в январе сообщал Ленину Гусев.- 3-4 раза в неделю (это только пока) вы будете, получать корреспонденции из Питера” [27]. И, требуя усилить поток писем в газету, Владимир Ильич спустя несколько дней вновь пишет о том же Гусеву. “Все ли наши организаторы и агитаторы,- запрашивает он,- говорят рабочим о прямых связях с “Вперед”??” [28] Пишет Одесскому комитета РСДРП: “Нам во что бы то ни стало нужны десятки рабочим корреспондентов” [29]. Пишет о том же и в другие местные комитеты.

В двух комнатах, снятых на улице Каруж, работает пода руководством Ленина редакционная коллегия большевистской газеты. Он дежурит здесь три раза в неделю - по понедельникам, средам и пятницам. Если в старой “Искре” Владимир Ильич вынужден был вести идейную борьбу с другими редакторами, то здесь царит полное единомыслие! Почти весь материал, кроме хроники и телеграмм, прочитывается вслух на редакционных совещаниях. Их проводит, как правило, Ленин. Часто ставит он на обсуждение и свои статьи, охотно выслушивает замечания, советы.

В газете “Вперед” блестяще проявляет свой публицистический дар В. Воровский. Он деятельный помощник Владимира Ильича во всех делах редакции. Самую разнообразную работу, не исключая правку корреспонденции и корректуру, выполняет М. Ольминский. Со статьями и очерками выступает А. Луначарский, пишущий на разные темы - о тактике

большевиков в революционном движении, о внутрипартийной борьбе в партиях II Интернационала, об истории борьбы западноевропейского пролетариата.
Так же, как и в старой "Искре", в новой газете секретарствует Надежда Константиновна. Она ближайший помощник главного редактора - Ленина. Она ведет переписку с партийными товарищами в России, вместе с Владимиром Ильичей готовит материал для "почтового ящика" газеты.
Этот "почтовый ящик" очень важен в условиях конспиративной работы. В нем в лаконичной форме, в выражениях, понятных только адресату, даются указания и советы, запрашиваются сведения, сообщается о получении или о длительном отсутствии писем, о невозможности расшифровать то пли другое письмо.
Вот один из "почтовых ящиков":
"Нате. Письмо не проявилось, слаб раствор... Спице. Письмо с резолюцией не проявилось. Коле. Письмо с оказией и адреса получены. Владимиру. Письмо получено, спасибо. Одесса. "Одному из периферии". Ваше письмо очень интересно. Продолжайте писать. Т - ре. Письма №№ 1, 2, 3 и 4 получены. 2-й и 3-й в двух экземплярах. Повторите адрес для писем. Лоле. Получили ли деньги и письмо? Антону. Письмо получено. F. С. III адрес вполне хорош. Автору протеста против "Искры". Благодарим, но печатать не стоит: на всякое чиханье не наздравствуешься. С. С. Д. Письмо и резолюцию получили. Антонине. Получаем" [30].
Ната, Спица, Коля, Владимир и другие, к кому обращается со страниц газеты Ленин,- это ее агенты в России, ее авторы - рядовые члены партии, партийные работники, беспартийные рабочие. Они несут в массы ленинские призывы о вооружении народа, организации боевых дружин, подготовке восстания. Они сплачивают ряды пролетариата для предстоящих боев против самодержавия.
Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листков, которые издавались главным образом за границей и контрабандным путем, с невероятными трудностями, ценой многих жертв пересылались в Россию,- таковы были революционные партии в России и в первую очередь революционная социал-демократия до 22 января 1905 года" [31]. Такую оценку даст позднее Ленин революционному движению в России
Положение дел по-прежнему осложняется раскольнической работой меньшевиков. Как и до сих пор, формально большевики и меньшевики составляют единую Российскую социал-демократическую рабочую партию. На деле же это две разные партии. Нет почти ни одного тактического или организационного вопроса, который не возбуждал бы самой ожесточенной борьбы между ними.
Меньшевики догматически отождествляют русскую революцию эпохи империализма с буржуазными революциями на Западе, протекавшими в доимпериалистическую эпоху. Поскольку революция в России буржуазная, твердят они, то и руководящей силой должна быть либеральная буржуазия. Пролетариату же они отводят роль ее придатка, союзника. Не желают они признать необходимость союза рабочего класса и крестьянства.
На противоположных позициях стоят большевики. Ленин на страницах газеты "Вперед" пишет о революционных силах, способностях российского пролетариата. Он утверждаем первая русская революция - буржуазно-демократическая по своему социально-экономическому содержанию, по тем основным задачам, которые непосредственно стоят перед ней, но в то же время она пролетарская по руководящей роля в ней рабочего класса, по средствам борьбы.
Пролетариат, заявляет Ленин, кровно заинтересован в полной победе буржуазно-демократической революции! Такая победа обеспечивает рабочему классу условия для дальнейшей борьбы за социализм. И его естественный союзник в борьбе с самодержавием - крестьянство. Ибо в центр всех вопросов, которые предстоит разрешить буржуазно-демократической революции в России,- аграрный вопрос. Если в революциях на Западе крестьянство являлось резервом буржуазии, то в буржуазно-демократической революции в России роль крестьянства коренным образом изменилась. Ныне оно уже резерв пролетариата. Вот почему русская революция приобретает широкий размах.
Владимир Ильич решительно отвергает точку зрения меньшевиков на роль буржуазии в этой революции. Он пишет, что буржуазия не способна на революционную борьбу, что она

смертельно боится пролетариата, с ужасом наблюдает, как крепнет день ото дня рабочее движение, и неизбежно вступит в союз с царизмом против революции.
Для выработки единой политической линии Ленин еще с весны 1904 года добивается созыва III съезда партии. Революция требует ускорить его созыв. Теперь более, чем когда-либо, заявляет Владимир Ильич, выступления пролетарской партии должны быть согласованными, а ее действия и тактика - едиными.
28 февраля 1905 года Ленин публикует в газете “Вперед” “Извещение о созыве III партийного съезда”. Оно подписано Бюро комитетов большинства. Наряду с агитацией за созыв нового съезда это бюро фактически возглавляет практическую работу большевистских организаций в России. Действуя по поручению большинства местных организаций против воли меньшевистского Совета партии, Бюро комитетов большинства берет на себя функции Организационного комитета по созыву съезда. Важнейшая задача съезда, подчеркивает “Извещение”,- “найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей растратой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономические завоевания в предстоящей ломке общественного строя России” [32].
Ленин пишет к “Извещению” редакционное примечание. Прислушиваясь к голосу партийных масс, он предлагает в нем примерный порядок дня созываемого съезда. Центральным пунктом его работы “должны быть новые вопросы организации и тактики, выдвигаемые новым гигантским подъемом нашего революционного движения” [33]. Владимир Ильич призывает: “За дело же, товарищи! Пусть за активную помощь съезду немедленно возьмется всякий, кому дорого социал-демократическое рабочее движение” [34].
А за съезд уже высказывается большинство партийных организаций. В Женеву приходят сообщения.
Из Петербурга: “Петербургский комитет приветствует появление извещения Бюро комитетов большинства о созыве съезда и выражает свое доверие этому Бюро, как Организационному комитету” [35].
Из Тулы: “Тульский комитет требует немедленного созыва съезда для прекращения ненормального положения дел в партии” [36].
Из Москвы: “Московский комитет, стоя на точке зрения партийного большинства, в принципе присоединяется к программе III съезда, выработанной ОК (БКБ), и, согласно постановлению конференции северных комитетов, поручает ОК созвать III съезд...” [37].
Из Нижнего Новгорода: “Признавая необходимым немедленный созыв третьего съезда и принимая во внимание что ЦК, несмотря на настоятельную потребность в созыве съезда, высказанную большинством комитетов в ряде своих резолюций, не предпринял никаких мер к созыву съезда, Нижегородский комитет поручает ОК (Бюро комитетов большинства) организацию третьего съезда...” [38].
Из многих городов доставляют в Женеву решения местных организаций. Попадают они прежде всего к Ленину Их имеет он в виду, когда пишет “Письмо организациям Е России”. “Сейчас,- сообщает Владимир Ильич,- получили известие, что к съезду присоединились С.-Петербург, Тула, Москва, Север, Нижний, Кавказ, Одесса”. Он убеждает: “Конечно, присоединятся и другие”. И в этом письме призывает: “Крайне важно начать немедленно готовиться к съезду и привлечь к этому делу самым энергичным образом все кружки, районные, пропагандистские, фабричные, словом все и особенно рабочие” [39].
Вскоре с поручениями от Бюро комитетов большинства, связанными с предстоящим съездом партии, в Женеву прибывает П. Кулябко. Ленин сразу же отправляется к ней, расспрашивает обо всем, и прежде всего о состоянии партийной работы в России.
Кулябко вспомнит позднее: “Владимир Ильич был в очень хорошем настроении. Я уже с первого взгляда увидела, что он опять такой же, каким я знала его до второго партийного съезда: веселый, бодрый, полный кипучей энергии, и это было понятно, так как Владимир Ильич снова был по горло занят. Дела большевиков шли хорошо: теперь была своя, большевистская газета “Вперед”, которая в России имела огромный успех; кампания за третий партийный съезд закончилась, и уже начиналась деловая и техническая подготовка к нему” [40].

Почти вся переписка Ленина с Россией сейчас - о съезде. Из Петербурга идут письма С. Гусева. На них обычная приписка: “Личное, для Ленина”. В этих письмах - подробнейшая информация о ходе подготовки к съезду. Из Риги пишет М. Литвинов. Он сообщает о соглашении между Бюро комитетов большинства и ЦК РСДРП о созыве съезда, о том, что в связи с этим Совет партии и редакция меньшевистской “Искры” “окончательно посрамлены” [41]. И. Шварц из Екатеринослава пишет о возможности создать там большевистскую группу, и Ленин немедленно поручает ему: “Если найдете 50 руб. и человека, то пошлите делегата к нам (наш адрес в Женеве) тотчас же, написав ему мандат нашим ключом” [42].
Приходит письмо и от Л. Книпович. Она сообщает о решении Одесского комитета избрать Ленина своим делегатом на съезд. Пишут и курские товарищи: они озабочены тем, не попадет ли их посланец, переходя тайно границу, в ловушку царской охранки. И тайнописью, между строк отправленного Владимиру Ильичу обычного письма на немецком языке, зашифровывают:
“Курский комитет посылает мандат товарищу Ленину на представительство от комитета на третьем партийном съезде, на основании положений, выработанных организационным комитетом, на тот случай, если посланный делегат не попадет на съезд. Анна, Ксения, Тарас, Виктор, Ольга, Макс” [43].
Надежда Константиновна расшифровывает полученный мандат. С ним и с мандатом от Одессы - с двумя официальными делегатскими мандатами - отправляется Ленин в Лондон.
И вот он снова на берегах Темзы. В маленьком чердачном помещении, занимаемом Н. Алексеевым, Ленин разбивает штаб-квартиру. Сюда приходят посланцы из разных мест России. С каждым Ленин ведет долгую беседу. Расспрашивает его о революционном движении в той местности, откуда приехал делегат:
- Какие есть крупные предприятия? Сколько рабочих и них? Есть ли рабочие в комитете? Каково настроение?..
Ответов Ленин требует кратких, но определенных. Попутно развивает свои планы, свои взгляды.
25 апреля делегаты собираются на первое заседание.
Приглашались на съезд все организации Российской социал-демократической рабочей партии - и большевики и меньшевики. Но меньшевики отказались участвовать в работе съезда. Не прибыл на него и Плеханов.
Те, кто приехал в Лондон, представляют более двадцати комитетов, главным образом крупных промышленных центров России. Ленин подходит к Михе Цхакая - посланцу от Кавказского союзного комитета РСДРП.
- Оргкомитет решил,- сообщает он ему,- что вы, как старейший, должны открыть съезд...
Да, старейший. А ведь Цхакая только сорок лет!
Он пытается отказаться. Право открытия съезда, считает Цхакая, принадлежит Ленину.
- Этот вопрос решен,- улыбается Владимир Ильич,- и вы, надеемся, исполните свой долг. Нужно открыть немедля, во всяком случае не позже чем через пять - десять минут...
Ленин передает Цхакая исписанный лист.
- Это проект вступительного слова,- говорит он.
“Я прочел и вернул дружески улыбающемуся Ленину,- расскажет впоследствии Цхакая.- На вопрос, что не понравилось, я ответил: “Мы, оказывается, чересчур солидарны, поэтому моя речь экспромтом не будет расходиться с вашей даже в деталях...” Он, обеими руками крепко сжав мои руки, добавил: “Очень хорошо, очень хорошо...”” [44]
Председателем съезда избирают Ленина.
“Владимир Ильич,- вспомнит делегат от Самарского комитета партии,- при организации работ съезда не позволял ни на минуту упускать из виду, что революция с каждым часом растет и поэтому работать надо по-военному; революция требует, чтобы опыт первых ее шагов был учтен на съезде, чтобы директивы съезда соответствовали запросам и задачам революции.
Владимир Ильич внимательно выслушивал выступавших делегатов и строго следил, чтобы не было отклонений от порядка дня, соблюдался регламент. Он создавал общее настроение, требовавшее, чтобы съезд не превращался в парламент, а больше походил бы на штаб партии...” [45]

Главная задача его - выработать четкую тактическую линию партии в начавшейся революции. Этим определяется и повестка дня. Она включает вопросы о вооруженном восстании, временном революционном правительстве, об отношении к политике правительства накануне переворота, об отношении к крестьянскому движению, к другим партиям, Включены в повестку и организационные вопросы. Будет рассматриваться устав партии.

Ленин внимательно следит за докладами, за прениями, А делегаты отстаивают на съезде ленинские позиции. Они говорят о дезорганизаторской деятельности избранного на II съезде Совета партии, о примиренчестве Центрального Комитета. Сообщают о громадной работе большевиков по завоеванию местных комитетов и созыву нового съезда, практической подготовке вооруженного восстания.

Владимира Ильича радует, когда он слышит от делегатов: массы понимают, что вопрос о вооруженном восстании поставлен в порядок дня самой историей, массы требуют от партии прямой директивы о выступлении. Радует Ленина и то, что съезд единодушно принимает его проект резолюции, утверждающей: "...Задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент" [46].

Ленинская резолюция обязывает партийные организации разъяснять пролетариату не только политическое значение, но и практическую, организационную сторону предстоящего вооруженного восстания. Она предлагает принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, к выработке плана восстания, непосредственного руководства им.

Днем и вечером заседает съезд. Ленин знакомится с проектами резолюций, некоторые из них редактирует, в перерывах между заседаниями беседует с делегатами. И множество раз выступает сам. В протоколах съезда - почти сто сорок его выступлений и предложений.

Наступает 1 Мая. День выдался на диво солнечным. Но на лондонских улицах не видно рабочих демонстраций. Это поражает делегатов съезда. Их воображение рисует то, что происходит сейчас в России: объявлены стачки, демонстранты сражаются с полицией, царскими войсками. Делегаты знают, что по всей стране распространяется написанная Владимиром Ильичей и отпечатанная нелегально в Баку, Екатеринославе, Москве, Нижнем Новгороде, Риге и других местах первомайская прокламация. Она зовет: "К оружию, рабочие и крестьяне! Устраивайте тайные сходки, составляйте дружины, запасайтесь каким только можете оружием, посылайте доверенных людей для совета с Российской социал-демократической рабочей партией! Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания,- давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана" [47].

В Лондоне же в день этого великого пролетарского праздника на улицах лишь нарядные девушки с цветами, с кружками для сбора пожертвований на борьбу с туберкулезом. И все же не пройти по городу русские большевики не могут.

- Обязательно надо побывать на улице,- говорит Ленин,- но не надо забывать, что из всех событий на международной арене нет более важного, чем русская революция, И решить в этот день хотя бы один из серьезных вопросов организации этой революции - значит внести хорошую лепту в честь международного праздника пролетариата. Погуляем в промежуток между утренним и вечерним заседаниями съезда, а вечером я точно в назначенное время открою заседание докладом о временном революционном правительстве.

Опоздавших к началу вечернего заседания нет. Ленин выступает вдохновенно. Он разбивает догматические рассуждения меньшевиков, выступающих против участия социал-демократической партии во временном революционном правительстве. Он доказывает:

- Если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т. е. на пролетариат и крестьянство [48].

При благоприятных условиях в состав временного правительства должны войти представители социал-демократии. Их задачей явится беспощадная борьба со всеми контрреволюционными попытками, отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса для доведения революции до конца.

“Словно дыхание революционной демократической диктатуры пронеслось над съездом,- свидетельствует один из его участников.- Ленин подвел нас к такому окошечку, через которое видно стало, как разрозненные факты, явления революции сплетаются, сливаются в цельную картину движения такого размаха, в котором главенствуют не оборонительные, а наступательные действия, действия не только снизу, но и сверху. Временное революционное правительстве возникало в результате победоносного восстания и должно было стать органом дальнейшего углубления и закрепления результатов восстания” [49].
На следующий день Ленин выступает с докладом о крестьянском движении. В России оно растет и ширится с каждым днем. Владимир Ильич призывает съезд:
- Мы должны решительно высказаться теперь по практическому вопросу о поддержке крестьян до конца... Теперь крестьянское движение стоит на очереди дня, и партия пролетариата должна официально заявить о том, что она всячески поддерживает и отнюдь не ограничивает размах этого движения [50].
В то время, когда в России все шире развертывается революция, когда на очередь дня выдвигается всенародное вооруженное восстание, Ленин ставит вопрос об организационном укреплении партии. Накануне съезда революционно настроенные пролетарии потребовали в одной из резолюций: Провести § 1 устава Ленина, а мартовскую формулировку “закупорить в гроб” [51]. Делегаты соглашаются с этим требованием и утверждают ленинскую формулировку: “Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций” [52].
Шестнадцать дней заседают в Лондоне российские социал-демократы. Шестнадцать дней занят делами съезда Ленин. Наконец большевистский форум закончен. Уже надо покидать английскую столицу, когда с группой делегатов он отправляется на Хайгетское кладбище. Здесь покоится прах Карла Маркса. Ленин не первый раз тут. Но, как всегда, с волнением подходит к простой, скромной плите. Долго стоит он с друзьями у могилы. Потом напоминает о смотрителе кладбища, который, вероятно, волнуется, что какие-то русские так долго задержались.
- Он не догадывается,- говорит Ленин,- что все нетленное, все бессмертное Маркса и Энгельса мы несем с собой и воплощаем даже в отсталой царской России.
Втроем - Ленин, Крупская и Цхакая - возвращаются в Женеву. На границе Франции, в Булони, с ними происходит обычный для тех времен эпизод. По просьбе агентов российской охранки французская полиция намерена проверить чемоданы. Интересуют агентов, конечно, материалы только что состоявшегося в Лондоне съезда. Но учиняют проверку якобы для обнаружения контрабандного табака.
Спасает решительность Ленина. Он не позволяет развязать папки с протоколами.
- Никакого табака там нет,- категорически заявляет Владимир Ильич,- мы не курящие и не коммерсанты. Там только рукопись, манускрипт.
Французские полицейские вынуждены беспрепятственно пропустить Ленина и его спутников...
Примечания:
[26] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 248.
[27] “Петербургские большевики в период первой русской революции 1905-1907”. М., 1956, с. 77.
[28] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 17.
[29] Там же, с. 25.
[30] “Вперед” № 15, 20(7) апреля 1905 г.
[31] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 310.
[32] “Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов”, с. 55.
[33] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 285.
[34] Там же, с. 285-286.
[35] “Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов”, с. 89.
[36] Там же, с. 133.
[37] Там же, с. 106 - 107.
[38] Там же, с. 135.
[39] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, с. 288.

[40] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 1, с. 232.
[41] “Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника”, т. 2, с. 46.
[42] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 26.
[43] “Известия”, 22 января 1969 г.
[44] См. А. В. Маскулия, Михаил Григорьевич Цхакая. М., 1968, с. 80-81.
[45] “О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы”. М., 1963, с. 39.
[46] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, с. 118.
[47] Там же, с. 83.
[48] Там же, с. 129.
[49] “О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы”, с. 43.
[50] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, с. 153.
[51] “Вперед” № 17, 9 мая (26 апреля) 1905 г.
[52] “Третий съезд РСДРП. Апрель - май 1905 года. Протоколы”. М., 1959, с. 460.

"Бешеная энергия и еще энергия"

Ленин возглавляет избранный III съездом Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии. Под его руководством проходит вся деятельность созданной в марте 1905 года Заграничной организации РСДРП сплотившей все заграничные большевистские группы и отдельных членов партии, проживающих за границей. Он ответственный редактор нового центрального органа партии - “Пролетария”, продолжающего линию старой, ленинской “Искры”, сохраняющего преемственность от большевистской газеты “Вперед”.

Первый номер “Пролетария” выходит в Женеве 27 мая 1905 года. Почти целиком он посвящен итогам партийном съезда. Ленин публикует в газете резолюции съезда о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении социал-демократии к крестьянскому движению. И вслед за ними помещает свою, проникнутую боевым духом статью.

“Вероятность победы народа над самодержавием,- заявляет Владимир Ильич,- усиливается” [53]. Но эта победа, предупреждает он, возможна только лишь при героическом напряжении всех сил пролетариата. Эта победа “предъявляв к социал-демократии такие требования, каких ни разу еще нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота” [54]. Не проторенные пути лежат перед нею, пишет Ленин, “а величайшие, грандиозные задачи организации восстания, концентрации революционных сил пролетариата, сплочения их с силами всего революционного народа, вооруженного нападения, учреждение временного революционного правительства” [55].

На страницах первого номера “Пролетария” Ленин утверждает, что Россия приближается к развязке вековой борьбы всех прогрессивных народных сил против самодержавия. И теперь никто уже не сомневается в том, что самое энергичное участие в этой борьбе примет пролетариат, что именно его участие в ней решит исход революции в России.

К Ленину поступают сообщения о новой волне стачечного движения, потрясшей в майские дни всю страну. Идут вести о мощных забастовках лодзинских рабочих, завершающихся ожесточенными боями с царскими карателями; об организованной в Иваново-Вознесенске большевиками всеобщей забастовке, во время которой создан Совет рабочих уполномоченных. Владимир Ильич узнает о баррикадных боях восставших пролетариев Варшавы и Одессы. Ему пишут о стачке, организованной большевиками в Баку, объявленной в знак протеста против разжигания царским правительством межнациональной вражды, о длившейся более недели всеобщей забастовке в Тифлисе, о забастовках и демонстрациях в Костроме, Нижнем Новгороде, Риге, Белостоке, Ростове, Харькове, Екатеринославе, Новороссийске и других городах,

“Восстание и вооруженная битва на баррикадах в Лодзи,- пишет Ленин 28 июня,- побоище в Иваново-Вознесенске,- всеобщие стачки и стрельба в рабочих в Варшаве и Одессе...- таковы главные политические события истекшей недели Если прибавить к этому

сообщенные в сегодняшних женевских газетах вести о крестьянских волнениях в Лебединском уезде Харьковской губернии, о разгроме пяти имений и посылке туда войска, то перед нами в событиях одной недели отразится характер всех основных общественных сил, так открыто и отчетливо выступающий теперь во время революции" [56].

Июньским утром газеты приносят сообщение о восстании на броненосце "Потемкин Таврический". Почти одновременно из России приходит письмо С. Гусева. И в нем - подробности о революционных событиях в Одессе.

Ленин встречается с недавно появившимся в Женеве активным подпольщиком М. Васильевым-Южиным и передает ему задание партии:

- Вы, товарищ Южин, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу... Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение...

Ленин пристально следит за развивающимися в России событиями. Множество газет приходит к нему ежедневно. Кроме русских здесь и немецкие, французские, английские, итальянские, польские. Ленин берет очередную газету, быстро раскрывает ее, вглядывается то в одну, то в другую страницу, сразу же отыскивает то, что его больше всего интересует. Броненосец "Потемкин" - в центре его внимания. Из газет он узнает, что восставший корабль покинул Одессу. А это значит, что посланец Центрального Комитета не сумеет попасть на его борт. Узнает Ленин и о том, что направленная против "Потемкина" эскадра не стреляла по броненосцу. С удовлетворением отмечает он в "Пролетарии": "Посланные против революционного броненосца "Потемкина" военные суда отказались бороться против товарищей. Распространив по Европе известия о сдаче "Потемкина", о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром" [57].

Ленин выписывает из зарубежных газет названия других русских кораблей, на которых вслед за "Потемкиным" происходят волнения. Он делает заметки о восстании матросов в Кронштадте, о том, что в Либаве матросы бок о бок с рабочими сражаются против солдат. "Рубикон перейден,- констатирует Владимир Ильич.- Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром" [58]. Он предсказывает: "Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в Черноморском флоте" [59]. И призывает: "Наше дело теперь - поддержать всеми силами эти, попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие" [60].

Хотя восстание на "Потемкине" и закончилось неудачей, оно знаменует собой, утверждает Ленин, новый крупный шаг в развитии революции. Сам броненосец остался "непобежденной территорией революции" [61]. И "никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события" [62].

Чтобы расколоть силы революции, отвлечь от нее массы, внушить им конституционные иллюзии, царь прибегает к обещаниям, уступкам. В августе публикуются акты "Учреждение Государственной думы" и "Положение о выборах в Думу". Только помещики, городская буржуазия и крестьяне-домохозяева допускаются к выборам в нее. Но и такая Дума лишена решающего голоса в законодательстве, ее роль ограничивается лишь "предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов" [63].

Революция находится на подъеме, и Ленин призывает к "активному бойкоту" [64] Думы, к агитации, вербовке, организации революционных сил с двойной энергией, под тройным давлением.
Звать к этому должна и нелегальная газета "Рабочий", только что созданная в Москве Центральным Комитетом партии. Созданная для широких рабочих масс, которые все более и более втягиваются в активную борьбу.
В середине сентября в Женеву приходит ее первый номер. Ленин с волнением произносит слова, с которыми обращается к читателям редакция подпольного издания: "Старая Россия умирает, рождается новая Россия. Старая Россия - это мрак, это гнет, это тишина могилы. Новая Россия - это свет, свобода, победоносная борьба за лучшее будущее народа" [65]. И сразу же пишет в Россию, в Центральный Комитет РСДРП: "Получил... первый номер "Рабочего". Он производит превосходное впечатление... Прекрасный боевой дух. Одним словом, от души могу поздравить с успехом и пожелать дальнейших" [66].
А несколько дней спустя заполняется до отказа зал кафе "Хандверк", в котором уже не раз выступал с рефератами Ленин.
- Мы соединимся со всеми революционными демократами, со всеми сторонниками восстания,- провозглашает в этот вечер Владимир Ильич.- На прямой и ясный лозунг противников: "Долой преступную проповедь восстания! За работу в Думе и через Думу!" мы должны ответить прямым и ясным лозунгом: долой буржуазных предателей свободы, долой Думу, да здравствует вооруженное восстание!
Один из тех, кто сидит в зале, сообщит из Женевы в Россию: "Говорит Ленин, и мне кажется, что на его стороне вся правда. Он говорит горячо, убежденно и сильно. Он большевик... Ленину рукоплещут" [67].
И еще одно свидетельство - большевика-подпольщика С. Моисеева, помогающего сейчас Крупской в конспиративной переписке с Россией: "В заключительной части Ленин подвел слушателей к определенному выводу, который вытекал из содержания реферата. Он призывал к решимости, к борьбе, основанной на выводах революционной теории и тактики. Ход событий требовал не фраз, не игры в парламент, а серьезной работы по созданию революционной армии, подготовке масс к вооруженному восстанию" [68].
Ленин провозглашает активный бойкот Думы, объединение на этой платформе всей российской социал-демократии. И его призыв находит горячий отклик в большинстве местных организаций.
Из газет, из шифрованных писем, потоком идущих к Ленину, узнает он о том, как в эти осенние дни развиваются в России революционные события. Он редактирует корреспонденцию из Вильны о руководимой местной группой РСДРП стачке рабочих кожевенных заводов. Ему доставляют резолюцию рабочих, принятую за Нарвской заставой и призывающую к всеобщей политической забастовке "как одному из могучих средств" [69] вооруженного восстания; Пишут ему и о том, что Петербургский университет с утра до поздней ночи открыт для революционных собраний и митингов, что он окружен войсками, что студенты приготовились к нападению и в переполненном актовом зале ораторы зовут к вооруженному восстанию.
Восторг вызывает у Ленина сообщение петербургского корреспондента "Тан". Латышские революционеры, узнает из парижской газеты Владимир Ильич, совершили вооруженное нападение на рижскую центральную тюрьму. Они освободили двух товарищей, которым грозила смертная казнь, Ленин сразу же садится за статью "От обороны к нападению". Ее публикуют в очередном номере "Пролетария". Он разъясняет в ней глубокую разницу между индивидуальным террором эсеров и боевой тактикой массовой политической партии. Владимир Ильич приветствует героев революционного рижского отряда. Он призывает: "Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!" [70].
Приходит сообщение и о столкновении в Питере обуховских рабочих с полицией, о том, как с пением "Марсельезы" прошли они по Шлиссельбургскому тракту. Пишут ему о собрании питерских железнодорожников, о популярности среди рабочих Российской социал-демократической рабочей партии. "Как видите,- сообщают из Петербурга в

Женеву,- лаборатория революции работает вовсю. Революционное настроение растет не по дням, а по часам" [71].
На многих листах - сделанные Лениным выписки: в них цифры, факты о новом наступлении рабочего класса. "За Петербургом,- отмечает он,- последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет. Рига, Польша, Одесса, Кавказ стали по очереди очагами восстания, которое росло в ширину и в глубину с каждым месяцем, с каждой неделей. Теперь дело дошло до центра России" [72] - до областей, где на сравнительно небольшой территории сосредоточено много рабочих.
Ценные сведения о новом порыве революционного вихря привозит Владимиру Ильичу из России и Е. Стасова.
Она застает его в квартире одного. Владимир Ильич проводит ее в общую комнату, которая служит Ульяновым и столовой, и кухней. И сразу же засыпает вопросами о том, что творится в России, в Петербурге, в Центральном и Петербургском комитетах. "Потом вдруг вскочил и говорит: "Подождите!" - вспомнит Стасова.- Я подумала, что поступила в чем-то неправильно. А Владимир Ильич подошел к буфету, вынул оттуда чайник, налил в него воду, зажег газовую плиту, накрыл стол и приготовил все к чаю и уже после этого продолжал беседу со мной" [73].
Стасова обстоятельно рассказывает об основных событиях, происходящих в России, рассказывает со множеством деталей, с живыми подробностями.
- Очень, очень, очень интересно,- говорит, довольно потирая руки, Владимир Ильич.
А новости из России все идут и идут. Петербургский корреспондент "Таймс", записывает Ленин, сообщает о зовущих к борьбе прокламациях, о назначенной на ближайшие дни в столице демонстрации, о "крайне тревожном настроении в публике" [74]. Из берлинской "Фоссише цайтунг" он узнает что в Петербурге возобновились студенческие волнения, 7 октября, отмечает еще одна ленинская запись, забастовали железнодорожники Московско-Рязанской железной дороги, на другой день - почти весь Московский железнодорожный узел.
Движение с огромной быстротой нарастает по всей стране. Оно захватывает предприятие за предприятием, одну, железную дорогу за другой, город за городом. В самое короткое время стачка становится всероссийской.
"...Остановится ли революционное движение на этой, ужа достигнутой, ставшей "обычной" и знакомой стадии развития или поднимется на высшую ступень?" [75] - спрашивает Ленин. И отвечает: "Если только можно отважиться в область оценки столь сложных и необозримых событий, как события русской революции, то мы неизбежно придем к неизмеримо большей вероятности второго ответа на вопрос" [76].
В заграничных газетах Ленин отыскивает телеграфные сообщения о могучем росте всероссийской политическом стачки. И эти сообщения его убеждают: барометр Показывает бурю...
Он приходит к заключению, что "все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска" [77]. И утверждает, что честь революционного пролетарского почина поделили между собой Москва и Петербург! Все говорит о том, что это лишь одна из начальных ступеней борьбы.
Между тем полученный им отчет Боевого комитета при Петербургском комитете, созданного еще в июле для усиления подготовки к вооруженному восстанию, внушает Владимиру Ильичу серьезную тревогу. Если судить по этому документу, то "дело грозит выродиться в канцелярщину". [78] Нужна не "бумажная волокита", а "бешеная энергия и еще энергия". И Ленин призывает петербургских товарищей: "Идите к молодежи. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д." [79]. Он настаивает на организации отрядов от трех да десяти, тридцати и более человек. Настаивает на том, чтоб и эти отряды вооружались сами, кто как может. Чтобы они тотчас же выбирали себе руководителей и связывались с Боевым комитетом при Петербургском комитете. "Не требуйте никаких формальностей...- пишет Владимир Ильич Боевому комитету.- Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП-это было бы абсурдным требованием для вооруженного восстания. Не отказывайтесь связываться с каждым кружком, хотя бы в три человека, при единственном условии, чтобы он был полицейски надежен и готов был драться с царским войском. Пусть желающие кружки

входят в РСДРП или примыкают к РСДРП, это превосходно; но я безусловно считал бы ошибкой требовать этого" [80]. Ленин предупреждает, что если через один-два месяца в Питере не будет минимум 200-300 отрядов, Боевой комитет можно будет считать мертвым. "При теперешнем кипении не набрать сотни отрядов - значит стоять вне жизни" [81],- уверен Владимир Ильич.

На столе у него исписанные убористым почерком листы. Это планы, наброски, выписки, связанные с вопросом подготовки и организации восстания.

Быстро, сокращая слова, набросал Владимир Ильич: "Раньше поставить: доклады на воен[ные] темы в кружках:

1) чт[ение] и обсуждение] статей о барр[икадной] б[орь]бе;

2) изуч[ение] плана города и районов; 3) добывать планы тюрем etc.; 4) узнавать адреса зловредных людей и начальства; 5) производить маневры выслеживания неприятеля; 6) готовить бомбы; 7) составлять] тактич[еские] планы отд[ельных] операций" [82].

Ленин обдумывает, как следует формировать отряды будущей революционной армии, как должны они вооружаться и действовать. Советует немедленно начать их практическую подготовку. Не откладывая, подыскивать квартиры для хранения оружия и снарядов, квартиры под штабы, для укрывательства преследуемых, помещения для раненых. Надо заблаговременно запастись планами тюрем, точными сведениями об охране банков, складов оружия. "Проволочки, споры, оттяжки, нерешительность,- утверждает Владимир Ильич,- есть гибель дела восстания. Величайшая решительность, величайшая энергия, немедленное использование всякого подходящего момента, немедленное разжигание революционной страсти толпы, направление ее на более решительные и самые решительные действия - таков первейший долг революционера" [83].

Две недели спустя, октябрьским вечером, Ленин набрасывает план статьи "Равновесие сил". Предназначается она для "Пролетария".

"Слух, будто решена конституция,- пишет Ленин.- Если да, тогда царь, значит, учитывает уроки 1848 года и других революций: без учредительного собрания, до учредительного собрания, помимо учредительного собрания даровать конституцию. Какую? В лучшем (для царя) случае = кадетскую.

Значение этого: осуществление идеала конституционалистов-демократов, перескакивание через революцию. Обман народа, ибо полной и реальной свободы выборов все же не будет" [84].

А через несколько часов телеграф приносит в Женеву весть о "монаршей милости" - о царском манифесте 17(30) октября. Он призван восстановить в стране "порядок". Он дарует народу "незыблемые основы гражданской свободы" - неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов. Манифест обещает по мере возможности привлечь к участию в Государственной думе слои населения, которые лишены избирательных прав. Царь провозглашает, что отныне "никакой закон не может воспринять силу без одобрения Государственной думы..".

Кое-кто склонен видеть в манифесте чуть ли не ликвидацию самодержавия. Ленин предостерегает от подобных заключений. "Царь далеко еще не капитулировал,- предупреждает Владимир Ильич.- Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы" [85].

Всего две недели назад Ленин писал в "Пролетарии" о брожении среди военных моряков, о полной ненадежности гвардии. И вот приходит еще одно подтверждение: кронштадтские большевики разоблачили на митингах попытку царя обмануть своим манифестом народные массы, матросы предъявили новые требования и борьба за их осуществление переросла в вооруженное восстание Ленин констатирует: "На красную и черную армию распадается и войско" [86]. Быстро втягивается оно в борьбу за свободу. "Пусть правительство негодяя Витте победило восстание в Кронштадте, пусть расстреливает оно теперь сотни матросов, еще раз поднявших красный флаг,- этот флаг,- предсказывает Владимир Ильич,- взовьется еще выше, ибо это знамя есть знамя всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире" [87].

Не приостановил царский манифест революционную борьбу и российских пролетариев. Ленин выписывает из газет новые сообщения о рабочих выступлениях в Москве, Риге, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Ревеле, Одессе. Он убеждается, что рабочим ясна подлинная цена царского манифеста. Ленин переводит опубликованное в английской прессе воззвание одного из питерских стачечных комитетов И включает его в свою статью "Приближение развязки". "Нам дарована свобода собраний,- гласит воззвание в ленинском переводе,- но наши собрания окружены войсками. Нам дарована свобода печати, но цензура продолжает существовать. Обещана свобода науки, но университет занят солдатами. Дарована неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены арестованными. Дарован Витте, но продолжает существовать Трепов. Дарована конституция, но продолжает существовать самодержавие. Нам все дано, но у нас ничего нет" [88].
Для "Пролетария" пишет Ленин эту статью, утверждающую, что "ряды революционного войска все растут", что "силы закаляются в отдельных схватках", что "красное знамя поднимается над новой Россией все выше и выше" [89].
Еще весной со страниц газеты "Вперед" заявлял Владимир Ильич, что хочет говорить "не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских "мужиков"" [90]. А нынешней осенью все чаще возвращается Ленин к мысли: он должен быть там, где идет революционная битва, должен вернуться на родину. Вернуться, несмотря на все опасности, которые подстерегают его. "Хорошая у нас в России революция, ей-богу! - пишет Владимир Ильич в Петербург М. Эссен.- Надеемся скоро вернуться - к этому идет дело с поразительной быстротой" [91].
Близится конец первой эмиграции Позднее в письме к одному из своих корреспондентов Ленин подведет ее итог. Вспомнит "подлые условия" эмигрантщины, требующие быть там очень осторожным" Нет, не в том, разумеется, смысле, чтобы не вести военные действия против оппортунистов. "Напротив,- категорически заявит Владимир Ильич,- воевать там очень надо и очень придется" [92]. Но следует учитывать подлый характер этой войны "Злобное подсиживание,- предупредит он,- встретите Вы отовсюду, прямую провокацию" со стороны меньшевиков (они Вас будут провоцировать систематически) - и весьма слабую среду делового сочувствия. Ибо оторванность от России там чертовская... Вы там встретите трудности работы, ничего общего не имеющие с российскими трудностями: "свобода" почти полная, но живой работы и среды для живой работы почти нет" [93].
В этих "подлых условиях" эмиграции, сообщит Владимир Ильич корреспонденту, самое важное - иметь свое дело. И еще важнее - поддерживать оттуда связи с партийными организациями России. "Кто сумеет обеспечить себе за границей работу в связи с русской организацией,- заявит он,- тот и только тот сможет оградить себя от засасывающего болота тоски, дрязг, изнервленной озлобленности и проч. У меня эта "заграница" ой-ой как в памяти, и я говорю на основании немалого опыта" [94].
Но все это выйдет из-под пера Владимира Ильича потом. А сейчас через Швецию и Финляндию отправляется он в Россию, где все более нарастают грозные события. На календаре - ноябрь революционного 1905 года...
Примечания:
[53] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, с. 218.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Там же, с. 310.
[57] Там же, с. 336.
[58] Там же, с. 337.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] См. "История СССР", т. VI. М., "Наука", 1968 с. 154.
[64] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 170.
[65] "Рабочий" № 1, август 1905 г.
[66] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 68.

[67] См. “Вопросы истории КПСС”, 1960, № 6, с. 175.
[68] Там же, с. 166.
[69] “Пролетарий” № 24, 7 ноября (25 октября) 1905 г.
[70] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 269.
[71] “Пролетарий” № 22, 24(11) октября 1905 г.
[72] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 413.
[73] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 211.
[74] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 316.
[75] Там же.
[76] Там же, с. 316-317.
[77] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 1.
[78] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. .436.
[79] Там же.
[80] Там же, с. 337.
[81] Там же.
[82] Ленинский сборник V, с. 456.
[83] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 343.
[84] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 5-6.
[85] Там же, с. 27.
[86] Там же, с. 57.
[87] Там же, с. 57 - 58.
[88] Там же, с. 74.
[89] Там же, с. 80.
[90] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, с. 15.
[91] В.И. Ленин, Поля. собр. соч., т. 47, с. 100.
[92] Там же, с. 112.
[93] Там же, с. 112 - 113.
[94] Там же, с. 113.

Часть вторая

В Питере и рядом с ним

8(21) ноября 1905 года Ленин возвращается в Петербург. На улицах он видит мальчишек, торгующих газетами, юмористическими журнальчиками с хлесткими рисунками на сильных мира сего. Слышит, как газетчики распевают о российском премьере:
- Витте пляшет, Витте скачет, Витте песенки поет!.. Всего три недели прошло с того дня, как самодержец российский “даровал” народу “конституционные” блага. Но еще из Швейцарии, перед отъездом в Россию, Ленин предостерегал: самодержавие всего лишь отступило, “отступило в чрезвычайно серьезной битве” [1] для того, чтобы собрать Силы. В Петербурге он воочию убеждается, что “полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане” [2]. Так определяется цель его возвращения в Россию.
Накаленную обстановку застает Владимир Ильич в Петербурге. Все более организованно, все более упорно борется в эти осенние дни пролетариат столицы.

Позади всеобщая октябрьская политическая стачка. Только что здесь, в Петербурге, в течение нескольких дней вновь бастовало более 150 тысяч рабочих. Особенно ясно стало: до готовиться к вооруженному восстанию. Прокламация, отпечатанная в типографии Петербургского комитета РСДРП за три дня до приезда Ленина, призвала не прекращать борьбы, "усиленно сплачиваться и вооружаться", готовиться к "новому решительному натиску на ненавистную монархию" [3].

На питерских заводах формируются боевые дружины, изготовляется оружие. В одном лишь Невском районе в эти ноябрьские дни число вооруженных рабочих достигает шести тысяч. За Нарвской заставой формируется штаб боевых дружин района. Вооружаются рабочие Сестрорецкого завода...

Почти месяц назад здесь, в Питере, был создан Совет рабочих депутатов, представляющий почти двести тысяч рабочих столицы. Но руководство им оказывается в руках меньшевиков. Часть большевиков еще с недоверием относится к Совету. Она видит в нем стихийно возникшую, политически незрелую рабочую организацию. Она требует принятия Советом Программы РСДРП. Через несколько часов после приезда Ленин уже выступает на расширенном заседании Петербургского комитета партии с резкой критикой этой "левацкой" позиции в отношении Советов. Он заявляет: Советы должны не подменять партию, а работать под ее руководством.

Ленин непосредственно возглавляет Центральный и Петербургский комитеты партии. "...Я не мог не восхищаться и не удивляться той гигантской энергии,- вспомнит позднее Кржижановский,- которую он развил в этот период в Петербурге. Это был, так сказать, его первый, "пробный" выход из подполья на широкую историческую арену... Казалось, что это зарево крестьянских восстаний, что эти первые ласточки грозных военных восстаний, что эти волны бурно разметывавшихся стачек в нем одном находят такой центр, который сможет мудро подсчитать их итоги и, не смущаясь никакими потерями и колебаниями весов изменчивого в повстанческой борьбе счастья, направить корабль революции именно в ту гавань, которая обеспечит с минимумом потерь максимум революционных достижений... "День за год!" - вот тот лозунг, которому обязаны подчиняться в период революций борцы за великие достижения этих революций. И Владимир Ильич неуклонно следовал этому лозунгу" [4].

Прожить в столице легально Ленину удалось лишь несколько дней. Вскоре за ним начинает охотиться охранка И он вынужден менять паспорта, скитаться по чужим квартирам, все время оставаясь в гуще множества дел.

В доме № 33 по Николаевской улице Владимир Ильич встречается с руководящими партийными работниками В здании Вольного экономического общества выступает на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов. В Технологическом институте присутствует на нелегальном собрании. В Соляном городке разъясняет рабочим особенности текущего момента. В домах на Большой Морской улиц. Английском проспекте, Троицкой и Малой Монетной улиц, участвует в работе Центрального и Петербургского комитетов партии.

"Владимира Ильича,- свидетельствует М. Эссен,- рвали на части, все большевики хотели его видеть, слушать, говорить с ним, получать указания" [5]. И, скрываясь от полиции, он под вымышленными именами выступает перед разными аудиториями. Выступает с речами, в которых, по словам той же Эссен, развертывается безбрежный мир огромных революционных перспектив.

Такую речь, гневную и страстную, вскрывающую политическое содержание тактики царского правительства, произносит Ленин и в день объявления локаута, когда сто тысяч питерских рабочих оказываются выброшенными на улицу. Он развенчивает перед депутатами Петербургского Совета выступивших до него Троцкого, Мартова и других лидеров меньшевизма - тех, кто предложил повести переговоры с военным министром и предпринимателями об условиях открытия заводов. Ленин призывает не уступать капиталистам, но и не поддаваться на провокацию, не принимать боя. В невыгодных условиях, не просить, не договариваться, а требовать открытия заводов, призвать всех в случае отказа к всеобщей забастовке, к другим решительным мерам борьбы.

А перед соратниками-большевиками Владимир Ильич поставит в эти же дни задачу перестройки партии. Этого, заявляет он, требуют новые условия революционной борьбы,

надо, сохранив конспиративный аппарат, всемерно использовать и все легальные возможности, завоеванные пролетариатом в период революции. Надо создавать открытые и полуоткрытые партийные органы и сеть примыкающих к ним организаций.
Много времени со дня приезда в Петербург проводит Ленин в редакции “Новой жизни” - первой легальной большевистской газеты, ставшей фактически центральным органом партии. Он руководит совещанием, на котором вырабатывается большевистская программа ее деятельности, И с десятого номера становится фактически руководителем “Новой жизни”. Ее редакция расположена в доме на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки - в самом центре столицы.
Из окна комнаты, где работает обычно Владимир Ильич, где проходят редакционные совещания, отчетливо виден принадлежащий царской семье Аничков дворец. В этой комнате он вычитывает гранки своих статей: “О реорганизации партии”, “Пролетариат и крестьянство”, “Партийная организация и партийная литература”, “Войско и революция”, “Чашки весов колеблются”, “Учитесь у врагов”... Статей, в которых развивает идею гегемонии пролетариата в революции, обосновывает необходимость установления прочного союза рабочего класса и крестьянства, определяет задачи Советов как новых органов народной власти.
“Новая жизнь”, во главе которой стоит Ленин, приобретает огромную популярность. Ее влияние на рабочие массы растет изо дня в день. Ее тираж расходится мгновенно. Но, несмотря на официально провозглашенную свободу печати, газета подвергается постоянным преследованиям. Пятнадцать из двадцати семи ее номеров арестовывают. И в конце концов газету запрещают.
Последний, двадцать восьмой номер “Новой жизни” выходит нелегально. В нем публикуется обращение к рабочим:
“...Несмотря на угрозы, мы решили продолжать дело, порученное нам пролетариатом, пока прямое насилие не лишит нас возможности разоблачать заговор царского правительства против народа и звать народ к революционной борьбе с самовластием.
Рабочие! Мы отдаемся под вашу защиту!
Да здравствует свободное слово!” [6]
По разным адресам живет в это время Владимир Ильич. Но когда приехала из-за границы Крупская, они решили поселиться легально. Устроили их на Греческом проспекте у знакомых. Однако сразу же появились у дома шпики. Три дня спустя пришлось съехать с этой квартиры. Вновь перешел Ленин на нелегальное положение.
“Он работал целыми днями в редакции, которая собиралась не только в “Новой жизни”,- вспоминает Крупская,- но на конспиративной квартире или в квартире Дмитрия Ильича Лещенко, на Глазовской улице, но по условиям конспирации ходить туда было не очень удобно. (Д. И. Лещенко в период первой русской революции состоял в боевой организации Петербурга, являлся секретарем городского комитета РСДРП. Исполнял обязанности секретаря газеты “Новая жизнь”.) Виделись где-нибудь на нейтральной почве, чаще всего в редакции “Новой жизни”. Но в “Новой жизни” Ильич всегда был занят. Только когда Владимир Ильич поселился под очень хорошим паспортом на углу Бассейной и Надеждинской, я смогла ходить к нему на дом. Ходить надо было через кухню, говорить вполголоса, но все же можно было потолковать обо всем” [7].
А из Москвы приходят вести о всеобщей забастовке, о том, что начались бои на улицах, что вспыхнуло восстание на Пресне, в Замоскворечье, что на подавление восставших брошены Семеновский и другие полки.
В эти декабрьские дни в Петербурге бастуют рабочие Путиловского, Обуховского, Невского судостроительного и Механического, Балтийского, Ижорского и других заводов. выходят большевистские листовки, зовущие питерский пролетариат сделать все, чтобы поддержать российскую революцию, чтобы оправдать ожидания братьев, всегда смотрящих на питерцев как на стойких, передовых бойцов. К питерскому пролетариату обращается с призывом и Центральный Комитет партии. Петербург, заявляет он, первым провозгласил лозунги нынешней революции. И пролетариат всей России дружно откликнулся на его призыв. Держите же высоко знамя, которое вы подняли! - зовет питерцев Центральный Комитет.

Истощенные и обессиленные питерские рабочие, отмечает Ленин, оказываются не в силах провести декабрьскую стачку. Но они стремятся оказать практическую помощь московским товарищам.
На набережной Фонтанки, в квартире Л. Красина, принимается при участии Владимира Ильича решение: подорвать пути, по которым пойдут в Москву эшелоны с войсками, захватить на Охте склады оружия, вооружить рабочих Выборгской стороны.
Подходит к концу грозовой девятьсот пятый год. К 10(23) декабря Владимир Ильич отправляется в Таммерфорс. Там в Народном доме открывается Первая конференция большевиков. Руководит конференцией Владимир Ильич. И хоть не бережет время ее протоколы, сохранятся свидетельства вех, кто собрался тут в горячие дни революции. Их воспоминания передадут царящую на конференции атмосферу.
С каким подъемом она прошла! - много лет спустя с волнением расскажет о ней Крупская.- Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого избрания соответствовала целиком настроению делегатов" [8].
Владимир Ильич выступает с докладами о текущем моменте и по аграрному вопросу. Он оглашает резолюцию, и ее принимает конференция: пункт аграрной программы партии об "отрезках" заменяется требованием конфискации всех государственных, помещичьих, церковных земель.
В Народном доме Таммерфорса делегаты конференции высказываются за то, к чему зовет Ленин,- за восстановление единства партии. Они поручают Центральному Комитету созвать объединительный съезд.
А из Москвы и других городов приходят в Таммерфорс вести о вооруженных восстаниях. Конференция вынуждена спешно завершить работу. Ее делегаты срочно разъезжаются по местам.
Владимир Ильич снова в Питере. В доме на Знаменской, у Горького, созывает он Центральный Комитет. Выступает член Московского комитета большевиков М. Лядов. Он докладывает о ходе московского вооруженного восстания, о том, что для его подавления прибыли в Москву войска. И Ленин признает: силы изменились в пользу контрреволюции. И все же не сломлена воля восставших рабочих.
Проходит около двух недель. Январским утром нового, 1906 года председателю кабинета министров графу Витте докладывают о газете "Молодая Россия". Это первый, только что отпечатанный номер нового общественно-политического еженедельника. Предназначен он для студентов.
Граф пробегает глазами газету. Его взгляд задерживается на одной из статей. Небезызвестный ему Ленин разъясняет в ней современное положение. Но как разъясняет! "Конституционные иллюзии рассеяны,- утверждает он.- Реакция по всей линии. Самодержавие восстановлено вполне и даже "усугублено" диктаторскими правами местных сатрапов..." [9]
Ленин пишет о кипящей повсюду гражданской войне. Пишет о том, что политическая забастовка уже начинает себя исчерпывать, что она отходит уже в прошлое, ибо становится изжитой формой движения. И приводит в пример недавнюю декабрьскую стачку московского пролетариата, которая переросла в вооруженное восстание. "Новая форма выступления,- заявляет он,- стояла перед такими гигантскими задачами, которые, разумеется, не могли быть решены сразу. Но эти задачи поставлены теперь перед всем народом ясно и отчетливо, движение поднято выше, уплотнено, закалено. Этого приобретения ничто не в силах отнять у революции" [10].
- Что же теперь? - ставит вопрос Ленин.
И призывает смотреть прямо в лицо действительности. А действительность подтверждает, что надо усвоить опыт последних форм борьбы, заняться организацией сил в главнейших центрах революционного движения. Витте читает и такие призывные ленинские строки: "Долой конституционные иллюзии! Надо собирать новые, примыкающие к пролетариату, силы. Надо "собрать опыт" двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь)... Надо определеннее, практически поставить колоссальные задачи нового активного выступления, готовясь к нему более выдержанно, более систематически, более упорно..."[11] Из кабинета

Витте номер "Молодой России" с ленинской статьей тотчас же пересылают управляющему министерством внутренних дел. Синим карандашом пишет тот на полях: "№ этот арестован, не следует ли арестовать Ленина?" [12]
Вопрос адресован директору департамента полиции. О "крамольной" статье Ленина сообщают прокурору Петербургской судебной палаты.
Прошло всего два месяца, как Владимир Ильич вернулся из эмиграции, а глава российской полиции уже "полагал бы необходимым" подвергнуть Ленина "безусловному содержанию под стражей". И озабочен лишь тем, как отыскать его и упрятать в каземат. Ведь Ленин осмелился "напечатать и распространить прямой призыв к вооруженному восстанию!" [13]
А Владимир Ильич между тем вернулся из Москвы, с заседания лекторской группы при Московском комитете партии. Обсуждались итоги Декабрьского вооруженного восстания. Ленин высоко оценил героизм, мужество московских рабочих.
Опять скрывается он по конспиративным квартирам. По-прежнему в его руках руководство Центральным и Петербургским комитетами партии. По-прежнему он использует любую возможность для встреч с питерскими большевиками.
Ленин входит в состав редакции нового нелегального органа - "Партийных известий". В первом же номере этой газеты он характеризует две противоположные точки зрения на тактику российских социал-демократов в условиях революции. "Не нужно было браться за оружие, говорят одни, призывая к выяснению рискованности восстания и к перенесению центра тяжести на профессиональное движение...- пишет Владимир Ильич.- Другие же полагают, что нужно было браться за оружие, ибо иначе движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания, не могло освободиться от узких сторон одной только мирной стачки, исчерпавшей себя в качестве средства борьбы" [14].
Со страниц "Партийных известий", на собраниях питерских социал-демократов, на Петербургской общегородской конференции РСДРП Владимир Ильич утверждает: ни расстрелы, ни реакция не подавят революционного движения; в великой борьбе за доведение до конца демократической революции рядом с социалистическим пролетариатом пойдет демократически-революционное крестьянство. "Позаботимся же,- призывает он,- чтобы новый вал застал российский пролетариат в новой боевой готовности" [15].
Владимир Ильич живет в большом доме на Пантелеймоновской. Поселился он на сей раз вместе с Крупской. Но его по-прежнему упорно ищет охранка. "Однажды,- рассказывает Надежда Константиновна,- он был на каком-то собрании (кажется, у адвоката Чекеруль-Куша), где делал доклад. За ним началась такая слежка, что он решил домой не возвращаться. Так и просидела я у окна всю ночь до утра, решив, что его где-то арестовали. Ильич еле-еле ушел от слежки..." [16]
Ленин вынужден покинуть Петербург. Он отправляется на станцию Куоккала. Хотя отсюда всего сорок километров до российской столицы, но это Финляндия, где власть царской полиции ограничена.
Ульяновы поселяются на даче "Ваза" - так назвал ее хозяин в честь своего родного города на севере Финляндии. Им отводят угловую комнату.
В эту весеннюю пору 1906 года дача "Ваза" становится большевистским центром. В Куоккалу к Ленину приезжают члены Центрального и Петербургского комитетов РСДРП, партийные работники из провинции. Ежедневно сюда доставляют газеты, письма. Отсюда со связными отправляет Ленин товарищам статьи, указания, советы. Отсюда руководит подготовкой к IV съезду партии. Здесь разрабатывает к съезду тактическую платформу большевиков. Обсуждает ее с прибывающими к нему товарищами. Сам нелегально отправляется с этой целью в Петербург. А в первой половине марта приезжает в Москву. Здесь обсуждают большевистскую платформу на собрании членов Московского комитета, группы агитаторов и пропагандистов, литературной группы Московского бюро ЦК, членов окружного комитета и других партийных работников.
Тактическую платформу большевиков публикуют "Партийные известия". Ленин призывает всех членов партии принять участие в обсуждении, исправлении, дополнении проектов резолюций, составляющих эту платформу и предусматривающих объединение партии. Объединение, которое позволило бы оторвать от меньшевиков часть рабочих, еще их поддерживающих, способствовало бы сплочению революционных сил пролетариата.

В апреле делегатом от петербургской организации отправляется Владимир Ильич в Стокгольм. В строгой конспирации открывается здесь IV (Объединительный) съезд РСДРП. Он работает шестнадцать дней. И все дни идет на нем ожесточенная борьба. Борьба между большевиками и меньшевиками по всем включенным в повестку дня вопросам: аграрной программы, оценки текущего момента и классовых задач пролетариата, отношения к Государственной думе, к вооруженному восстанию...

Ленин - в центре этого незатухающего многодневного сражения. Он председательствует на ряде заседаний. Пишет проекты резолюций. Выступает с докладами, речами, заявлениями. Участвует в работе комиссий. И убеждается в том, в чем не сомневался, отправляясь сюда: как и прежде, большевики и меньшевики на противоположных позициях. По-разному рассматривают они аграрную программу социал-демократии, по-разному оценивают движущие силы революции, задачи пролетарских масс в борьбе с царизмом. Хотя и происходит на съезде объединение двух фракций в единую РСДРП, но носит оно формальный характер.

С меньшевиками,- укажет впоследствии Ленин,- мы в 903-1912 годах бывали по нескольку лет формально в единой с.-д. партии, никогда не прекращая идейной и политической борьбы с ними, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами" [17].

И снова Ленин в Питере.

"По возвращении со Стокгольмского съезда,- узнаем от Крупской,- мы поселились на Забалканском, я по паспорту Прасковьи Онегиной, Ильич по паспорту Чхеидзе" [18]. Здесь пишет Ленин брошюру "Доклад об Объединительном съезде РСДРП (письмо к петербургским рабочим)". Обращаясь к тем, кто избрал его своим делегатом, он разоблачает оппортунизм меньшевиков, обосновывает позицию большевиков по основным вопросам революции. Он призывает, в частности, "воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии,- добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих с.-д. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью" [19].

Несколько месяцев минуло после всеобщей Октябрьской стачки. Но самодержавная власть еще не оправилась от нее. Не оправилась и от московского Декабрьского восстания. Ни придворная клика, ни жандармерия не готовы еще к окончательному разгрому революции. Для этого им нужна поддержка либеральной буржуазии, идеологами и выразителями которой являются кадеты. А последние не заставляют себя просить.

Улицы, ведущие к Народному дому графини Паниной, обычно немноголюдные, полны в этот майский день рабочими, ремесленниками, студентами, чиновниками, торговцами. Нет уже свободного места в обширном зале. Заняты даже боковые проходы.

Митинг устроен кадетами. Но вот по рядам идет записка: "Прошу предоставить слово для выступления". И председательствующий объявляет:

- Слово имеет господин Карпов...

Карпов - это Ленин. Торопливо поднимается он на сцену. Первый раз предстоит ему выступить в России открыто на массовом собрании, перед такой огромной, такой разнообразной аудиторией...

- Мы должны неустанно разоблачать перед трудящимися массами,- заявляет Владимир Ильич, - контрреволюционную сущность либеральной буржуазии и всяческих ее приспешников и внедрять в сознание рабочих масс, что только рабочий класс в союзе с крестьянством, руководя его борьбой за землю, сможет предупредить контрреволюционные замыслы буржуазии и продолжать борьбу за доведение буржуазно-демократической революции до победного конца.

Ленин предлагает написанную им резолюцию. Именно ее принимают участники митинга, созванного кадетами. Она "обращает внимание всех, ценящих дело свободы, на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа" [20].

Выступление “некоего Карпова” вызывает бурю и в кадетских кругах, и в правительстве. Вся буржуазная пресса обрушивается на левую социал-демократию. В ответ Ленин за подписью “Ъ” публикует в большевистской “Волне” статью “Резолюция и революция”. Всякий раз, заявляет он, когда социал-демократы разъясняют пролетариату и всему народу действительный смысл происходящих событий, “чтобы разогнать туман, нагоняемый на рабочих буржуазными политиками, чтобы предостеречь рабочих от буржуазных продавцов народной свободы, чтобы указать рабочим их истинное место в революции” [21], либералы кричат, что этим социал-демократы ослабляют якобы революцию. Это неправда, утверждает Ленин. Ибо сила революции как раз и состоит в развитии классового сознания пролетариата, политического сознания крестьянства.
Агенты охранки ищут Ленина по всей столице. А он на следующий день после митинга в Народном доме Паниной, после еще одной утомительной схватки, на сей раз с меньшевиками, идет на Эстляндскую улицу: ему надо повидаться со своим давним соратником по петербургскому “Союзу борьбы” В. Шелгуновым. В помещении Высших курсов П. Лесгафта на собрании рабочих социал-демократов Нарвского района Ленин делает доклад о IV съезде партии. На Невском проспекте, на явочной квартире ЦК и ПК РСДРП встречается с сотрудниками большевистских газет и журналов. Снова под фамилией Карпов выступает в зале Тенишевского училища с докладом по аграрному вопросу. И выступает настолько блестяще, что даже эсеровски настроенное учительство устраивает ему овацию. На Крестовском острове встречается Владимир Ильич с Розой Люксембург: ее освободили из варшавской тюрьмы и она через Петербург и Финляндию едет за границу. В ресторане “Вена” Ленин дает подсевшему за столик товарищу указания о том, как поддержать восстание солдат и матросов Свеаборга.
Но не только самого Ленина преследуют власти, “3 сего июня вечером,- докладывает в департамент полиции глава Петербургского охранного отделения,- ввиду имевшихся указаний, что в типографии товарищества “Дело”, арендуемой социал-демократической газетой “Вперед”, печатается брошюра Н. Ленина “Доклад об Объединительном съезде РСДРП”, сделано было распоряжение о производстве осмотра типографии” [22]. Жандармы обнаруживают там часть тиража брошюры, матрицы для ее печатания, уже готовую обложку, на которой в конспиративных целях местом издания названа Москва.
Не предполагает подписавший донесение жандармский полковник, что почти каждый день в электропечатню товарищества “Дело”, где арестовали “крамольную” брошюру, приходит ее автор - Ленин. Приходит, соблюдая строжайшую конспирацию. Здесь печатают редактируемые им газеты: сперва “Волну”, затем “Вперед”, после ее закрытия - “Эхо”. Здесь просматривает Владимир Ильич статьи, правит корректуры, участвует в заседаниях редакций.
Опасность ареста все более нарастает. И все же Ленин не отказывается от публичных выступлений.
1(14) июня. Газета “Вперед” сообщает: “23 мая тов. Ленин прочел лекцию по аграрному вопросу для рабочих Сан-Гальского подрайона. Собралось более 250 человек. Лекцию прослушали с большим интересом... Затем докладчик говорил об отношении социал-демократии к Государственной думе... Докладчик в краткой, но живой и остроумной речи охарактеризовал разницу между левым и правым крылом с.-д., ярко разделяющую эти две фракции в вопросе об отношении с.-д. к Государственной думе. В первом часу собрание разошлось” [23].
30 июня (13 июля). Газета “Эхо” публикует корреспонденцию: “25 июня состоялся доклад тов. Ленина по аграрному вопросу; присутствовало около 200 рабочих. В популярной речи т. Ленин разобрал аграрные программы кадетов, трудовиков (эсеров) и социал-демократов, В своем заключительном слове докладчик подробнее остановился на двух крупных течениях по аграрному вопросу в Российской социал-демократической рабочей партии - национализации и муниципализации. С просветленным сознанием в области аграрного вопроса, с чувством глубокого удовлетворения рабочие разошлись по домам” [24].
1(14) июля. “Эхо” сообщает о собрании в Нарвском районе: “Согласно воле всего собрания, председатель т. Ленин прочел специальный доклад по аграрному вопросу. Под конец собрания председателем предложена была резолюция, принятая всем собранием...” [25]

Реакция наступает в России все решительнее. Усиливаются репрессии. Даже верноподданническая I Государственная дума оказывается для правительства недостаточно удобной. Оно ее распускает. Закрываются большевистские газеты. Арестовываются один ответственный редактор за другим.
Ленин предлагает наладить издание центрального большевистского органа в безопасном месте. Наиболее удобен, по его мнению, Выборг. И, перебравшись туда, Ленин руководит подготовкой вышедшего 21 августа (3 сентября) 1906 года первого номера нелегальной газеты. Ее называют “Пролетарием”. Она становится как бы преемницей печатного органа, возглавлявшегося Владимиром Ильичем в Женеве.
“Самодержавию нанесен целый ряд ран, но оно еще не убито,- провозглашает передовая статья первого номера.- Самодержавие покрыто со всех сторон повязками и бинтами, но оно еще держится, оно еще скрипит и даже свирепеет тем более, чем сильнее истекает кровью. А революционные классы народа, с пролетариатом во главе их, пользуются каждым затишьем, чтобы накопить новые силы, чтобы нанести новый и новый удар врагу...” [26]
Передовая, как и четыре других материала первого номера “Пролетария”, принадлежит Владимиру Ильичу.
Вскоре он опять поселяется в Куоккале, на даче “Ваза”. И вновь она становится большевистским штабом, связанным со всей революционной Россией. Штабом, во главе которого стоит Ленин.
“Неуютная большая дача “Ваза”,- рассказывает Крупская,- давно уже служила пристанищем для революционеров... Ильичу отвели комнату в сторонке, где он строчил свои статьи и брошюры и куда к нему приезжали и цекисты, и пекисты, и приезжие из провинции. Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков” [27].
Никогда не запирается дверь дачи. А на ночь в столовой оставляют кринку молока и хлеб. На диване стелют постель. И если кто приезжает к Владимиру Ильичу с ночным поездом, он может, никого не разбудив, подкрепиться и лечь спать.
Каждый день у Ленина специальный человек из Питера с газетами и письмами. Просмотрев присланное, Владимир Ильич садится тотчас писать статью. И с этим же посланцем отправляет рукопись товарищам.
Ленин пишет об отношении большевиков ко II Государственной думе, которую вынуждено созвать правительство. В нынешней обстановке ее уже не следует бойкотировать. “Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: “если”) она будет созываться,- еще в августе 1906 года заявил Ленин.- Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе - посредством стачки, восстания и т. п.” [28]
Из Куоккалы Владимир Ильич решительно выступает против предложения меньшевиков о созыве так называемого “рабочего съезда”. Он настаивает: надо как можно скорее созвать очередной партийный съезд. И в одной из статей, написанных на даче “Ваза”, анализирует меньшевистский проект резолюции об отношении ко II Государственной думе. Разобрав пункт за пунктом, он доказывает, что “меньшевистская политическая мысль двигается вперед подобно раку”, [29] что у меньшевиков “совершенно не сходятся концы с концами”[30], что они следуют не пролетарской, а либеральной политике, стремятся через Думу укрепить в народе веру в законодательные реформы, ослабить веру в революционную борьбу.
Уже разосланы в партийные организации ленинские проекты резолюций будущего съезда. Красной нитью проходит через них мысль о борьбе за гегемонию пролетариата в революции. В качестве главной задачи выдвигается в них доведение до конца демократического переворота в России.
И вот приходит апрель 1907 года...
Ленин опять в пути. За окном вагона - Дания.
В Копенгагене должен состояться V съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Но оказывается, что под давлением царского правительства проводить съезд здесь запрещено.

Владимир Ильич снова в Лондоне. Идет по хорошо знакомым ему улицам рабочих кварталов, подыскивая место для съезда. Выходит к ничем не примечательному зданию церкви Братства. Оно похоже на десятки других таких же зданий британской столицы: потемневшие от копоти стены, узкие стрельчатые окна, почерневшая крыша с башенкой на переднем крае, подымающаяся острым углом к небу. Эта церковь принадлежит членам фабианского общества - английской реформистской организации. Они содержат ее на свои средства, устраивают здесь регулярные богослужения. Здесь-то и открывается съезд российских социал-демократов.
Один из центральных - вопрос об отношении к буржуазным партиям. Ведь в основе политических расхождений между большевиками и меньшевиками - различный подход к непролетарским партиям, различная оценка роли либеральной буржуазии и крестьянства в демократической революции.
- Необходимо со всей определенностью признать,- заявляет Ленин на съезде,- что либеральная буржуазия стала на контрреволюционный путь, и вести борьбу против нее. Только тогда политика рабочей партии станет самостоятельной и не на словах только революционной политикой. Только тогда мы будем систематически воздействовать и на мелкую буржуазию и на крестьянство, которые колеблются между либерализмом и революционной борьбой [31].
Не знает, конечно, Ленин, что в зале находится провокатор. Не знает, что, едва закрываются заседания, тот отправляет донесения в Париж, главе русской заграничной агентуры. А оттуда они немедленно пересылаются в департамент полиции. "...Ленин - самый блестящий оратор на съезде,- говорится в донесении.- Стоит он на крайней революционной точке зрения, говорит с необыкновенным жаром и захватывает даже своих противников. Он крайне резко разбил все доводы и оправдания меньшевиков и очень резко ответил Троцкому и центру за их метание от одной стороны к другой, за их шатания и их нерешительность и предлагал всем присоединиться к резолюции большевиков..." [32]
Возглавляемые Лениным большевики сплачивают на съезде делегации национальных партийных организаций - Социал-демократии Польши и Литвы и Латышского края, по основным вопросам - об отношении к буржуазным партиям, о Государственной думе, по отчету ее социал-демократической фракции, о "рабочем съезде", о профессиональных союзах - одобряется большевистская тактика. По всей России уже свирепствует террор. Заседают военно-полевые суды, карательные экспедиции расстреливают тысячи рабочих и крестьян. Места ссылки и каторги переполнены революционерами. Беспощадно преследуются массовые рабочие и крестьянские организации. Закрываются все демократические газеты. Редакторы многих из них подвергаются аресту или даже расстрелу.
Царское правительство перешло в наступление на революцию. Оно стремится задушить ее, запугать трудовой народ, ослабить его борьбу за свои интересы. На всю страну распространяется приказ: "Холостых залпов не давать и патронов не жалеть!" Принадлежит он Трепову - одному из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, как характеризует его Ленин.
Но революция отступает с боями. Несмотря на репрессии, революционная борьба продолжается. И по-прежнему идут в ее авангарде большевики. Жестоко преследуемая, живет и действует партия, во главе которой стоит Ленин.
На его поиски брошены опытнейшие агенты. Но им не удается установить, где скрывается после партийного съезда вождь большевиков. И на помощь призывают заграничную агентуру.
"Имею честь доложить вашему превосходительству,- сообщают вскоре из Парижа в департамент полиции,- что, по полученным из совершенно секретного источника сведениям, не подлежащим оглашению, Ленин живет в Финляндии по паспорту, выданному в Берлине на имя германского подданного, типографщика Эрвина Вейкова..." [33]
Едва это донесение приходит в Петербург, как из департамента полиции предписывают главе столичной охранки: "...сообщить все имеющиеся во вверенном вам отделении данные о Владимире Ильине Ульянове (Ленине) начальнику Петербургского губернского жандармского управления для возбуждения о нем формального дознания, причем генерал-

майору Клыкову надлежит, по привлечении Ульянова в качестве обвиняемого, возбудить вопрос о выдаче его из Финляндии...” [34]
Но чтобы “выдать его из Финляндии”, следует прежде найти Ленина. А он в это время живет близ маяка Стирсудден на берегу Финского залива. Владимир Ильич сообщает оттуда: “Дорогая мамочка!.. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье” [35].
Но по-своему понимает “безделье” Ленин. Предстоят выборы в III Государственную думу - выборы по избирательному закону от 3(16) июня 1907 года, коренным образом перераспределившему число выборщиков в пользу помещиков “крупной буржуазии. “Я против бойкота III Думы,- пишет Ленин,- и скоро, верно, выйдет у меня одна вещица по этому поводу, которую я только что кончил” [36]. “Одна вещица” - статья, в которой обоснован новый тактический план большевиков. В сложившейся политической обстановке, в период спада революции, доказывает Ленин, Партии следует принять активное участие в предвыборной кампании в III Государственную думу. Она должна провести своих представителей в это реакционное учреждение. И ее представителям надлежит использовать Думу в качестве всероссийской агитационной трибуны.
В департамент полиции сообщают из Териок о состоявшейся там конференции петербургской социал-демократической организации: “Последнее заседание было исключительно посвящено одному вопросу - об участии с.-д. партии в выборах в 3-ю Государственную думу... Лидер большевиков (Ленин)... как известно, явился в настоящее время горячим их поборником. В талантливой речи, которая явилась резюме произнесенного им на конференции доклада в защиту участия партии на выборах, оратор горячо и убедительно доказывал полную целесообразность новой своей тактической позиции.
Впечатление от речи на членов конференции было огромное...” [37]
Ленин по-прежнему неуловим. Но глава заграничной агентуры, кажется, напал на верный след. Он сообщает в Петербург: “...по полученным указаниям, известный Ленин, он же Ульянов, получает корреспонденцию по нижеследующему адресу: Finland, Terioki, Herrn Paavo Kakko, на внутреннем конверте: “Для Л[ени]на”...” [38]
Пааво Какко? Надо во что бы то ни стало отыскать его в Териоках. И, проследив за этим финном, взять наконец самого Ленина.
Финна, на имя которого пишут для Ленина, оказывается не так уж сложно отыскать. Это, сообщают из Финляндского жандармского отделения, “бывший полицейский служитель, известный финляндский агитатор”. Он “содержит в Териоках гостиницу для приезжающих “Товарищ”, где и скрываются все революционеры под вымышленными фамилиями”. Пааво Какко действительно получает корреспонденцию на имя Ленина. Но где укрывается Ленин, никто не знает. Выяснить это так и “не представилось возможным”. [39]
Между тем Ленин живет в Оглыбю, на небольшой станции около Гельсингфорса. Живет в домике у двух сестер-финок. Целыми днями, рассказывает Крупская, пишет он свою работу по аграрному вопросу, тщательно обдумывая опыт первой революции.
Однако уже по всей Финляндии ищут Ленина, и Центральный Комитет решает: ему надо опять уйти в эмиграцию. Отправиться туда, где можно продолжить издание “Пролетария”.
Примечания:
[1] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 27.
[2] Там же, с. 83.
[3] “Листовки петербургских большевиков”, т. 1, с. 280.
[4] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 29.
[5] Там же, с. 125.
[6] “Новая жизнь” № 28, 3 декабря 1905 г.
[7] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 119-120.
[8] Там же, с. 121.
[9] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 150.
[10] Там же, с. 151.
[11] Там же, с. 152-153.
[12] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 188.
[13] Там же.

[14] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 177-178.
[15] Там же, с. 182.
[16] Н К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 126.
[17] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 56.
[18] Н К Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 128.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, с 60
[20] Там же, с. 93-94.
[21] Там же, с. 104.
[22] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 194.
[23] “Вперед” № 6, 1 июня 1906 г.
[24] “Эхо” № 8, 30 июня 1906 г.
[25] “Эхо” № 9, 1 июля 1906 г.
[26] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, с. 332.
[27] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 131.
[28] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, с. 343.
[29] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 92.
[30] Там же, с. 95.
[31] Там же, с. 347-348.
[32] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 206.
[33] Там же, с. 207.
[34] Там же, с. 208.
[35] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55. с. 238
[36] Там же, с. 239.
[37] “Красный архив”. 1934, т. 1(62), с. 210.
[38] Там же, с. 211-212.
[39] Там же, с. 212.

"Наладить работу во что бы то ни стало"

Под именем доктора Фрея в декабре 1907 года Ленин прибывает в Стокгольм.
Еще два с лишним года назад, когда возвращался Владимир Ильич из эмиграции в Россию, впервые побывал он в шведской столице. Здесь в апреле следующего, 1906 года он участвовал в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП.
И вот вновь Ленин на шведской земле.
Та же проблема, что и семь лет назад, в начале первой эмиграции, встает перед Владимиром Ильичей: как будет он поддерживать связь с Россией? Где найти верного человека, на имя которого шла бы оттуда корреспонденция и который пересылал бы ее Ульяновым?
Владимир Ильич пишет одному из руководителей социал-демократической партии Швеции и сообщает о своей встрече с местным социал-демократом Бёрьессоном. Тот согласился на пересылку части корреспонденции. Но не может, к сожалению, обеспечить получение всех писем и пакетов. “...Поэтому я обращаюсь к Вам еще раз с просьбой подыскать для нас,- пишет Владимир Ильич,- еще одного члена партии, который мог бы еженедельно получать в Стокгольме посылки с письмами и книгами и пересылать дальше (в Финляндию и обратно в Женеву)” [40].
Владимир Ильич указывает свой адрес и делает к письму приписку: “Я приду к Вам в понедельник в 4 часа дня. Если для Вас это неудобно, позвоните, пожалуйста, по телефону в Отель Мальмстен” [41].
Здесь остановился Ленин, сюда заходит за ним каждый день студент Хуго Линдберг. С мистером Фреем он познакомился у руководителя левого крыла социал-демократической партии Швеции Хинке Бергегрена. Хуго знает: этот русский - один из вождей российской революции. Внимательно прислушивается юноша к его беседам с Хинке. А беседуют те о транспортировке нелегальной литературы, об аграрных делах в России.

Хуго Линдберг - гид Ленина по Стокгольму. Он знакомит его с достопримечательностями и историей шведской столицы. При нем Хинке Бергегрен поет Ленину песни известного скальда Микаела Беллмана. С Лениным идет он к матери Хинке, живущей у парка Хага. Но чаще всего Линдберг провожает русского революционера в Королевскую библиотеку. Владимир Ильич приходит сюда с утра. Садится в углу читального зала, у стеллажей со свежими немецкими, французскими, английскими, русскими газетами. Внимательно читает их. Затем выписывает груды книг. Это главным образом “социалистическая литература”. В России она строжайше запрещена. По соображениям конспирации Ленин подписывается в регистрационном журнале не настоящей своей фамилией, не своим основным псевдонимом. Он называется Джоном Фреем.
Владимир Ильич, дождавшись в Стокгольме Крупской, отправляется с ней дальше, в Женеву. Но по пути Ульяновы решают остановиться в Берлине. Они не знают, что им опасно появляться в этом городе, так как произошли там пренеприятнейшие события. Связаны они были с нашумевшей экспроприацией в Тифлисе денег, проведенной летом 1907 года Камо.
Не только в России - по всей Европе шел уже розыск причастных к экспроприации. И товарищ, встречающий Ленина и Крупскую на берлинском вокзале, сообщает:
- Накануне у русских были обыски, аресты. Идти к кому-нибудь на квартиру не следует.
Целый день бродят Ульяновы по городу. Переходят из кафе в кафе: здесь безопаснее встречаться с соотечественниками. Вечер проводят у Розы Люксембург. Вспоминают Международный социалистический конгресс в Штутгарте в августе 1907 года, где Ленин и Люксембург выступали по вопросу о войне и где их мысли, взгляды совпадали.
И снова Ульяновы в пути. Они пересекают Германию. Мелькают за окном вагона знакомые виды Швейцарии. Вот наконец Женева. Здесь завершилась первая эмиграция Ленина. Здесь суждено ему начать ее вторично.
“Сегодня прикатили мы с Н. К. в Женеву,- пишет Владимир Ильич 7 января 1908 года в Вену. - Еще не решили окончательно, где устроиться... Мы производим разведки в других местах.
Но надо выяснить вполне положение и здесь” [42]. В неприглядном виде предстает на этот раз перед Ульяновыми Женева. Дует холодный резкий ветер. Около решеток набережной Женевского озера замерзла вода. Город выглядит мертвым, пустынным.
- У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал,- с грустью говорит Ленин.
У него важное поручение Большевистского центра: насадить за границей издание газеты “Пролетарий”, официально называвшейся органом Московского, Петербургского, Московского окружного, Пермского, Курского и Казанского комитетов, а фактически являвшейся центральным органом большевиков. Более года нелегально набирался в Выборге, а печатался в Петербурге редактируемый Лениным “Пролетарий”. Теперь же, когда над редакцией газеты нависла угроза провала, продолжать ее выпуск можно только за пределами России.
Ульяновы останавливаются у армянского большевика, секретаря журнала “Радуга” М. Ходжамиряна. Но через несколько дней уже снимают комнату в доме № 17 по улице де-Де-Пон- холодную, неуютную. А настроение неважное. Друзей-единомышленников в городе еще мало, приедут они попозже.
“...Мы каждый день,- вспоминает Крупская,- ходили то в кино, то в театр, хотя редко досиживали до конца, а уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру” [43].
Зовет, правда, к себе живущий на острове Капри Максим Горький. Еще в Лондоне, встретившись с ним на партийном съезде, Ленин обещал приехать.
“Дорогой Ал. М.!-пишет он Горькому 9 января 1908 года.- На днях приехал я сюда с женой. Оба в дороге простудились. Здесь устраиваемся кое-как, пока временно и поэтому все плохо. Очень обрадовало меня Ваше письмо: действительно, важно было бы закатиться на Капри! Непременно как-нибудь улучу время, чтобы съездить к Вам. Но теперь, к сожалению, невозможно” [44]. Ленин сообщает о партийном поручении - наладить издание большевистской газеты - и замечает при этом: “...надо спешить и возни с новым устройством масса” [45].

Пишет Ленин Горькому и неделю спустя: "...теперь нельзя не заняться "Пролетарием" и надо поставить его, наладить работу во что бы то ни стало. Это возьмет месяц-другой, minimum. А сделать это необходимо" [46].
Все еще не решено, где издавать "Пролетарий". В Женеве или в другом месте? "Наводим пока справки,- сообщает Владимир Ильич А. Луначарскому,- но я-то лично думаю, что Женева и Лондон - единственные места, где свободно. А Лондон дорог... Мы на Вас непременно рассчитываем и для сотрудничества в "Пролетарии" и для рефератов. Не правда ли?" [47]
Ленин признается Луначарскому:
- Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву, да ничего не поделаешь!
С каждым днем он все более погружается в дела. С удивлением узнает, что от прежних времен сохранилась в Женеве наборная машина. Это сократит расходы. В большевистской библиотеке сберегли, оказывается, шрифт и тонкую бумагу. Появляется и прежний наборщик, набиравший здесь газету "Вперед". Это превосходно. Надо наладить транспорт для "Пролетария". Возродить старые связи. Следует использовать, конечно, и пребывание на Капри Горького. Ведь с ним - его жена Мария Федоровна Андреева. А она еще раньше укрывала в своей квартире Баумана, переправляла нелегальную литературу, снабжала документами подпольщиков, собирала средства на нужды партии, стала финансовым агентом Центрального Комитета. И Ленин, по его собственным словам, дает ей "кучу поручений". Связаны они с организацией транспортировки "Пролетария" из итальянских портов в Одессу:
"1) Найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.
2) Узнать от него, откуда и куда ходят пароходы; как часто. Чтобы непременно устроил нам перевозку еженедельно. Сколько это будет стоить? Человека должен найти нам аккуратного... Необходим ли им адрес в России (скажем, в Одессе) для доставки газеты или они могли бы временно держать небольшие количества у какого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас крайне важно...
С этим делом надо спешить: как раз через 2-3 недели надеемся выпустить здесь "Пролетарий" и отправить его надо немедленно" [48].
Итак, решено: газета будет выходить в Женеве. С упорством и энергией Ленин берется за работу. "Мы устраиваемся здесь понемногу и устроимся, конечно, не хуже прежнего - сообщает Владимир Ильич матери в Петербург.- Неприятен был только самый момент переезда, как переход от лучшего к худшему. Но это было неизбежно" [49]. Ленин подбирает себе помощников, договаривается о сотрудничестве в газете. Он сообщает Луначарскому: "Мы рассчитываем на Вас для "Пролетария" 1) на итальянские корреспонденции дважды (примерно) в месяц 8-12 тысяч букв. Первую - недели через три. 2) На политические фельетоны от времени до времени" [50].
Пишет и Максиму Горькому: "Если у Вас не лежит душа к небольшим, коротким, периодическим (недельным, двухнедельным) статьям, если лучше чувствуете себя за большой работой,- уж, конечно, я не посоветую прерывать ее. Она больше пользы принесет!
Но если есть охота и к совместной работе в политической газете,- почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали "Заметками о мещанстве" в "Новой Жизни" и начали, по-моему, хорошо?" [51]. Встретившись с Адоратским, Владимир Ильич поручает ему написать для газеты воспоминания о революции 1905 года, боевых дружинах, организации восстания. В первые дни новой эмиграции особенно остро ощущается, что нет нужных для работы литературных материалов, Книжных новинок, газет. Живя в Петербурге и вблизи от него, Ленин имел возможность читать то, что выходило в России. А где взять это здесь? И он пересылает родным списки изданных недавно, но отсутствующих в Женеве книг. Просит, в частности, сестру раздобыть стенографические отчеты III Думы, вносимые в нее запросы, заявления, законопроекты... "Достать это можно,- поясняет он,- только через личные связи. Похлопочи, пожалуйста, чтобы кто-нибудь согласился давать мне это, и высылай все, без пропусков" [52].
Но не только материалы Думы необходимы Владимиру Ильичу. Он поручает сестре покупать тотчас же после выхода и высылать ему все выходящие еще в России

профессиональные журналы, все то, что издают меньшевики. И вскоре приходит письмо от сестры. Она пересылает в Женеву статью из петербургской кадетской газеты “Речь” - эта статья может заинтересовать брата. “За последнюю очень, очень большое спасибо: чрезвычайно интересная действительно статейка!” [53] - сразу же откликается он. Сообщает, что из профессиональных журналов получил уже бакинский “Гудок” и петербургское “Текстильное дело”. Просит и впредь “посылать все подобные журналы” [54].
Спустя неделю Владимир Ильич получает протоколы III Думы - те самые, которые запрашивал у сестры. “Чрезвычайно усиленно прошу,- пишет он ей 14 февраля,- высылать и дальше и притом почаще и притом вместе с законопроектами и запросами” [55].
Уже накопился новый длинный перечень литературы, которая необходима в работе и которую можно получить только из России. Владимир Ильич пересылает этот список сестре и поручает ей также “раздобыть программы, анонсы и листки октябристов, правых, казачьей группы и т. д., если есть какая-нибудь думская связь” [56].
В эти первые дни пребывания Владимира Ильича в Женеве разыгрывается еще один акт уже знакомой читателю истории с экспроприированными деньгами. Их трудно было использовать, так как они были в пятисотках. Разменять же деньги в самой России не представлялось возможным: в русских банках лежал перечень всех взятых в Тифлисе купюр. Группа товарищей попыталась сделать это за границей. Причем одновременно в нескольких городах.
Операцию провалил провокатор. Вся европейская печать сообщала об арестах в Париже, Мюнхене, Стокгольме. Докатилась эта волна и до Швейцарии, считавшейся наиболее надежным убежищем для политических эмигрантов. Живущий в Женеве Н. Семашко - русский врач, познавший уже за революционную деятельность российские казематы,- получает письмо. Пишет заподозренная в причастности к тифлисской экспроприации и арестованная в Мюнхене русская революционерка. Она предупреждает товарищей о грозящей им опасности. Но письмо перехватывает полиция. И Семашко тотчас же оказывается в общей с уголовниками тюремной камере.
Ленину сообщают, что российское правительство, найдя благовидный повод для расправы с Семашко, требует его выдачи. Швейцарские власти могут на это пойти. И тогда исход один - виселица. “...Получаю с воли три мандарина, - вспомнит потом Семашко.- Это меня страшно раздосадовало: не нашли ничего лучшего послать! Я очень отощал от тюремных “супов” и “кофе”. Прислали бы хлеба, колбасы! И каково же было мое изумление, когда из разломленного мною мандарина выпала маленькая вощеная бумажка: мандарины в том месте, где они прикрепляются к веточке дерева, имеют корочку, а внутри дупло. Корочку легко отколупнуть, в дупло заложить записочку и затем опять прикрепить корочку на место. Раскручиваю записочку и читаю: Не робей, приехал Ленин и занялся твоим делом” [57]. Владимир Ильич обращается к швейцарским социал-демократам. Но те не склонны помочь русскому большевику. Отворачиваются от Семашко и меньшевики. Занятая ими позиция, их стремление дискредитировать большевиков в странах Европы, не сомневается Ленин, на руку царским властям. И это действительно так.
Аксельрод в письме Плеханову предлагает откреститься от арестованных социал-демократов, выступить в печати с письмом против большевиков. А Ленин предпринимает в эти дни решительные действия. Он обращается за помощью в Международное социалистическое бюро. Пишет в “Бернер Гагвахт”: как представитель в этом бюро русской социал-демократии Владимир Ильич подтверждает, что с февраля 1907 года Семашко непрерывно проживал в Женеве, что в тифлисской экспроприации он участвовать не мог. Для защиты Семашко Ленин приглашает одного из виднейших швейцарских адвокатов - кандидата в президенты республики. И выходит победителем из этой схватки с царскими властями.
“Когда вечером я вышел из тюрьмы, - расскажет Семашко,- то узнал, что идет заседание нашей большевистской партийной группы. Я отправился на заседание, и первые аплодисменты, которыми я был встречен, были аплодисменты Владимира Ильича” [58].
Примечания:
[40] В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 117.
[41] Там же.

[42] Там же, с. 118.
[43] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 153.
[44] В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с, 119-120.
[45] Там же, с. 120.
[46] Там же, с. 123.
[47] Там же, с. 121.
[48] Там же, с. 124.
[49] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 55, с. 244.
[50] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 47, с. 123.
[51] Там же. с. 133-134.
[52] В.И. Ленин Полн. собр. соч., т.55, с 242.
[53] Там же, с. 245.
[54] Там же, с. 246.
[55] Там же, с. 247.
[56] Там же, с. 248.
[57] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине; т. 2 с. 272
[58] Там же, с. 273.

"Бой абсолютно неизбежен"

В эти первые месяцы второй эмиграции Ленин много думает о задачах партии в новых, адски трудных, по его выражению, условиях. Да, в России свирепствует реакция. Да, вся тяжесть политических репрессий царизма обрушилась на пролетариат. Но Ленин уверен в "необходимости систематической борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, нытьем и проч." [59]

В Женеву приходят вести о том, что после поражения революции, отрекаясь от ее лозунгов, из партии в панике бегут полупролетарские элементы, полумещанская интеллигенция. Причем процесс "таяния" продолжается по мере дальнейшего наступления реакции. Вливаются же в нее новые силы, усиливается роль передовых рабочих. Вот это-то чудесно, отмечает с удовлетворением Владимир Ильич, считающий, что должна быть сохранена нелегальная организация.

Из Петербурга сообщают о межрайонном собрании рабочих-большевиков. На нем принято решение: создать кружок высшего типа, в котором получали бы теоретическую подготовку пролетарии, способные стать партийными работниками. Ленину пересылают и резолюцию состоявшегося в феврале заседания вновь избранного Петербургского комитета. Главной задачей в данный момент тот считает организацию отпора капиталистам. Петербургский комитет заявляет, что и на нынешней стадии борьбы руководящая роль должна принадлежать социал-демократам.

В эти дни, когда из российской столицы в Женеву уходит резолюция питерских большевиков, Владимир Ильич пишет Горькому: "Я убежден, что партии нужен теперь правильно выходящий политический орган, выдержанно и сильно ведущий линию борьбы с распадом и унынием,- партийный орган, политическая газета. Многие россияне не верят в заграничный орган. Но это ошибка... Трудно его наладить, поставить, оживить,- слов нет. Но это надо сделать, и это будет сделано" [60].

Владимир Ильич отправляет письмо 7 февраля 1908 года. И девятнадцать дней спустя он уже держит в руках свежий оттиск "Пролетария" - очередной, двадцать первый номер нелегальной газеты, вышедший уже здесь, в Женеве. Она предупреждает, что с конспиративными запросами и сообщениями следует обращаться исключительно в редакцию, и притом непосредственно, письменно же - в закрытых конвертах. "Настойчиво предлагаем не упускать из виду сделанные указания,- предостерегает "Пролетарий",- ибо по всем данным видно, что русское шпионство за границей развито чрезвычайно" [61].

Среди мрака реакции, шатаний и распада со страниц "Пролетария" доносится в Россию уверенный голос Ленина: "Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром

прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не ^влечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе" [62].
Восемь страниц, отпечатанных на тонкой бумаге, содержат материалы о революционном движении в Петербурге и Москве, на Урале и в Латвии, Севастополе, Харькове, Екатеринославе... "Пролетарий" сообщает и о том, как борются в новых условиях российские социал-демократы, как возрождаются разгромленные полицией организации, как налаживается в России издание нелегальной литературы. С каждым днем все более укрепляются конспиративные связи Владимира Ильича с Россией. Все больше писем приходит теперь оттуда в Женеву. Доставляют их и кружными путями. "Посылаю Вам бумажку местного издания, для Ильича будет небезынтересно ее видеть, перешлите ему, - просит живущего в Берлине доктора Любека сосланный в Тобольскую губернию социал-демократ. - Интересно Выло бы изложить с Ильичей или с Ильичами кое-какие планы относительно работы в безвременье и застой" [63]. Приложенная ссыльным к письму для Ленина "бумажка местного издания" - это листовка РСДРП "Катастрофа в Рыковской шахте".
Приходит письмо о положении дел в петербургской организации. Ленин публикует его в двадцать втором номере "Пролетария" - втором изданном в Женеве. Автор сообщает, что в столичной организации все теперь в руках рабочих, что именно они несут ныне на себе всю тяжесть партийной работы, что влияние социал-демократов на массы безусловно растет. Сообщают из Петербурга о проходивших при закрытых дверях заседаниях верховного суда. Владимир Ильич помещает об этом в "Пролетарии" обширную корреспонденцию. Она рассказывает о суде в российской столице над социал-демократической фракцией II Государственной думы, о том, как осуждены были депутаты на каторжные работы "царскими судьями в отместку за то, что пролетариат России облек их своим доверием, поставив их на ответственный пост выразителей его воли" [64].
Первые женевские номера "Пролетария" с этими сообщениями из России выходят в то время, когда ревизионисты предпринимают попытки пересмотра самих основ марксизма, когда возникают философские течения, направленные против материалистического мировоззрения, осмеивающие революционное движение, призывающие к отходу от политики, прославляющие религиозную мистику.
Во главе нового философского течения, проповедующего богоискательство, богостроительство, стоит А. Богданов. С его сочинениями Ленин начал знакомиться еще в сибирской ссылке. Там прочел он книгу Богданова "Основные элементы исторического взгляда на природу". В тогдашней позиции Богданова были истоки его сложившейся в дальнейшем антимарксистской философской концепции. Четыре года спустя Ленин впервые встретился с ним. И тот подарил ему свой только что вышедший труд "Эмпириомонизм". Так Богданов назвал свою доктрину. Это разновидность эмпириокритицизма, проповедники которого, как докажет вскоре Ленин, запутались в коренных вопросах мировоззрения и теории познания, отрицали объективное существование материального мира, объективный характер законов развития природы и общества. Сторонники эмпириокритицизма утверждали, что исходят из "опыта", им его "критической" оценки, понимая, однако, "опыт" кап сумму ощущений или внутренних переживаний субъекта
Познакомившись с "Эмпириомонизмом", Ленин написал тогда Богданову в Париж и откровенно заявил, что тот "своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов" [65]. Но летом и осенью 1904 года, в период назревания революционной ситуации, Ленин и Богданов заключили, по словам Владимира Ильича, "молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок" [66], и этот блок просуществовал все время революции. Однако летом 1906 года Ленин получил от Богданова третий выпуск его работы. "Прочитав,- вспоминает сейчас Ленин,- озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда "объяснение в любви", письмецо о философии в размере трех тетрадок... Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том

числе) и подумывал было напечатать под заглавием: “Заметки рядового марксиста о философии”, но не собрался” [67]. А в эти февральские дни 1908 года приходит в Женеву новая книга - “Очерки философии марксизма”. Сборник только что выпущен петербургским издательством. В нем несколько статей. И все возмущают Ленина. “Нет, это не марксизм...- заявляет он.- Уверять читателя, что “вера” в реальность внешнего мира есть “мистика” (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедовать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм),- учить рабочих “религиозному атеизму” и “обожанию” высших человеческих потенций (Луначарский),- объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман),- черпать из вонючего источника каких-то французских “позитивистов” - агностиков или метафизиков, черт их поберет, с “символической теорией познания” (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные,- иронизирует Ленин,- но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносить как философию марксизма! В себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей” [68]. Как жалеет Владимир Ильич, что не опубликовал в свое время три тетрадки, содержавшие критику философских взглядов Богданова! Он пишет родным в Россию, просит разыскать и прислать ему эти тетрадки. Но ни сейчас, ни позднее их уже не обнаружить.

Ленин пишет письмо Горькому, который и сам в эту пору оказался под сильным влиянием “богостроительства” и махизма. Ленин убежден в настоятельной необходимости разоблачения реакционной сущности новейших разновидностей идеализма. “Некую драку между беками по вопросу о философии,- заявляет он,- я считаю теперь совершенно неизбежной” [69]. Но Ленин не хочет допустить нового раскола в партии, предостерегает от “обострения конфликта”. Он стремится к тому, чтобы философские споры не мешали “делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии”, чтобы они не ослабляли “насущного, практически и политически необходимого дела революционных с.-д. в России” [70].

То, что узнает из письма Горький, побуждает его еще настойчивее звать к себе Владимира Ильича. Как жаждет он примирить дорогих ему людей, примирить Богданова и Луначарского с Лениным! “Сюда, на Капри,- сообщает Горький И. Ладыжникову, руководителю книгоиздательства, созданного в Берлине по заданию Центрального Комитета РСДРП,- приедет Луначарский, зовем Ильича и Богданова, думаю, что к весне все съедутся...” [71] Пишет Горький и Луначарскому: “В деле завлечения Ильича на Капри Вы должны помочь мне...” [72]

Не знает еще Ленин о надеждах, возлагаемых на его приезд Горьким. И не потому оттягивается его поездка на Капри. Просто не так-то легко вырваться ему из Женевы. “Ехать к Вам мы хотели сегодня,- сообщает он Горькому 25 февраля,- но оказалось, что пришлось отложить не менее как на неделю, а может быть на две - на три” [73]. Пишет на Капри и в первой половине марта: “Поездка наша все оттягивается: сейчас главное препятствие - отсутствие вестей из Брюсселя. Мне написали оттуда друзья, что ждут туда меня на заседание Бюро (Международного социалистического). Я запросил секретаря, когда же ехать (ибо мне-де надо в Италию). Ответа все нет. А Брюсселя пропустить нельзя” [74].

Но вот приходит наконец ответ из Брюсселя. Оказывается, что сейчас Ленину ехать туда не надо. И тем не менее он вынужден вновь отложить поездку на Капри. “Досадно, что не удается поехать к Вам...- гласит его очередное письмо к Горькому.- Нет денег, нет времени, нельзя бросить газету” [75].

Владимир Ильич работает над статьей “Марксизм и ревизионизм”. Предназначается она для сборника, посвященного двадцатипятилетию со дня смерти Карла Маркса. Выйдет же сборник в России. И подпишет поэтому Владимир Ильич статью одним из своих давних псевдонимов - Вл. Ильин.

“Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы,- так начинается эта статья, направленная против оппортунизма и ревизионизма на международной арене.- Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую

бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную - в силу экономического развития - замену современного строя новыми порядками, Неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути" [76].
Владимир Ильич пишет, что распространение марксизма в рабочем классе вызывает усиление нападок на марксизм со стороны всех враждебных ему теорий. Он обращает внимание на опасные формы борьбы, применяемые ревизионистами, пытающимися под видом поправок и пересмотра учения Маркса подорвать его изнутри. Он раскрывает суть ревизионистских воззрений, показывает, что это - повторение обветшалых, устаревших догм буржуазной идеологии, одна из ее разновидностей.
Ленин заявляет: "То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками К. Марксу,- то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,- это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, "концентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу" [77]. Ленин уверен, что идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце минувшего века только лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, который, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства, идет вперед, к полной победе своего дела.
Обращая внимание на "глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам" [78], Ленин ссылается в своей статье на "Очерки философии марксизма" Богданова, Базарова и других. Здесь, отмечает он, не место разбирать данную книгу. Но в ближайшем будущем в ряде статей или в специальной брошюре он покажет, что все сказанное им сейчас про неокантианских ревизионистов относится и к "новым" ревизионистам, стоящим на позициях идеализма Юма и Беркли.
Владимир Ильич сообщает Горькому об этом. Сообщает о своем намерении впервые подвергнуть в печати критике философские взгляды Богданова, Базарова и других. Но Горький отговаривает его от публичного выступления. "Вы должны понять и поймете, конечно,- пишет в связи с этим Владимир Ильич Горькому,- что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее" [79]. Ленин категорически заявляет: "Бой абсолютно неизбежен. И партийные люди должны направить свои усилия не на то, чтобы замазывать или откладывать или увертываться, а на то, чтобы практически необходимая партийная работа не страдала" [80].
Целые дни проводит Ленин в женевских библиотеках. Он знакомится с работами австрийского физика и философа, одного из основателей эмпириокритицизма Эрнста Маха, читает "распроклятых махистов" [81]. "...У меня дороги разошлись (и, должно быть, надолго) с проповедниками "соединения научного социализма с религией" да и со всеми махистами" [82],- пишет Ленин. И, узнав о намерении Горького свести его на Капри с Богдановым и другими, решительно заявляет: "Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я не могу и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо... Я уже послал в печать самое что ни на есть формальное объявление войны. Дипломатии здесь уже нет места..." [83]
Это "формальное объявление войны" - в отправленной Лениным в Петербург статье "Марксизм и ревизионизм". Он уже работает над "особой брошюрой", в которой намерен ответить на все коренные философские вопросы, поставленные развитием науки и общественной жизни, отстоять марксистскую философию, развить и обосновать принципы партийности философии, дать развернутую критику буржуазной идеологии и философского ревизионизма.

Но дискутировать до выхода книги? Нет, это уже ни к чему. "...Я бы мог приехать (не знаю, найду ли денег: как раз теперь затруднения),- пишет Ленин Горькому,- но повторяю: только под условием, что о философии и о религии я не говорю" [84].

Он озабочен тем, чтобы его правильно поняли, чтобы не было кривотолков, чтобы не были сделаны неправильные выводы:

"Мы свое фракционное дело должны вести по-прежнему дружно: в той политике, которую мы вели и провели за время революции, никто из нас не раскаивался. Значит, наш долг отстаивать и отстоять ее перед партией. Это сделать мы можем только все вместе и должны это сделать в "Пролетарии" и во всей партийной работе" [85]. Только на таких условиях, уступая, по словам Крупской, настояниям Горького, согласен Владимир Ильич ехать к нему.

И в конце апреля 1908 года он отправляется на Капри.

Примечания:

[59] В.И. Ленин Полн. собр. соч., т. 47, с. 133.
[60] Там же.
[61] "Пролетарий" № 21, 13 (26) февраля 1908 г.
[62] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, с. 420.
[63] См. Э. Хазиахметов. Ленин и ссыльные большевики Сибири. Новосибирск, 1971, с. 49.
[64] "Пролетарий" № 23, 27 февраля (11 марта) 1908 г.
[65] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 141.
[66] Там же, с. 142.
[67] Там же.
[68] Там же, с. 142 - 143.
[69] Там же, с. 144.
[70] Там же, с. 145.
[71] "В. И. Ленин и А. М. Горький". Изд. третье, дополненное. М., 1969, с. 273.
[72] Там же, с. 272.
[73] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 145.
[74] Там же, с. 147.
[75] Там же, с. 148.
[76] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.
[77] Там же, с. 25-26.
[78] Там же, с. 20.
[79] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 151.
[80] Там же.
[81] Там же, с. 154.
[82] Там же, с. 155.
[83] Там же.
[84] Там же, с. 156.
[85] Там же.

У Горького на Капри

Уже два года живет Максим Горький на Капри. Здесь со здоровьем стало получше. Ему нравится южная природа. Он много работает. И хоть не так легко сюда добраться - надо преодолеть расстояние до Неаполя и пролив, отделяющий Капри,- все же приезжают на остров интересные люди - и русские, и нерусские.

Но сегодня Горький ждет гостя особенного - Ленина. И волнуется, как мальчик, отмечает жена писателя. Ему страстно хочется, чтобы Ленину у него понравилось, чтобы он отдохнул, набрался сил.

Вилла "Блезус ди Мария" - за невысоким забором и дикого камня. В домике пять комнат. Владимиру Ильичу отводят ту, которая выходит окнами на море и рядом с кабинетом Горького.

Тот встречает гостя на пристани. Они тепло здороваются. Но Ленин сразу же предупреждает:
- Я знаю, вы, Алексей Максимович, все-таки надеетесь на возможность моего примирения с махистами, хотя я вас предупреждал в письме: это невозможно. Так уж вы не делайте никаких попыток...
"По дороге на квартиру ко мне и там,- вспомнит Горький,- я пробовал объяснить ему, что он не совсем прав: меня не было и нет намерения примирять философские распри, кстати - не очень понятные мне. К тому же я, от юности, заражен недоверием ко всякой философии, а причиной этого недоверия служило и служит разноречие философии с моим личным, "субъективным" опытом: для меня мир только что начинался, "становился", а философия шлепала его по голове и совершенно неуместно, несвоевременно спрашивала:
"Куда идешь? Зачем идешь? Почему - думаешь?"
Некоторые же философы просто и строго командовали
Кроме того, я уже знал, что философия, как женщина, может быть очень некрасивой, даже уродливой, но одета настолько ловко и убедительно, что ее можно принять за красавицу" [86].
Выслушав все это, Владимир Ильич смеется.
- Ну, это юмористика,- говорит он.- А что мир только начинается, становится - хорошо! Над этим вы подумайте серьезно, отсюда вы придете, куда вам давно следует прийти.
Горький упоминает Богданова, Луначарского, Базарова.
- В моих глазах,- заявляет он,- это крупные люди, отлично, всесторонне образованные.
- Допустим,- соглашается Ленин.- Ну и что же отсюда следует?
- В конце концов, я считаю их людьми одной цели, а единство цели, понятое и осознанное глубоко, должно бы стереть, уничтожить философические противоречия...
- Значит, все-таки надежда на примирение жива? Это зря,- сожалеет Ленин.- Гоните ее прочь, и как можно дальше, дружески советую вам! Плеханов тоже, по-вашему, человек одной цели, а вот я - между нами - думаю, что он совсем другой цели, хотя и материалист, а не метафизик.
"...Я увидел пред собой Владимира Ильича Ленина,- пишет Горький,- еще более твердым, непреклонным, чем он был на Лондонском съезде. Но там он волновался, и были моменты, когда ясно чувствовалось, что раскол в партии заставляет переживать его очень тяжелые минуты" [87].
В Лондоне, на V съезде РСДРП, слушая Ленина, с изумлением убедился Горький в том, что и о сложнейших вопросах политики можно, оказывается, говорить просто. Владимир Ильич не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово как на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл.
"Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх,- расскажет Горький позже о своей встрече на съезде с Владимиром Ильичей,- ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией,- все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре - точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были - их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке...
Незаметно было, что враждебные выпады волнуют его, говорил он горячо, но веско, спокойно; через несколько дней и я узнал, чего стоило ему это внешнее спокойствие" [88].
А сейчас, на Капри?
"Здесь,- свидетельствует Горький,- он был настроем спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно" [89].
Живушие у Горького на вилле Богданов, Базаров, Луначарский делают попытки найти пути к соглашению с Лениным. Но он уклоняется от разговоров на философские темы из-за полной бесполезности какой-либо дискуссии. И все же не говорить о философии и религии не удается.
"...Объявил всем этим 3-м товарищам,- пишет Владимир Ильич позднее,- о безусловном расхождении с ними по философии (причем, я предложил им тогда употребить общие

средства и силы на большевистскую историю революции, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции, но каприйцы отвергли мое предложение, пожелав заняться не общебольшевистским делом, а пропагандой своих, особых философских взглядов)" [90].
Как-то, сидя с Лениным на террасе, Богданов выслушивает его весьма резкую отповедь:
- Шопенгауэр говорит: "Кто ясно мыслит, ясно излагает"; я думаю, что лучше этого он ничего не сказал. Вы товарищ Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, почему махизм революционнее марксизма?
Богданов пробует объяснить. Но он действительно говорит неясно, многословно.
- Бросьте,- советует Владимир Ильич.- Кто-то, кажется Жорес, сказал: "Лучше говорить правду, чем быть министром"; я бы прибавил: и махистом.
Нет, эти вынужденные тягостные споры с махистами ни к чему хорошему, разумеется, не приведут. Надо быстро писать книгу, которая, как любит он говорить, у него уже ".. в чернильнице. А здесь, на Капри, лучше засесть за шахматы.
Часто после полудня, узнаем от гастролирующего в Неаполе и приезжающего к Горькому болгарского певца Петра Райчева, все собираются на большой террасе. Подают кофе. И разгораются горячие споры.
Владимир Ильич говорит мало, но его мысль отличается замечательной ясностью. "Он был остроумен,- вспомнит Райчев,- любил шутить, обладал особенным чувством юмора. Даже когда говорил серьезно, вкладывал в слова тонкий, иногда колкий юмор. Должен признаться, что не встречал в своей жизни другого человека с такой огромной эрудицией. Она позволяла ему говорить по всем вопросам как большому специалисту, и я много раз был свидетелем, как беспомощно "проваливались" его собеседники" [91].
Во время одного из вечерних споров Владимир Ильич говорит:
- Помните: европейская война неизбежна.
Шесть с лишним лет спустя, осенью 1914 года, он определит, что реальным содержанием уже развязанной войны является "борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии..." [92].
А пока гости Горького провожают солнце, встречают звезды. Терраса купается в волшебном свете южной ночи. И никто не думает о сне. Владимир Ильич предлагает:
- Давайте вспомним о родине.
Воспоминания бьют ключом. Каждый рассказывает что-нибудь о родном доме, о своем народе.
Для Петра Райчева делается исключение.
- Вы нам не рассказывайте ничего,- говорит Ленин,- лучше спойте несколько русских романсов и болгарских песен. Таким образом вспомним и о вашей и о нашей родине.
Уже за полночь. Райчев поет "Песнь в изгнании" Ипполитова-Иванова. Ему кажется, что Ленин, играющий в это время в шахматы, не слушает его. Но он глубоко ошибается. Райчев кончает "Песнь" словами: "Плачет и стонет в рабстве томимый великий народ". Владимир Ильич встает, подходит к певцу, берет его за руки, восклицает:
- Вот это песня! Благодарю, от всей души благодарю! - И с чувством повторяет: - Плачет и стонет в рабстве томимый великий народ!
"Потом,- вспомнит Райчев,- сел на свое место и продолжил игру. Все смолкли.
Было поздно. Гасли огни далекого Неаполя. Сорренто, Костелльаммаре и зловещий силуэт Везувия пропали в золотисто-синем сумраке. Начинался рассвет.
- Спокойной ночи! - проговорил Горький.
- Пора,- добавил Ленин.- Доброго дня! Легкой работы!
Работа?
Да, Ленин уходил работать. Свет за окнами его комнаты горел и глубокой ночью" [93].
В один из таких вечеров, когда все уходят гулять, на террасе задерживаются Ленин и Горький с женой. Невесело, с глубоким сожалением Владимир Ильич говорит:
- Умные, талантливые люди, немало сделали для партии, могли бы сделать в десять раз больше,- а не пойдут они с нами! Не могут. И десятки, сотни таких людей ломает, уродует преступный строй.

Это - об идеологах эмпириокритицизма Богданове и Базарове, окончательно порвавших с марксизмом.
И сейчас, и в другой раз Владимир Ильич отделяет от них Луначарского.
- Он менее индивидуалист, чем те двое,- говорит Ленин.- На редкость богато одаренная натура. Я к нему “питаю слабость” - черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск!..
Ленин охотно выходит на лодке в море, нередко с Горьким. С ними рыбаки-каприйцы, жена писателя. Горький рассказывает Ленину о своем родном городе Нижнем Новгороде, о Волге, о детстве, юности и скитаниях, бабушке Акулине Ивановне, отце, дедушке...
Ленин слушает с огромным вниманием. И советует:
- Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это...
Иногда они покидают Капри. Горький с увлечением показывает Владимиру Ильичу Помпею, Неаполитанский музей, где он знает каждый уголок. Они вместе ездят на Везувий и по окрестностям Неаполя.
Неисчерпаем у Ленина интерес ко всему на Капри. Подробно расспрашивает о жизни местных рыбаков, их за работках, влиянии духовенства, о школе.
Ему говорят:
- Вот этот поп - сын бедного крестьянина.
И он тотчас же просит, чтобы ему собрали сведения: как часто отдают крестьяне своих детей в семинарии, возвращаются ли те служить попами в свои деревни?
- Вы понимаете? Если это не случайное явление, значит, это политика Ватикана. Хитрая политика! - восклицает Владимир Ильич.
Горький свидетельствует:
“Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина и не мало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех - “задушевный” смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью “простых сердцем””[94].
Старый рыбак Джиованни Спадаро говорит о нем:
- Так смеяться может только честный человек. А с рыбаками у Ленина особые отношения. Они прозвали его “синьор Дринь-Дринь”.
- В чем причина такой интимности? - спрашивают его.
Ленин улыбается:
- Итальянская выдумка!
Но потом объясняет своему спутнику происхождение
“Дринь-Дриня”:
- Однажды итальянский рыбак изъявил желание научить меня ловить рыбу “с пальца” - леской без удилища. Я попробовал и, представьте себе, поймал большую рыбу. Обрадовавшись своей удаче, я громко крикнул: “Дринь-дринь!” И нажил себе беду. Все на Капри теперь называют меня “синьор Дринь-Дринь”. Но вы думаете, что это меня огорчает? О, напротив, это доставляет мне удовольствие-Владимир Ильич бродит по узким улочкам Капри. Подымается по древней дороге. Восхищается волшебным закатом солнца, очертанием сказочного острова. Поет и смеется с детьми, которые уже успели полюбить синьора Дринь-Дринь.
Примечания:
[86] М. Горький. Литературные портреты. М., 1967, с. 21.
[87] Там же, с. 22.
[88] Там же, с. 16 - 17.
[89] Там же, с. 22.
[90] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 198.
[91] “О Ленине. Воспоминания зарубежных современников”. Изд. 2. М., 1966, с. 100-101.
[92] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 1.
[93] “О Ленине. Воспоминания зарубежных современников”, с. 101 - 102.
[94] М. Горький. Литературные портреты, с. 23.

На прямую дорогу

Усиление реакции, ее временное торжество при классовой борьбе, заявляет Ленин, не могло не сопровождаться ослаблением всех революционных организаций, в том числе и социал-демократической. Оно не могло не вызвать идейного шатания, разброда. Но ряд признаков свидетельствуем уже о постепенном преодолении кризиса. “Партия,- пишет в “Пролетарии” Владимир Ильич,- вступает снова на прямую дорогу - последовательного и выдержанного руководства революционной борьбой социалистического пролетариата” [95]. Большевики собирают сейчас силы для новых революционных битв. Меньшевики же отрекаются от идей революционной социал-демократии. Аксельрод, не выходя пока из партии, признается в письме Плеханову: “Не провозглашая ее обреченной на гибель, мы должны, однако, считаться с такой перспективой и не солидаризовать нашего дальнейшего движения с ее судьбой” [96].

В “Голосе социал-демократа” - заграничном печатном органе меньшевиков - Ленин отчеркивает рекомендации Плеханова и Дана о необходимости поддержки буржуазии рабочим классом. “Дан и Плеханов,- указывает Ленин, -пытаются осторожненько, не называя прямо вещи их именами, оправдать меньшевистскую политику зависимости пролетариата от кадетов” [97].

Ленин немедленно откликается на их статьи. В “Пролетарии” он развенчивает “тактические выводы”, пропагандируемые “Голосом социал-демократа”. Он использует для полемики с меньшевиками и трибуну большого зала “Хандверк” на авеню дю Май.

Еще в первую свою эмиграцию Владимир Ильич не раз читал рефераты в этом зале, вмещающем несколько сотен человек. Он обобщил тогда здесь опыт Парижской коммуны. говорил об ее уроках, которые следовало учесть русским революционерам. Здесь присутствовал он и на интернациональном митинге солидарности, созванном в январе 1905 года, после расстрела в Петербурге манифестации рабочих. Здесь читал рефераты “О тактике партии по отношению к булыгинской Думе”, о политических событиях в охваченной революцией России.

На сей раз тема публичного выступления Ленина в зале “Хандверк” - “Оценка русской революции и ее вероятное будущее”.

“Зал был переполнен,- описывает этот вечер живущий в Женеве болгарский революционер Павел Нончев.- Среди присутствующих был Плеханов с женой Розалией Марковной... Вспоминаю, как Владимир Ильич быстро поднялся на сцену и, оглядев зал, сразу начал говорить о причинах неудачи революции. В своем докладе он беспощадно критиковал меньшевиков. В зале были меньшевики, но никто из них не осмелился возразить или перебить Ленина. А Ленин продолжал говорить. Я как сейчас вижу это собрание. Он говорил с жаром, подчеркивая мысли энергичным жестом левой руки, останавливая взгляд на слушателях. В притихшем зале слышался только голос Ленина” [98].

О чем же говорит он в этот вечер?

“Ленин рассмотрел вопрос о русской революции и перспективах ее развития,- сообщит сидящий в зале рядом с Нончевым его земляк Иван Чонос.- Исключительное впечатление произвела его огромная вера в силы русской революции, несмотря на временное торжество реакции. Значительный интерес вызвали сделанный Лениным глубокий анализ великого классового поединка между русским пролетариатом и царизмом и та аргументация, которой Ленин подкреплял свои мысли” [99].

Еще ранее, на страницах “Пролетария”, Владимир Ильич обобщил уроки первой русской революции. Одну за другой опубликовал он в газете статьи: “На прямую дорогу”, “О “природе” русской революции”, “По торной дорожке!”. Ленин заявил: “...периодами временного затишья в массовом действии мы должны воспользоваться, чтобы критически изучить опыт великой революции, проверить его, очистить от шлаков, передать его массам как руководство для грядущей борьбы” [100]. Только путем революционной борьбы масс можно добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни рабочих и в управлении государством. Таков первый и основной урок русской революции. Она учит также тому,

что недостаточно подорвать, ограничить царскую власть, ее надо уничтожить. А это возможно лишь при тес ном союзе пролетариата и крестьянства.
Все классы общества выступили открыто в революции показали свою природу, обнаружили, каковы их настоящие стремления. И теперь “без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата” [101].
Обо всем этом Ленин говорит в зале “Хандверк”.
Когда он кончает, свидетельствует Павел Нончев, публика под впечатлением его слов несколько секунд молчит, а затем вдруг вспыхивают бурные аплодисменты.
Поднимается Плеханов:
- Я должен ответить!
- Пожалуйста,- спокойно указывает ему на сцену Владимир Ильич.
Плеханов говорит около часа. Но не в силах ослабить он впечатление от блестящей речи Ленина.
А Владимир Ильич вскоре публикует в “Пролетарии” статью “К оценке русской революции” - ту самую, которую еще в апреле 1908 года напечатал в краковском журнале польской социал-демократии “Пшегляд соцьялдемократычны”. В этой статье он развенчивает иллюзии мелкобуржуазной демократии, показывает (в который уже раз!) контрреволюционный характер русской буржуазии.
“...Тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе,- цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия,- утверждает Ленин,- в России должны были повернуть к контрреволюционному либерализму. Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе,- крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель,- вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контрреволюции” [102].
Ленин дает ясный и четкий ответ, в каком направлении должна вести работу партия на основе опыта революции:
- Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов” [103].
Вскоре после выступления в зале “Хандверк” Ленин едет из Женевы в Париж. Там, на собрании, организованном бюро социал-демократической группу читает он реферат о характере русской революции. В Берне тема его выступления перед эмигрантской и студенческой колонией - два пути экономического и политического развития России. В Лозанне почти сто двадцать человек слушают его реферат “Русская революция и перспективы ее”.
Всюду дает Ленин бой меньшевикам-ликвидаторам. Горячо выступает против их проповеди легального существования партии, так как на деле это привело бы к ее гибели. Он опровергает утверждения ликвидаторов о том, что в России задачи буржуазно-демократической революции могут быть решены якобы сверху, путем реформ, что для социалистической революции в стране вообще нет условий.
Ленин обнажает в своих рефератах подлинную сущность и тех большевиков, что впали в другую крайность, требуя отзыва рабочих депутатов из Государственной думы, ее бойкота. Так называемых отзовистов, выступающих против легальных форм борьбы, он квалифицирует как ликвидаторов наизнанку.
Рефераты в Париже, Женеве, Берне, Лозанне... И вот Ленин уже в Лондоне.
“Развернувшаяся дискуссия по философским вопросам,- сообщает Крупская,- требовала скорейшего выпуска той философской книжки, которую начал писать Ильич. Ильичу надо было достать некоторые материалы, которых не было в Женеве, да и склочная

эмигрантская атмосфера здорово мешала Ильичу работать, поэтому он поехал в Лондон, чтобы поработать там в Британском музее и докончить начатую работу" [104].
В Лондон Ленину сообщают: Богданов в Женеве выступит с рефератом. Владимир Ильич считает, что разногласия в Большевистском центре по философским вопросам дошли до такой степени, что публичное отмежевание от эмпириокритиков и эмпириомонистов необходимо. Но он не может прервать работу над книгой. Выступить же на обсуждении реферата сумеет Дубровинский - Иннокентий. Ведь тот придает громадное значение партии, полностью разделяет его, Ленина, политические убеждения и философски взгляды, понимает его с полуслова. И на четвертушке лисы Владимир Ильич пишет для Дубровинского "Десять вопросов референту" - тезисы для выступления в Женеве. Ом настолько хорошо изучил своих противников, что предугадывает, о чем Богданов поведет речь.
Листок с тезисами пересекает Ла-Манш. Его доставляют в Женеву. Дубровинский внимательно прочитывает его, делает на полях пометки, снова читает то, что следует заявить:
"1. Признает ли референт, что философия марксизма есть диалектический материализм? Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом? Если да, то зачем называют махисты свой "пересмотр" диалектического материализма "философией марксизма"?
2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на материализм и идеализм?..
3. Признает ли референт, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове?.." [105]
Иннокентий согласен с этими и другими вопросами, предложенными в качестве тезисов его выступления, как и с тем, которым завершается ленинский листок:
"Подтверждает ли референт тот факт, что махизм не имеет ничего общего с большевизмом? что против махизма неоднократно протестовал Ленин?.." [106]
Дубровинский выступает после Богданова. Резка, но аргументированна его речь. От имени Ленина и его сторонников он публично отмежевывается от махистов и заявляет: большевизм не имеет ничего общего с философским направлением Богданова.
Ленин же продолжает работать в Лондоне, в библиотеке Британского музея. Ему приносят из хранилищ книги, которых нет в Швейцарии. Он изучает их, делает множество выписок. И так почти целый месяц. "Своей поездкой в Лондон,- сообщает Крупская,- Ильич был доволен - удалось собрать нужный материал..." [107] Он сам напишет о том же сестре Марии: "Поработал я много над махистами и думаю, что все их (и "эмпириомонизма" тоже) невыразимые пошлости разобрал" [108].
Владимир Ильич пишет "Материализм и эмпириокритицизм"- книгу, в которой он "поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное" [109]. Ей суждено стать энциклопедией современной материалистической философии.
Учитывая сложившуюся напряженную обстановку, Ленин создает эту книгу в короткие сроки. "...Положение у нас трудное,- сообщает он в Россию В. Воровскому.- Надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина - обида на резкую критику на рефератах... его философских взглядов" [110]. Богданов, а с ним и Алексинский "строят раскол на почве эмпириомонистической-бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен" [111].
Ленин спешит завершить книгу и работает над ней с утра до ночи. "Слышала здесь от видавших тебя недавно,- пишет ему из Петербурга сестра Анна,- что ты выглядишь плохо и очень переутомился. Это очень грустно. Не зарабатывайся, пожалуйста, дорогой, и побереги себя. Тебе, верно, нужен был бы отдых где-нибудь в горах и усиленное питание. Устрой себе это. Ну, пусть попозже выйдет философия (речь идет о книге "Материализм и эмпириокритицизм"). Не послать ли тебе денег?.." [112]
Встревожена поступающими из Женевы вестями и мать. "Дорогой мой,- обращается она к сыну,- не слишком ли много сидишь ты за работой,- это вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя" [113].

Но как ни много времени отдает Владимир Ильич книге, не только ею занимается он сейчас. Не упускает возможность выступить против выходящих за пределами России меньшевистских, эсеровских и прочих изданий, обладающих, по его убеждению, весьма убогим "теоретическим" багажом. Он подвергает сокрушительной критике тех, кто каждой строкой своих писаний демонстрирует теоретическую несостоятельность, неумение "применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам", неумение "вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу при условиях, резко отличных от тех, которые мы пережили недавно" [114].
- Есть ли надежда на вооруженное восстание в более или менее ближайшем будущем? Этот вопрос ставит созданная группой эсеров газета "Революционная мысль". И сама же на него отвечает:
- Нет такой надежды.
Ленин подчеркивает эти строки. Он тотчас же откликается на них в "Пролетарии":
"Люди, очевидно, никогда не задумывались над объективными условиями, порождающими сначала широкий политический кризис, а потом, при обострении этого кризиса, гражданскую войну. Люди заучили наизусть "лозунг" вооруженного восстания, не поняв значения и условий применимости этого лозунга. Поэтому так легко и бросают они непродуманные, на веру взятые, лозунги после первых же поражений революции. А если бы эти люди ценили марксизм, как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов" [115].
Ленин обращает внимание на то, что лозунг восстания социал-демократы поставили только после январских событий 1905 года, "когда ни единому человеку нельзя уже было сомневаться в том, что общенациональный политический кризис разразился, что он обостряется в непосредственном движении масс не по дням, а по часам". И действительно, "в несколько месяцев этот кризис довел до восстания" [116].
Он призывает внимательно следить за развитием нового политического кризиса, учить массы на уроках 1905 года, подчеркивать неизбежность "перехода всякого острого кризиса в восстание и укреплять организацию, которая бросит этот лозунг в момент наступления кризиса" [117].
Владимир Ильич считает бесплодным ставить сейчас вопрос: есть ли надежда на революцию в ближайшем будущем? Нынешнее положение дел в России таково, что на предсказания не отважится ни один сколько-нибудь вдумчивый социалист. Он заявляет, что "без пересоздания аграрных отношений, без полной ломки старого земельного строя Россия жить не может, а жить она будет"[118]. Кто совершит эту ломку? Столыпин путем своих аграрных реформ? Или произведут ее под руководством рабочих сами крестьяне? Дело социал-демократов - внедрить в массы ясное понимание "экономической основы нарастающего кризиса и воспитывать серьезную партийную организацию, которая бы помогла народу усвоить богатые уроки революции и способна была руководить им в борьбе, когда созреют зреющие силы для новой революционной "кампании""[119].
Владимир Ильич пишет об этом в статье, которой открывается тридцать второй номер "Пролетария", вышедший 15 июля 1908 года.
Не прекращая работу над "Материализмом и эмпириокритицизмом", Ленин завершил большую статью "Аграрный вопрос в России к концу XIX века". Она призвана, по его собственным словам, "подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельскохозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие" [120].
Рукопись статьи отправлена в Россию, в редакцию Энциклопедического словаря братьев Гранат. Но не знает еще Ленин, что цензура не позволит ее опубликовать, что пройдет целых десять лет, прежде чем она выйдет отдельной брошюрой.
Подобная же судьба ждет и другую его работу - "Аграрную программу социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов". В ней Ленин теоретически обосновал необходимость национализации земли, показал ее экономическое и политическое значение, проанализировал новейшие данные о землевладении в России, обосновал необходимость

революционной ломки аграрных отношений. Он подробно рассмотрел основные этапы развития аграрной программы российской социал-демократии, разъяснил, чем большевистские позиции в этом вопросе отличаются от меньшевистских.
Этот труд Владимира Ильича должен быть включен во вторую часть второго тома его сочинений "За 12 лет". И он просит сестру Марию как можно скорее раздобыть для него "хоть один экземпляр набранной книги, все равно сверстанный или несверстанный" [121]. Он пишет ей: "Дело в том, что мне крайне необходимо теперь же, именно до осени, познакомить с этой книгой некиих лиц, которые не могут читать рукописи. Если я этих лиц до осени не познакомлю с книгой, я во всех отношениях могу многое потерять" [122].
Почему до осени? В Женеве в конце августа созывается пленум Центрального Комитета РСДРП. Ленин даст на нем бой меньшевикам, разоблачит их дезорганизаторские действия. И перед этой битвой намерен он познакомить "некиих лиц" - единомышленников - со своей работой об аграрной программе большевиков.
Не знает Ленин, когда просит прислать "хоть один экземпляр набранной книги", что в петербургскую типографию, где она печаталась, уже нагрянула полиция, и обнаруженный ею готовый тираж целиком, за исключением одного неполного экземпляра, уничтожен "путем разрыва на мелкие части"...
И вот наступает последняя неделя августа. В Женеве собирается пленум ЦК. Ленин разоблачает на нем попытки меньшевиков ликвидировать Центральный Комитет. Вносит поправки к проекту резолюции о созыве общероссийской партийной конференции. Вносит принимаемое большинством предложение о создании Центрального заграничного бюро. В России же именно в эти августовские дни предпринимается новая попытка арестовать Ленина, если объявится он на территории империи. "Всякий, кому известно местопребывание Ульянова,- сообщают "Московские ведомости", - обязан указать суду, где он находится" [123].
А другая газета - петербургская "Речь" в это же время - поразительное совпадение! - сообщает о предстоящем выходе новой книги Ленина - "Материализм и эмпириокритицизм"... [124] Книги, которая Владимиром Ильичей еще не завершена.
Работу над "Материализмом и эмпириокритицизмом" он по-прежнему совмещает со многими другими делами. И усталость берет свое. Он вынужден оставить ненадолго рукописи, книги, дать себе хоть короткий отдых.
Ленин отправляется в район Дьяблере на западе Бернских Альп, на границе кантонов Берн, Вале и Во. "Ездил в горы погулять,- сообщает он вскоре в Россию сестре Марии.- Дурная погода помешала пробыть там подольше. Но все же погулял превосходно. Теперь надеюсь кончить, наконец, месяца в полтора непомерно затянувшуюся мою работу" [125].
С новыми силами возвращается Ленин к рукописи. Заканчивает последние страницы, пишет предисловие.
"Целый ряд писателей, желающих быть марксистами,- обращается он к читателям,- предприняли у нас в текущем году настоящий поход против философии марксизма. Менее чем за полгода вышло в свет четыре книги, посвященные главным образом и почти всецело нападкам на диалектический материализм...
Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные - несмотря на резкие различия политических взглядов - враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты!" [126]
Книга еще не завершена, а Ленин уже задумывается: кто выпустит ее? Многие возникшие в России в революционную пору издательства закрыты. Их владельцы или организаторы привлечены к судебной ответственности. Те же, кто не подвергся полицейским репрессиям, проявляют осторожность.
Ленин обращается за помощью к родным, к товарищам по революционной борьбе. "Если можно, я бы попросил написать кому-либо из московских знакомых литераторов, не подыщут ли они издателя,- пишет Владимир Ильич матери.- Я теперь без связей в этом отношении" [127]. Запрашивает он и Воровского: "Не знаете ли какого-нибудь издателя, который взялся бы издать мою философию, которую я напишу?" [128] Он предполагает выпустить книгу в издательстве товарищества братьев Гранат. Но эти надежды не оправдались. "Насчет издателя дело, видимо, плохо: получил сегодня известие, что Гранат

купил “историю” меньшевиков, сиречь меньшевики там взяли верх,- сообщил Ленин сестре Анне.- Ясно, что он теперь откажется от издания моей книги. Имей в виду, что я теперь не гонюсь за гонораром, т. е. согласен пойти и на уступки (какие угодно) и на отсрочку платежа до получения дохода от книги,- одним словом, издателю никаких рисков не будет” [129]. Через мать Ленин передает сестре: “В Питер я написал двум приятелям, прося их помочь в деле устройства с изданием. Поручил им списаться с Анютой, ежели что представится, через нашего общего знакомого...” [130]
Ленин готов в крайнем случае уступить даже некоторым требованиям цензуры. “Между прочим,- пишет он Анне,- если бы цензурные соображения оказались очень строги, можно было бы заменить везде слово “поповщина” словом “фидеизм” с пояснением в примечании (“фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере”). Это на случай - для пояснения характера уступок, на которые я пойду” [131].
Поповщиной называет он всякое богоискательство, всякое стремление протащить в той или иной форме религиозные воззрения в марксизм. “...Владимир Ильич,- узнаем от Анны Ильиничны,- со всей резкостью обрушивается на этих “истребителей”, прося меня не смягчать ничего относительно них и с трудом соглашаясь на некоторые смягчения из-за цензурных соображений” [132].
Хотя Ленин и считает, что его работа “непомерно затянулась”, написал он ее в предельно короткий срок - с февраля по октябрь 1908 года. 27 октября он просит Анну Ильиничну: “Пришли мне, пожалуйста, адрес для пересылки рукописи моей книги. Она готова. Вышло 24 печатных листа (в 40 000 букв),- т. е. около 400 страниц. Недели в две закончу пересмотр и отправлю: хотел бы иметь хороший адрес для отправки” [133]. И еще несколько дней спустя: “Я опасаюсь послать большущую рукопись на твой личный адрес и вообще не на адрес какого бы то ни было издательства. Если можно, найди такой адрес, и я вышлю рукопись немедленно” [134].
Выбор падает на В. Левицкого - московского врача, с которым Ленин знаком уже не первый год. В его адрес он шлет из Женевы объемистую рукопись. А матери сообщает об этом в Москву, не рискуя, однако, назвать имя врача. “Анюте, пожалуйста, передай,- просит Владимир Ильич,- что философская рукопись послана уже мной тому знакомому, который жил в городке, где мы виделись перед моим отъездом в Красноярск в 1900 году. Я надеюсь, что он уже получил ее и доставил вам. Если нет, необходимо наведаться к нему, благо, живет он недалеко от вас” [135].
И вот однажды вечером приходит к Анне Ильиничне, на ее московскую квартиру, доктор Левицкий. По всем правилам медицины прибинтована на нем доставленная из Женевы рукопись.
“...Я смертельно боюсь пропажи большущей, многомесячной работы да и замедление ее меня действительно изнервливает” [136],- с беспокойством пишет Ленин. И получает наконец сообщение: рукопись доставлена, с ней все в порядке.
Но как быть с издателем? Его все еще нет. В. Бонч-Бруевич еще до того, как Ленин отправил в Россию рукопись, писал ему: “В Питере очень ждут Вашей книги” [137]. Ждут ее и в других российских городах, и здесь, в эмигрантских кругах. “...Но шансов, по всему видно, мало” [138],- вынужден признать Ленин.
“Книгу твою читаю (прочла около половины),- сообщает между тем Анна Ильинична.- Чем дальше, тем она все интереснее. Заменяю согласно твоему указанию “поповщину” “фидеизмом”; вместо “попов” ставлю “теологов”. По-моему, надо основательнее все такое выкинуть, а то книга будет нецензурной” [139].
И еще одно письмо от сестры. На сей раз наконец о том, что владелец частного издательства “Звено” Л. Крумбюгель соглашается выпустить книгу. “Самое важное теперь,- через мать наставляет сестру Ленин,- не терять времени, закрепить за собой как можно скорее издателя формальным договором и торопить издание” [140]. Но его беспокоит, как бы книга не принесла неприятностей сестре, взявшей на себя хлопоты по изданию. “При подписи договора,- предостерегает он родных,- советую Ане быть осторожнее, т. е. не давать по возможности своего имени, чтобы не быть ответственной по законам о печати (и не отсидеть в случае чего...). Нельзя ли договор на мое имя написать, а Анюту обойти вовсе, т. е. не упоминать совсем?” [141]

Еще одно опасение у Ленина: как бы цензура не прослышала, кто автор этого труда. Он пишет матери: “Насчет фамилии автора я не стою: какую угодно, мне все равно, пусть издатель выбирает” [142]. Возможность издать книгу в Москве “так завлекательна, что надо эту возможность ловить обеими руками” [143].

Примечания:

[95] В. 11. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 3.
[96] “Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода”, т. II, М., 1925, с. 253-254.
[97] В И. Ленин. Полн. собр. соч.. т. 17, с, 28.
[98] “Воспоминания болгарских товарищей о Ленине”. М., 1958, с. 6.
[99] Там же, с. 10.
[100] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, с. 411.
[101] В. И. .Ленин Полн. собр. соч., т. 17, с. 27.
[102] Там же, с. 40.
[103] Там же, с. 50.
[104] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 163.
[105] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, с. 5.
[106] Там же, с. 6.
[107] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 164.
[108] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 252.
[109] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, с. 11.
[110] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 159-160.
[111] Там же, с. 160.
[112] “Переписка семьи Ульяновых”, с. 178.
[113] Там же, с. 180.
[114] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 142.
[115] Там же, с. 143.
[116] Там же.
[117] Там же, с. 144.
[118] Там же.
[119] Там же.
[120] Там же, с. 59.
[121] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 251.
[122] Там же, с. 251-252.
[123] “Московские ведомости” № 183, 8(21) августа 1908 г.
[124] См. “Речь” № 191, 12(25) августа 1908 г.
[125] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 253.
[126] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, с. 9.
[127] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 251.
[128] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 160.
[129] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 256.
[130] Там же, с. 260.
[131] Там же, с. 256-259.
[132] Там же, с. XLIII.
[133] Там же, с. 255-256.
[134] Там же, с. 256.
[135] Там же, с. 260.
[136] Там же, с. 261.
[137] “Вопросы истории КПСС”, 1961, № 4, с. 125.
[138] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 261.
[139] “Переписка семьи Ульяновых”, с. 184.
[140] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 262.
[141] Там же, с. 262-263.
[142] Там же, с. 263.
[143] Там же.

“Действовать твердо, решительно...”

Женева. 10 декабря 1908 года. Ленин пишет матери в Россию: “Дорогая мамочка! Сегодня мы сдали, наконец, квартиру. Часть вещей отправляется сегодня малой скоростью. Сами едем в субботу или в понедельник самое позднее” [1].
Париж. 19 декабря. Ленин сообщает сестре Анне: “Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру... Наша мебель привезена из Женевы. Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около парка Montsouris. Тихо, как в провинции. От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят метро - подземную электричку, да пути сообщения вообще имеются. Парижем пока довольны” [2].
Ульяновы расстались с Женевой, где с каждым днем все более замирала политическая жизнь. Не случайно эту, по словам Крупской, тихую мещанскую заводь сменили на Париж. Ведь во французской столице еще в ноябре образовалась вторая Парижская группа содействия РСДРП, объединившая всех большевиков-эмигрантов, в том числе членов возглавляемого Владимиром Ильичей Большевистского центра. Здесь сосредоточились общие для политэмигрантов касса взаимопомощи, русская столовая, “биржа труда”, библиотека-читальня, Рабочий клуб.
Квартиру Ульяновы сняли большую, светлую. Одну комнату занимают Ленин и Крупская, другая отведена приехавшей сестре Марии, третья - Елизавете Васильевне. “Но эта довольно шикарная квартира,- узнаем от Надежды Константиновны,- весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы “мебели”. Надо было видеть, с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки. В нашей “приемной” стояла лишь пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности” [3].
Но у этих русских, поражается консьержка, так много знакомых в Париже! Она не знает, что к Ульяновым идут такие же, как они, политические эмигранты, у которых нелегкое житье во французской столице.
“Рабочие кое-как устраивались,- убеждается по приезде в Париж Крупская,- положение же интеллигенции было крайне тяжелое... Жить на средства эмигрантской кассы, питаться в долг в эмигрантской столовке было архинепереносно” [4].
Чтобы не бросаться в глаза, Ленин ходит, как средний парижанин, в котелке, в узком пальто с бархатным воротничком.
- Владимир Ильич! На кого вы похожи? Вы же типичный французский коммивояжер! - восклицает впервые увидевший его в Париже русский социал-демократ И. Попов.
- Нет, в самом деле? - спрашивает Ленин с любопытством.- Похож на коммивояжера?
- Не отличить. Как две капли воды.
- Не выделяюсь в толпе?
- Совершенно не выделяетесь.
- Так это же замечательно! - доволен Ленин.- Просто великолепно! Именно то, что и требовалось доказать, так как здесь, несмотря на хваленую свободу, легко налететь на шпика из русской охранки, что было бы весьма нежелательно. А в таком виде я легко растворюсь в толпе...
Ленина можно увидеть в кафе, где за чашкой кофе коротают время русские эмигранты. С одним он сыграет партию в шахматы, с другим, уединившись в уголке, ведет долгий разговор...
Одно из таких кафе - по авеню д`Орлеан. В небольшом зале на втором этаже собирается однажды человек тридцать. Выступает Ленин.
Здесь видит его впервые Илья Оренбург. Ленин подходит к нему:
- Вы из Москвы?
Оренбург говорит, что сперва работал в московской организации. Потом его арестовали. Попытался устроиться в Полтаве, разыскал там товарищей.
Свежий человек из России заинтересовывает Владимира Ильича. Он приглашает его к себе. И уже на улице Бонье продолжает Оренбург свой рассказ о положении в Полтаве...

Отсюда, из дома на улице Бонье, Ленин отправляется читать рефераты. Об одном из них сообщает объявление. Оно отпечатано в типографии и расклеено на улицах французской столицы:
“2-ая Парижская группа содействия РСДРПВ среду 10 февраля 1909 г. Salle des Societes savantes 8, rue Danton, 8в 8 1/2 час. Вечерасостоится рефератН. ЛЕНИНАна тему: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ” [5].
Чуть ниже, на том же листке, тезисы реферата. Ленин намерен говорить в этот вечер о том, как изменяется абсолютизм, о III Государственной думе и парламентских средствах борьбы, о революционной фразе у социалистов-революционеров, о шовинизме кадетов и шатаниях трудовиков.
Один из присутствующих на ленинском реферате расскажет спустя полтора десятка лет, как резко отличались публичные выступления Ленина в Париже от выступлений меньшевистских лидеров - Мартова и Дана. И не только своим содержанием, но и обстановкой, в которой они проходили. Меньшевики выступали часто, и их доклады читались в плохоньких залах эмигрантских районов. Посещала эти доклады большей частью одна и та же, не слишком многочисленная, эмигрантская публика. Доклады же Ленина устраивались обычно в самом большом зале Латинского квартала. И привлекали они массу любопытных. Каждый его доклад становился “большим политическим днем” для всей эмиграции. Приходили на него даже русские аристократы “правого берега” - богатых буржуазных и аристократических кварталов Парижа.
Об этих рефератах упоминается нередко в письмах, поступающих в Россию. Некий “Алек...” сообщает о докладе Ленина, посвященном только что прошедшей во французской столице конференции Российской социал-демократической рабочей партии. В письме М. Кравича, адресованном политическому ссыльному в далекую сибирскую деревню, речь идет о реферате Ленина, вызвавшем “любопытные споры с эсерами” [6], о ленинском реферате “Современное положение России”.
Письмо, посланное из Парижа, приходит и в Одессу. Пишет С. Шавдия, возглавлявший там в 1905 году Совет рабочих депутатов. Подробно излагает он содержание ленинского реферата, на котором довелось ему присутствовать,- “О политическом положении в России и двух путях капиталистического развития аграрных отношений”. И встает за строками его письма сам Ленин, утверждавший:
- Самодержавие вступает на новые рельсы, государство идет к буржуазной монархии через ломку деревенских отношений и при помощи представительного строя. Вера в широкие крестьянские массы, как элемент оплота и порядка, умерла вместе с первой и второй Думами. Политика царизма целиком опирается на дикого помещика и верхние слои крупного капитала. Мы стоим перед новым этапом политически-социального развития. Куда нас приведет ломка аграрных отношений? К американскому или прусскому типу развития? Может ли правительство Столыпина разрешить вопросы движения и тем разрядить революцию? Безусловно нет [7].
При новых социальных условиях, заявляет Ленин, невозможно сохранить старую власть. Он убежден в неизбежности кризиса.
- Положение, занятое правительством,- говорит Владимир Ильич,- облегчает пропаганду, явно выступает классовый характер власти. Будущее за нами [8].
Ленин выступает с этим рефератом в один из февральских дней 1909 года. В России приступили уже к изданию книги “Материализм и эмпириокритицизм”, которую он ждет с нетерпением. В своей комнате, склонившись над простым белым столом, Ленин вычитывает присланные сестрой Анной листы его труда. И в письмах, которыми обмениваются сейчас брат и сестра, больше всего об этой книге.
Ленин. 9 марта: “Дорогая Анюта!.. Посылаю поправки к листам 10 и 11-му сверстанным... Затяжка получилась очень уже большая. Хоть бы к 15 марта по старому стилю выпустить ее, а то просто беда!” [9]
Ленину. 7(20) марта: “Дорогой Володя!.. Отправляю сверстанные 19 и 20-ые листы.
Да, книга страшно запаздывает! Ходила вчера лично беседовать об этом с издателем, но его не застала; обещали сегодня прислать сверстанный 21-ый лист и 2-ую корректуру, дальше и ничего нет! Печатают в самой большой здешней типографии - Суворина и все-таки затяжка.

Передала твою большую просьбу выпустить скорее книгу; просила об этом раньше и сама” [10].
Ленин. 23 или 24 марта: “Дорогая Анюта!.. Твоих корректур и сверстанных листов так и не получал...” [11]
Ленину. 19 марта (1 апреля): “Дорогой Володя! Сегодня отправила тебе сверстанные 20-ый (с диаграммой) и 21-ым листы, а также чистые листы 9-18-ый...
Относительно выхода книги приходится сказать с сокрушением, что к пасхе она не выйдет, как ни мало осталось ибо во вторник на следующей неделе работы в типографии кончаются...
Ужасно мне обидно, что затянулась так книга!” [12]
Ленин. 6 апреля: “Дорогая Анюта! Вчера послал тебе письмо с опечатками к 14-му листу и с двумя вставками. Надеюсь, получила его.
Сегодня получил утром чистые листы 10, 11 и 12-ый и сверстанный лист 21-ый” [13].
А сейчас он не только по многу часов сидит над гранками книги, но и пишет для “Пролетария”. В Париже под типографию сняли сперва заброшенное помещение лавки в доме № 8 по улице Антуана Шантэна. Его сдали вместе с двумя крошечными комнатушками на следующем этаже. В них разместилась редакция. Но в помещении, куда свезли доставленное из Женевы типографское оборудование, не было электричества. Работать приходилось при свете керосиновых ламп. И вскоре переехал “Пролетарий” в кирпичный домик, стоящий позади окруженного высокими деревья ми респектабельного здания.
10 февраля 1909 года в Париже начала выходить еще одна большевистская газета - “Социал-демократ”. Ленин фактически становится ее главным редактором. Печатают новую газету там же, где и “Пролетарий”. И ее имеет в виду глава заграничной агентуры в Париже, когда сообщает в Петербург директору департамента полиции: “Большевики заняты теперь постановкой популярного органа и агитационных листков, массового их транспорта и распространения в России” [14].
Еще в 1907 году в Лондоне, на V партийном съезде, решено было создать этот центральный орган РСДРП. Газета призвана была сохранить и укрепить Российскую социал-демократическую рабочую партию, усилить идейное руководство ее местными организациями. Она обязана была придерживаться победившей на V съезде большевистской политической линии.
Большевики считали: создание такой газеты является од ним из главных условий существования партии. А меньшевики стремились не допустить появления центрального органа большевистского направления. Поэтому только к 1908 году удалось подготовить в Петербурге первый номер. Его материалы переслали в Вильно, в типографию. Но об этом узнала охранка. За типографией установили слежку. В один из февральских дней полиция взяла там набор первого номера “Социал-демократа” с наполовину отпечатанным текстом. Вторую попытку сделали уже в самой российской столице. Однако и тут, когда весь тираж был готов, на конспиративных складах появилась полиция. Из двадцати тысяч экземпляров только меньшая часть попала к рабочим.
Даже тем, кто противился изданию “Социал-демократа” за границей, стало ясно: наладить регулярный выпуск газеты в самой России не удастся. Тогда решили издавать ее в Париже.
Первый отпечатанный на французской земле номер “Социал-демократа” провозглашает: “Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало” [15].
Так завершается напечатанная в газете статья Ленина “На дорогу”. В ней идет речь о правильном соотношении нелегальной и легальной работы партии в современных российских условиях, о ее идейном сплочении, организационном укреплении ее нелегальных организаций, о необходимости всесторонней социал-демократической агитации в массах.
Статья Ленина перекликается с письмами из России, опубликованными в этом же номере “Социал-демократа”. С письмами, свидетельствующими о разгуле контрреволюции, о массовых репрессиях - обысках, арестах... И подтверждающими в то же время, что даже

удары реакции, даже политические и экономические репрессии не могут привести рабочих к “успокоению”, не в силах пресечь борьбу пролетариата.
О том же свидетельствует и литовский социал-демократ Марцели (П. Эйдукявичус). Он встречается с Лениным. И сообщает Владимиру Ильичу о локауте, объявленном владельцами кожевенных заводов Вильно. О том, что при помощи массовых увольнений те намерены лишить пролетариат права на 8-часовой рабочий день, завоеванного во время революции 1905-1907 годов, намерены снизить на треть за работную плату. Сообщает он и о том, что локаутная комиссия призвала рабочих бастовать до полной победы. Кожевники обращаются за помощью к русским и зарубежным рабочим. Их помощь даст возможность выстоять. Может ли Владимир Ильич подтвердить полномочия Марцели через Международное социалистическое бюро?
Ленин сразу же пишет К. Гюисмансу - секретарю Международного социалистического бюро II Интернационала. Он просит оказать бастующим помощь. И деньги, в которых так нуждаются литовские кожевники, поступают к ним из Германии, Франции, других стран...
Не так давно Ленину доставили “Рабочее знамя” - газету московских большевиков. В одном из номеров ее обнаружил он письмо рабочего-отзовиста. Но зато в другом отметил с удовлетворением превосходную статью - убедительный ответ на это письмо. Ленин перепечатал статью в “Пролетарии”. И сопроводил ее своим предисловием. В нем Ленин сформулировал центральную мысль ответа московского товарища: “Или революционный марксизм, т. е. в России - большевизм, или отзовизм, т. е. отказ от большевизма...” Он был полностью согласен с этим заключением автора письма. Как и с тем, что отзовизм равен “меньшевизму наизнанку” [16]. Вот почему, подчеркнул в “Пролетарии” Ленин, те, кто прикрывает отзовистов или даже сохраняет к ним идейный нейтралитет, по существу, льют воду на их мельницу, вредят большевизму.
Но теперь уже не только на страницах “Пролетария” - и в центральном партийном органе, “Социал-демократе”, Ленин ведет борьбу с отступлениями от революционных принципов партии. В двух номерах “Социал-демократа” он публикует обширную статью о целях борьбы пролетариата в русской революции. Она направлена против воззрений Мартова и Троцкого.
“Наша партия,- пишет Ленин,- твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть роль вождя в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства, что без завоевания политической власти революционными классами не может быть победы. Отказ от этих истин осуждает социал-демократов неизбежно на шатания, на “движение без цели”, на проповедь беспринципных соглашений от случая к случаю...” [17]
Ленин знает: серьезный ущерб наносят партии отзовисты. Ему сообщили из 2-го Городского района Петербурга, что эта оппортунистическая группа отказывается работать в профсоюзах. Сообщили Ленину и о том, что петербургские отзовисты призывают идти в рабочие клубы лишь для того, чтобы подрывать их деятельность изнутри. Ему пишут, что отзовисты тормозят работу и думской фракции...
“Достопамятная кампания “отзовизма”,- пишет С. Гусев,- принесла организации огромный вред. Все время ведения этой “кампании” шел какой-то нелепый сумбур. Вся партийная организационная работа была заброшена... Везде только и делали, что дискутировали, притом в узких кружках специально подобранных людей. После Общерос. кон-фер. пошли доклады и опять дискуссии... дискуссии без конца. К марту месяцу понемногу, наконец, все успокоилось. Руководство работой после провалов взяла на себя Врем. Исп. Ком. Не многое ей досталось в наследие от отзовистских кампаний! Организация была страшно подорвана” [18].
Гусев согласен с Лениным, заявившим во втором номере “Социал-демократа”, что новые условия момента требуют новых форм борьбы, что сочетание нелегальной и легальной организаций выдвигает перед партией особые задачи.
Множество писем получает Ленин на улицу Бонье. И сам пишет отсюда по многим адресам. Каждый вечер идет он на Восточный вокзал, чтобы опустить конверты в почтовый ящик поезда. А нередко отправляет и громоздкую корреспонденцию - тщательно зашифрованные Надеждой Константиновной письма, предназначенные товарищам из

российского подполья, прокламации, газеты. Тогда эти пакеты, конверты, бандероли грузит Ленин на ручную тележку и катит ее по парижским улицам.
Много сил, здоровья отнимает у него усиливающаяся с каждым днем борьба внутри большевистской фракции. Оппозиционеры своими действиями дезорганизуют партийную работу. Они пытаются изменить политическую линию "Пролетария", защищают проповедников махизма и богостроительства. "Разгоравшаяся внутрифракционная борьба,- сообщит Крупская,- здорово трепала нервы. Помню, пришел раз Ильич после каких-то разговоров с отзовистами домой, лица на нем нет..." [19]
- Те, которые ушли от нас, то есть ушли от революции, не все ушли с арены политической борьбы...- говорит Ленин, беседуя с большевиком Б. Бреславом, бежавшим из сибирской ссылки и появившимся в Париже.- Многие из них пролезают во все легальные рабочие организации, в кружки самообразования, в легальную печать и проводят там свое влияние. Разве не видите, что эти элементы хотят воспользоваться придавленностью и усталостью рабочего класса, чтобы выбить из его рук его основное оружие - революционный марксизм и заменить его любой теорией или философией? Поскольку они выступают часто под флагом революционной социал-демократии и эксплуатируют завоеванные революционной социал-демократией авторитет и доверие в рабочем классе, эти элементы являются опасными агентами буржуазии в наших собственных рядах и внутри рабочего класса. Этой буржуазной агентуре надо дать решительный отпор именно на почве философии...
Вот почему Ленин так торопит издание "Материализма и эмпириокритицизма". "Всего важнее мне скорый выход книги" [20],- пишет он сестре Анне. "Изнервничался я в ожидании этой тягучей книги" [21],- сообщает ей же Ленин две недели спустя. "Пиши, когда ждешь выхода книги" [22],- запрашивает он еще через два дня. А ее все нет. И Ленин огорчен: "...книга... задерживается издателем до чертиков,., до бесконечности" [23]. Он торопит: "...мне дьявольски важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства" [24].
"Политические обязательства" - это бой, который Ленин на предстоящем здесь, в Париже, совещании намерен дать Богданову и его сторонникам.
"Дорогой Володя!-тотчас же откликается на последнее письмо брата Анна Ильинична.- Вчера получила твое письмо от 8.IV и пошла переговорить с издателем. Типография, оказывается, начнет работать с сегодняшнего дня, и сегодня утром он обещал поехать переговорить и поторопить..." [25]
И наступает долгожданный день. "Сегодня получил письмо от 18.IV,- сообщает Ленин в Давос И. Дубровинскому,- что книга моя готова. Наконец-то!.. К 25-26 старого стиля обещают доставить ее сюда" [26].
Как рад Владимир Ильич тому, что вышла наконец книга... Вышла за целый месяц до совещания, созываемого Большевистским центром. "Издано прекрасно" [27],- пишет он матери. И спустя несколько дней - сестре Анне: "...Я доволен изданием" [28].
Книга производит огромное впечатление на ее первых читателей в России. Один из виднейших теоретиков русского марксизма, Ленин, сообщает в "Одесском обозрении" Воровский, выступил против махизма с подробной работой "Материализм и эмпириокритицизм", в которой подвергает самой бичующей критике учение, являющееся реакционным... Воровский заявляет, что критика "представляет особую ценность для России, где целая серия гг. Богдановых, Базаровых, Юшкевичей, Бермановых и Комп., ушедших от исторического материализма, вносит хаос в умы читателей".[29]
А незадолго до того, как в Париж приходит том "Материализма и эмпириокритицизма", Ленин узнает, что на Капри под вывеской партийной школы богостроителями и их пособниками создается свой идейно-организационный центр. Сообщают об этом товарищи из Москвы. И Ленин немедленно извещает их: "...ввиду очевидной исключительно тесной связи будущей школы с элементами, проповедующими "богостроительство" или поддерживающими эту проповедь, редакция "Пролетария" признает долгом своим заявить, что ни за большевистский, ни за марксистский вообще характер школы она не ручается" [30].
Гнев Ленина против Богданова, против его единомышленников и без того безмерен. А тут еще эта школа, создаваемая в обход Большевистского центра! Игнорируя его, инициаторы

школы, оказывается, организуют собственную партийную кассу, создают свою агентуру. Делают все для подрыва единства партии большевиков.
В этой-то обстановке и принимается решение созвать совещание расширенной редакции "Пролетария". По существу, созывается и пленарное заседание Большевистского центра, на которое из России прибудут представители крупнейших партийных организаций. Здесь, в Париже, предстоит разработать политику большевистской партии. Предстоит открыто и решительно отмежеваться от отзовистов, от богостроителей. Договориться о том, как бороться с ликвидаторством.
"Мы тем больше обязаны выяснять свои расхождения,- призывает со страниц "Пролетария" Ленин,- что фактически наше течение все больше начинает равняться всей нашей партии. К идейной ясности зовем мы тт. большевиков и к отметанию всех подпольных сплетен, откуда бы они ни исходили. Подменять идейную борьбу по серьезнейшим, кардинальнейшим вопросам мелкими дрязгами, в духе меньшевиков после второго съезда, есть тьма охотников. В большевистской среде им не должно быть места" [31].
Ленин требует "идейной ясности, определенных взглядов, принципиальной линии" [32]. Он утверждает, что, только достигнув такой полной идейной определенности, большевики сумеют и в организационном отношении выступать едино, сплоченно.
Ленин придает в связи с этим большое значение предстоящему совещанию расширенной редакции "Пролетария". Он подготовляет проекты резолюций, в том числе "Об отзовизме и ультиматизме", "Задачи большевиков в партии", "О партийной школе, устраиваемой за границей в NN ".
Школа в NN - это диверсия раскольников на Капри. Ленин заявляет, что под видом этой школы создается новый центр откалывающейся от большевиков фракции, что ее инициаторы преследуют свои собственные, групповые идейно-политические цели.
Июньским утром 1909 года во французской столице собираются члены Большевистского центра, редакции "Пролетария", представители петербургской, московской, уральской организаций партии. На этом совещании Ленин выступает по всем вынесенным на обсуждение вопросам. Он зачитывает подготовленные им проекты резолюций. Его поддерживают в том, что большевизм не имеет ничего общего с отзовизмом и ультиматизмом; что отзовистско-ультиматистская агитация - угроза единству партии; "что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма" [33]. Поддерживают участники совещания Ленина и в осуждении богостроителей из группы Богданова, ибо богостроительство, гласит принимаемая ими резолюция,- это "течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс" ... [34]
Ленин выносит на обсуждение совещания и факт организации на Капри так называемой партийной школы.
Участники совещания поддерживают ленинскую резолюцию. Она констатирует: "...в связи с тем, что инициаторами и организаторами школы в NN являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богостроительства,- идейно-политическая физиономия этого нового центра определяется с полной ясностью" [35].
Как же складывается судьба созданной на итальянском острове русской "партийной школы"? Оправдывается ли характеристика, данная ей Лениным?
Рабочие-революционеры, которых зовут из России на Капри, не догадываются о подлинных целях организаторов школы. Предстоящая поездка кажется им почетной, заманчивой. Однако в некоторых местных организациях относятся к каприйской школе по-прежнему отрицательно. Об этом известно даже охранке. "Доношу департаменту полиции,- пишет в сентябре глава столичного охранного отделения,- что Петербургским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии вынесена резолюция: послать людей своих в Каприйскую школу лишь в том случае, если в числе лекторов ее будет и Ленин" [36].
Владимир Ильич, получивший с Капри приглашение, сообщает: "Мое отношение к школе на острове Капри выражено в резолюции расширенной редакции "Пролетария"... На Капри читать лекции я, конечно, не поеду, но в Париже прочту их охотно" [37].

Рабочие, прибывшие из России на Капри, вскоре убеждаются: тут что-то неладно. Они часто ведут между собой споры об оценке русской революции. Распропагандированные руководителями школы, одни утверждают, что революция продолжается, что всюду, где только это можно, следует немедленно начинать вооруженное восстание, организовывать боевые дружины, издавать листовки с призывами к восстанию. Другие же считают эту позицию ошибочной, ибо нынешняя обстановка в России в корне отличается от той, которая была в революционные 1905-1907 годы. “Мы полностью разделяли позицию Ленина: надо перестраиваться и иными путями вести партийную работу, готовя рабочий класс, крестьянство, армию к новой революции, используя легальные и нелегальные возможности, не отрываясь от масс” [38],- расскажет Иван Панкратов, активный участник революции 1905 года, бежавший из сибирской ссылки, чтобы попасть на Капри.
Панкратову становится известно, что на Капри из лекторов и учеников создается группа “Вперед”, что она обособляется от Большевистского центра. Он пишет об этом Ленину. Несколько дней спустя в тот же адрес уходит еще одно письмо, подписанное уже пятью слушателями каприйской школы. “В этом письме,- заявляет Панкратов,- мы подробно описали все методы дезорганизаторской работы “впередовцев”, сообщали о нашей борьбе с ними, о расколе в школе, о нашем желании порвать с ней и уехать в Париж” [39].
Письма с Капри Ленин публикует в “Пролетарии”. Он сообщает: “Из рабочих, приехавших в мнимопартийную школу, около половины начинают бунт против “дурных пастырей”” [40]. И пишет из Парижа ученикам каприйской школы: “Мы ни минуты не сомневались, что наиболее сознательные рабочие с.-д. разберутся рано или поздно в положении вещей и выберутся на верную дорогу... Вы понимаете, конечно, что раскол школы теперь неизбежен...” Он призывает тех, кто написал ему с Капри, “действовать твердо, решительно, обдуманно, как на сражении” [41]. Он запрашивает их:
- Как думаете вы обставить свой выход из школы? Как простой отъезд или как выход из-за борьбы по платформам?
Находясь в Париже, Ленин предугадывает, что произойдет с его корреспондентами на Капри. “Узнав о нашей переписке,- сообщает Панкратов,- богдановцы резко напали на нас и требовали отказа от писем. Мы энергично протестовали. Тогда совет школы исключил нас из числа учеников” [42].
Шесть из тринадцати покидают Капри. Они помнят: их звал к себе Ленин. “Париж,- писал он,- самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты всех фракций, происходят дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2-3 недурных русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д. В Париже выходят 3 с.-д. русские газеты... Тот, кто едет учиться социал-демократизму в Париж, едет учиться действительно социал-демократизму” [43]. И шестеро с Капри появляются в Париже. Вот они в редакции “Пролетария”. Владимир Ильич подробно их расспрашивает, где и какую работу вели в России, каково состояние большевистских организаций.
Проходит несколько минут, и все уже чувствуют себя так, как будто знакомы давно. Панкратов говорит о событиях на Московско-Казанской железной дороге в 1905 году, об Октябрьской всеобщей забастовке, о Декабрьском вооруженном восстании, о том, как в июле 1906 года большевикам удалось остановить работу железнодорожных мастерских, добиться от администрации возвращения на работу всех уволенных после забастовки. Рассказывает Панкратов и о том, как к двухтысячной толпе рабочих вышел начальник мастерских и как от страха его так прошибло потом, что чесучовый костюм стал на нем мокрым.
- Так, говорите, потом прошибло? - смеется Владимир Ильич.
Он просит рассказать о настроениях политических заключенных, о спорах, которые идут в партийной и рабочей среде. Слушает внимательно, что-то записывает.
Среди прибывших с Капри - рабочий Вилонов. Он говорит о своей работе на Украине. И Крупская, которая участвует в беседе, спрашивает его:
- Из Екатеринослава нам часто писал раньше корреспонденции какой-то рабочий, подписывавшийся Мишей Заводским. Корреспонденции были очень хороши, касались самых животрепещущих вопросов партийной и заводской жизни. Не знаете ли вы Мишу Заводского?

- Да это я и есть,- отвечает Вилонов.
Это сразу настраивает Ленина дружески к Вилонову. Они долго беседуют в этот день. Узнает Владимир Ильич от Вилонова, известного и по партийному псевдониму Михаил, о тяжелых переживаниях, внутренних противоречиях Горького. И под впечатлением беседы пишет ему на Капри: “Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело... После разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать Вашу руку. Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России - да и не одной России - такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы” [44].
Ленин звал каприйцев в Париж “учиться действительно социал-демократизму” [45]. И он читает им лекции, беседует с ними о расстановке классовых сил в России, говорит о необходимости усиления работы среди крестьян и солдат. “Нас глубоко захватывала ленинская железная логика, его революционный оптимизм,- вспомнит Панкратов.- Интересы революции были для него превыше всего. Когда речь заходила об оппортунистах, о фракционерах из группы “Вперед”, Владимир Ильич был особенно резок и беспощаден. Он клеймил их как ревизионистов и авантюристов” [46].
Панкратов и его товарищи узнают, что в зале научных обществ Ленин выступает с рефератом “Идеология контрреволюционного либерализма”. Речь пойдет об изданном и России и поступившем в Париж сборнике “Вехи”. Его авторы - кадетские публицисты и философы - отреклись от освободительного движения. Они обливают грязью революцию, открыто показывают свое лакейство перед царском властью, восхваляют ее за подавление революции. Авторы “Вех” объявляют материализм “догматизмом”, “метафизикой”, “самой элементарной и низшей формой философствования”. Они стремятся утвердить религиозное миросозерцание.
Ленин дает авторам “Вех” Н. Бердяеву, С. Булгакову, П. Струве и другим публичный бой. И не только в присутствии соратников-большевиков. В переполненном зале на улице Дантона сидят кадеты, эсеры, меньшевики. Владимир Ильич, убеждается Панкратов, разоблачает либералов, показывает трусость и реакционность кадетов, их прислужничество перед царским правительством. Говорит он спокойно, жесты его сдержанны, но аргументы убийственно разоблачают врагов.
А спустя некоторое время петербургская легальная социал-демократическая газета “Новый день” публикует статью Ленина “О “Вехах””. На сей раз уже на ее страницах вступает он в ожесточенный спор с авторами “энциклопедии либерального ренегатства” [47].

“Вехи”:

- Когда интеллигент размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу.

Ленин:

- Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о “долге” высших классов перед народом. Демократ никогда не мог додуматься и никогда не додумается до того, что в дореформенной стране или в стране с “конституцией” 3 июня (3 июня 1907 года были опубликованы царский манифест о роспуске II Думы и новый избирательный закон.) может зайти речь об “ответственности” народа перед правящими классами. Чтобы “додуматься” до этого, демократ, или якобы демократ, должен окончательно превратиться в контрреволюционного либерала [48].

“Вехи”:

- Эгоизм, самоутверждение - великая сила, именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием божьего дела на земле.

Ленин:

- Когда буржуазия помогала народу бороться за свободу, она объявляла эту борьбу божьим делом. Когда она испугалась народа и повернула к поддержке всякого рода средневековья против народа,- она объявила божьим делом “эгоизм”, обогащение, шовинистическую внешнюю политику и т. п. Это было везде в Европе. Это повторяется и в России [49].

“Вехи”:

- Русские граждане должны... благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной.

Ленин:

- Эта тирада хороша тем, что откровенна,- полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905-1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух “Вех”. А “Вехи” хороши тем, что вскрывают весь дух действительной политики русских либералов и русских кадетов, в том числе... Русская демократия не может сделать ни шага вперед, пока она не доймет сути этой политики, не поймет ее классовых корней [50].
“Вехи” пригвождены к позорному столбу. А Ленин готовится к новым сражениям с буржуазными либералами, к новым битвам с меньшевиками-ликвидаторами.
Примечания:
[1] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 262.
[2] Там же, с. 264.
[3] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 167.
[4] Там же, с. 185.
[5] “Исторический архив”, 1955, № 2, с. 8.
[6] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 216.
[7] См. Р. Ю. Каганова. Ленин во Франции. М., “Мысль”, 1972, с. 175.
[8] См. там же, с. 175-176.
[9] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 277-278.
[10] “Переписка семьи Ульяновых”, с. 194-195.
[11] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 284.
[12] “Переписка семьи Ульяновых”, с. 197-198.
[13] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 287.
[14] См. Р. Ю. Каганова. Ленин во Франции, с. 125.
[15] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 365.
[16] Там же, с. 367.
[17] Там же, с. 390.
[18] “Социал-демократ” № 6, 4(17) июня 1909 г.
[19] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 168.
[20] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 278.
[21] Там же, с. 284.
[22] Там же, с. 285.
[23] Там же, с. 286.
[24] Там же, с. 289.
[25] “Переписка семьи Ульяновых”, с. 199.
[26] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 179.
[27] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 291.
[28] Там же
[29] См. “Вопросы философии”, 1957, № 3, с. 123.
[30] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 173.
[31] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 369.
[32] Там же.
[33] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 37.

[34] “Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК” (далее - “КПСС в резолюциях...”), изд. 8, т. 1, 1898-1917. М., 1970, с. 276-277.
[35] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 42.
[36] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 220.
[37] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 184.
[38] “О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы”, с. 103.
[39] Там же, с. 104.
[40] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 19, с. 132.
[41] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 214.
[42] “О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы”, с. 104.
[43] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 200.
[44] Там же, с. 220.
[45] Там же, с. 200.
[46] “О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы”, с. 105-106.
[47] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.
[48] Там же, с. 173.
[49] Там же, с. 174.
[50] Там же, с. 175.

Париж, Мари-Роз…

В Тургеневской библиотеке, что в Латинском квартале, вблизи Люксембургского сада, сегодня особенно многолюдно. Русские революционеры-эмигранты отмечают 70-летие Августа Бебеля, вождя германской социал-демократии.
- Где же Ленин? - спрашивает кто-то. Ленин оборачивается. В двух шагах от него стоит коренастый мужчина.
- Познакомьтесь, Владимир Ильич,- представляют его,- товарищ только что из России.
Незнакомец оказывается Тимофеем Кривовым, слесарем из Уфы, большевиком, бежавшим в России из тюрьмы и появившимся в Париже с паспортом Василия Васильевича Яковлева.
“Ильич,- рассказывает Кривов,- обрушивает на меня поток вопросов, а затем замолкает и, чуть склонив в мою сторону голову, приготовляется слушать. А как он слушает! Он почти не перебивает. Но его живое, подвижное лицо мгновенно отражает и одобрение, и гнев, и беспокойство, и радость. Все чувства слушающего вас Ильича у него на лице, все, кроме равнодушия, потому что равнодушия нет” [51].
Ленин узнает, что его собеседник работал в Уфе - там, где отбывала ссылку Крупская.
- Я бывал в этом городе,- говорит он.- И знал там одного рабочего, по-моему слесаря по профессии.
- Якутова? - спрашивает Кривов.
- Да, да! Что с ним? Где он?
Тут же, в зале библиотеки, Кривов рассказывает о трагической гибели рабочего вожака, с которым еще перед первой эмиграцией виделся Ленин... Рассказывает о последних днях повешенного во дворе уфимской тюрьмы Якутова.
Опечаленный рассказом, нахмуренный сидит Ленин.
- Да...- произносит он.- Мы вступили в страшнейшую схватку с царизмом, и он будет вырывать у нас лучших из лучших. Жертвы с нашей стороны неизбежны. Но нужно, чтобы они были сведены к минимуму. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация. Мы должны беречь людей. Мы должны сохранять их для предстоящих сражений, которые уже близки...
Немало таких встреч у Ленина на рефератах, собраниях. Но больше всего на глухой улочке Мари-Роз, где живут теперь Ульяновы. Она в том же районе, что и старая квартира. Отсюда тоже рукой подать до парка Монсури, где Ленин любит побродить среди старых деревьев,

посидеть на скамейке с книгой или тетрадью в руках, встретиться в воскресные дни с товарищами.
К квартире Ульяновых ведет узкая деревянная витая лестница с круглыми перилами - типично парижская лестница. "У Ильичей,- вспомнит бывающая тут В. Менжинская,- была маленькая квартира с коридором посередине, по обеим сторонам которого были расположены комнаты. В центре квартиры находилась кухня, где Надежда Константиновна и ее мать сами готовили, мыли и убирали посуду... Одна комната считалась общей. Ильичи в этой квартире не только сами жили и работали. Здесь устраивались собрания, иногда останавливались приезжие. В общей комнате почти не было мебели, были только кипы газет. Комната Надежды Константиновны была тоже почти совершенно без мебели - кровать, стол и стул, немного книг на этажерке" [52].
Уже многим известен нынешний адрес Ульяновых. Знают его даже каторжане Александровского централа близ Иркутска. И от одного из них - бывшего члена социал-демократической фракции II Государственной думы В. Анисимова приходит майским утром письмо. "Обращаюсь к Вам за помощью и содействием, обращаюсь к Вам, ибо верю, что отнесетесь участливо и внимательно...- пишет он Ленину.- Не хочется отставать от жизни, обидно выходить в тираж. Хотелось бы годы тюрьмы превратить в годы учения; проделать ту теоретическую работу, которую не успели выполнить раньше. Хотелось бы выйти с лучшей подготовкой, с твердым мировоззрением... Нужно руководство, нужны книги. За ними-то я и обращаюсь к Вам... Мы почти совершенно не знаем, какие вопросы стоят в настоящее время (и в недалеком будущем) на очереди, какие водоразделы разделяют ныне группы... Если бы Вы время от времени писали нам об этом - для нас было бы большим благом" [53].
Узнает Ленин из этого письма, что и в Александровском централе следят, оказывается, за его борьбой с теми, кто искажает основы марксизма, что и туда попала книга "Материализм и эмпириокритицизм", что "она.- как утверждает Анисимов,- произвела большое впечатление" [54], прекратила "философские шатания" многих...
Новый адрес Ульяновых известен и тем, кто приезжает в Париж из российского подполья. И на Мари-Роз, так же как и всюду, где поселяются Ульяновы, кухня становится и гостиной. Здесь принимают они товарищей. Ленин сам готовит для них чай. И это, убеждается часто бывающая тут Л. Сталь, вошло у него в обычай.
Он всегда очень внимателен. Всегда интересуется, как живут товарищи. Причем этот интерес, отмечает Сталь, Владимир Ильич проявляет не формально. В его улыбке, вопросах, заботах всегда ощущается какая-то особая задушевность.
Приезжает Р. Землячка. И сразу же, конечно, на Мари-Роз. "Ильич был счастлив, слушая мои рассказы о Баку, о балаханских рабочих (Балаханы - один из нефтяных районов близ Баку.), начинавших нащупывать почву для ликвидации ликвидаторов" [55],- вспомнит она.
За вечерним чаем Ленин беседует с С. Гопнер. Под партийным псевдонимом Наташа она работала на Украине, чудом спаслась от ареста. А сейчас рассказывает о пережитом в подполье. "Редкими, осторожными вопросами, незаметна для меня самой,- узнаем из воспоминаний Гопнер,- Ленин не давал мне комкать рассказ, направлял его. Все больше увлекаясь, я сообщила о событиях 1909 и 1910 годов в Одессе, Николаеве и Екатеринославе: о попытке издавать в Одессе печатный орган партии, о налете полиции на типографию, о такой же попытке в Екатеринославе, о работе подпольных кружков, о проникновении в кружки тайных агентов охранки, об арестах, о предстоявшем судебном процессе Одесского комитета большевиков" [56].
Дождливым апрельским утром нелегально, с паспортом на чужое имя, вырвавшись из ссылки, появляется в Парижу Т. Людвинская. И тоже приходит на Мари-Роз, к Ленину. "Он был совершенно такой же, каким я его видела впервые в 1907 году на петербургской партийной конференции,- пишет Людвинская.- Все тот же живой, но спокойный и уверенный, все тот же непримиримый к врагам и чуткий к товарищам" [57].
Как и всем, кто появляется на Мари-Роз, Ленин рад молодой подпольщице.
"Я опасалась, что слишком мелко и маловажно то, что я в состоянии буду ему рассказать, и не хватит у меня уменья и слов для того, чтобы обрисовать все мне известное, как надо,- вспомнит Людвинская.- К своей радости, я увидела, что глубоко ошибалась. Дело было не в том, как рассказать,- Ленин направлял собеседника всегда сам, сам подводил его к

основному, показывал во всем главное. Он обладал непревзойденным даром “разговорить” каждого. Моя робость и смущение быстро рассеялись. Какая простота, какой горячий интерес к каждой детали! Нет “лишних” подробностей- все они имеют значение,- говорил он и требовал детального описания каждой мелочи” [58].
Людвинская рассказывает, как живет и работает петербургская организация. Провокаторы провалили отдельные звенья партийного подполья, трусы и маловеры бежали в тяжелые годы из партии. Рассказывает она и о забастовках в столице.
Ленин слушает сидя. Потом встает и начинает по своей привычке быстро шагать по комнате.
- Это хорошо, это хорошо,- повторяет он несколько раз.- Русский народ просыпается к новой борьбе. Идет навстречу новой революции. Начинается полоса нового подъема. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы. Наша партия переживает трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.
Приезжает сюда Горький. Он говорит с Лениным об организации нового издательства. Редактировать книги за границей Горький предлагает Владимиру Ильичу, Воровскому и еще кому-то. В России издательство должен представлять В. Десницкий-Строев. Горький считает: нужно написать книги по истории зарубежных литератур и по русской литературе, истории культуры, которые дали бы богатый фактический материал рабочим для самообразования и пропаганды.
- Но возможно ли это сейчас? - сомневается Ленин.
Он напоминает о цензуре, о трудностях организации нужных людей. Ведь большинство товарищей занято практической партийной работой, писать им некогда. “Но главный и наиболее убедительный для меня довод его, - расскажет Горький,- был приблизительно таков: для толстой книги - не время... Нам нужна газета, брошюра, хорошо бы восстановить библиотечку “Знания”, но в России это невозможно по условиям цензуры, а здесь по условиям транспорта: нам нужно бросить в массы десятки, сотни тысяч листовок, такую кучу нелегально не перевезешь. Подождем с издательством до лучших времен” [59].
А затем они говорят о Думе, о кадетах, о приближающейся мировой войне.
- Война будет,- утверждает Ленин.- Неизбежно. Капиталистический мир достиг состояния гнилостного брожения, уже и сейчас люди начинают отравляться ядами шовинизма, национализма... Пролетариат? Едва ли пролетариат найдет в себе силу предотвратить кровавую склоку. Как это можно сделать? Общеевропейской забастовкой рабочих? Для этого они недостаточно организованы, сознательны. Такая забастовка была бы началом гражданской войны, мы, реальные политики, не можем рассчитывать на это.
По поручению Самарского комитета приезжает к Ленину Г. Соколов - активный участник первой русской революции. Приходят на Мари-Роз, едва появляются в Париже, И. Полонский и Г. Котов, бежавшие из енисейской ссылки. После нелегальной работы в Донбассе прибывает А. Гречнев-Чернов. И Ленин подробно расспрашивает его о вооруженном восстании в Горловке.
На Мари-Роз придет к Ленину и Жан Нувель - секретарь социалистической организации Ниццы и корреспондент “Юманите”. Он увлечен русским революционным движением, хочет помочь большевикам в их пропагандистской работе в России. И, раздобыв доверенность некоего акционерного общества на мнимую покупку лесов в Кутаисской губернии, получит от российских властей визу. Владимир Ильич передаст Нувелю секретный пакет. Жан зашьет его в манжет брюк, чтобы провезти пакет через границу, доставить в Россию соратникам Ленина.
По многу часов проводит Владимир Ильич каждый день в Национальной библиотеке. Чтобы стать ее читателем, потребовалась рекомендация “добропорядочного лица, известного администрации”. И это рекомендательное письмо дал депутат от департамента Ньевр социалист Л. Г. Роблен.
Ленин работает и в главном читальном зале, и в кабинете периодических изданий, где к его услугам почти вся мировая пресса, в том числе и петербургская, московская. Он быстро пробегает взглядом газетные полосы, делает выписки.
Однажды Ленин узнает из газет: российский самодержец отправляется в поездку по Европе. Этот царский визит в Швецию, Италию, Англию, Францию - не обычный акт официальной

дипломатии. Поездка предпринята, чтобы продемонстрировать единство международной реакции.
Ленин пишет в Брюссель, в Исполнительный комитет Международного социалистического бюро: “Шведские социалисты уже сочли необходимым по этому поводу выступить, и от их имени наш товарищ Брантинг (Карл Брантинг - лидер социал-демократической партии Швеции, один из руководителей II Интернационала.) заявил в шведском парламенте - в форме запроса правительству - энергичный протест, проникнутый духом международной социалистической солидарности”. Ленин уверен, что товарищи в других странах разделят мнение Брантинга, что и они выступят с протестом. “Необходимо только,- настаивает он,- призвать их к срочным действиям” [60].
И Международное социалистическое бюро публикует воззвание, призывающее всех рабочих Европы протестовать против визита российского царя. Воззвание находит широчайший отклик в рабочих массах.
Николай Кровавый - так величает в своих статьях российского царя Ленин - прибывает в Швецию. Его чествует королевский двор. А лидер шведских социал-демократов, сообщает в “Пролетарии” Ленин, “протестует против опозорения его страны визитом палача” [61].
Король, придворные, министры, полицейские встречают российского монарха в Италии. А социалистический депутат Одино Моргари по призыву Ленина заявляет о ненависти, о презрении, с которыми относится итальянский рабочий класс к Николаю Погромщику, к Николаю Вешателю.
Российскому монарху готовят торжественную встречу в Париже. Но и тут откликаются на призыв Ленина. Против приезда Николая II выступает Жан Жорес.
“Торжественное празднество вождей международной реакции...- с удовлетворением отмечает в “Пролетарии” Ленин,- сорвано единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран” [62].
На фоне этого гневного протеста против вояжа российского самодержца, заявляет Владимир Ильич, особенно наглядно вырисовывается презренное лакейство перед царизмом российских либералов. Он клеймит их со страниц “Пролетария”. Клеймит депутатов черносотенной Думы, начиная от умеренно-правых и кончая кадетами, восхваляющими “обожаемого монарха”. Обрушивается на превозносящие царя полицейско-продажные газетенки: на “Голос Москвы” - орган партии “Союз 17 октября”, выходящий после пресловутого царского манифеста; на петербургскую черносотенную “Россию”, субсидируемую из секретного фонда правительства.
Эти, как и некоторые иные, российские газеты доставляются в Париж. Но порой ни в Национальной библиотеке, ни в других парижских библиотеках - Арсенале, Сент-Женевьев, Сорбоннской библиотеке, Социального музея на улице Лас Казес - не отыскивается то, что необходимо сейчас Владимиру Ильичу. И тогда, как обычно, он пишет родным. Подсказывает, где, через кого можно раздобыть отсутствующие в Париже книги и газеты.
Как-то Ленин узнает, что в России созывается съезд естествоиспытателей. Будут на нем и статистики. “Крайне важно воспользоваться этим,- обращается он к сестре Марии,- чтобы раздобыть мне земско-статистические издания” [63]. Владимир Ильич перечисляет то, что его сейчас больше всего интересует: о крестьянском и владельческом хозяйстве, особенно текущая статистика и подворные переписи; о кустарях и промышленности; об одном из принятых Столыпиным указов, касающихся крестьянского землевладения. “Если это может быть полезно.- предлагает Ленин,- я могу написать короткое заявленьице-просьбу к статистикам... для того, чтобы знакомые статистики могли ее раздавать (или показывать) статистикам других городов, прибавляя от себя просьбу (или добиваясь согласия) насчет высылки изданий” [64].
Он посылает сестре это “короткое заявленьице”. Его размножают в Москве на машинке. И когда у Марии Ильиничны производят обыск, изымают у нее и листы копировальной бумаги с оттиском ленинской просьбы:
“В. Ильин, работая над продолжением своего сочинения по аграрному вопросу вообще и сельскохозяйственному капитализму в России в частности, убедительно просит статистиков при земских, городских и правительственных учреждениях о высылке ему статистических сведений и т. п.” [65].

В дом на Мари-Роз вскоре начинает поступать так необходимая Ленину литература.
"Московскую городскую статистику получил и очень благодарю,- сообщает он 2 января 1910 года.- Прошу прислать мне 3 брошюрки Московской городской статистики о выборах в 1, 2 и 3 Думу. Получил еще письмо о статистике из Рязани..."
Как рад Владимир Ильич тому, что в России откликнулись на его просьбу. "...Это великолепно,- пишет он сестре,- что помощь мне, видимо, будет от многих" [66].
Но, живя мыслью о России, Владимир Ильич стремился быть ближе и к тем, среди которых сейчас живет. Нередко из дома на Мари-Роз отправляется он туда, где собираются французские рабочие. Это по его совету русские большевики в Париже изучают французский язык, историю революционного движения Франции и других западноевропейских стран, посещают рабочие собрания, участвуют в профессиональном движении, поддерживают все политические мероприятия рабочих организаций столицы.
"Я помню,- пишет Д. Мануильский,- когда в Испании, в форте Монтлюсон, казнили видного анархиста профессора Феррера, и французский пролетариат ответил на это стотысячной демонстрацией, Владимир Ильич шел вместе с рабочими, скандируя лозунги. Глаза его юношески сверкали, и, когда полиция сделала попытку загородить дорогу демонстрантам, Владимир Ильич взялся за руки с другими рабочими, чтобы помешать полиции рассеять демонстрантов, предотвратить избиение. А ведь Владимир Ильич знал подлинную цену испанским анархистам типа Феррера! В своих выступлениях он беспощадно критиковал анархизм, но в то же время знал, что его место там, где идет рабочая масса" [67].
Ежегодно в ознаменование Парижской коммуны рабочие устраивают массовое шествие к Стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез. С ними приходит сюда и Ленин, здесь слушает он Эдуарда Вайяна - старого коммунара, одного из лидеров социалистической партии.
В мартовский день 1910 года правительство мобилизовывает несколько тысяч полицейских. Они выстраиваются у Стены коммунаров, угрожая рабочим избиением. Префект полиции с большой палкой в руках перебивает пытающегося говорить Вайяна:
- Ты все еще не кончил своей прошлогодней речи? - И, обращаясь к полицейским, приказывает: - Выведите их всех.
Полицейские кидаются на демонстрантов. Начинается массовое избиение.
"Нужно было видеть лицо Владимира Ильича в эти минуты: глаза его сверкали негодованием, он сжимал кулаки и, чувствовалось, делал невероятные усилия, чтобы сдержать себя" [68],- рассказывает свидетель этой сцены Мануильский. Ленин среди тех, на кого кидаются полицейские. Вместе с внуками коммунаров он вынужден покинуть Пер-Лашез...
Но с французскими социалистами он не завязывает широких связей. Однажды после окончания его доклада на собрании в эмигрантской библиотеке он говорит С. Гопнер: - У меня нет с ними общего языка.
Слишком далеки французские социалисты от его революционных взглядов. Им присущ дух соглашательства. У них отсутствуют твердые принципы. Они лишь кажутся непримиримыми. А на самом деле, и это знает Ленин, приспосабливаются к различным аудиториям: одно говорят на собраниях рабочих, другое - торговцам и чиновникам.
Еще весной 1908 года в статье "Марксизм и ревизионизм" для издававшегося в Петербурге сборника "Карл Маркс" Ленин заклеймил мильеранизм. Это оппортунистическое течение в социал-демократии, названное по имени французского социалиста Мильерана, вошедшего в состав реакционного буржуазного правительства Франции, он назвал самым крупным опытом "применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе" [69].
Ленин раскрывает ошибки Жана Жореса, с которым встречался на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Не раз выступает он против анархизма и анархо-синдикализма, господствующих в профсоюзном движении Франции. Он утверждает: анархистская фраза вредит французскому рабочему движению.
У Ленина нет никакого желания поддерживать отношения с теми, с кем он расходится во взглядах. Но всегда находит время, чтобы побыть среди простых французов.
"...Как-то пошли в маленький театр неподалеку от нас и остались очень довольны,- сообщает Надежда Константиновна матери Владимира Ильича.- Публика была чисто

рабочая, с грудными младенцами, без шляп, разговорчивая, живая. Интересна была непосредственность, с какой публика реагировала на игру. Аплодировали не хорошей или дурной игре, а хорошим или дурным поступкам. И пьеса была соответствующая, наивная, с разными хорошими словами, приноровленная под вкус публики. Получалось впечатление чего-то очень живого, непосредственного" [70].

О редких развлечениях пишет родным и Владимир Ильич: "До сих пор здесь зима не в зиму, а в весну. Сегодня, напр., прямо весенний, солнечный, сухой и теплый день, который мы использовали с Надей для великолепной утренней прогулки в Булонский лес. Вообще на праздниках мы "загуляли": были в музеях, в театре..." [71]

Ульяновых привлекло имя популярного певца Монтегюса. Сын и внук коммунаров, любимец парижских пригородов, он высмеивает в своих куплетах фабрикантов, домовладельцев, генералов, проклинает войну:

Истребляют друг друга, даже не видевшись ни разу, Убивают друг друга, не зная за что..

Отыскав по газетам, где поет Монтегюс, Ульяновы отправляются то в театр в Монруже, то в зал на авеню д'Орлеан или в "Бобино" на улице Гетэ, то в окраинные мюзик-холлы. Ленин любит песни этого шансонье в рабочей блузе с красным фуляром вокруг шеи, с прядью черных волос, свисающей из-под козырька каскетки. Невольно поддается он зажигающим словам куплетов, славящим солдат 17-го пехотного полка, восставшего в Агде и отправившегося в Безье брататься с толпой, когда "бунт оборванцев" охватил весь юг страны:

Честь и хвала солдатамСемнадцатого полка!Честь и хвала ребятам!Их связь с народом крепка.Честь и хвала солдатам!Их подвиг ярко горит."Спасибо",- своим солдатамРеспублика говорит. (Перевод Павла Антокольского.)

Ленин и Крупская попадают однажды и на концерт эстонского скрипача Эдуарда Сырмуса. Это музыкант-революционер. Еще в 1904 году он был арестован "по подозрению в принадлежности к группе лиц, занимавшихся преступной пропагандой среди нижних чинов флота в г. Кронштадте" [72]. А выйдя из тюрьмы, редактировал в Петербурге эстонскую социал-демократическую газету "Эдази" ("Вперед"), считавшую Ленина главным своим сотрудником. Гонения вынудили Сырмуса покинуть российскую столицу. Он уехал в Финляндию, оттуда в Швецию, затем в Норвегию и, наконец, во Францию.

Ленин помнит: как-то Сырмус подошел к нему на собрании большевистской группы, представился и глухим от вол нения голосом спросил:

- Что мне делать, Владимир Ильич? Я большевик, но очень люблю скрипку... Имею ли я право играть? Ленин ответил тогда:

- Да, имеете, если будете скрипачом-большевиком! Музыка, товарищ, громадная сила, ее надо использовать для наших целей, для классовой борьбы. Вы, как большевистский агитатор, сами должны знать, как использовать скрипку в качестве инструмента агитации.

В тот вечер Сырмус поделился с Лениным своей мечтой: играть перед рабочей аудиторией и здесь же, на концертах, разъяснять рабочим их цели в революционной борьбе. Пройдет более двадцати лет, и музыкант напишет Горькому: "...Я говорил т. Ленину о своей идее скрипкой содействовать эмансипации пролетариата. Тов. Ленин очень заинтересовался этой идеей..." [73]

И вот Сырмус выступает в Париже перед русскими политическими эмигрантами. Он посвящает концерт памяти героев Парижской коммуны. В полутемном зале, сидя в задних рядах, Владимир Ильич слушает его вдохновенную игру. Он покидает концерт убежденным, что скрипачу надо во что бы то ни стало помочь. Это Ленин, сообщит Сырмус Горькому, "помог мне некоторое время учиться в Париже" [74]. По инициативе Ленина партия выделяет деньги на совершенствование мастерства эстонского музыканта.

На партийную стипендию учится Сырмус у профессоров Анри Марто и Люсьена Капэ. "Работая с железной неутомимостью,- сообщит о нем в 1912 году в "Парижском вестнике" Луначарский,- Сырмус приобретает редкую технику и наконец чувствует в себе силы вновь начать свое дело с богатым репертуаром, находящимся в полной власти виртуоза. Первые концерты в Люцерне и Цюрихе вызвали восторги публики и критики" [75]. И с той поры имя Сырмуса, которого оценил, которому помог учиться Ленин, не сходит со страниц газет почти всех стран Европы.

Но вернемся на Мари-Роз, где живут Ульяновы. Покидая Женеву и перебираясь на берега Сены, Ленин надеялся, что в большом городе за ним будут меньше следить. А на самом деле он и здесь в поле зрения агентов царской охранки.
Еще осенью 1909 года от заграничной агентуры узнали в Петербурге о готовящемся Международном социалистическом конгрессе. И еще тогда уведомили из российской столицы всех начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений, что "на помянутом съезде будет присутствовать в качестве делегата от Российской социал-демократической рабочей партии известный деятель последней Ленин..." [76]. А вскоре глава заграничной агентуры сообщил из Парижа в Петербург: "...на очередном собрании 2-й Парижской группы содействия РСДРП Ленин прочел доклад о последнем заседании Международного социалистического бюро... в коем он принимал участие в качестве представителя русской социал-демократии, коснувшись главным образом принципиальной стороны тех восьми вопросов, которые намечены бюро к обсуждению на предстоящем летом 1910 г. в Копенгагене Интернациональном социалистическом конгрессе" [77].
Международный конгресс II Интернационала открывался в воскресенье 28 августа. Но еще за три недели до этого Ленин пишет в Копенгаген М. Кобецкому, большевику, занимающемуся транспортировкой в Россию печатающейся за границей литературы: "Я бы хотел воспользоваться конгрессом в Копенгагене, чтобы поработать в Копенгагенской библиотеке" [78]. Он просит узнать, открыты ли в сентябре копенгагенские библиотеки, ибо ему необходимо познакомиться в них с материалами о сельском хозяйстве Дании. И сколько стоит, понедельно и помесячно, меблированная комната в Копенгагене? Может ли Кобецкий, не отрываясь от своих занятий, помочь ему ее найти?
Примечания:
[51] "Штрихи великого портрета". М., изд-во "Правда", 1957, с. 8.
[52] "Неделя", 1964, № 4, с. 6.
[53] См. Э.Ш. Хазиахметов. Ленин и ссыльные большевики Сибири, с. 51.
[54] См. там же, с. 52.
[55] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2, с. 84.
[56] Там же, с. 293-294.
[57] "Новое время", 1960, № 12, с. 11.
[58] Там же.
[59] М. Горький. Литературные портреты, с. 19-20.
[60] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 286.
[61] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 54.
[62] Там же.
[63] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 300.
[64] Там же.
[65] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 225-226.
[66] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 303.
[67] "О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы" с. 108-109.
[68] Там же, с. 109.
[69] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 23.
[70] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 438.
[71] Там же, с. 302.
[72] Ленинградский государственный исторический архив, ф. 14, оп. 25, ед. хр. 33, л. 119.
[73] "Советская музыка", 1963, № 11, с. 49.
[74] Там же.
[75] "Парижский вестник" № 47, 23 ноября 1912 г.
[76] "Красный архив", 1934, т. 1(62), с. 220.
[77] Там же, с. 221.
[78] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 261.

Сражение в Копенгагене

Ленин приезжает из Парижа утром 26 августа. Он выходит из купе третьего класса. На нем недорогой темно-синий в узкую белую полоску летний костюм, панама с широкими полями.
Кобецкий снял ему крошечную комнатку в квартире рабочего на улице Вестерброгаде. Снял по дешевке, как просил Ленин, за 14 крон в месяц.
Комната с одним окном, на втором этаже. Обстановка более чем скромная. Владимира Ильича, впрочем, интересует только стол, за которым он мог бы работать.
- Очень хорошо,- говорит он, осмотревшись.
Конгресс, на который прибыл Ленин, открылся во “Дворце концертов”, украшенном социалистическими лозунгами, плакатами. В обширном зале - 900 делегатов из 23 стран, в том числе из России, свыше сотни представителей печати.
Звучит музыка: оркестр копенгагенской оперы играет приветственную кантату, слова которой написаны поэтом Мейером. Выступает датский рабочий хор из полутысячи певцов. А затем поднимается председатель Международного социалистического бюро Э. Вандервельде и громко провозглашает:
- Объявляю восьмой Международный социалистический конгресс открытым!..
В этот день Ленин видит на улицах датской столицы огромную демонстрацию. Видит рабочих, выстроившихся на Западном бульваре, недалеко от вокзала, красные знамена. На больших плакатах читает лозунги: “Да здравствует международный пролетариат!”, “Да здравствует международное братство трудящихся в борьбе против капитализма!” А затем под звуки пятнадцати больших оркестров гигантская демонстрация приходит в движение. Вот как описывает ее очевидец: “Лес красных знамен. Красные гвоздики в петлицах у мужчин, красные бутоньерки у женщин на груди.
Тысячи молодых девушек в красных шапочках... Больше часа дробный топот рабочих батальонов оглашает улицы Копенгагена, и наконец весь кортеж вступает в большой пригородный парк Зондермаркен. Здесь демонстрантов уже ожидает громадная толпа. Все смешивается и сливается в исполинское море голов. Народу не меньше ста тысяч...” [79]
Деловая работа конгресса начинается на следующий день. Но сосредоточивается она не на пленарных заседаниях, а в комиссиях. Здесь развертывается борьба мнений. Здесь определяется характер принимаемых решений.
“Я заметил,- пишет И. Майский, присутствовавший на конгрессе от русской прессы,- что все более активные люди среди делегатов, все те, кто хотел оказать действительное влияние на решения конгресса, а не только блеснуть красноречием перед международной аудиторией,- все такие люди шли в комиссии, выбирая для себя ту комиссию или те комиссии, которые они считали особенно важными” [80].
Вместе с Луначарским, выступающим под именем Воинова, Ленин представляет Россию в кооперативной комиссии. Ведь вопрос о кооперации - один из существеннейших в борьбе за укрепление сил международного пролетариата. Оппортунисты между тем выдвинули тезис “нейтральности” кооперативов. Тезис ошибочный, вредный.
Нелегко Ленину отстаивать здесь собственную позицию, ибо трудное положение на конгрессе у русских социал-демократов. Трудное главным образом потому, что в России только что подавили революцию, что тысячи революционеров там казнены, сосланы на каторгу, брошены в тюрьмы, что партия ушла в подполье, а обессилевшие профсоюзы находятся на полулегальном положении.
А тут еще удар, нанесенный в спину. В центральном органе германской социал-демократии - газете “Форвертс” 28 августа, в день открытия конгресса, появляется статья о положении дел в РСДРП. Она носит подзаголовок: “От нашего русского корреспондента”. И хотя статья анонимна, Ленин сразу же определяет: автор - Троцкий.
Ленин и Плеханов, еще до конгресса объединившие свои усилия в борьбе против ликвидаторов, а также представитель Социал-демократии Королевства Польского и Литвы А. Барский пишут гневное письмо. Оно адресовано правлению социал-демократической партии Германии: “В разгар работы Международного конгресса, на котором все охвачены стремлением сохранять социалистическое единство, со всею осторожностью обсуждать внутренние споры партий в отдельных странах, по возможности избегать вмешательства в эти споры, пропагандировать силу, величие и моральный престиж социал-демократии во

всех странах, в это самое время в Центральном органе Германской партии вдруг появляется без какого-либо повода, без всякой видимой надобности статья с невероятными нападками на русскую социал-демократию” [81].
Ленин, Плеханов и Барский с возмущением указывают на то, что автор беззастенчиво критикует все социал-демократическое движение России, что он стремится представить перед заграницей в самых мрачных красках упадок, бессилие и разложение социал-демократии в России. В анонимной статье раскритикованы все без исключения фракции и направления в РСДРП, содержатся грубые нападки на Центральный Комитет и центральный орган партии.
Анонимный автор, подчеркивают Ленин, Плеханов и Барский, стремился своей статьей повредить интересам социал-демократического движения России. И, опубликовав эту статью, центральный орган германской социал-демократии нарушил свой интернациональный долг.
Однако Ленин не отступает перед трудностями, отстаивая революционные взгляды на кооперативное движение. Оно должно быть подчинено задачам борьбы за социализм. Владимир Ильич вносит в комиссию собственный проект резолюции. В нем утверждается, что “пролетарские кооперативы получают все более важное значение в массовой экономической и политической борьбе, оказывая помощь при стачках, локаутах, преследованиях и т. п.”. Ленин указывает на их роль и тогда, когда “они организуют массы рабочего класса, обучают его самостоятельному ведению дел и организации консума, подготовляя его в этой области к роли организатора экономической жизни в будущем социалистическом обществе” [82]. Ленинская резолюция призывает рабочих всех стран всячески содействовать развитию пролетарской потребительской кооперации, вести в кооперативных организациях пропаганду идей классовой борьбы и социализма, стремиться к более полному сближению всех форм рабочего движения.
Ленин знает, что при сложившемся в комиссии соотношении сил его резолюция не имеет шансов быть принятой. Но он не намерен сдаваться без боя. Он стремится привлечь на свою сторону колеблющихся, вырвать уступки у оппортунистов. И пристально следит поэтому за ходом прений, находит у противника слабое место и, открыв его, стремительно бьет по нему. Бьет не только сам, но и с помощью друзей, единомышленников, к которым то и дело летят через зал его маленькие записки.
Ленин поддерживает с ними самый тесный контакт. Убеждает выступить то Розу Люксембург, то голландца Флоренциуса Вибо, то немецкого социал-демократа Эммануила Вурма.
- Он губит партию! - негодует Дан после одного из дебатов.
- Как же это так, что все бессильны против одного? - возражают лидеру меньшевиков.
- Да потому,- со злобой и раздражением отвечает тот,- что нет больше такого человека, который все двадцать четыре часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с таким!
Ожесточенная борьба вокруг вопроса о кооперации - одного из основных на Копенгагенском конгрессе - завершается в конечном счете принятием резолюции, которой доволен Ленин. “...Мы должны сказать,- не скрывая ни от себя, ни от рабочих недостатков резолюции,- говорит он,- что Интернационал дал правильное в основных чертах определение задач пролетарских кооперативов” [83].
Повсюду идет гонка вооружений. С каждым днем растет угроза мировой войны. И конгресс рассматривает меры борьбы с милитаризмом. Он принимает антивоенную резолюцию. В ней - те же поправки, которые вошли уже в аналогичную резолюцию Штутгартского конгресса. Вновь подтверждается: рабочий класс и его представители в парламентах не должны допускать войны, но, если она все же вспыхнет, использовать все возможности для ее прекращения, и прежде всего вызванный войной экономический и политический кризис для свержения капиталистического строя.
Кажется, Ленин не покидает дворца, где работает Международный социалистический конгресс. И все же выкраивает время, чтобы побывать в Королевской публичной библиотеке. Днем, в перерыве между заседаниями, он заходит туда. Перед ним стопки книг о Дании.

Давно уже интересуется Ленин этой страной. Еще в 1908 году в сборнике “Текущая жизнь” опубликовал он двенадцатую, последнюю главу своей изданной ранее работы “Аграрный вопрос и “критики Маркса””. Эту главу Ленин посвятил земледельческим отношениям и порядкам в Дании, представляющим, как признал он, “особенно много интереса для экономиста” [84]. Проанализированные им статистические данные позволили прийти тогда к заключению, что и эта “идеальная” с точки зрения противников марксизма страна сконцентрировала в себе характернейшие черты капиталистического аграрного строя. Ленин тщательно исследовал экономические и социальные отношения в датском сельском хозяйстве. Он уже убедился: общие законы развития капитализма, классовые противоречия затронули маленькую Данию. И все же намерен воспользоваться пребыванием в Копенгагене, чтобы продолжить изучение страны.

В Королевской публичной библиотеке Владимир Ильич прежде всего обращается к трудам по датской аграрной статистике. Ему приносят книги, охватывающие несколько десятилетий. Множество выписок делает он из статистических таблиц. И позднее использует собранный сейчас материал для характеристики сельского хозяйства Дании.

Но немного времени удается выкроить на занятия в библиотеке. Конгресс занимает почти весь день. И не только его пленарные заседания, работа в кооперативной комиссии. Ленин совещается с левыми социал-демократами во II Интернационале Ж. Гедом, Ю. Мархлевским, А. Брауном, Д. Благоевым и другими. Он встречается с участниками конгресса от РСДРП.

Однажды все же, как ни заняты делами эти напряженные дни, отправляется Владимир Ильич за город. На двух пароходиках - участники конгресса. Их везут в очаровательное курортное местечко на берегу пролива Эресунн.

Только к вечеру пароходы возвращаются в Копенгаген. На рейде - белая яхта русского царя “Полярная Звезда”. И делегаты конгресса - почти тысяча человек!-запевают “Интернационал”.

В этот вечер, как и во все другие вечера, допоздна горит свет в комнате Ленина. Допоздна сидит он, склонившись над столом.

- Кто этот русский? - спрашивает мужа Эллен Петерсен- хозяйка квартиры, в одной из комнат которой живет Ленин.

Муж пожимает плечами:

- Кто его знает?

- Он много испытал в своей жизни,- говорит жена.- Я чистила его обувь, и она стоптана...

Ленин покидает Копенгаген. Но не в Париж, а в Стокгольм держит путь. Там он должен встретиться с матерью.

Давно уже не видел он ее. Первого апреля поздравил Владимир Ильич Марию Александровну с 75-летием. А десять дней спустя написал о возможности встречи за пределами России: “Насчет нашего свидания в августе было бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога” [85]. Он тщательно продумал весь ее путь: “От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход “Буре” - обставлен отлично, открытым морем идет 2-3 часа, в хорошую погоду езда как по реке. Есть обратные билеты из Питера”. Как мечтает он об этой встрече: “Если бы только не утомительность железной дороги, то в Стокгольме чудесно можно бы провести недельку!” [86]

Мать давно уже готовилась к этой трудной в ее годы, но радостной поездке. До Финляндии ее проводила дочь Анна, дальше с ней будет Мария. Надо лишь дождаться письма от сына. И вот оно приходит:

“Дорогая мамочка! Посылаю тебе и Анюте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера. С Маняшей списался вполне: 4 сентября по стар, стилю, т. е. 17. IX по новому жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю 17-24. IX мне наймет в Стокгольме товарищ” [87].

О том, как добирается Мария Александровна с дочерью Марией в Стокгольм, рассказывает ее письмо. Адресовано оно в Териоки, другой дочери - Анне:

“На пароходе было очень хорошо: отправились мы по морю, пообедав в Або, где погуляли в хорошеньком садике- против самого вокзала - и по некоторым улицам. На пароходе имели хорошую каюту на 2 места, погода стояла прекрасная все время, и мы были

постоянно на палубе. Качки совсем не было... Пароход опоздал и подошел к Стокгольму в начале 10-го. Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидели Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она прямо взвизгнула от радости, когда увидала его..."
Владимир Ильич встречает мать и сестру на пристани. "Я нашла его очень похудевшим и изменившимся,- отмечает Мария Александровна,- но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо" [88].
Они едут на снятую неподалеку квартиру. Ее адрес известен из письма, присланного Лениным Кобецкому,- дом № 17 по Каптенсгатан у фрекен Берг. "Сняли 2 комнаты: одна, побольше, для меня и Мани,- сообщает дочери Анне Мария Александровна,- другая - для него, очень хорошенькие и чистые, не высоко подниматься. Снял он их на 12 дней" [89].
Ленин и здесь много работает. С утра он обычно в библиотеке штудирует литературу о кооперации. Делает выписки из работ по статистике сельского хозяйства Германии. Производит подсчет данных к своей статье "Капиталистический строй современного земледелия". А после обеда посвящает все время матери, прогулкам по городу. "Гуляем эти дни очень много,- пишет Мария Александровна дочери Анне,- осматриваем город и окрестности: прелестные здесь скверы и парки, масса цветов, красивые фонтаны. Вчера сидели долго в одном парке, слушали музыку" [90].
Мать присматривается к сыну, которого не видела уже давно. Да, он, конечно, похудел, но выглядит бодрым.
В Стокгольме Ленин выступает с рефератами о Копенгагенском конгрессе. "Вчера,- сообщает мать Анне,- В. читал реферат, Маня пошла с ним, а я залегла раньше спать... Следующую субботу В. собирается опять читать реферат..." [91]
На сей раз Мария Александровна идет с сыном на собрание большевистской группы. Никогда еще не доводилось ей видеть и слышать его выступающим перед большой аудиторией. "Мне кажется,- наблюдая за матерью, приходит к заключению дочь,- что, слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать... Об этом говорило ее изменившееся лицо" [92].
Мать переносится мысленно в мартовский день 1887 года. В Петербурге, в судейском зале, без публики заседает особое присутствие сената. Судят ее сына Александра, вместе с другими участниками террористической группы готовившего убийство Александра III.
В мрачном полутемном зале произносит Александр Ульянов свое последнее слово:
- Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно... Наша интеллигенция настолько слаба физически и не организована, что в настоящее время не может вступать в открытую борьбу и только в террористической форме может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни. Террор есть та форма борьбы, которая создана XIX столетием, есть та единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное духовной силой и сознанием своей правоты... Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело...
Почти четверть века прошло с тех пор, как слушала Мария Александровна в судейском зале своего старшего сына. Кажется, срок небольшой. А как много изменилось за это время. Другого сына слушает она сейчас. И говорит тот не о горсточке героев, готовых умереть за святое дело, не о терроре, а о партии, зовущей к свержению самодержавия, говорит об упорной борьбе миллионов, революционной борьбе пролетариата...
Быстро пролетают две недели, проведенные Лениным в Стокгольме с матерью и сестрой. "Когда мы уезжали,- вспоминает сестра Мария,- Владимир Ильич проводил нас до пристани - на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании, и Владимира Ильича могли там арестовать,- и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице! Точно он предчувствовал, что это было его последнее свидание с матерью" [93]. Ее не станет почти шесть лет спустя - в июле 1916 года.
Примечания:
[79] И. М. Майский. Воспоминания советского посла. Кн. I, с. 338.
[80] Там же, с. 344.
[81] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 296-297.

[82] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 310.
[83] Там же, с. 353.
[84] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, с. 245.
[85] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 311.
[86] Там же, с. 311-312.
[87] Там же, с. 316.
[88] "Переписка семьи Ульяновых", с. 232.
[89] Там же.
[90] Там же, с. 234.
[91] Там же.
[92] Д. А. Ершов. М. И. Ульянова (Очерк жизни и деятельности) Изд. 2. Саратов, 1965, с. 50.
[93] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 1, с. 211.

Накануне нового подъема

В Париже ждет Ленина З. Кржижановская. Она приехала из России. Подробно рассказывает о положении в местных партийных организациях. И Владимир Ильич внимательно слушает. Потом забрасывает вопросами. Передает через нее поручения Центральному Комитету РСДРП.

Сразу же засаживается он за неотложные письма. В одном из них сообщает: "Мартову и Троцкому я хочу ответить..." [94]

И тот и другой выступили в "Нойе Цайт" - журнале германской социал-демократии. Грубо исказили они сущность большевизма. Оболгали русскую революцию. Не может Ленин оставить их статьи без ответа!

Владимир Ильич ходит по комнате, как обычно, обдумывая прежде то, что выльется вскоре из-под пера. Мысленно ведет бой и с Мартовым, и с Троцким. Обнажает то, что прикрыли оба в штутгартском журнале "марксистскими" словечками, "несдержанным" фразерством.

Троцкий. "Иллюзия" думать, будто меньшевизм и большевизм "пустили глубокие корни в глубинах пролетариата" [95].

Ленин. "Это - образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в "глубинах пролетариата", а в экономическом содержании русской революции лежат корни расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Суть не в том, "глубоко" ли проникли теоретические формулировки разногласий в те или иные слои пролетариата, а в том, что экономические условия революции 1905 года поставили пролетариат в враждебные отношения к либеральной буржуазии - не только из-за вопроса об улучшении быта рабочих, но также из-за аграрного вопроса, из-за всех политических вопросов революции и т. д. Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: "сектантство", "некультурность" и т. п., и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства - значит опускаться до уровня вульгарных журналистов" [96].

Мартов. "Во всей Западной Европе крестьянские массы считают годными к союзу (с пролетариатом) лишь по мере того, как они знакомятся с тяжелыми последствиями капиталистического переворота в земледелии; в России же нарисовали себе картину объединения численно слабого пролетариата с 100 миллионами крестьян, которые еще не испытали или почти не испытали "воспитательного" действия капитализма и потому не были еще в школе капиталистической буржуазии" [97].

Ленин. "Это не обмолвка у Мартова. Это - центральный пункт всех воззрений меньшевизма... Мартов подменил школу капитализма школой капиталистической буржуазии (в скобках будь сказано: другой буржуазии, кроме капиталистической, на свете не бывает). В чем состоит школа капитализма? В том, что он вырывает крестьян из

деревенского идиотизма, встряхивает их и толкает на борьбу. В чем состоит школа "капиталистической буржуазии"?.. В том, что русская либеральная буржуазия в 1905-1907 годах систематически и неуклонно предавала крестьян, перекидывалась по сути дела на сторону помещиков и царизма против борющихся крестьян, ставила прямые помехи развитию крестьянской борьбы... Мартов защищает ((воспитание" крестьян (революционно боровшихся с дворянством) либералами (которые предавали крестьян дворянам)" [98].
То, что сейчас пишет Ленин, призвано раскрыть исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, обнажить всю пошлость и гнусность, все "нелепости и извращения" [99] в печатных выступлениях противников большевизма. "Ведь это прямо скандал,- заявляет Ленин Юлиану Мархлевскому, работающему в германской социал-демократии,- что Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом "научных" статеек!!" [100]
Ленин не намерен оставлять их безнаказанными. "Троцкий,- с гневом пишет Владимир Ильич,- извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции" [101]. Троцкий говорит немецким читателям о ""распаде" обеих фракций, о "распаде партии", о "разложении партии"" [102]. Но это неправда и свидетельствует она, во-первых, о "полнейшем теоретическом непонимании Троцкого" [103], о том, что эта неправда призвана им для создания своей фракции. "Рекламируя свою фракцию,- негодует Ленин,- Троцкий не стесняется рассказывать немцам, что "партия" распадается, обе фракции распадаются, а он, Троцкий, один все спасает" [104].
Ленин ставит в известность читателей своей статьи: в Копенгагене он, а также Плеханов и Барский заявили решительный протест против того, как изображает Троцкий в немецкой печати дела российской социал-демократии.
Там, в Копенгагене, на конгрессе Ленин вновь сблизился с Плехановым. Их объединило общее стремление сохранить нелегальную марксистскую партию. Участники конгресса - большевики во главе с Лениным и меньшевики-партийцы, в том числе Плеханов, договорились о совместном издании популярного нелегального органа - "Рабочей газеты". Уже здесь, в Париже, Ленин пишет "Объявление об издании "Рабочей газеты"". Он подчеркивает в нем: русский рабочий класс доказал, что он единственный до конца революционный класс, что он единственный руководитель в борьбе за свободу. И к рабочему обращается в первую очередь новая нелегальная газета. "Ему нужно знать все о политических задачах партии, о ее строительстве, о внутрипартийной борьбе,- заявляет Ленин.- Ему не страшна неприкрашенная правда о партии, укреплением, восстановлением и перестройкой которой он занят. Ему не помогают, а приносят вред те общереволюционные фразы, те слащаво-примиренческие возгласы, которые он находит в сборниках "Вперед" или в газете Троцкого "Правда" (Эта фракционная газета троцкистов издавалась сначала во Львове, затем в Вене в 1908-1912 годах.), не находя ни там, ни здесь ясного, точного, прямого изложения партийной линии и партийного положения" [105].
"Рабочая газета" печатается в Париже. Ее первый номер откроет статья Ленина "Уроки революции". Она утверждает, что никакая сила на земле не способна будет удержать наступления свободы в России, когда на борьбу поднимется масса городского пролетариата и, отодвинув колеблющихся и предателей - либералов, поведет за собой и сельских рабочих, и разоренное крестьянство.
Первый номер "Рабочей газеты" с этими полными оптимизма строками выходит 12 ноября 1910 года. "Посылаю его Вам вместе с листком и подписным листом,- сообщает Владимир Ильич Максиму Горькому.- Сочувствующие такому предприятию (и "сближению" большевиков с Плехановым) члены каприйско-неаполитанской колонии приглашаются оказывать всяческое содействие. ""Рабочая Газета" нужна..." [106]
Невелик ее тираж - всего лишь две тысячи экземпляров. Да и на это деньги наскребли с трудом. А спрос на газету большой. Разными путями значительную часть тиража доставляют в Россию - в Баку, Житомир, Казань, Одессу, Ростов-на-Дону, Саратов, Петербург, Сольвычегодск, Сызрань, Туринск, Канск, множество других мест. И в Париж, на Мари-Роз, на квартиру Ленина доставляют из России первые отзывы о "Рабочей газете". Из Коломенского уезда Московской губернии. "№ 1 "Рабочей газеты" получили, шлем спасибо. Читали газету всем миром, все партийцы... Газета, которая встает на защиту

партии и на защиту революционных лозунгов, в высшей степени необходима и полезна. Уделяйте внимание и крестьянам, которые здесь не бросают землю, отходя в мастеровые" [107].
Из Казани. "Первый № "Рабочей газеты" читался нарасхват. Его приветствовали, как начало нового предприятия, как раз именно отвечающего назревшим потребностям настоящего времени" [108].
Из Двинска. "Радость была большая, так как около года не видели нелегальной литературы. Жаль, что всего несколько экземпляров. Давно уже не видели мы Ленина и Плеханова в одном газетном предприятии..." [109]
В эти дни мировая печать склоняет на все лады имя Льва Толстого: "Исчезновение Толстого!", "Бегство графа Толстого!", "Внезапный отъезд Толстого из Ясной Поляны!", "Лев Толстой остается ненайденным!". Исчезновение Толстого представляет самую важную из европейских новостей, ибо в течение тридцати последних лет он является величайшей духовной силой эпохи.
Каждое утро в Национальной библиотеке на страницах французских и прочих зарубежных газет Владимир Ильич прежде всего отыскивает сообщения, полные то надежд, то тревоги. С нетерпением ждет почты из России, доставляющей "Русские ведомости", "Речь", "Голос Москвы". И прочитывает ноябрьским утром облетевшие мир слова: "Толстого не стало".
Его смерть всколыхнула по всей России студенческие и рабочие массы. В Петербурге, сообщают зарубежные и российские газеты, почти во всех высших учебных заведениях началось брожение. Студенты университета, технологического и политехнического институтов, Высших женских курсов прошли по столичным улицам с пением "Вечной памяти". Останавливались у церквей, синода, правительственных учреждений. А затем в учебных заведениях начались сходки. Студенты решили провести общегородскую демонстрацию под лозунгом "Долой смертную казнь!".
В Париж доставляют номер "Русских ведомостей" с описанием того ноябрьского дня, когда тысячи студентов и курсисток запрудили главные улицы столицы. Владимир Ильич делает из газеты выписки об этой грандиозной манифестации: о том, что на Невском собралось не менее десяти тысяч человек, что на Петербургской стороне "у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих", что "полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова" [110].
К Ленину поступают из Петербурга сообщения о том, что в этот ноябрьский день "Васильевский остров, Петербургская сторона и Выборгская сторона имели взбудораженный вид, напоминавший старые 1904-1905 годы" [111], что против демонстрантов были двинуты полиция и войска чуть ли не всех родов оружия, что штыками и нагайками рассеяли студентов и рабочих. Ленин читает в парижских газетах об аресте в Петербурге тринадцати членов бюро профсоюзов за попытку организовать рабочую демонстрацию.
- Не начало ли поворота? - спрашивает Ленин и так называет статью для "Социал-демократа".
Два года назад, в сентябре 1908 года, на страницах "Пролетария" появилась ленинская статья "Лев Толстой, как зеркало русской революции". Теперь Ленин публикует новые статьи о великом художнике. Высоко оценивает Владимир Ильич его творчество. "Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции" [112], - заявляет Ленин в "Социал-демократе".
Владимир Ильич пишет:
"Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат" [113].
В эти дни приходит из Петербурга очередная книжка "Нашей зари" - легального журнала меньшевиков-ликвидаторов. В ней Ленин находит статью Базарова, содержащую поразительные образцы беспринципности в оценке Толстого. "Наша интеллигенция,- утверждает тот,- разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную

умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого - всего Толстого - своей совестью” [114].
- Это - неправда,- категорически возражает Ленин.- Это - фраза.
И пишет статью “Герои “оговорочки””. Направлена она против “самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого...” [115]. Против тех, кто извращает его философские взгляды.
В Петербурге в это время идет подготовка к выпуску новой газеты - “Звезда”.
Еще в Копенгагене, в дни работы Международного социалистического конгресса, беседовал о ней Ленин с прибывшими из России товарищами. На созванном там совещании договорились издавать в России нелегальный партийный орган. Он будет освещать деятельность думской социал-демократической фракции, бороться с ликвидаторами, отзовистами, примиренцами.
Пристально следит сейчас Ленин из Парижа за тем, как в муках рождается “Звезда”. И не только следит. Принимает энергичные меры, чтобы обеспечить газету материалами. Пишет сам, заказывает для нее статьи другим авторам.
8 ноября 1910 года. Ленин сообщает В. Бонч-Бруевичу в Петербург: “Беспокоюсь крайне за судьбу детища” [116]. Он просит держать его в курсе всего, что связано с новым изданием. “Раза два в неделю - это минимум хоть маленьких вестей от Вас, чтобы поддерживать связь и чувствовать близость к делу...- пишет Владимир Ильич Бонч-Бруевичу.- Очень прошу поэтому: пишите, пишите почаще и поподробнее” [117].
10 ноября. Снова Ленин шлет в Петербург письмо, снова обращается к Бонч-Бруевичу: “...Получил вести очень беспокойные, говорящие как будто о некоторых неладах у вас” [118]. Эти “нелады” вызваны намерением некоторых российских товарищей сделать “Звезду” органом социал-демократической фракции III Государственной думы, привлечь на этом основании к сотрудничеству в ней депутатов-меньшевиков. “Очень и очень желал бы,- просит Ленин,- чтобы дело уладилось без трений. Пора, чертовски пора, браться скорее за газету...” [119]
14 ноября. Владимир Ильич пишет о том же Горькому на Капри: “Совсем было наладили в Питере еженедельную газету вместе с думской фракцией (тамошние меньшевики клонят, к счастью, не к ликвидаторам, а к Плеханову), да дело затормозилось опять черт знает из-за чего” [120].
4 декабря. Ленин, по его собственному выражению, отправляет в этот день в Петербург для “Звезды” “ряд вещичек” [121], в том числе “о причинах и значении сближения большевиков и меньшевиков”, свою статью “Разногласия в европейском рабочем движении”, материалы об октябристах.
7 декабря. Владимир Ильич сообщает одному из организаторов “Звезды” - Н. Полетаеву: “С великим трудом добились у одного здешнего издателя тысячи рублей еще и посылаем Вам завтра” [122].
29 декабря 1910 года в Петербурге выходит наконец первый номер “Звезды”. В ней - статья Ленина “Разногласия в европейском рабочем движении”. Подписана она давним его псевдонимом - В. Ильин. За той же подписью в следующем номере появляется другая его статья - “О некоторых особенностях исторического развития марксизма”. А затем, уже в 1911 году, “Звезда” опубликует написанные в Париже ленинские статьи “Л. Н. Толстой и его эпоха”, “Кадеты о “двух лагерях” и о “разумном компромиссе””, “Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев”, “Кадеты и октябристы”.
В то время, когда в Петербурге создается “Звезда”, в Москве готовится первый номер другого легального большевистского органа - философского и общественно-экономического журнала “Мысль”. Ленин написал для него статьи “Герои “оговорочки””, “О статистике стачек в России”. И в первые январские дни журнал поступает к нему из России. “...Вся наша и радует меня безмерно”,- сообщает Ленин о выходе “Мысли” Горькому. Именно поэтому тревожит ее судьба: “Только хлопнут ее быстро” [123]. И журнал, как предсказывает Ленин, действительно “хлопнут быстро”: в апреле 1911 года он будет запрещен.
Но вернемся к последним дням 1910 года. Ленин выпускает в Париже очередной номер “Рабочей газеты”. Он сообщает с ее страниц то, что оставалось до сих пор неизвестным: о расстреле в январе 1906 года карателями Ивана Бабушкина.

Ленин воскрешает этапы жизненного пути рабочего, ставшего выдающимся революционером. Он вспоминает питерскую заставу, где встречался с ним: там, на Семянниковском и Александровском заводах, создавал Бабушкин кружки, устраивал библиотеки, сам все время страстно учился. Владимир Ильич вспоминает, как помогал ему Бабушкин в составлении первого агитационного социал-демократического листка - обращения к семянниковским рабочим. Вспоминает участие Бабушкина в петербургском "Союзе борьбы за освобождение рабочего класса". Отдает должное Бабушкину и в создании "Искры", идея которой "обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе" [124]. И в том, как организовывал он для "Искры" корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, других мест России.
"Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том,- пишет Владимир Ильич,- что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия "интеллигентская", что рабочие от нее оторваны... Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого рабочего-искровца служит наглядным опровержением либеральной лжи" [125].
В этом же номере "Рабочей газеты" Ленин утверждает, что "после трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции народные массы, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу" [126].
Примечания:
[94] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 267.
[95] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 359.
[96] Там же.
[97] Там же, с. 359-360.
[98] Там же, с. 360.
[99] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 274.
[100] Там же, с. 269.
[101] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 364.
[102] Там же, с. 373.
[103] Там же.
[104] Там же, с. 374.
[105] Там же, с. 411.
[106] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48. с. 1.
[107] "Рабочая газета" № 2, 18(31) декабря 1910 г.
[108] Там же.
[109] Там же.
[110] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20. с. 1.
[111] "Рабочая газета" № 2, 18(31) декабря 1910 г.
[112] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.
[113] Там же, с. 23.
[114] Там же, с. 90.
[115] Там же, с. 91.
[116] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 47, с. 278.
[117] Там же, с. 279.
[118] Там же.
[119] Там же.
[120] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 2.
[121] Там же, с. 7.
[122] Там же, с. 8.
[123] Там же, с. 13.
[124] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 80.
[125] Там же, с. 81.
[126] Там же, с. 73.

Школа в Лонжюмо
Наступает 1911 год.

В Петербурге огнями всех своих окон горит в новогоднюю ночь Зимний дворец. Уже шесть лет, напуганный революционной бурей, не устраивал тут приемов самодержец российский. Ныне, вопреки всему, он стремится убедить и себя и своих подданных: долгожданное "успокоение" наконец наступило.
Но проходит несколько дней. В российскую столицу доставляют "Рабочую газету". И, конечно, не об "успокоении", а о новом революционном подъеме говорится в ней. Из далекой эмиграции со страниц "Рабочей газеты" Ленин обращается к российскому пролетариату: "За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!" [127]
Ленин считает, что в нынешних условиях острее, чем когда-либо, стоит перед партией вопрос о подготовке из передовых пролетариев образованных руководителей социал-демократического движения. Вместе с работниками старшего поколения они должны отстоять партию в борьбе против реакции, против ликвидаторов, отзовистов, троцкистов. А для этого следует создать партийную школу. "Спешить со всеми видами помощи общепартийной школе,- еще в феврале 1910 года призвало Заграничное бюро Центрального Комитета партии,- обязанность всякого сознавшего всю важность такой школы для улучшения пропаганды и агитации на местах, для помощи тем рабочим, которые несут уже теперь почти всю тяжесть работы на своих плечах" [128].
Идею создания партийной школы горячо поддерживают местные организации. Об этом сообщают в Париж из разных городов России. В партийных организациях Москвы, Николаева, Иваново-Вознесенска, Сормова, Баку, Тифлиса уже отбирают слушателей будущей школы. Сормовцы решают послать кровельщика И. Чугурина. Рабочего-металлиста А. Догадова направляет во Францию Баку. Тифлисская организация командирует делегата V съезда РСДРП Г. Уротадзе. Москвичи послали в школу кожевника И. Присягина. Из Николаева приедет рабочий-металлист Андреев, из Екатеринославской губернии рабочий Я. Зевин. Отобраны ученики и в Петербурге. Это - токарь путиловского завода И. Белостоцкий, возглавляющий одновременно и культурно-просветительное общество на Выборгской стороне - легальную базу для нелегальной работы большевиков; рабочий-металлист член исполнительного комитета Выборгского райкома М. Клоков; работница завода "Треугольник" член исполнительной комиссии Нарвского райкома А. Иванова.
Пока в России формируют состав слушателей. Ленин подыскивает место для занятий. Оказавшись во время одной из велосипедных прогулок в Лонжюмо - небольшом селении в пятнадцати километрах от французской столицы, он убеждается: собрать слушателей здесь удобнее, чем где бы то ни было. Во-первых, близко к Парижу; во-вторых, в Лонжюмо нет полицейского, что при конспирации весьма важно. Слушателей можно выдать за сельских учителей, приехавших из России на стажировку.
При въезде в Лонжюмо, на главной улице, устроители школы арендуют старенький домик. Там будет общая для всех столовая. В глубине мощеного дворика дома № 17 по Гран-рю отыскивают каменный сарай со стеклянной верандой- бывшую столярную мастерскую; ее помещение отводят для учебных занятий. А за версту отсюда, у рабочего-кожевника, снимают две маленькие темные комнатушки с поблекшими обоями, почти без мебели; сюда переедут на все лето Ульяновы.
Нелегкими путями добираются из России в Париж ученики партийной школы.
"Вчера в 12 часов 15 мин. прибыл в Париж,- сообщает один из них в Баку.- У меня был адрес Л-а (Ленина.). Предполагал вещи оставить на вокзале, но это мне не удалось, никак не мог растолковать носильщику свое желание. В моем путеводителе к[а]к раз не оказалось надлежащего предложения.
После долгих объяснений немым методом заставил отнести в автомобиль. Показал адрес, он через несколько минут подвез к квартире Л-а..." [129]
- Пришел какой-то человек,- сообщает консьержка,- ни слова не говорит по-французски, должно быть, к вам.

Крупская спускается. Внешность этого широкоплечего черноволосого незнакомца с большими черными глазами, над которыми нависают густые брови, не оставляет сомнений: это - южанин. Он представляется:
- Я Серго Орджоникидзе.
Ему всего лишь 25 лет. Но треть своей жизни отдал уже молодой грузин революционной борьбе.
Ленин знает Серго по письмам. И особенно рад его приезду в Париж.
"Я оставался у него часа 3-4,- пишет в Баку Орджоникидзе.- Беседовал обо всем, о Персии, о Баку, о Кавказе и др." [130].
А вскоре добираются сюда питерцы - Белостоцкий, Клоков, Иванова. "Публика все приехала развитая, передовая,- вспоминает Крупская.- В первый вечер, когда они появились на горизонте, Ильич повел их ужинать куда-то в кафе, и я помню, как горячо проговорил он с ними весь вечер, расспрашивая о Питере, об их работе, нащупывал в их рассказах признаки подъема рабочего движения" [131].
Приезжает Догадов. "Обычно Владимир Ильич,- узнаем из записок бакинца,- не любил принимать приезжающую из России публику, которая из любопытства "паломничала" к эмигрантам, играющим видную роль в революционном движении. Однако Владимир Ильич не любил встречаться лишь с празднoболтающей эмиграцией, всякого же прибывающего из России рабочего подвергал буквально "допросу с пристрастием", интересуясь всякими, даже незначительными, событиями и фактами о настроениях и положении рабочих, жизни организации и т. д. И в данном случае Владимир Ильич, не дожидаясь, когда я отправлюсь к нему, как к руководителю школы, сам вызвал меня к себе на квартиру" [132].
Июньским утром паровой трамвайчик доставляет слушателей школы в Лонжюмо. Впервые собираются они в каменном сарае дома № 17 по Гран-рю. Начинаются занятия...
Не предполагает, конечно, Ленин, что сюда проник агент российской охранки. Это Икрянистов из Иваново-Вознесенска. Он поселился во дворе школы, в чуланчике. Вместе со всеми слушает лекции. Вместе со всеми участвует в спорах. А втайне находит возможность передать агентурное донесение. И о тщательно законспирированной школе сообщит вскоре департамент полиции во все губернские жандармские управления, во все охранные отделения: "...получены сведения о том, что 20 июня 1911 года за границей... в местечке Лонжюмо открыла свои действия общепартийная школа Российской социал-демократической рабочей партии... Школа носит характер чисто ленинско-фракционный и главным образом по той причине, что при выборе учеников в России посланный Лениным в качестве агента для набора некий не установленный "Семен" руководствовался желанием, чтобы в школу попадали преимущественно рабочие - последователи ленинского большевистского направления" [133].
Сто сорок семь лекций предстоит прослушать ученикам этой школы. Н. Семашко познакомит их с рабочим законодательством, разъяснит отношение к парламентской деятельности различных течений в западном рабочем движении, расскажет о деятельности социал-демократической фракции III Государственной думы. О политических партиях в Польше узнают ученики от одного из видных деятелей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы - В. Ледера. Ю. Стеклов прочтет лекции о государственном праве, А.. Луначарский - по истории литературы и искусства, И. Арманд - о социалистическом движении в Бельгии. Крупская передаст прибывшим из России рабочим свой опыт в области газетной техники и связи с партийными организациями
И почти третью часть всех лекций прочтет Ленин. Он посвятит их политической экономии, теории и практике социализма в России, проанализирует с рабочими-подпольщиками главнейшие решения партии, проведет занятия о материалистическом понимании истории.
Тщательно готовится он к занятиям. Но нелегко это делать в домике, где поселились Ульяновы. "Квартира без малейшего садика и даже двора,- пишет Крупская Марии Александровне в Бердянск,- если выходить, так надо переменно куда-нибудь идти, что совсем другое; в квартире жарко и шумно" [134]. Не потому ли Владимир Ильич, как сообщает в этом же письме Надежда Константиновна, пристраивается заниматься в поле?
Через много лет рабочий-кожевник, у которого снимает комнаты Ленин, расскажет:
- Он жил у нас со своей женой, русской учительницей Крупской, вот в этой самой комнате, где мы сейчас находимся, и они спали на этих самых кроватях, и когда товарищ Ленин

подходил к этому окну, то видел то же самое, что мы видим теперь: черную грязную стену и над ней кусочек французского неба, которое не всегда, конечно, бывает таким паршивым, как сегодня. Я хорошо помню товарища Ленина. Я называю его товарищем, потому что я так же, как и он,- мы оба принадлежим к партии коммунистов. Видите, товарищи, как скромно жил Ленин? Он был вождь мирового пролетариата, основатель Советского государства, а жил, как я, простой французский рабочий-кожевник. А ел, я вам скажу, даже хуже, чем ели мы. Довольно часто товарищ Крупская жарила на керосинке на обед картошку на подсолнечном масле, и Ленин запивал этот обед русским чаем... [135]

Он приходит на занятия точно, без опоздания. Всегда энергичный, сосредоточенный, веселый. Когда он появляется, отмечает А. Иванова, у всех становится как-то празднично на душе.

Ленин приносит с собой обычно груду книг. Среди них и тома "Капитала", и работы Энгельса, Плеханова. Приносит он и свои конспекты. И когда его спрашивают, зачем они ему нужны, он отвечает:

- Конспект дисциплинирует мысль и речь, а без него можно, увлекшись каким-нибудь одним положением, упустить другие.

"Лекции Владимира Ильича,- вспомнит А. Иванова,- обычно превращались в живые беседы. О чем бы он ни говорил,- о кантовской "вещи в себе" или о диалектике Гегеля, о народниках или о философии Эпикура,- он стремился к тому, чтобы теснейшим образом связать теорию с жизнью, с практикой революционной борьбы. Мы чувствовали, что Ильич добивался того, чтобы теоретические знания помогали нам ориентироваться в политической обстановке, учил нас действовать осмотрительно в том или другом конкретном случае" [136].

- Вот, товарищи, вы будете делать революцию, вам предстоит возглавить народ в борьбе за власть,- говорит он однажды.- Предположим, произошла революция. Так вот, что вы будете делать, ну, например, с банками?

- Уничтожим, Владимир Ильич! - восклицает кто-то.

- А вот и нет! - категорически заявляет Ленин.

И разъясняет, как надо будет в этом случае поступить.

Говорит он так, убеждается Чугурин, что самые абстрактные понятия становятся слушателю ближе. Ленин не только глубоко знает свой трудный предмет, приходит к заключению Белостоцкий, а умеет изложить его понятно и материал легко усваивается рабочими в большинстве с низшим образованием.

Это скорее серьезная, живая беседа, в которую втягиваются все присутствующие, с удовлетворением отмечает Б. Бреслав. И действительно, слушатели задают Ленину вопросы, на которые он дает обстоятельные ответы. Но больше спрашивает сам. Слушает внимательно, поправляя незаметно, порой одним словом.

Когда выкраивается время для отдыха, Ленин уходит со своими питомцами в поле, ездит на Сену купаться.

- Условие, которое Владимир Ильич при этом ставит,- ни слова о политике,- рассказывает З. Лилина.- В первый раз, когда мы поехали, мне казалось странным, о чем же мы будем говорить, если нельзя говорить о политике. Оказалось, что с Владимиром Ильичей можно говорить о многом...

И несутся в эти часы над полем русские песни. Поет Ленин со слушателями школы "Дубинушку", "Стеньку Разина".

30 августа - последний день занятий. Посланцы Петербурга, Москвы, Баку, Нижнего Новгорода и других городов прощаются с Лениным. И он напутствует их перед отъездом: берегите друг друга, помните о партийном товариществе, а главное - смелее опирайтесь на рабочий класс, ибо в нем - сила и будущность партии, революции.

Примечания:

[127] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 75.

[128] "Социал-демократ" № 11, 13(26) февраля 1910 г.

[129] См. "История СССР", 1965, № 5, с. 118.

[130] Там же.

[131] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 189.

[132] "О Ленине. Воспоминания". Кн. 2. М., 1925, с. 139-140.

[133] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 225-226.
[134] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 440.
[135] См. В. Катаев. Маленькая железная дверь в стене. М., 1965, с. 123.
[136] “Дон”, 1958, № 4, с. 23.

“...путь наш правилен”

На Мари-Роз - гость неожиданный и тем более радостный. Приехал Камо. В конце четвертого года тяжелейших испытаний в тюремных застенках он бежал. И хоть пустили по его следам агентов, хоть сторожили его круглые сутки в портах, на железнодорожных станциях, сумел Камо перебраться из России за границу. Сумел добраться к Ленину.

И теперь сидит он на кухне, в квартире Ульяновых. Рассказывает о том, как несколько лет выдавал себя за душевнобольного, как следователи и полицейские стремились его разоблачить. Потом внимательно слушает Ленина.

Владимир Ильич уговаривает Камо: ему надо основательно отдохнуть после пережитого. Но отдыхать тот не может. Его волнует и нездоровая обстановка в некоторых заграничных социал-демократических группах, и отход от революционного движения ряда людей, и провокаторы, несомненно проникшие в большевистское подполье.

“Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски-наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги и не знающего после побега, за какую работу взяться,- пишет присутствующая при этой встрече Крупская.- Его проекты работы были фантастичны. Ильич не возражал, осторожно старался поставить Камо на землю...” [1]

Пройдет некоторое время, и тот покинет французскую столицу. Ленин даст ему задание: проверить ряд пунктов по транспортировке в Россию партийной литературы и оружия, организовать новые пункты. Поручит именно то, что сейчас особенно важно...

Уже много дней со страниц европейских газет не сходит зловещее имя убитого в Киеве эсером Столыпина. Царского премьер-министра, потопившего в крови первую русскую революцию, кое-кто не прочь представить как невинную жертву. Реакционеры воспевают обер-вешателя и погромщика. Либералы сожалеют по поводу “дикого и безумного” выстрела.

Ленин стремится поставить все на свои места. С этой целью он намерен прочесть несколько рефератов. Прежде всего в Цюрихе, куда в сентябре выезжает на заседание Международного социалистического бюро. Затем в Берне, Женеве, Париже. Позднее - в Брюсселе, Антверпене, Льеже и Лондоне.

Об одном из рефератов “Парижский вестник” публикует подробный отчет. Завершается он утверждением, что Ленин “делает вывод о необходимости защиты и подчеркивания идеи надвигающейся русской революции” [2].

Но Ленин не ограничивается серией рефератов. Он пишет статью для “Социал-демократа” и называет ее так же, как и рефераты,- “Столыпин и революция”.

“Столыпин сошел со сцены как раз тогда,- отмечает Ленин,- когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контрреволюционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении, видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: идти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата...” [3]

И в других своих статьях, в рефератах Ленин настойчиво повторяет эту мысль. Сейчас, когда обозначаются признаки нового революционного подъема, когда расширяется стачечная борьба, возобновляются политические выступления пролетариата, необходимо укреплять, всячески поддерживать союз подлинно партийных сил.

- Советовались мы между собой, Владимир Ильич, как работать дальше,- говорит ему в Антверпене эмигрировавший сюда инженер А. Макаренко.- Оставаться в объединенной группе невозможно... Ликвидаторы все время тянут группу на сближение с бундовцами.

- А почему бы вам не отмежеваться? - спрашивает Ленин.

- Мало нас, Владимир Ильич, всего четверо.

- Мало? Нет, позвольте. С этим я не согласен. Четыре большевика - это совсем не мало. Если вы организуете большевистскую группу и всерьез займетесь социал-демократической пропагандой среди русских рабочих, наши ряды будут расти... Вы знаете, товарищ Макаренко, сколько русских работает на антверпенских заводах?
- Вероятно, человек пятьсот будет.
- Вот видите! Это же замечательно. Надо приглашать их на рефераты, давать им нашу литературу. Серьезно подумать, на кого из них можно опереться. Кстати, вы подумали об адресах, явках, куда можно направлять посылки с литературой?..
Предстоит широкое развертывание деятельности большевистских организаций. И в Россию должно попасть больше литературы, разоблачающей интриги ликвидаторов и их союзников, разъясняющей рабочим, что, очищая свои ряды от оппортунистов, партия не ослабляет, а усиливает себя. Много времени уделяет Ленин тому, чтобы "Социал-демократ" быстрее переправлялся через русскую границу. Только с января 1910 по август 1911 года удалось доставить в Россию 17 тысяч экземпляров. Но это еще не все! По маршруту Париж - Лейпциг - Тильзит - Новозыбков - Гомель идут тюки с приложениями к центральному органу. А сколько экземпляров газеты удается переправлять случайными путями, по легальным русским адресам!
Об этих адресах узнают прежде всего на Мари-Роз. Они - в шифрованных, написанных "химией" письмах, идущих к Ленину из разных мест России. Расшифровав или проявив ничем на первый взгляд не примечательное послание, Крупская обнаруживает запросы с мест на большевистские издания. И в экспедиции "Социал-демократа" идут ее записки. Следует, передает она указание Ленина, и по этим адресам высылать отныне газету. Но ни в коем случае не из Парижа. "Посылать,- настоятельно рекомендует Крупская,- из разных городов и вкладывать заявление, что адрес получен случайно" [4]. Эти заявления, отпечатанные типографским способом, вкладывают в письма, чтобы не компрометировать адресата перед полицией.
Сейчас, когда наступила пора нового подъема рабочего движения, Ленин озабочен тем, чтобы не только за границей выходили революционные издания. Надо пытаться наладить их выпуск и в самой России.
Издавалась там в начале года "Звезда". Но с первых же дней ее существования меньшевики-партийцы стремились пропагандировать через нее свои взгляды. Ленина возмущала тогда политическая шаткость редакционной коллегии "Звезды". Возмущала беспринципность меньшевиков, участвовавших в ее издании, препятствовавших ее борьбе с ликвидаторами. "...Со "Звездой",- писал Владимир Ильич в мае Горькому,- у нас порядочно неладов было и есть: у них нет линии, они боятся идти с нами, боятся идти с ликвидаторами, жмутся, пыжатся, колеблются" [5]. И в середине 1911 года "Звезда" прекратила выходить.
Только к осени появилась возможность возродить газету. Возродить уже целиком под большевистским руководством.
И вот выходит двадцать шестой - первый после долгого перерыва - номер "Звезды". В нем присланная из Парижа статья Ленина "Итог". Статья, направленная против октябристов и кадетов, претендующих называться демократами, уличающая их в обмане масс. Статья, утверждающая, что демократ не может стоять на такой точке зрения, на какой стоят и октябристы, и кадеты; что "какие бы иллюзии он ни питал подчас насчет интересов и стремлений массы, демократ верит в массу, в действие масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы" [6].
Эту свою статью Ленин подписал криптонимом- В. Ф. За ней из дома на Мари-Роз уходят в Петербург другие его статьи - "Два центра", "Старое и новое", "Гайндман о Марксе", "Манифест либеральной рабочей партии", "Избирательная кампания в IV Государственную думу"... Они также появляются вскоре в "Звезде".
Возрождение в Петербурге "Звезды" - свидетельство укрепления в российской столице большевистских позиций. Об этом говорят и письма, идущие оттуда в Париж - к Ленину, в редакцию "Социал-демократа".
Из писем узнает Владимир Ильич о собрании на Выборгской стороне. Посвящено оно было воссозданию и укреплению районных организаций. Обширный доклад сделал на собрании ликвидатор. Он развил в нем положения, главным из которых было то, что никаких

организаций в партийном смысле вовсе и не нужно, что всю работу следует сосредоточить на открытой арене. А для этого создать “инициативные” группы, которые занимались бы исключительно организацией докладов и собраний по вопросам государственного страхования, избирательной кампании в IV Думу, муниципальными вопросами. “Такой план партийной организации на одной открытой работе,- сообщалось в письме,- встретил дружный отпор со стороны партийных рабочих... Один из товарищей, член петербургской организации, изобличил в своем ответе типичное ликвидаторство докладчика - и после целого ряда критических речей был поставлен вопрос ребром: партийная соц.-дем. организация, нелегальная и ведущая всю работу, как открытую, так и нелегальную, или “инициативные” группы - легальные и нелегальные, но ведущие работу только на почве закона - открыто. Голосованием было принято первое - ликвидатор остался в единственном числе...” [7]
Ленин публикует в “Социал-демократе” эту присланную из Петербурга корреспонденцию. Он сопровождает ее собственной статьей “Из лагеря столыпинской “рабочей” партии” и указывает в подзаголовке - “Посвящается нашим “примирителям” и “соглашателям””.
“...Это типичный случай деятелей столыпинской рабочей партии,- комментирует Ленин сообщение из Петербурга,- ибо мы прекрасно знаем, что ряд литераторов “Нашей Зари”, “Дела Жизни” и т. п. уже не первый год систематически проводит именно эти ликвидаторские идеи. Не всегда эти ликвидаторы попадают к рабочим партийцам, очень редко об их позорных выступлениях партия получает такие точные сообщения... но всегда и повсюду проповедь группы независимцев-легалистов ведется именно в таком духе” [8].
А тут приходят последние номера ликвидаторской “Нашей зари”. Как много в них, отмечает Ленин, непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз о “боевой мобилизации пролетариата”, о “широкой и открытой мобилизации масс”, о “массовых политических организациях самодеятельных рабочих”, о “самоуправляющихся коллективах”, “самосознательных рабочих”... И все это лишь для того, чтобы прикрыть сущность ликвидаторских взглядов. Но шила в мешке не утаишь, заявляет Ленин. И пишет вторую статью - “Из лагеря столыпинской “рабочей” партии”. Он вскрывает в ней разницу между рабочей политикой, основанной на решениях партии, и платформой тех, кто отрекается от демократии.
Ленин выступает в зале “Альказар” с рефератом, в котором обрушивается на орган ликвидаторов. Но ведь реферат читается в Париже, а журнал выходит в Петербурге, распространяется по всей России. И Ленин использует страницы петербургской “Звезды”, чтобы разоблачить перед русскими пролетариями платформу этого журнала.
“Наша заря”, указывает он, считает “совершенно несомненным и бесспорным”, что “основная объективная задача России в настоящий момент есть окончательное завершение смены грубо-хищнического, полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом”. Спорно же, по мнению органа ликвидаторов, то, достигла ли Россия положения, при котором, “хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури не являются необходимыми, неизбежными” [9].
Но ведь это, негодует Ленин, “чисто либеральная постановка вопроса”! Он пишет из Парижа в “Звезду”: “Либералы ограничиваются тем, быть ли “культурному капитализму” или нет, быть ли “бурям” или нет. Марксист не позволяет ограничиваться этим, требуя разбора того, какие классы, или слои классов, в освобождающемся буржуазном обществе ведут ту или иную, конкретно определенную, линию этого освобождения, создания, например, тех или иных политических форм так называемого “культурного капитализма”. Марксисты и во время “бурь” и во время заведомого отсутствия бури ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно демократических, а не вообще “культурных” форм жизни. Мы все стремимся к “культурному капитализму”, говорят, корча из себя надклассовую партию, либералы. Мы не то должны понимать под “культурой”, о чем толкуют либералы,- говорят рабочим и всей демократии марксисты” [10].
Едва в Петербурге выйдет номер “Звезды” с этими обличающими ликвидаторов строками, как в набор пойдет новая, присланная из Парижа статья. В России готовятся выборы в IV Государственную думу. И Ленин разъясняет в этой статье позиции в избирательной кампании всех политических партий. Он обнажает контрреволюционность главной партии

русской либеральной буржуазии - партии кадетов. Он указывает на мелкобуржуазную сущность народнических партий, колеблющихся между рабочим классом и либеральной буржуазией. Он определяет тактику в избирательной кампании большевиков, использующих подготовку к выборам для усиления революционной работы в массах, для социалистической пропаганды и организации рабочего класса, для борьбы против оппортунистов.

Чтобы опубликовать одну только эту статью, потребуется значительная часть четырех номеров "Звезды"! И в Петербурге ее будут печатать из номера в номер, печатать почти целый месяц. А в Париже в это же время наберут то, что писал Ленин для "Социал-демократа". С утра по дороге в библиотеку занесет он в типографию стопку густо исписанных листков. Предупредит: здесь шесть статей, и все для очередного номера. Только спустя много лет, когда будет собрано воедино все написанное Лениным, когда будет издано Полное собрание его сочинений, все узнают о титанической работе, которую ведет он в Париже. Но уже и сейчас его соратники знают: Ленин дорожит временем, у него нельзя отнимать ни одной минуты.

Шесть ленинских статей, публикуемых в одном только номере "Социал-демократа", как и то, что печатает в эту пору петербургская "Звезда", направлены против идейного разброда в партии, против раскольнической деятельности оппортунистов, против дезорганизаторской политики Троцкого, требующего объединения в одной партии всех фракций и групп. "С Троцким,- пишет Ленин,- нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы" [11]. Ленин призывает российских социал-демократов отряхнуть "от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками" [12].

Еще в феврале прошлого года писал Ленин в "Социал-демократе", что "в первую голову, прежде всего, немедленно и во что бы то ни стало" [13] необходимо созвать Всероссийскую партийную конференцию. Это подтвердило и совещание, созванное в Париже нынешним летом: "Приближение выборов в IV Думу и оживление в рабочем движении, с одной стороны, и все внутрипартийное положение, с другой стороны, делают неотложно необходимым немедленный созыв общепартийной конференции" [14].

Решение, принятое в Париже, поддерживают местные партийные организации. Поддерживают вопреки раскольнической деятельности ликвидаторов, "впередовцев", троцкистов. Из России Ленину шлют резолюции. В них подчеркивается необходимость сплочения рядов партии, очищения ее от оппортунистов и в связи с этим созыва в самое ближайшее время партийной конференции. "...Совещание членов ЦК, создав временный орган (ОК) (Российская организационная комиссия (РОК) была создана в сентябре 1911 года на совещании представителей местных партийных организаций в Баку.) для созыва такой конференции,- гласит присланная питерцами резолюция,- стало, по нашему мнению, на единственно правильный путь, ведущий к легальному выходу из партийного кризиса" [15].

Ленин знакомится с материалами заседания российской организационной комиссии по созыву общепартийной конференции. Полностью воспроизвести сделанные на заседании сообщения корреспонденту не удалось. Но он записал вкратце доклады представителей Киева, Екатеринослава, Екатеринбурга, Баку, Тифлиса, Москвы, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Петербурга.

В самом начале ноября в Прагу с письмом Ленина выезжает О. Пятницкий. Адресовано письмо Антонину Немецу - представителю чешской социал-демократии в Международном социалистическом бюро.

"Вы меня очень обяжете,- обращается к нему Владимир Ильич,- если сможете помочь мне советом и делом в следующем обстоятельстве. Ряд организаций нашей партии намерен собрать конференцию (за границей - конечно). Число членов конференции около 20-25. Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге (продолжительностью около одной недели)?" Ленин предупреждает: "Самым важным для нас является возможность организовать дело архиконспиративно. Никто, никакая организация не должны об этом знать". Чем объясняется такая сугубая

“архиконспиративность”? “Конференция социал-демократическая,- разъясняет Ленин,- значит по европейским законам легальная, но большинство делегатов не имеют паспортов и не могут назвать своего настоящего имени” [16].
Почему именно Прагу избирает Ленин? Почему именно там считает он более целесообразным созвать общероссийскую партийную конференцию?
Самый убедительный аргумент в пользу Праги - это, конечно, ее сравнительная близость к России, к русской границе, через которую предстоит перебраться делегатам. К тому же здесь нет эмигрантов из России, значит, русская охранка не держит тут своих агентов.
Антонин Немец связывает Пятницкого с двумя чешскими социал-демократами. Им поручено выполнить просьбу Ленина. Один из них - Яхим Гавлена, секретарь краевого исполнительного комитета Чешской социал-демократической рабочей партии, скажет позднее: “Все нужно было организовать так, чтобы проведение конференции осталось в тайне как от австрийской полиции, так и от царской шпионской службы... Немец обратил мое особое внимание на то, что речь идет о сугубо тайной конференции”... [17]
В Праге уже готовятся к встрече русских социал-демократов. А в Париже происходит в это время трагическое событие, глубоко переживаемое Лениным.
Раскрыв утром 27 ноября “Юманите”, он видит на первой полосе передовую, обведенную траурной рамкой. Статья сообщает о смерти Поля и Лауры Лафарг.
С болью читает Владимир Ильич опубликованное тут же последнее письмо Поля Лафарга: “Находясь в здравом уме и твердой памяти, я лишаю себя жизни до того, как неумолимая старость постепенно отнимет у меня все удовольствия и радости существования, лишит меня физических и духовных сил, парализует энергию, разобьет волю и превратит в тяжкий груз для себя самого и для других.
Давно уже я решил не жить более 70 лет; я определил время года, когда должен уйти из жизни, и подготовил способ осуществления моего решения: подкожное впрыскивание синильной кислоты.
Я умираю с радостным сознанием, что дело, которому я был предан на протяжении 45 лет, восторжествует в недалеком будущем.
Да здравствует коммунизм!
Да здравствует международный социализм!
Поль Лафарг” [18].
Владимир Ильич потрясен смертью Лафарга. Поражен, что Лаура - дочь Карла Маркса, делившая с Полем все трудности и радости борьбы, последовала примеру мужа.
Он вспоминает свою первую встречу с Лафаргом. Было это еще в 1895 году, когда Ленин впервые приехал в Париж. Лафарг расспрашивал его тогда о методах работы русских пропагандистов, о темах, обсуждаемых в кружках.
Вторично они виделись летом 1909 года. Ленин съездил с Крупской в Дравейль, где жили к тому времени Лафарги. Долго беседовал он с выдающимся революционером, больше, чем кто-либо, способствовавшим распространению во Франции идей Маркса и Энгельса. Беседовал о недавно вышедшей своей книге “Материализм и эмпириокритицизм”, о своих схватках с последователями Маха и Авенариуса.
В дождливо-слякотный день 3 декабря 1911 года с десятками тысяч парижан Ленин провожает Лафаргов в последний путь. На кладбище Пер-Лашез ораторы обращаются с прощальным словом к Полю и Лауре. И наступает очередь Ленина. Он произносит речь от имени Российской социал-демократической рабочей партии. На французском языке говорит Владимир Ильич:
- Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контрреволюции. Под знаменем этих идей сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной массовой борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям либеральной буржуазии... [19]
Пророчески звучат заключительные слова надгробного слова Ленина:

- Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь [20].
Ленин изучал последние годы не только российскую, но и международную обстановку. Его интересовали отклики на первую русскую революцию в Турции, Персии, Китае. И у него есть все основания для того, чтобы заявить сейчас:
- Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй [21].
Не похоронным унынием, а бодрым предчувствием великих битв дышат эти слова. 4 декабря “Юманите” воспроизводит отрывок из речи, произнесенной “гражданином Лениным” на кладбище Пер-Лашез.
С этого хмурого декабрьского дня проходит три недели. В Париж съезжаются большевики, из многих городов Франции, Швейцарии, Бельгии, Германии. Они собираются в кафе на авеню д'Орлеан.
Ленин - он присутствует на совещании заграничных большевистских групп как член редакции “Рабочей газеты” - делает обзор положения дел в партии:
- В настоящее время фактически за границей существуют фракционно обособленные - связанные между собой чисто формально, а зачастую вовсе не связанные - большевистские, “примиренческие”, “впередовские”, “голосовские” и “плехановские” группы, совершенно независимые друг от друга, ведущие различные идейные линии и имеющие обособленные связи с теми или иными с.-д. элементами в России. Образование РОК в России силами большевиков и партийных меньшевиков и энергичный приступ этой коллегии РОК к созыву общепартийной конференции РСДРП создает решительный перелом в истории партии и указывает единственно возможный и наметившийся жизнью выход из состояния дезорганизации и распада [22].
Надо быстрее созвать общепартийную конференцию, призывает Ленин. Надо покончить на ней с тяжелым кризисом, который переживает Российская социал-демократическая рабочая партия. Восстановить центральные руководящие органы. Разгромить до конца оппортунистов. Очистить от них партию.
Примечания:
[1] Н. К. Крупская Воспоминания о Ленине, с. 184.
[2] “Парижский вестник”. 1911. № 44.
[3] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 333.
[4] См. И. Кузнецов, С. Матвиенко Газета “Социал-демократ” (1908- 1917 гг.). М.. с. 171.
[5] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48 с. 33.
[6] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т 20 с. 370.
[7] “Социал-демократ” № 23, 14(1) сентября 1911 г.
[8] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 319.
[9] См. там же, с. 399.
[10] Там же.
[11] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т, 21, с. 31.
[12] Там же, с. 10.
[13] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 200.
[14] “КПСС н резолюциях...”, т. 1, с. 304.
[15] См. “Социал-демократ” № 23, 14(1) сентября 1911 г.
[16] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 48, с. 40.
[17] См. Мирослав Иванов. Ленин в Праге. М., 1963, с. 65-66.
[18] См. Жан Фревиль. Ленин в Париже. М., 1969, с. 239-240.
[19] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 387.

[20] Там же, с. 387-388.
[21] Там же, с. 388.
[22] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 63-64.

Под знамя Пражской конференции

В Петербурге делегатом на Общероссийскую конференцию РСДРП избрали рабочего Обуховского завода Е. Онуфриева. Готовился он к отъезду в условиях возросшей полицейской слежки. В последние дни не ночевал дома. Жил то у одного, то у другого товарища. И все же выступил на митинге путиловцев в защиту томящихся в ссылке рабочих депутатов II Государственной думы. Путиловцы приняли резолюцию, А через некоторое время ее получает в Париже Ленин и публикует в "Рабочей газете". Резолюция гласит: "Мы, рабочие Путиловского завода.., поддерживая запрос соц.-демократической фракции, разоблачающей гнусную провокацию самодержавного правительства.., выражаем свое негодование и презрение всей буржуазной клике. Освобождение рабочих депутатов II Думы должно быть и будет делом рук самих рабочих" [23].

Резолюция приходит к Ленину перед самой конференцией. Приходит одновременно с листовкой Петербургского комитета, обращенной ко всем рабочим столицы.

"Неужели же мы, рабочие,- говорится в листовке, также перепечатанной Лениным в "Рабочей газете",- забудем своих депутатов, своих передовых борцов, выдвинутых нами же на передовые позиции, под вражеский огонь? Неужели же мы разучились ненавидеть своих врагов? Неужели мы разучились любить своих лучших товарищей? Неужели мы разучились бороться?..

Нет, к счастью, это не так...

Еще темно, но слабый луч свободы уже брезжит вдали. Будущее принадлежит нам. Сомкнемте ряды, укрепимте нашу нелегальную с.-д. партию..." [24]

Эта листовка вызвала в Петербурге новую волну митингов. Власти обрушили на рабочих еще более жестокие репрессии. С помощью провокатора охранка напала на след делегата Всероссийской партийной конференции. Но Онуфриева, как доложил своему начальству пристав Шлиссельбургского полицейского участка, не удалось арестовать, так как он успел покинуть столицу.

Когда ранним январским утром 1912 года посланец питерских большевиков добирается до Праги, он застает здесь уже многих делегатов. По одному, по двое в течение января приезжали те сюда.

Вскоре прибывает, разумеется под другим именем, и Ленин. Он останавливается в гостинице "Бельведер". И одному из чехов запоминается "молодым коренастым мужчиной с русой бородкой, лысоватым, со следами тюрьмы и лишений на нездорово бледном лице и взглядом, выражающим твердую решимость и несокрушимую волю, силу характера и даже какую-то долю фанатической увлеченности великой целью" [25].

Ленину надо скорее встретиться с делегатами. Он застает их здесь же, в гостинице, в одном из номеров.

За шахматной доской - двое. И играющие, и зрители так увлечены, что не замечают вошедшего.

- Ну, теперь, кажется, белым крышка! - быстро оценив обстановку, восклицает Владимир Ильич.

Все оборачиваются и отставляют шахматы. Завязывается долгая беседа.

"Ленин сразу же засыпал нас вопросами,- вспомнит Онуфриев.- Каждого из нас он спросил о семье, о заработках. Владимир Ильич интересовался настроением рабочих, спрашивал, что они ждут от конференции. Ленин умел расспрашивать и умел слушать. Он спрашивал только о том, что его больше всего интересовало в данный момент. Энергичный, бодрый, жизнерадостный, он как-то сразу сблизился с нами, и нам казалось, что мы близко знаем Ильича уже долгие годы, и мы чувствовали себя с ним совершенно непринужденно, как с самым близким товарищем". [26]

- Товарищи,- говорит Ленин,- я хочу познакомить вас с тезисами своего доклада на конференции.

И у делегатов создается впечатление, расскажет много лет спустя Онуфриев, что Владимир Ильич объехал всю Россию, прежде чем написал эти тезисы,- так глубоко, так правдиво отражены в них думы, чаяния широких народных масс.
Он недоволен тем, что многие делегаты живут в гостинице.
- Какая же это конспирация,- возмущается Ленин,- если мы будем жить у всех на виду?
Владимир Ильич просит Онуфриева поселиться вместе с ним в комнате, которую подыскали чешские товарищи. Он хочет побольше узнать о петербургских рабочих, об их жизни, о состоянии партийных организаций российской столицы. Яхим Гавлена - чешский социал-демократ, которому поручили устроить русских делегатов,- подыскал для многих из них комнаты в Праге. Каждого он доводит до места ночлега. Иногда провожает по нескольку раз, пока не убедится, что гость уже сам ориентируется и без затруднения находит нужный адрес.
Возможно, это он показывает Ленину и Онуфриеву дом, в котором те поселились, дом, от которого всего минут пятнадцать ходьбы до места заседаний конференции.
Обратимся к записям Онуфриева. Мы узнаем из них: “Поселились мы с Ильичей в квартире чешского рабочего, занимавшего две комнаты. В первой из них, являвшейся проходной, жил сам хозяин с женой и дочкой лет четырех, а следующую комнату занимали мы с Владимиром Ильичей. Это была небольшая, чистая, светлая комната с двумя окнами, выходившими на улицу. Справа от двери вдоль стены стояла кровать, на которой спал Ильич, за ней, у той же стены в одну линию с кроватью Ильича,- моя кровать. Напротив моей кровати стоял небольшой квадратный стол, на котором мы завтракали и ужинали (обедали в столовой). За этим же столом Владимир Ильич работал. В комнате стоял также комод, было несколько венских стульев” [27].
Наступает 18 января - день открытия конференции. Ленин приходит в Народный дом. Здесь, на Гибернской улице, находятся типография и экспедиция “Право л иду”. Здесь всегда множество посетителей. И тут делегаты конференции будут не очень заметны. Ленин быстро поднимается на второй этаж. Товарищи уже в небольшой комнате с тремя окнами, из которых открывается вид на старинный город с покрытыми черепицей домами. Здесь делегаты от петербургской организации, от Москвы и Центрально-Промышленной области, Киева, Екатеринослава, Николаева, Баку, Тифлиса, Саратова, Казани, Вильно, Двинска, представители редакций “Социал-демократа” и “Рабочей газеты”, комитета заграничной организации и транспортной группы ЦК РСДРП.
Ленин открывает конференцию. Двенадцать дней, с утра до вечера, заседают посланцы партийных организаций России. Двенадцать дней в пражском Народном доме обсуждаются вопросы, жизненно важные для большевистской партии, русского революционного движения.
Выступает делегат от Питера товарищ Степан. Под этим партийным псевдонимом известен Е. Онуфриев.
Сперва он волнуется. Но ободряюще смотрит на него Владимир Ильич. И Онуфриев говорит все увереннее и увереннее.
Он сообщает о количестве и составе членов столичной организации. Рассказывает о фактах контрреволюционного террора в Петербурге, о героизме питерского пролетариата, о том, как с каждым днем все более оживляется партийная работа. Рассказывает он и о массовом митинге на Путиловском заводе в защиту томившихся в ссылке депутатов II Думы.
Кто-то из делегатов бросает с места реплику. Онуфриев, не особенно искушенный в ораторском искусстве, от неожиданности запинается. Но на помощь приходит Владимир Ильич:
- Дайте товарищу закончить. Продолжайте, продолжайте, товарищ Степан.
Онуфриев высказывает, между прочим, пожелание, чтобы статьи в газетах писались более простым, более понятным рабочему языком. Ленин его поддерживает:
- Правильно, товарищ Степан, правильно! - и записывает что-то в блокноте.
А позднее, когда он оглашает проект резолюции “О Центральном Органе”, предлагает делегатам выразить “Социал-демократу” пожелание, “чтобы статьи писались более популярно и доступно для рабочих” [28].
Подперев голову левой рукой, делая записи, слущает Владимир Ильич доклады с мест. То, что сообщают рабочие делегаты, укрепляет в нем убеждение, что, несмотря на полицейский

террор, сохранились в России хоть и немногочисленные, но сплоченные партийные организации и группы, что вместе с политической борьбой пролетариата эти организации и группы стали расти, организационно оформляться, укрепляться.
О выступлениях делегатов, как и обо всем другом, что происходит на конференции, становится известно департаменту полиции. Среди делегатов - Р. Малиновский, давно уже состоящий на службе у царской охранки. От Центрально-Промышленной области прибыл в Прагу А. Романов - тоже секретный агент охранки. Они-то и сообщают в донесениях, что "по составу своих представителей" конференция носит "исключительно большевистский характер", что ее заседания проходят в помещении, "любезно предоставленном чехами", что два прибывших в Прагу меньшевика, "благодаря подавляющему преобладанию большевиков, оказались совершенно изолированными и влияния на ход работ конференции оказать не могли" [29]. От провокатора Романова узнает глава российской полиции и о том, что ""Степан" отличается исключительным развитием и основательно знаком с приемами партийной работы как практически, так и теоретически; уравновешенный, спокойный, он весьма заинтересовал Ленина..." [30].
Только вечером, усталый, покидает Ленин Народный дом. Но его рабочий день еще не кончается. Выпив чаю, он минут десять - пятнадцать отдыхает: ходит по комнате, заложив большой палец руки за пройму жилета. А затем садится за стол. Быстро просматривает газеты. Часто делает на полях пометки. Потом начинает писать. И работает до глубокой ночи.
Что же пишет Владимир Ильич в эти ночные часы, когда уже спит Прага? Может быть, проект резолюции, который предложит завтра делегатам. Или конспект речи. А возможно, просматривает записи для доклада на конференции о современном моменте и задачах партии.
Текст этого доклада не сохранится. Но мы узнаем о нем из воспоминаний Н. Семашко. "Это был основной вопрос, который должен был определить лицо конференции, построение и задачи партии,- расскажет он много лет спустя.- Нечего и говорить, что это был блестящий доклад, настолько сильный и неотразимый, что даже колеблющиеся не могли устоять против аргументации Владимира Ильича, хотя он, по обыкновению, не замазывал разногласий, а, наоборот, вскрывал их во всей остроте" [31].
И делегаты оценивают текущий момент так, как оценивает его Ленин. Они разделяют убеждение Ленина в том, что "задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается по-прежнему задачей демократического переворота в России" [32].
Каждое утро в Народный дом на Гибернской приходит Яхим Гавлена. Он сидит с русскими товарищами до самого вечера. И расскажет потом в своих записках: "Ленин был душой конференции. Его речи, произносимые необыкновенно живо и горячо, принимались с воодушевлением, а его выступления в прениях встречали полное одобрение" [33].
Ленин говорит о революционной тактике русских социал-демократов. Делегаты, только что прибывшие из России, знают, что эта тактика подтверждена жизнью. Сводится она сейчас к тому, чтобы еще шире, чем до сих пор, сочетать нелегальную деятельность с легальной, вести борьбу за социал-демократическую программу в избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу. Суть этой программы кратко можно выразить так: за революцию! "...Партия,- определяет Ленин общую тактическую линию РСДРП на выборах в Думу,- должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий помещиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контрреволюционные взгляды буржуазных либералов... и их фальшивый демократизм" [34].
Сейчас более чем когда-либо, как отмечает в одной из речей Владимир Ильич, важна решительная борьба против разрушителей партии - ликвидаторов и троцкистов.
- Что такое глава примиренцев Троцкий? - спрашивает он делегатов и разъясняет: - Сей муж... под видом партийной нелегальной литературы, под сурдинку, контрабандой проводил в среду русских рабочих ликвидаторство. Нужно было вскрыть это. Необходимо было указать и на тех, кто вольно или невольно играет на руку Троцкому... Сейчас ведется борьба не на живот, а на смерть, и тут нечего хныкать, жаловаться [35].
Даже в короткие перерывы между заседаниями Ленин - с делегатами. Бродит с кем-нибудь по улицам полюбившейся ему Праги. Показывает достопримечательности города,

рассказывает об исторических памятниках, о прошлом чешского народа. Или, пристроившись с каким-нибудь делегатом в опустевшей комнате, ведет с ним задушевный разговор.
Нередко это Серго Орджоникидзе. “В памяти моей запечатлелось: уголок комнаты, где происходили заседания конференции, большое окно или арка,- уединившись во время перерыва и понизив голоса до шепота, коренастый и плечистый Ленин с головой Сократа, приложив горсточкой руку ко рту, доверительно, именно доверительно, совещался с Серго,- пишет делегат от Саратова А. Воронский.- О чем-то расспрашивает либо слушает, поглядывая куда-то на стену, всегда настороженный, внимательный. Время от времени он наклоняется к самому уху Серго, да, теперь, в эту минуту, он наставляет его - и вдруг хохочет тихонько, приподняв плечи...” [36]
Когда же перерыв подходит к концу, Владимир Ильич вновь на председательском месте, Он внимательно слушает. Вставляет реплики. Выступает почти по всем вопросам - страстно, убедительно, уверенно. С особым гневом говорит о ликвидаторах. Требует изгнать их из рядов партии. Раз и навсегда положить конец их формальному объединению с большевиками. И делегаты поддерживают Ленина, Они призывают “всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РСДРП” [37]. Они принимают решения, ставящие ликвидаторов вне рядов партии. Все основания есть у Владимира Ильича сообщить вскоре Горькому: “Наконец удалось - вопреки ликвидаторской сволочи - возродить партию и ее Центральный Комитет” [38].
Наступает время отъезда из Праги. Русские революционеры прощаются с тепло принявшими их чешскими социал-демократами.
У Е. Онуфриева - секретное поручение Центрального Комитета. Резолюции конференции уже отправлены в Россию. Онуфриеву надо ехать в Белоруссию и там получить их у надежного человека. И он добирается до первого белорусского приграничного городка. Отыскивает по указанному адресу нужного человека. Забирает у него две корзинки с литературой и в тот же день отправляется в Петербург.
Приехав в столицу, Онуфриев идет на Пятую роту - одну из пересекающих Измайловский проспект улиц. На заранее подготовленной квартире его ждут представители партийных организаций нескольких районов: их предупредил шифрованной телеграммой Серго Орджоникидзе.
Онуфриева встречают с распростертыми объятиями. Оживленная беседа затягивается до глубокой ночи. Подробно расспрашивают собравшиеся о ходе конференции, о ее решениях. И с особым интересом слушают рассказ своего делегата о Ленине, о его выступлениях.
Решения Пражской конференции становятся известны всем социал-демократам. В Петербурге о них сообщают на общегородском собрании в доме на Кожевенной. О них С. Орджоникидзе, С. Спандарян, М. Калинин и Е. Онуфриев докладывают в рабочих районах столицы. И в Париж к Ленину приходит резолюция Петербургского комитета. Она признает, что “созыв конференции в момент разгула реакции, разгрома организаций и идейного разброда членов партии, с одной стороны, и перед лицом важных неотложных задач, с другой, являлся настоятельной необходимостью, диктуемой всем создавшимся положением вещей”. Резолюция “решительно осуждает поведение некоторых групп и течений, которые из-за узкофракционных интересов отказались помочь работе конференции и воссозданию партии”. И “признает, что, несмотря на тяжелый момент, переживаемый нашей партией, конференция сумела дать единственно правильный ответ на важнейшие вопросы текущего момента, организации и др.” [39].
Двенадцать делегатов конференции, как становится известно Ленину, уже выступают с докладами в разных городах России. Об этом пишут ему не только из Питера. Пишут из Москвы, Киева, Самары, Николаева, Тифлиса. “Работа пошла и пойдет” [40],- с удовлетворением отмечает Владимир Ильич.
Конференции в Праге посвящена теперь значительнейшая часть обширной переписки Ленина. Приходит письмо из Тюмени, от местных социал-демократов. И в нем - просьба выслать ее протоколы. Ленин пишет Горькому. И в письме идет речь о конференции: ее решения уже отправлены Владимиром Ильичей на Капри. Крупская пересылает письмо

Ленина в Тифлис, членам Русского бюро ЦК Орджоникидзе, Спандаряну, Стасовой. И в письме прежде всего запрашиваются резолюции с мест о присоединении к решениям конференции.
В один из этих дней Ленин в письме А. Енукидзе в бакинскую центральную тюрьму признается, что "устал немного за последнее время". Но тут же отмечает с удовлетворением: "...в общем чувствую себя хорошо и очень доволен" [41]. Этих немногих слов достаточно и Енукидзе, и другим заточенным в казематы большевикам, чтобы понять:
- Наши дела идут хорошо!
В начале марта Ленин пишет статью "Избирательная платформа РСДРП". В ее основе - решения Пражской конференции. "Избирательная платформа РСДРП" зовет к революции, к свержению самодержавия. "За работу же, товарищи рабочие и все граждане России, кто не хочет,- призывает Ленин,- чтобы наша страна погрязла окончательно в застое, дикости, бесправии и убийственной нужде десятков миллионов!" Он утверждает: "Российские социал-демократы, российские рабочие добьются того, чтобы народной поговоркой на Руси стало: долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика российская!" [42]
Ленин придает этой платформе исключительное значение. Утвержденная Центральным Комитетом партии, она отдельной листовкой издается в Тифлисе, доставляется в крупнейшие пролетарские центры России.
Однако ликвидаторы выдвигают свою, оппортунистическую платформу. И Ленин пишет в связи с этим в Петербург в "Звезду": "Пора бросить сочинения платформы, когда есть утвержденная и изданная Центральным Комитетом..." [43] Но получили ли товарищи из "Звезды" эту листовку? - встревожен Владимир Ильич. "...У нас лишь один экземпляр,- сообщает он,- и мы не можем его послать; поэтому переписываем и посылаем копию" [44].
Те, кого изгнали из партии, мечут в адрес Ленина и ЦК громы и молнии. Обстановка становится с каждым днем все более тяжелой. По инициативе появившегося в Париже Троцкого собираются все враждебные Ленину группы.
13 марта 1912 года. Ленин пишет из Парижа в Берн: "...вчера состоялось в Париже собрание "социал-демократов", врагов конференции. Все приняли резолюцию протеста против конференции (и плехановцы, и голосовцы (Меньшевики-ликвидаторы группировались вокруг своего заграничного органа "Голос социал-демократа".), и впередовцы, и примиренцы, и tutti quanti (им подобные)) и еще что-то вроде исключения меня из Межд. соц. бюро...
Разумеется, все это смеху достойно" [45].
14 марта. В этот день в Париже на собрании, устроенном комитетом Заграничной организации РСДРП, Ленин выступает с докладом о Пражской конференции. "Голосовцы и впередовцы,- сообщает Инесса Арманд,- вели себя позорно. Они начали с того, что шумели стульями, кричали, требовали слово к порядку, стараясь помешать говорить. Их с трудом удалось угомонить и ненадолго, так как они во время речей продолжали шуметь и кричать". Передает Арманд и то, что говорил на собрании Ленин: "Он указал всем этим заграничным группам, которые совершенно оторваны от России, и с российской работой не имеют ничего общего, все их бессилие; он им доказал как 2х2 = 4, что ни за ними, ни даже за ликвидаторами (по их собственному признанию в "Нашей заре") нет ровно ничего - и, что если они все умеют кричать и учинять склоку, то объединить что-либо, или вообще что-либо создать они не умеют. За конференцией же идут все партийные элементы... существующие сейчас в России, и конференция вывела партию на дорогу, и в России сейчас нет никакого раскола, а есть лишь единая РСДРП, объединившаяся вокруг конференции и созданного ею ЦК. За заграничными же кружками и за ликвидаторами ничего сейчас нет, и потому с ними и толковать сейчас не о чем" [46].
24 марта. Ленин сообщает сестре Анне в Саратов: "...идет здесь грызня и поливание грязью, какой давно не было, да едва ли когда и было. Все группы, подгруппы ополчились против последней конференции и ее устроителей, так что дело буквально до драки доходило на здешних собраниях" [47]. И четыре дня спустя. "В "Vorwarts'e" от 26 марта,- пишет Ленин в Тифлис Серго Орджоникидзе и его товарищам,- появилась бешеная и гнусная статья против конференции, от имени редакции. Ясно, что это Троцкий" [48].

“Форвертс” - газета германских социал-демократов - не впервые уже предоставляет свои колонки для выпадов против Ленина. Она поддерживала в свое время экономистов, а затем, после раскола партии,- меньшевиков. Полтора года назад, в день открытия Копенгагенского социалистического конгресса, газета опубликовала статью Троцкого, призванную подорвать в глазах участников конгресса авторитет делегации российской социал-демократии. Та статья не была подписана. Не подписана и последняя-“Из жизни русской партии”. Но как тогда, так и теперь безошибочно разгадывается тайна анонима.
“Ленин на Международном социалистическом бюро заявил,- становится известно российской охранке,- что он снимает с себя представительство от старого ЦК РСДРП, так как последний перестал существовать, а является сейчас в Бюро представителем от нового ЦК, избранного конференцией русских организаций.
Международное социалистическое бюро согласилось принять его в свой состав...
Извещение о происшедшей перемене Бюро разослано по всем странам, входящим в состав Интернационала, и везде было опубликовано, за исключением Германии.
“Vorwarts” не опубликовал этого извещения, а напротив, в нем была помещена анонимная статья, по всем приметам принадлежащая перу Троцкого... Ленин написал уже обстоятельный ответ, который переводится сейчас на немецкий язык...” [49]
Ленин пишет ответ - “Аноним из “Vorwarts'a” и положение дел в РСДРП”. Он разоблачает в этой статье утверждения Троцкого о том, будто подавляющее большинство партийных организаций в России идет за ликвидаторами. Владимир Ильич разъясняет, почему конференция в Праге исключила их из партии. Он доказывает, что ликвидаторам не место в российском социал-демократическом рабочем движении...
Ленин отправляет статью в газету “Форвертс”. Однако газета отказывается ее публиковать. Тогда редакция “Социал-демократа” решает издать ее отдельной брошюрой. “...Мы выпускаем этот ответ,- заявляет Владимир Ильич,- для информации немецких товарищей...” [50] В 600 адресов - редакциям немецких социал-демократических изданий, местным комитетам, библиотекам - намерен разослать он брошюру.
Но его ответ анониму немецкие социал-демократы должны узнать еще до издания брошюры. Он отправляет статью редактору одного из журналов Кларе Цеткин.
А за много тысяч километров от Парижа, в глухой сибирской тайге, разыгрывается в это время страшная трагедия. Ленин узнает о ней из газет. То в одной, то в другой появляются корреспонденции о “Ленском золотопромышленном товариществе”. Среди акционеров этого товарищества мать русского царя - императрица Мария Федоровна, министры, высшие сановники. Газеты сообщают: на этих приисках, на реке Лене, в один из апрельских дней войска расправились с забастовавшими рабочими. Открыв огонь по трехтысячной толпе, солдаты убили 270, ранили 250 человек.
Пристально следит Ленин за тем, как отзовется российский пролетариат на Ленский расстрел. Следит и по тем номерам “Звезды”, которые к нему поступают из России. Он узнает из этой газеты о потоке резолюций рабочих собраний, в частности о том, что заявили питерские металлисты: “Мы считаем виновниками расстрела не только отдельных представителей администрации и капитала, но и весь современный русский строи...” [51]
Из Петербурга приходит прокламация. Ее распространяли в столице перед маевкой. В прокламации говорится: последовавшие за Ленским расстрелом могучий подъем стачечного движения, стихийный взрыв праведного гнева свидетельствуют о том. что “вновь бодр и силен, как прежде, русский рабочий, вновь готов к беспощадной последней борьбе” [52]. Прокламация призывает: в день 1 Мая выйти на улицы, перед лицом всего мира вновь провозгласить свои лозунги: “Учредительное собрание!”, “8-часовой рабочий день!”, “Конфискация земель!”
И, познакомившись с листовкой питерских большевиков, Ленин заявляет: “На этой прокламации стоит очень и очень остановиться, ибо она представляет из себя важнейший документ в истории рабочего движения в России и в истории нашей партии” [53].
Начало новому революционному подъему было положено еще осенью 1910 года. Ленские события послужили толчком к массовым выступлениям против царской монархии и капиталистов.
Ленин публикует полученную прокламацию в “Социал-демократе”. Он обращает внимание читателей на подписи в конце листка: арестован Петербургский комитет, но существуют

подпольные ячейки,- те самые заводские, подрайонные и районные социал-демократические группы, которые вызывали всегда ненависть либералов и ликвидаторов. Эти питерские группы преследовались полицией. Они вынуждены были спешно собирать свои силы, наскоро восстанавливать между собой подпольные связи. И вот тут-то, приходит к заключению Владимир Ильич, обрисовался настоящий характер социал-демократического движения, проявилось подлинное настроение российских пролетариев. В газетах, доставляемых в Париж, находит Ленин подтверждение того, что по своему размаху начало нового революционного подъема "не меньше, а скорее больше, чем то же начало в 1905 году!" [54]. Порожденные торжеством контрреволюции оцепенение и усталость, отмечает он, проходят, "потянуло опять к революции" [55].
Между тем доставляют очередную книжку "Нашей зари" - руководимого Потресовым легального журнала меньшевиков-ликвидаторов. Владимир Ильич обнаруживает в ней статью, автор которой, "извиваясь в бессильной злобе и "стекая ругательствами" [56], выступает против "возрождения партии".
Приходит первый номер и только что созданной еженедельной легальной газеты меньшевиков-ликвидаторов "Невский голос". Ленин отчеркивает в нем призыв одного из их лидеров: ни в коем случае не переплетать экономические стачки с политическими выступлениями рабочих, И хотя передовая очередного номера "Социал-демократа" уже сдана в типографию, Ленин должен немедленно ответить тому, кто дает реакционнейший совет "не осложнять" политику экономикой, не "переплетать" их. В набор досылается короткая статья о чудовищном извращении "революционного характера подъема" и о попытке "приложить к нему аршин "обыкновенных стачек"" [57].
Ленин выступает с докладом на заседании Парижской секции Заграничной организации РСДРП. Он заявляет, что события в России подтверждают правильность резолюций, принятых Пражской партийной конференцией. Революция не закончена, поднимается новая, более грозная волна. Вся тактика партии должна быть подчинена подготовке пролетариата к революции.
Совсем уже близки выборы в IV Государственную думу. Большевики решили участвовать в них. Ленин призывает поэтому удесятерить энергию в избирательной работе. И прежде всего в Петербурге, являющемся центральным пунктом избирательной кампании.
В немногие оставшиеся до выборов недели особую роль должна сыграть рабочая печать, в том числе только что родившаяся "Правда".
Давно уже мечтал Ленин о легальной ежедневной большевистской газете. В июне 1909 года в Париже на расширенном совещании редакции "Пролетария" член Центрального Комитета И. Гольденберг (Мешковский) сообщил: из Петербурга поступили сведения о возможности издания при социал-демократической фракции Думы легальной газеты. И Владимир Ильич тогда сразу же заявил:
- Ввиду важности заявления т. Мешковского, предлагаю из 1500 рублей, ассигнованных на легальное издательство, употребить 1000 рублей на думскую газету [58].
Идею создания газеты Ленин обсуждал с делегатами-большевиками на социалистическом конгрессе в Копенгагене, в Лонжюмо - с учениками партийной школы, в Праге - с делегатами конференции. В Лейпциге, сразу же после Пражской конференции, он вместе с членом ЦК С. Спандаряном и издателем "Звезды" Н. Полетаевым наметил план подготовки выпуска ежедневной газеты. Он настойчиво требовал затем в письмах, шедших в Петербург: "Пишите точно, когда же ежедневная газета, какой формат и пр." [59]; "Известите скорей насчет ежедневной газеты. Какой будет формат? Какого размера статьи можно посылать?" [60] Ленина радовали вести о том, что взносами самих рабочих обеспечивался необходимый для нового дела денежный фонд. "Каждый групповой сбор,- заявлял он,- означает не только сумму пятаков и гривенников, но еще нечто гораздо более важное: сумму совместной, массовой энергии, решимость групп рабочую газету поддерживать, распространять, направлять, создавать своим собственным участием" [61].
Из Парижа возглавил Ленин издание "Правды". В письмах, отправляемых в Россию, он обсуждал с товарищами и идейную направленность газеты, и финансовые вопросы, и состав редакции. С ним согласовывали смету необходимых расходов, уточняли вопрос о тираже.

Первый номер “Правды” вышел в Петербурге утром 5 мая 1912 года. С каким нетерпением ждали его в Париже! И когда доставили сюда новую газету, собрались большевики-эмигранты в кафе на авеню д'Орлеан. Подняв ее над головой, взволнованный, обратился к ним Ленин:

- Вот оно, наше знамя! Наш могучий агитатор, наш пропагандист и организатор. В руках наших - новый “Колокол”. Он будит народ, зовет его к победе.

“Все поняли,- расскажет спустя полвека Т. Людвинская - одна из тех, кто сидел в этот майский день в парижском кафе,- что слово “Колокол” было произнесено не случайно. В. И. Ленин напомнил о роли герценовского “Колокола”, вставшего “горой за освобождение крестьян”. Нашей радости не было границ” [62].

От первой до последней строки прочел Ленин первый номер “Правды”. В ее передовой статье подчеркивалось то, что особенно радовало его: “Объявление о нашем намерении приступить к изданию “Правды” вызвало поразительно дружный прилив пожертвований в фонд газеты от рабочих, можно сказать, почти всех петербургских фабрик, заводов и мастерских” [63]. Им, питерским пролетариям, отдаст должное Ленин, когда подведет вскоре первые итоги деятельности газеты: “Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное,- без преувеличения можно сказать, историческое дело” [64]. Им спустя месяц посвятит и эти строки: “Рабочие Петербурга положили начало. Их энергии обязан пролетариат России первой ежедневной рабочей газетой после тяжелых лет безвременья” [65].

Ленин отводит “Правде”, как и всей рабочей печати, большое место в избирательной кампании. Без ежедневной прессы значение выборов в смысле политического просвещения масс падает по меньшей мере наполовину.

“Только в Петербурге,- приходит он к заключению,- имеется хоть сколько-нибудь сносно поставленная рабочая пресса, которая при всех отчаянных преследованиях против нее, штрафах и арестах редакторов, при всей непрочности ее положения, при всей цензурной придавленности ее, в состоянии давать слабое отражение взглядов рабочей демократии” [66].

Ленин утверждает это со страниц “Невской звезды” - легальной рабочей газеты, созданной в Петербурге в связи с угрозой запрещения “Звезды”. Доказывает это в своей статье “Значение выборов в Петербурге”, подписанной буквами - Ф. Ф. Он подчеркивает, что петербургские выборы в связи с наличием в столице рабочей прессы приобретают “значение образца той избирательной кампании, которая, при невероятно тяжелых русских условиях, легла на плечи рабочей демократии” [67]. Борьба на выборах в Петербурге - это борьба за гегемонию между либералами и рабочей демократией. Причем не только в самой столице, но и во всем освободительном движении России. Ленин убежден: “...Петербург принадлежит демократии по всему ходу всего освободительного движения в России, и на известной ступени его развития даже чудовищно-высокая плотина третьеиюньского избирательного закона не сможет сдержать “демократического наводнения”” [68].

Теперь, когда кризис нарастает в новой обстановке, российские социал-демократы должны использовать избирательную кампанию для революционной работы в массах. Нужна, пишет он в “Социал-демократе”, “нелегальная партия для руководства всей этой работой в ее целом, и в Таврическом дворце, и на Казанской площади, и на рабочей массовке, и во время стачки, и на районном собрании рабочих социал-демократов, и на открытом собрании профессионального союза” [69].

Примечания:

[23] “Рабочая газета” №7, 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.).

[24] Там же.

[25] См. Мирослав Иванов. Ленин в Праге, с. 50.

[26] Е. П. Онуфриев. Встречи с Лениным (Воспоминания делегата Пражской партийной конференции). М., 1959. с. 16.

[27] Там же, с. 17-18.

[28] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 152.

[29] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 228.

[30] “Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 гг. бывшего Московского охранного отделения”. М., 1918, с. 87.

[31] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2, с. 305.
[32] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 137.
[33] См. Мирослав Иванов. Ленин в Праге, с. 67.
[34] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 139.
[35] См. "История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2. М., 1966, с. 361-362.
[36] См. И. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе. М., 1963, с. 115-116.
[37] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 152.
[38] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 44.
[39] "Рабочая газета" № 8, 17(30) марта 1912 г.
[40] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 50.
[41] Там же, с. 44.
[42] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 179.
[43] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 52-53.
[44] Там же, с. 53.
[45] Там же, с. 51.
[46] См. "Вопросы истории КПСС", 1960, № 6, с. 176.
[47] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 323.
[48] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 55.
[49] "Красный архив", 1934, т. 1 (62), с. 232.
[50] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 203.
[51] "Звезда" № 29(65), 12 апреля 1912 г.
[52] "Социал-демократ" № 27, 17(4) июня 1912 г.
[53] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 347.
[54] Там же, с. 342.
[55] Там же, с. 340.
[56] Там же, с. 347.
[57] Там же, с. 354.
[58] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 31.
[59] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 52.
[60] Там же, с. 62.
[61] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 430.
[62] "Правда", 5 мая 1972 г.
[63] "Правда" № 1, 22 апреля 1912 г.
[64] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 427.
[65] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 70.
[66] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 375.
[67] Там же, с. 375-376.
[68] Там же, с. 378.
[69] Там же, с. 247.

Поближе к России

В условиях нового подъема революционного движения особенно важно укрепить связи находящегося в эмиграции партийного руководства с местными организациями, с социал-демократической фракцией Государственной думы, с редакциями выходящих в Петербурге и Москве партийных изданий. "...Необходимы явки, явки, явки и связи, связи, связи" [70],- пишет Русскому бюро ЦК РСДРП Крупская.

Ленин решает: надо перебраться поближе к России. Заграничному бюро Центрального Комитета партии следует обосноваться у самой русской границы. Лучше всего-на польских землях, входящих в состав Австро-Венгрии. Почему именно там? Да потому, что ненависть поляков к российскому самодержавию обеспечит большевикам, самым грозным врагам царизма, расположение населения. Потому, что под давлением демократического движения австрийские власти вынуждены предоставлять политическим эмигрантам право убежища. Можно, конечно, предположить, что и австрийские власти оказывают услуги царской полиции, что и на польских землях ведется слежка за политическими эмигрантами. Но все-таки эти места наиболее удобны для работы. Еще год назад писал в Париж из Кракова Феликс Дзержинский: "Вести практическую работу из Парижа - по очень многим

соображениям - очень неудобно... Если бы здесь кто-нибудь занялся этим делом - легко было бы организовать переправу...” [71]
Не потому ли пал выбор Ленина сейчас на Краков? Он запрашивает Якова Ганецкого - видного польского социал-демократа: насколько безопасен переезд туда, не угрожает ли там опасность быть выданным в руки царских жандармов? По поручению Владимира Ильича наводит справки и Надежда Константиновна. Находящийся в Женеве и располагающий большими связями В. Карпинский должен срочно выяснить и “написать поскорее все, что он знает о Кракове с точки зрения полицейской и хозяйственной”. Крупская подчеркивает: “Это очень, очень спешно”. [72]
Июньским вечером 1912 года Ульяновы оставляют квартиру на Мари-Роз. Они покидают Париж.
Пройдет некоторое время, и глава заграничной агентуры отправит из французской столицы донесение об отъезде Ленина. Российский департамент полиции будет предупрежден, что цель этого переселения - быть поближе к России, иметь возможность через издающиеся в Петербурге “Правду” и “Звезду” руководить предстоящими выборами. Глава заграничной агентуры выразит свою озабоченность: переезд Ленина в Краков может затруднить агентурные наблюдения и за ним, и за другими большевиками. Не следует ли в связи с этим прикрыть в Петербурге большевистские газеты? Может быть, сие вынудит Ленина вернуться в Париж, поближе к заграничной резиденции царской охранки?
Но уйдет в Петербург это донесение только три недели спустя. А пока лишь самые близкие знают, что едет Ленин в Краков...
В Париже от Людмилы Сталь, руководителя местного комитета интеллектуальной помощи политзаключенным, Владимир Ильич узнал: на окружающем центральную часть Кракова бульваре Плянты, против главного здания университета, его будет ждать надежный товарищ. Он поможет ему на первых порах при устройстве в незнакомом городе.
Этот товарищ - студент-медик Сергей Багоцкий, только недавно отбывший каторгу, отправленный на поселение, но бежавший оттуда за границу. Он живет сейчас в Кракове. Издает здесь журнал “Политический узник”.
Ульяновы, как было условлено, встречаются с Багоцким. И по дороге в гостиницу тот рассказывает о краковской жизни. В отличие от других частей Польши, захваченных Германией и царской Россией, Галиция, находящаяся под властью Австро-Венгрии, пользуется относительной политической свободой. В Кракове много польских политэмигрантов и прогрессивно настроенной интеллигенции. Краковской общественности, мечтающей о независимости Польши, ненавистен царизм, и она с симпатией относится ко всем борцам против него. Узнают Ульяновы и о том, что в городе открыто существуют издательства революционных партий, выходят печатные органы Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.
- А как относится местная полиция к политэмигрантам? - спрашивает Ленин.
- В этом отношении опасаться нечего,- заверяет Багоцкий.- Царящая в Кракове атмосфера враждебности к царскому самодержавию делает местные полицейские органы более предупредительными к политэмигрантам, чем в каком-либо другом городе Европы.
Владимир Ильич озабочен тем, как бы скорее организовать нелегальный переход границы для тех, кто должен прибыть к нему из России. Как лучше это сделать?
Багоцкий предлагает:
- Около Кракова находится так называемая пограничная зона, распространяющаяся на тридцать километров от границы. Согласно договору между австрийским и российским правительствами, живущие в этой зоне имеют право перехода границы по “полупаскам” - проходным свидетельствам без фотографических карточек. “Полупасками” обычно пользуются крестьяне, приезжающие с продуктами на базар, и рабочие, проживающие по одну сторону границы и работающие на другой стороне. Контроль за местным пограничным движением очень поверхностный. Можно использовать мои связи с краковскими рабочими и через них получить “полупаски”.
Владимиру Ильичу нравится этот план. На следующий день в отделе хроники своего утреннего выпуска газета “Час” сообщает, что в гостинице “Виктория” остановились Владимир Ульянов с женой и Елизавета Крупская. А два дня спустя Ульяновы поселяются в рабочем предместье Кракова на улице Звежинец. Поблизости Висла, в которой можно

купаться, а километрах в пяти - чудесный лес, куда легко добраться на велосипедах. В доме каменщика Яна Флорчика Ульяновы снимают подходящую квартиру из двух комнат и кухни. Они приобретают самую дешевую обстановку: две узкие железные кровати, два простых стола, этажерку, несколько стульев. В кухне ставят маленький стол, табуретки. Распаковывают кипы газет и книг. И Ленин засаживается за письма. Они уходят в Париж, Брюссель и, конечно, в Саратов - матери.

"Дорогая мамочка! - пишет Владимир Ильич.- Получил твое письмо с сообщением о поездке по Волге и Каме и с новым адресом. Я как раз тоже должен дать новый адрес. Из Парижа я нынешним летом забрался очень далеко - в Краков. Почти Россия!" [73]

Первый визит, как положено в Кракове для приезжающих иностранцев,- к комиссару "императорско-королевской полиции". И комиссар заносит в протокол то, что говорит ему Владимир Ильич:

"...Ввиду того, что я занимался социалистической литературой, так как по убеждениям я социал-демократ, а в России развить свою деятельность в этом направлении я не мог, я уехал в Швейцарию, а затем в Париж, где пробыл 3 года. В настоящее время прибыл в Краков и здесь намерен жить. Состою корреспондентом русской демократической газеты "Правда", издаваемой в Петербурге, и русской газеты, издаваемой в Париже под названием "Социал-демократ", что и является источником моего существования" [74].

А цель приезда в Краков? Ленин отвечает и на этот вопрос:

"В Галицию я приехал из желания познакомиться с здешними аграрными условиями, так как преимущественно этими вопросами я занимаюсь. Намерен также изучать польский язык" [75].

Умалчивает Владимир Ильич о том, какие причины на самом деле привели его в Краков. И эта предосторожность оказывается не бесполезной. Едва Владимир Ильич покидает кабинет комиссара, как на протоколе появляется пометка: "За личностью Ульянова я распорядился установить негласный надзор..." [76]

Запасшись планом города с окрестностями и русско-польским словарем, Ленин знакомится с Краковом. С каждым днем он все более ему нравится. "Внимательно вглядывался Ильич в мелочи быта краковского населения, его бедноты, его рабочего люда...- узнаем из записок Крупской.- Ильич радовался тому, что вырвался из парижского пленения..." [77] Позднее Ленин напишет сестре: "...как ни глух, как ни дик здешний наш город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже... Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко" [78].

Ленин быстро осваивается с новой обстановкой. Как-то в беседе с Ганецким он рассказывает об окрестностях города, о крестьянах ближайших деревень. Много говорит об их жизни, навыках, об их жалобах на чрезмерные налоги, на дороговизну.

Ганецкого, давно живущего в этих местах, поражает точность характеристики крестьян, живое описание окрестностей Кракова.

- Владимир Ильич,- удивляется он,- вы так недавно здесь, откуда вы успели так хорошо узнать здешние окрестности, а главное, так метко характеризовать крестьян?

Ленин смеется:

- Это мой секрет... Вы киснете все время в квартире, а я по воскресным дням разъезжаю на велосипеде по окрестностям города и знакомлюсь с крестьянством. Здешние окрестности очень красивы и интересны.

Ленин описывает близлежащие места, рассказывает о своих беседах с крестьянами. Ганецкий все более изумляется:

- Помилуйте, как это вы с ними ведете беседы, ведь вы не говорите по-польски?

- А кто это вам сказал? У меня словарь, я уже знаю много польских слов. При помощи словаря я читаю польские газеты. В загородные прогулки беру с собой в помощь словарь. Зайду к крестьянину в избу, поздороваюсь, попрошу продать немного молока - и заведу беседу. Говорю по-польски. Если польских слов не хватает, восполняю немецкими: ведь многие из них служили в армии, значит, немного изучили немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать и к жестам... Одним словом, мы превосходно беседуем и друг друга понимаем... Интересный народ здешние крестьяне... Жалко, что здешняя социал-демократическая партия не обращает на них внимания, не работает среди них. А без мужика нам нигде не обойтись...

В рабочем предместье, где каждый знает друг друга в лицо, сразу же примечают нового человека. Пройдет много лет, и один из тех, кто живет в таком же доме, в каком поселились Ульяновы, расскажет на страницах польской газеты “Нова культура”:
“Он жил на той же улице, что и я... Его хорошо знали рабочие этого района, игравшие на тротуарах дети (он очень любил детей), и особенно хорошо его знали мы, эмигранты... Ленин одевался просто. Ходил он быстро, делая живые движения, наклонив голову. Он производил впечатление много работающего человека... Только по вечерам он выходил из дому, у него был вид человека, которого ничего на свете не касается, кроме интересующих его вопросов. На лице отражалась постоянная озабоченность” [79].
У Ленина действительно много дел, которыми он занят с первых же дней пребывания в Кракове. “Вы спрашиваете, зачем я в Австрии,- пишет он на Капри Горькому.- ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-ий день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается” [80].
Итак, теперь уже в Кракове, в доме на улице Звежинец, размещается штаб большевистской партии, всего революционного движения России. И вскоре появляется здесь И. Арманд. Центральным Комитетом она направлена из Парижа в Петербург для подготовки избирательной кампании по выборам в IV Думу. Но по пути заехала в Краков, к Ленину. Два дня проводит Арманд в квартире Ульяновых. Ее ждут в Петербурге дела, которым Владимир Ильич придает первостепенное значение. И они досконально обсуждают их. Как вести кампанию по выборам в Думу? Выставить самостоятельно кандидатов от рабочей партии, образовать в Думе социал-демократическую фракцию. Инессе следует добиться, чтобы больше рабочих узнали основные требования большевиков: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель.
Говорят они и о “Правде”. Ленин обеспокоен: не все там сейчас благополучно. Надо, чтобы в редакции во что бы то ни стало освободились от примиренческого отношения к ликвидаторам.
“...Сговорились с ней обо всем,- узнаем из заметок Крупской о приезде Арманд,- снабдили ее всякими адресами, связями, обсудили они с Ильичей весь план работы” [81]. И с паспортом крестьянки Франциски Янкевич покидает Арманд Краков.
Появившись в российской столице, приступит она к восстановлению разгромленного полицией Петербургского комитета. И вскоре создан будет новый ПК. Его члены вместе с Арманд встретятся с представителями “Правды”. После острой дискуссии большинство редакции заявит о полной поддержке ленинской тактики, всех решений Центрального Комитета.
Недолго - всего лишь два месяца с небольшим - продержится в Петербурге Инесса Арманд. Но все это время, до самого ареста, будет связующим звеном между питерскими большевиками и Лениным. “Через Инессу...- сообщит Крупская,- знали мы довольно подробно о том, что делается в Питере”. Установив там связи, она повела “большую массовую работу по ознакомлению рабочих с резолюциями Пражской конференции и теми задачами, которые стоят теперь перед партией” [82].
Только покидает Арманд Краков, нового гостя принимают Ульяновы. “Переезд,- пишет 24 июля в Париж Ленин,- дал нам пока: 1) близость на 1 день; 2) приезд Абрамчика (сие секрет). Он уже здесь. Видимо, поможет с границей” [83].
“Абрамчик” - так по конспиративным соображениям зовут Н. Крыленко. Он живет в Люблине. Преподает там в гимназии русскую историю и литературу. Сейчас, предлагает Ленин, и ему на время надо перебраться в Петербург. И ему следует немедленно включиться в кампанию по выборам в IV Думу. А затем, вернувшись в Люблин, наладить переход товарищей через границу, к Ленину.
Его связь с Россией, как и прежде, в руках Надежды Константиновны. Она покупает небольшую записную книжку в дерматиновом переплете. Делает на ней надпись: “Русские адреса”. Заносит в нее множество географических пунктов России, где есть верные люди, где живут и борются единомышленники, друзья. И ведет заветная книжка в Астрахань- там находится сейчас С. Шаумян; в далекое сибирское село Александровское - к большевичке Г. Окуловой-Теодорович; в Баку на Биби-Эйбатский нефтяной промысел; на станцию Давыдове - к Я. Корсакову - рабочему-большевику, выборщику в IV Думу по рабочей

курии Московской губернии; в Енисейск - к находящемуся на поселении в селе Еланском Н. Мещерякову. Несколько адресов екатеринославских: “Чечелевка, 4-я Кайдацкая ул., д. № 6, И. Григорьеву”, “Берта Осиповна Перельман (жена Филиппа), Базарная, 62, кв. 6”, “Чечелевка, Трубный завод, механический цех, П. П. Моисееву” - они для связи с Екатеринославской большевистской организацией. Эти адреса - иркутские - товарищей, находящихся там в ссылке. А по этим можно связаться с Кременчугской, Киевской, Луганской, Юзово-Макеевской, Майкопской, Миньярской большевистскими организациями. Два с лишним десятка адресов - в Москве. Еще больше - в Петербурге. По адресам, занесенным в книжку, пойдут из Кракова письма в Тверь и Тифлис, Самару и Тулу, Саратов и Уфу, Вильно и Харьков. Пойдут кружными путями - через Германию или Финляндию...
Самая интенсивная связь и отсюда - с “Правдой”.
Ленин сообщает редакции свой краковский адрес, только что поселившись в Звежинце. И сразу пересылают ему из Петербурга номера газеты, вышедшие после его отъезда из Парижа. Сразу пишут ему из редакции “Правды”: “...нам очень нужны статьи; надеемся, что пришлете и будете присылать без замедления. Ждем ваших статей” [84].
Вскоре доставляют и план газеты, и тематику ожидаемых статей - обширную, по словам Ленина, программу сотрудничества. Он откликается немедленно. Заверяет товарищей из редакции: “Постараемся выполнить, что можем...” Но... “необходимо высылать книги новые, справочные издания и т. д. Без высылки новых книг даже и десятая доля Вашей программы сотрудничества н е выполнима... В частности, об аграрном вопросе особенно необходимы текущие издания - правительственные и земские. Напечатайте непременно в ближайшем номере, что газета очень просит посылать ей все подобные издания, обязуясь печатать их перечень и отзывы о важнейших из них” [85].
Через несколько дней приходит из “Правды” новый пакет. Но в нем одна только книга. “Напишите же, почему”,- возмущается Ленин. Вновь он требует: “...без книг нельзя работать”. Следует “повнимательнее отнестись к этому” [86].
Как, впрочем, и к тому, чтобы вовремя поступали к нему сама “Правда”, другие газеты. “С газетами вышла-таки задержка,- пишет он.- Сидим без газет и просидим 2-3 дня еще” [87]. И несколько дней спустя: ““Правду” получаем неаккуратно (вчера вовсе не имели!!). “Звезду” ни№14, ни№17 вовсе не видали. Скандал! Нельзя ли посылать бандеролью полосы корректурные, чем им пропадать? Стоит это 2 коп. Был бы выигрыш времени... Уходя ночью, выпускатель бросал бы бандероль в почтовый ящик - и все” [88].
Теперь уже ранним утром, как только приступают в Петербурге к печати очередного номера “Правды”, на Загородном проспекте опускают в почтовый ящик пакет с двумя экземплярами для Ленина. С берегов Невы, из редакции “Правды”, идут в Краков и другие, выходящие в Питере, газеты. Идут журналы, книги. “За присылку отдельных номеров “правых” газет большое спасибо,- благодарит Ленин.- Нам крайне важны такие отдельные посылки интересных газеток, которых иначе как через Вас мы бы абсолютно не могли добыть” [89].
- “Правда”,- говорит Ленин,-должна теперь сыграть ту же роль, которую сыграла “Искра” в 1900 году...
Он не раз говорит: “Правда” должна явиться тем ядром, вокруг которого объединятся все находящиеся в подполье, все разбросанные по обширным пространствам России товарищи. И стремится придать ей боевое большевистское направление.
Первостепенное значение имеет подготовка к выборам в IV Государственную думу. Сейчас, заявляет Владимир Ильич, это - “коренной вопрос” [90]. Ведь ликвидаторы ведут к тому, чтобы вовсе отказаться от выдвижения своих кандидатов. И им надо дать решительный бой.
Ленин против утверждения некоторых товарищей из редакции “Правды”, что на страницах массовой рабочей газеты не следует якобы освещать разногласия в рабочем движении, В легальной газете, какой является “Правда”, следует, по их мнению, сохранять умеренный тон. Он против примиренчества в отношении ликвидаторов. И ставит вопрос прямо: “...намерена ли редакция вести выборный отдел газеты против ликвидаторов, называя их ясно и точно...” Ибо “середины нет и быть не может”. Ленин за “гневный тон против того, что дурно, вредно, неверно...”. Он утверждает: “Без “гнева” писать о вредном - значит,

скучно писать" [91]. И в статьях, отправляемых из Кракова в "Правду", разоблачает демагогию ликвидаторов и троцкистов, обрушивается против тех, кто насаждает раскол, фракционность.
Сегодня на рабочем столе Ленина - последние номера "Невского голоса". Вновь убеждается он: с помощью этого издания ликвидаторы стремятся разрушить единство рабочих выборов в Петербурге. И отправляет в "Правду" 20-строчный "Ответ ликвидаторам". "Это им не удастся,- пишет Ленин.- Лицемерные крики о "единстве"... (со стороны ликвидаторов!!) никого не обманут". Он не сомневается- "единство рабочей демократии обеспечено". Он обрушивается против недостойных выходок ликвидаторов и категорически заявляет: "Рабочие не идут за теми, кто ликвидирует рабочую демократию и только обещает заменить ее... открытой "партией" либеральной рабочей политики. Единство рабочей массы, а не "соглашение", в ущерб этому единству, с интеллигентскими раскольническими кружками ликвидаторов, вот чего хотят сознательные рабочие" [92].
Этому должна следовать "Правда". И Владимир Ильич настаивает на опубликовании его "Ответа ликвидаторам". Настаивает на том, что молчать нельзя, что молчание может лишь все испортить, вызвать протест рабочих. Он по-прежнему зовет дать отпор ликвидаторам. Но некоторые члены редакции все еще непоследовательны. "Ответ ликвидаторам" не появляется в газете. Так же как и посылаемая спустя несколько дней статья "Об избирательной платформе".
Подобная робость редакции возмушает Ленина. В письмах, которые он по вечерам относит к поезду, идущему в Россию, вновь и вновь требует. "На "Правду" многое легло на выборах, и с нее много спросится... У "Правды" на деле руководящая позиция. Ее надо с честью отстоять. Надо ясно, спокойно и твердо сказать: против ликвидаторов" [93].
А тут приходит "официально-кадетская" "Речь", делавшая до сих пор все возможное и невозможное, чтобы "замолчать" "Правду". Владимир Ильич быстро просматривает ее передовую. Наконец-то, с удовлетворением отмечает он, прорвало эту либерально-монархическую, "лояльную", трусливую газету! Признала она все же опасность большевистской "Правды"! Сбита она с позиции молчания! Надо поэтому ударить по "Речи". И Ленин сразу же пишет в "Правду", настаивает на опубликовании ряда статей против "Речи", рекомендует "разжечь борьбу еще больше". Это важно и принципиально, и практически, ибо "оживление борьбы должно оживить и споры и беседы с избирателями и запись их в избирательные списки" [94].
Владимир Ильич шлет в Питер товарищам и практические советы: "Надо достать в городской управе через знакомых статистиков (или официально от редакции и членов Гос. думы) все статистические материалы (если их нет, купить "Речь" за те годы и месяцы или иную газету) о выборах в 1, 2 и 3 Гос. думу + статистика Питера (квартиры, население и проч.). С такими материалами в руках и с толковым репортером, ежедневно или 2-3 раза в неделю бывающим в городской управе, можно хорошо поставить газетный отдел о ходе выборов" [95].
Там, в Питере, Арманд по его поручению помогает "Правде" вести отдел по выборам в Думу, решительнее выступать против ликвидаторов. Из Кракова шлет Ленин в газету статьи, призванные закрепить ее на антиликвидаторских позициях.
Одна из статей подводит итоги полугодовой работы "Правды". Ее создание, утверждает в этой статье Владимир Ильич, остается "выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих" [96]. Он анализирует данные о сборах на издание "Правды". Сравнивает с данными сборов на ликвидаторские "Живое дело" и "Невский голос". "...Почти вся Россия, в той или иной мере,- приходит к заключению Ленин,- принимала активное участие в создании ежедневной рабочей газеты" [97].
Она нужна рабочим вообще и в частности в избирательной кампании, хотя ничего хорошего те, разумеется, не ждут от IV Государственной думы. Но рабочие, заявляет Владимир Ильич, должны участвовать в выборах ради сплочения и политического просвещения, проведения в Думу своих рабочих депутатов. Ибо "даже в самой черной, чисто помещичьей Думе рабочие депутаты приносили и могут приносить немало пользы рабочему делу, если эти депутаты настоящие рабочие демократы, если они связаны с массой, и масса учится направлять, проверять их" [98].

Ленин придает статье особое значение. Хотя получилась она громадной, просит опубликовать ее целиком. “Ее можно бы,- советует он,- поместить в четыре дня фельетонами, набранными мелким шрифтом” [99]. Именно так поступает “Правда”. 29 июля (11 августа) она начинает печатать статью. Под ней стоит подпись: “Статистик”.
А этим же утром другая большевистская газета - “Невская звезда” выходит с окончанием статьи Ленина “Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов”. И для нее много пишет Владимир Ильич. И ей шлет отсюда свои советы. Призывает не обходить острые вопросы. Призывает не бояться полемики. “Социалистический орган,- наставляет он товарищей из “Невской звезды”,- должен вести полемику: наше время - время отчаянного разброда и без полемики не обойтись. Вопрос, вести ее живо, нападая, выдвигая вопросы самостоятельно или только обороняясь, сухо, скучно” [100].
Многое делает Ленин, чтобы разжечь полемику. Своими статьями принуждает казенную прессу реагировать на большевистскую газету.
Одну за другой публикует он в “Правде” статьи о заработной плате русского фабрично-заводского рабочего. И приводит ими в смятение черносотенную “Россию” - эту, как с презрением называет ее Владимир Ильич, “полицейски-продажную газетку” [101]. Та пытается опровергнуть выводы Ленина. Опровергнуть путем искажения подлинных цифр. И едва только в Краков приходит номер “России” с передовой, посвященной его статье, как Ленин обрушивается на “казенную газету” [102]. В тот же вечер уходит в “Правду” новая статья “Плохая защита”, опровергающая лживые выводы “России”.
С самого утра Владимир Ильич - за столом. Работает над статьями. Вместе с Надеждой Константиновной ведет обширную переписку. И, устав, на час-другой отрывается от множества дел, чтобы побродить по городу, по окрестностям Кракова.
А однажды отправляется Владимир Ильич на велосипеде за сорок километров в деревню Макув. Там живет Багоцкий. Ленин обещал ему:
- Я приеду к вам, и мы вместе поднимемся на вершину Бабьей горы.
О том, как они на нее поднимаются, расскажут записки Багоцкого:
“...Мы направились по отлогой тропинке. Скоро дорога пошла лесом. Стало темнеть... Тропинка шла зигзагами. Желая сократить дорогу, Владимир Ильич предложил идти напрямик наверх. Мы поднимались быстрее, время от времени пересекая тропинку, но вдруг обратили внимание, что тропинка больше не попадается нам. Решив, что она осталась слева, сворачиваем туда, но тропинки нет. Стали ее искать в разных направлениях. И это не помогло. Не оставалось ничего иного, как идти напрямик вверх. Было уже темно, двигались мы медленно, натыкаясь поминутно то на кусты, то на пни. Грозила перспектива провести ночь в лесу... Вдали что-то светится. Вскоре свет становится более отчетливым. Начинаем различать два освещенных окна. Находим дверь и входим в обширную комнату” [103].
Владимир Ильич со своим спутником - в туристской хижине, по-местному - в схрониске. Завтра с самого утра они обязательно продолжат подъем.
Но их ждет неудача.
- Посмотрите, панове, в окно,- говорит им утром сторож,- такой туман, что в двух шагах ничего не видно.
Идет сильный дождь. Взбираться наверх нет смысла. И вместе с Багоцким Владимир Ильич спускается вниз.
- В первый же свободный день я опять приеду,- говорит он, прощаясь.
И не проходит двух недель, как вновь поднимается Владимир Ильич на Бабью гору. На сей раз перед ним открывается с ее вершины великолепная картина - освещенная яркими лучами солнца длинная цепь Татр.
- Наши усилия не пропали даром! - в восторге Владимир Ильич.
Примечания:
[70] “Исторический архив”, 1961 г. № 2, с. 17.
[71] Ю. Бернов, А. Манусевич. Ленин в Кракове. М., 1972, с. 13.
[72] Там же, с. 16.
[73] В.И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 55, с. 328.
[74] См. “Прометей”, 1967, № 2. с. 22-23.
[75] Там же, с. 23.
[76] См. В. Найдус. В. И. Ленин в Польше. М., 1957, с. 29.

[77] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 205.
[78] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 354.
[79] См. Юзеф Серадский. Польские годы Ленина. М., 1966, с. 21-22.
[80] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 84-85.
[81] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 207.
[82] Там же.
[83] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 72.
[84] “Красный архив”, 1934, т. 1(62), с. 234.
[85] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 66-67.
[86] Там же, с. 68.
[87] Там же.
[88] Там же, с. 79.
[89] Там же, с. 74.
[90] Там же, с. 78.
[91] Там же.
[92] В.И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 21, с. 395.
[93] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 48, с. 77.
[94] Там же, с. 82.
[95] Там же, с. 69.
[96] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 427.
[97] Там же, с. 432.
[98] Там же, с. 435.
[99] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 73.
[100] Там же, с. 71.
[101] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 22, с. 438.
[102] Там же, с. 57.
[103] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 314.

Штаб на улице Любомирского

Большую часть корреспонденции Владимир Ильич отправляет сам. Он идет для этого на вокзал, к ночному поезду. Его статьи в “Правду”, в другие легальные русские издания, его письма в Россию попадают к адресату быстрее, чем если бы они шли обычным путем.

Но из пригорода далеко добираться на вокзал: ведь Звежинец на юго-западной окраине Кракова, а вокзал - на восточной. И Ульяновы решают переселиться.

“Вчера, вернувшись домой,- сообщает мать Ленина заключенной в тюрьму дочери Марии,- застала письмо от Нади... Перебираются они с 1-го сентября на новую квартиру, в город, или, лучше сказать, на другой край города, т. к. тут, где лето провели, будет непролазная грязь и до библиотеки и вокзала далеко, а с новой квартиры всего 10 минут ходьбы” [104].

Ульяновы снимают квартиру в доме № 47 (Позднее номер дома был изменен на 49.) по улице Любомирского в районе Весела, в 12-15 километрах от русской границы. Дом новый. Улица еще не вымощена, застроена только с одной стороны. Из окна, за садами, виднеются поля, раскинувшиеся до самой границы.

В двух небольших комнатах - те же, что и в доме в Звежинце, простые железные кровати, те же некрашеные столы, несколько стульев, книжные полки. Ленин привез с собой книги из Парижа. И книги, пачки газет, рукописи заполняют обе комнаты - лежат на подоконниках, столах, стульях.

Здесь, как и на предыдущей квартире, его день строго спланирован. Он встает около восьми. При всякой погоде совершает небольшую утреннюю прогулку. И сразу же после завтрака - за работу. К одиннадцати приходит первая почта. Ее ждут тут с нетерпением. В ней - газеты и журналы из России. Их содержание определяет в значительной степени работу данного дня. В газетах и журналах - темы для очередных статей.

Вот новая книжка “Русской мысли” - московского журнала, издаваемого правым крылом кадетской партии. Некий Щепетев выступает с письмом из Франции “Русские в Париже”. Всего полтора десятка журнальных страниц занимает письмо. А сколько в нем клеветы на русскую революционную демократию, сколько грязных измышлений “озлобленного на

демократию обывателя”! [105] И в ответ из-под ленинского пера выливаются гневные строки:
“...Когда испытаешь всю тяжесть измученной, постылой, болезненно нервной эмигрантской жизни и когда подумаешь о жизни господ Щепетевых, Струве, Головиных, Изгоевых и К°, то никак нельзя удержаться, чтобы не сказать: какое это безмерное счастье, что мы не принадлежим к этому обществу “порядочных людей”,- к обществу, куда сии лица вхожи, где им подают руку!” [106]
Почта доставляет свежий номер кадетской газеты “Речь”. Ее передовая излагает основные политические принципы главной партии либерально-монархической буржуазии. И Ленин тотчас же отзывается на нее статьей “С чем кадеты идут на выборы?”. Он сравнивает в ней программы либералов и рабочей демократии. Быстро просмотрев полосы “Луча”, Ленин пишет статью “Единство рабочих и выборы” - о хитрой механике этой выходящей в Петербурге ежедневной легальной газеты меньшевиков-ликвидаторов, о лживости ее призывов к единству. Приходит и “Новое время” - орган дворянских и чиновно-бюрократических кругов - газета, которая, как определил уже Ленин, торгует всем, “начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями” [107]. В нынешнем номере - статья, раскрывающая планы националистов. Не ответить на нее ни в коем случае нельзя! И Ленин пишет в “Правду” о политике шовинизма и захвата чужих земель, прикрываемой пышными словами о “святой борьбе за независимость” народов.
Около двух часов - перерыв на обед. И снова возвращается Ленин к работе. Только к пяти позволяет он себе короткий отдых - пешком или на велосипеде отправляется за город, зимой - катается на коньках. “Кто видел этого юношески бодрого, веселого конькобежца, совершавшего замысловатые фигуры на льду,- пишет сопровождающий его нередко Багоцкий,- не подумал бы, что перед ним великий вождь и теоретик революционного пролетариата” [108].
А с прогулки - опять в свою комнату, где ждет вечерняя почта, к неоконченной статье, к корреспонденции, которую, как обычно, сам отнесет к ночному поезду.
Теперь уже в дом на улицу Любомирского, где всегда людно и шумно, идут отовсюду вести. Они подтверждают: в России все более растет рабочее движение; российский пролетариат запомнил, уроки 1905 года; у рабочих всей страны встретили сочувственный отклик революционные лозунги, под которыми проходили массовые политические стачки в Петербурге.
Ленин убеждается в том, о чем писал перед самым переездом в Краков: “...лозунг передовых столичных рабочих - да здравствует демократическая республика! - тысячами каналов идет да идет, вслед за каждой стачкой, в отсталые слои, в глухую провинцию, в “народ”, “во глубину России”” [109]. Так развенчиваются проповеди ликвидаторов, выступающих не только против подполья, нелегальной партии и партийной работы, но и против “осложнения” экономической борьбы политическими требованиями.
Развенчиваются те, кто расценивает нынешнее забастовочное движение всего лишь как “стачечный азарт”. “Философия” ликвидаторов возбудила к ним со стороны петербургских рабочих и ненависть, и презрение.
В своих статьях, почти ежедневно направляемых из Кракова в “Правду”, Ленин утверждает, что ликвидаторы скатились до роли либеральных буржуазных политиков. По-прежнему разоблачает он демагогические утверждения ликвидаторов о возможности создания в России в условиях царского режима легальной социалистической партии. По-прежнему добивается, чтобы боролась против них “Правда”, так как орган революционной демократии должен быть боевым органом. По-прежнему требует, чтобы ее статьи были страстными, наступательными...
Как сожалеет Ленин, что тысячи верст разделяют его с редакцией, что не может принять непосредственного участия в ее работе.
- Критиковать, конечно, полезно,- говорит он,- но лучше было бы предотвращать ошибки на месте...
Владимир Ильич прочитывает каждый номер от начала до конца. И особенно внимательно мелкие заметки - те, что прислали в “Правду” рабочие.
- Эти мелочи,- утверждает Ленин,- куда важнее больших передовых статей крупных газет.

Багоцкий - он тоже живет сейчас на улице Любомирского, неподалеку от Ульяновых - встречается с Лениным почти каждый день. Не раз застает он Владимира Ильича над длинной колонкой цифр. Это - мелкие поступления в фонд "Правды" от отдельных рабочих, от разных организаций.
- Зачем Ленин выписывает эти цифры из газеты? - поражается Багоцкий.
- Цифры - самый надежный способ для оценки действительности,- разъясняет Владимир Ильич.- Из взносов отдельных рабочих групп я могу сделать заключение об их интересе к революционному движению. Сравнение поступлений в меньшевистские органы печати и в наши говорит мне о размерах влияния в разных частях России.
Это влияние, предсказывает Ленин, должно сказаться на результатах выборов "в черную, помещичью, поповскую Думу" [110]. И узнает из газет и писем, доставляемых из России: большевики выигрывают избирательную кампанию. Они добились избрания в Питере своего кандидата. Одержали победы в Москве, во Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской губерниях - во всех шести основных рабочих куриях. "Известно, что эти 6 губерний - главные промышленные губернии,- с удовлетворением отметит Ленин, обобщая позднее в журнале "Просвещение" итоги выборов.- Известно, что в них сосредоточена несравненно большая часть пролетариата, чем в других губерниях" [111].
В Кракове во второй половине октября 1912 г. собирается Заграничное бюро ЦК РСДРП. Один из поставленных Лениным на обсуждение вопросов - о работе депутатов-большевиков IV Думы. Бюро принимает проект обращения депутатов-большевиков с протестом против войны на Балканах. Принимает проект и другого обращения депутатов к рабочим - по поводу издания "Правды".
А из России в эти дни Ленину доставляют с оказией составленный И. Сталиным "Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату", в основе которого ленинская "Избирательная платформа РСДРП". Он был принят на собрании рабочих крупнейших предприятий российской столицы. О нем писала уже газета ликвидаторов "Луч". Но писала, искажая "Наказ". Почему же его не опубликовала "Правда"?!
Ленин возмущен. Он пишет на оттиске "Наказа": "N6 Непременно вернуть!! Не испачкать Крайне важно сохранить этот документ! В набор" [112]. И отправляет оттиск в Париж, в редактируемый им центральный орган партии - "Социал-демократ". А затем пересылает "Наказ" обратно в Питер, в "Правду". "Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом,- требует он.- Совершенно недопустимо, что "Луч", искажая наказ, уже говорит о нем и помещает заметки, а "Правда", сторонники которой наказ составили, провели, пустили в ход, молчит о нем... Что же это такое?" [113]
Владимир Ильич пишет это письмо в последние ноябрьские дни. Подходит к концу 1912 год - год крупнейшего подъема стачечного движения русских рабочих, взрывов недовольства и восстаний на флоте, в войске. В эту пору, когда Россия снова вступила в полосу мощной революционной борьбы масс, укрепляются местные большевистские организации. И связи с ними обосновавшегося в Кракове Заграничного бюро ЦК РСДРП должны все более расширяться.
По поручению Ленина Крупская запрашивает у живущего в Берлине В. Каспарова - соратника С. Шаумяна и Г. Орджоникидзе: "Пришлите, пожалуйста, скорее адрес Шаумяна, очень нужно. А какой адрес Авеля (А. Енукидзе), старый или переменился? Нам нужно сейчас как можно больше знать о Кавказе..." [114] В другом письме к нему же она интересуется высланным в Полтаву кавказским корреспондентом - большевиком А. Кобахидзе. Крупская просит Каспарова: "У нас идет теперь собирание связей, помогите чем можете" [115].
И Каспаров достает все новые адреса. Связывает находящегося в Кракове Ленина с товарищами из российского подполья.
Так, по указанию Ленина, действуют в эти дни и другие его соратники - те, кого занесла судьба в Лондон, Париж, Женеву, Цюрих, Берн. "У нас связи с каждым днем растут,- пишет Крупская.- В Питере теперь весьма серьезная организация, созданная низами... В Москве у нас хорошие связи, в области также и теперь во Владимирской и Костромской губерниях. Связаны с харьковской организацией, Екатеринославом, Киевом, Нахичеванью, с рядом заводов, с Бакинским городским комитетом..." [116]

Из Кракова отправляются в Россию посланцы Ленина. Побывав у Владимира Ильича, вернется туда и Саркис Багдатьян - большевик, бежавший почти год назад из ссылки.
- Я с удовольствием поменялся бы с вами ролью,- дав ему ряд поручений, скажет Ленин.- Сел бы в “Правду” сам, а не ждал бы, чтобы наши по своему капризу или глупости бросили в корзину или откладывали в долгий ящик мою статью из-за политиканства.
На улице Любомирского Ленин и Крупская наставляют тех, кто отправляется в Россию, инструктируют, как связаться с партийным подпольем.
Товарищ уезжает с поручениями в Саратов. Он должен запомнить:
- Зайти там в баню Карасева на углу Никольской и Кузнечной, спросить кассиршу Паулину Карповну Ананьеву, когда можно видеть сына Шуру.
Явка и пароль для Юзовки:
- Зайти в фотографию Ицковича и узнать, нет ли тут товарища той женщины, которая пишет стихи.
Если Ленин отправляет товарища в Петербург, ему даются конспиративный адрес, пароль из записной книжки Крупской:
- Зайти в тридцать первую квартиру дома номер девять по Перекупному переулку. Спросить Рахиль Николаевну Покровскую. Пароль: “Привет от брата Владимира Николаевича”. Ответ: “А книги привезли?”
Товарищ должен связаться в Киеве с местными 'большевиками и его информируют:
- Отправиться на Большую Васильковскую. Там в доме 25, квартире 6 - контора Кольбера. Звонить в левый звонок. Спросить госпожу Барковскую. Пароль: “Не можете ли мне одолжить “Чтеца-декламатора”?” Она скажет: “Вот он” - и покажет книжку. Через нее найти Озоля - одного из организаторов киевского союза портных.
Все чаще теперь на улице Любомирского гости из России. Зовет сюда Ленин и большевистских депутатов Думы. Но провокатор доносит об этом в охранку. “Цель означенного приглашения,- сообщает он,- желание дать указания относительно поведения и вообще работы в думской фракции”. Глава Московского охранного отделения отдает тотчас же строжайшее распоряжение: “Учесть в розыске - принять к сведению” [117].
И все же поздним ноябрьским вечером в квартире Ульяновых раздается стук в дверь. Ленин открывает.
Перед ним незнакомый человек. Он называет себя. Это - Муранов, слесарь, большевик, депутат IV Государственной думы от рабочих Харьковской губернии.
- Как вы перебрались через границу? - интересуется Владимир Ильич.
- Я приехал на пограничную станцию,- рассказывает тот,- так и не выработав в дороге какого-либо определенного плана действия. Примкнув к группе людей, направлявшихся к пропускному пункту, решил посмотреть, как осуществляется процедура перехода через границу. Разумеется, у всех моих случайных попутчиков документы были выправлены по всей форме. Я видел, как они один за другим предъявляли сначала русскому, а потом австрийскому жандармам небольшие листки со множеством печатей, причем все это занимало считанные секунды. И я решился. Вытащив из кармана почтовый конверт, испещренный штемпелями, быстро сунул его под нос одному и другому жандармам и сделал первый шаг через границу, ожидая, что вот-вот меня окликнут. Однако все обошлось благополучно...
Откинувшись на стуле, Ленин долго и весело смеется. Затем, сразу посерьезнев, начинает расспрашивать. Его интересует все, что касается положения в России: и борьба при выборах в Думу, и настроение рабочих. По тому, как Ленин ставит вопросы, как реагирует на ответы, Муранов убеждается, что он превосходно знает обстановку в Российской империи.
Но Ленин озабочен: какие мысли должны быть положены в основу первого выступления рабочего оратора в Думе? Ведь рабочие будут ждать первого выступления с особенным нетерпением. Ведь они отнесутся к нему с особенным вниманием.
Владимир Ильич пишет тезисы этого выступления. Он концентрирует в них внимание рабочих депутатов на тех вопросах, которые волнуют сейчас всех. Он призывает их задуматься над тем, что выдвигается на первый план в практике рабочего движения.
В ленинских тезисах множество вопросов: о преемственности в деятельности социал-демократической фракции IV Думы и социал-демократических фракций прежних Дум; о

современном положении и задачах социализма во всем мире; о балканской войне, международном положении и внешней политике России; о бесправии и произволе в России; о необходимости политической свободы; о невыносимом положении крестьянства; о трех лагерях в стране - правительственном, либеральном, демократическом; о политическом движении и стачках 1912 года; о гегемонии пролетариата...

Вслед за тезисами пишет Владимир Ильич и проект декларации социал-демократической фракции. От ее имени он утверждает, что фракция будет отстаивать интересы и нужды освободительного движения. "Она считает себя не вправе, - заявляет Ленин,- скрыть от большинства IV Думы то, что думают и чувствуют все сознательные рабочие России. Сознательные рабочие остаются непреклонно верными социализму. Они остаются непреклонно верны принципам старой, испытанной в боях Российской социал-демократической рабочей партии. Они остаются непреклонно верны, во имя этих принципов, своим республиканским убеждениям" [118].

Крупская переписывает ленинский проект декларации. И тезисы, и проект отправляют в Россию. Но дойдут ли важнейшие документы к тем, кому адресованы? Получат ли их депутаты-большевики?

Неделю спустя Крупская запрашивает: "Вам послана декларация по трем адресам... Известите, тотчас получено ли. Посланы тезисы декларации с комментариями. Известите, получены ли". Проходит еще четыре дня. И она вновь пишет депутатам-большевикам: "Надеемся, что "тезисы" и декл[а-рация] получены" [119].

Но проект декларации перехватывает царская полиция. Лишь ленинские тезисы попадают к большевистским депутатам.

Эти тезисы ложатся в основу декларации социал-демократической фракции. "Обсуждению декларации, начатому еще до открытия Думы,- вспоминает А. Бадаев,- наша фракция посвятила ряд заседаний. Прения велись с чрезвычайной страстностью и затягивались порой до глубокой ночи. С обеих сторон кроме депутатов в выработке декларации участвовали и находившиеся в это время в Петербурге партийные работники... После долгой и упорной борьбы, после ряда горячих схваток с меньшевиками мы добились, наконец, включения в декларацию всех основных требований большевиков" [120].

Ленин считает, что теперь надо обязательно собрать в Кракове партийных работников из России и сообща обсудить тактику и стратегию дальнейшей борьбы. Он пишет в Харьков В. Невскому, возглавившему там избирательную кампанию. Просит его "непременно быть здесь в обещанный срок (или раньше)". Просит написать также "его приятелю"- и. Сталину, чтобы "тот непременно сам приехал сюда", чтобы "других коллег тащил бы" [121]. Он пишет в Петербург, в бюро ЦК РСДРП в России, настаивая на необходимости "собраться здесь впятером-вшестером..." [122].

И в первые январские дни 1913 года в Краков нелегально съезжаются партийные работники из Петербурга, Москвы, с Юга, Урала, Кавказа, члены Центрального Комитета, большевистские депутаты Думы. "У нас здесь еще несколько работников хороших из России съехалось. Устраиваем совещание" [123],- пишет Владимир Ильич Горькому на Капри.

Вчера пришло от него в Краков "архидружное" письмо. Ленин прочел его Петровскому, Бадаеву, другим товарищам. И сообщает сейчас Горькому: "все чрезвычайно были рады" [124]. Пишет, что те шлют ему горячий привет и лучшие пожелания. Он добавляет: "Можно, ей-ей можно, с такими людьми построить рабочую партию, хотя трудности невероятно велики... Депутаты подтверждают, что среди масс рабочих революционное настроение безусловно растет. Ежели создать теперь хорошую пролетарскую организацию, без помех предателей-ликвидаторов,- черт знает какие победы можно тогда одержать при росте движения снизу..." [125]

Большинство прибывших из России останавливается у местных рабочих. А встречаются они в квартире Ульяновых.

"Публика здесь уже почти вся...- пишет Ленин 8 января в Париж, в редакцию "Социал-демократа".- Нет ни тени "ужимок". Начинаем сегодня совещание и надеемся на большие успехи" [126].

Допоздна не смолкает теперь гул голосов в доме на улице Любомирского. Ленин выступает на совещании с докладом о революционном подъеме, о росте стачечного движения, о

задачах партии. Основные положения его доклада войдут в принятую резолюцию и в "Извещение" о совещании. Войдут они и в статью, которую опубликует "Социал-демократ". Ленин заявит в ней:

"Общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны. Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения.

Именно таково политическое движение рабочих текущего года, поддерживаемое сочувствием всех трудящихся и эксплуатируемых, всей демократии, как бы она ни была слаба, забита, разрознена, беспомощна. Более определенная размежевка между либерализмом и демократией... есть громадный плюс нового движения. Чтобы иметь успех, революция должна возможно более точно знать, с кем можно идти на бой, кто ненадежный союзник, где настоящий враг" [127].

Тех, кто слушает Ленина, изумляет: хотя и долго находится Владимир Ильич в эмиграции, но как хорошо он знает настроения рабочих России! Как глубоко обобщает отдельные явления рабочего движения!

Идет на совещании речь о тактике думской фракции большевиков, об укреплении нелегальных организаций партии, об отношении к ликвидаторам, о борьбе против всяких проявлений национализма, о деятельности "Правды" и Ленин, убеждается Багоцкий, чувствует себя в родной стихии. Он оживлен и весел. В свободное время ведет продолжительные беседы с приехавшими. А в письмах, которые пишет в короткие перерывы между заседаниями, с одобрением отзывается о ходе совещания. "У нас разгар совещания: участвует 11 человек,- сообщает Ленин в редакцию "Социал-демократа".- Дело идет на лад. Если успею, приложу принятую сегодня первую резолюцию" [128]. Через два дня: "Пишу на совещании. Идет чудесно. Значение будет не меньше январской конференции 1912 г. Резолюции будут по всем важным вопросам, об объединении в том числе" [129]. И еще пару дней спустя: "Посылаю остальные резолюции... Общее впечатление у нас от совещания прекрасное" [130].

Ленин пишет "Извещение" о Краковском совещании. Он призывает в нем: "Наступило время собирания сил. Сплотимся же в нелегальные организации РСДРП. Они не закрывают дверей ни для одного социал-демократа, желающего в них работать, желающего помогать организации пролетариата, его борьбе с капиталом, его начавшемуся революционному натиску на царскую монархию" [131].

В Париже отдельной брошюрой отпечатывают "Извещение" и резолюции совещания. Ее переправляют в Россию. Из столицы сообщают вскоре в Краков: Петербургский комитет, ознакомившись с резолюциями совещания, находит, что "совещание наметило вполне правильно как задачи момента, так и стремление пролетариата, и постановляет положить резолюции ЦК в основу своей политической и организационной деятельности" [132].

К этому времени, совершив очередной побег из ссылки, в Петербург возвращается Я. Свердлов. Он возглавляет столичную большевистскую организацию. Устанавливает связь с Лениным. Твердо проводит в жизнь его указания. И охранка характеризует теперь Петербургский комитет как "исполнительный орган директив Ленина" [133].

В одном из писем Ленин пишет Свердлову: ""День" (По конспиративным соображениям Ленин так называет "Правду".) есть необходимое организационное средство для сплочения и поднятия движения. Только через это средство может идти теперь необходимый приток людей и средств..." [134]

Он требует изгнать из редакции таких редакторов, которые не умеют вести газету. "Надо Вам взяться за дело" [135],- настаивает Владимир Ильич. Он предлагает Свердлову, утвержденному Русским бюро ЦК ответственным редактором газеты, план конкретных действий. Прежде всего необходимо "засесть в "бест" к № 1", как называет он А. Бадаева. А уже затем: "Завести телефон. Взять редакцию в свои руки. Привлечь помощников" [136].

И Свердлов действует по ленинскому плану. Он приступает к реорганизации газеты. Владимир Ильич, внимательно следящий за каждым его шагом, пишет в редакцию "Правды": "Сегодня узнали о начале реформы... Тысячу приветов, поздравлений и пожеланий успеха. Наконец-то удалось приступить к реформе" [137].

Но не успевает Свердлов довести до конца ленинские предначертания. Его вновь арестовывают. Об этом сразу же узнают в Кракове. "...За Андрея обидно чертовски" [138] - пишет в "Правду" Крупская.
Однако и то, что удалось Свердлову сделать до ареста изменило положение в "Правде". Все более твердым становится ее тон. Оживляются ее важнейшие отделы. Увеличивается тираж. Все больше ленинских статей публикуется на ее страницах. Из 75 мартовско-майских номеров 41 выходит со статьями Владимира Ильича.
Ленинское слово звучит и с думской трибуны. Звучит в речах депутатов-большевиков. "Ответьте,- запрашивает Владимир Ильич редакцию "Правды",- получили ли набросок бюджетной речи? Присылайте материалы и материалы. Нельзя работать без них. Бюджетную речь надо бы вдвое развить, будь материалы" [139]. Он имеет в виду посланный им из Кракова набросок речи по вопросу о государственном бюджете России на 1913 год. Набросок, который ложится в основу выступления в Думе депутата-большевика, помогает ему обнажить антинародную сущность этого бюджета.
Проходит короткое время, и Ленин отправляет в Россию проект еще одной речи - по национальному вопросу. Он предназначен для Г. Петровского - депутата от пролетариата Екатеринославской губернии. Здесь, в Кракове, договорился Ленин с ним о разоблачении с думской трибуны черносотенного великодержавного шовинизма и местного национализма. И Петровский при помощи "Правды" собирал для предстоящего выступления необходимый материал. Пересылал его в Краков, Ленину. А Владимир Ильич написал на основе этого материала то, что стало главным в страстной, гневной речи большевистского депутата.
Спустя несколько дней слово Ленина снова звучит в Думе. На сей раз посланец питерских рабочих А. Бадаев почти дословно оглашает присланный из Кракова проект речи "К вопросу о политике министерства народного просвещения". А депутат-большевик от Костромской губернии Н. Шагов, неоднократно прерываемый председателем Думы, под выкрики правых депутатов зачитывает значительную часть ленинского проекта речи "К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства".
Так, из Кракова направляет Ленин работу депутатов-большевиков. Один из них - Бадаев сообщит впоследствии: "У нас завязалась с Владимиром Ильичем крепкая связь, которая по мере развития работы фракции все более и более упрочивалась. От Ильича мы получали помощь по всем основным серьезным вопросам нашей думской и внедумской деятельности. Владимир Ильич не только руководил всей фракцией в целом, но и помогал каждому депутату в его работе. Личные указания и письма от Ильича, всегда ставившего вопросы точно и определенно, были для нас неисчерпаемым источником усиления и повышения всей нашей работы" [140].
Но среди депутатов - провокатор Малиновский, От него охранке становится известно, какое огромное значение придает Ленин представленной в Думе маленькой группе рабочих. И директор департамента полиции докладывает министру внутренних дел о "социал-демократической фракции Государственной думы большевистско-ленинского направления". Сообщает о том, что "сторонники этого течения, во главе с известным членом Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии Лениным, стремятся к изменению существующего государственного строя путем вооруженного восстания и образования временного правительства на демократических началах" [141]. Доносит глава департамента и о том, что представители "большевистско-ленинского направления" рекомендуют своим депутатам использовать думскую трибуну для революционных выступлений, для легальной пропаганды программных требований Российской социал-демократической рабочей партии.
Хоть и за пределами империи Ленин, в нем, "убежденнейшем социал-демократическом работнике, уже в течение 17 лет" [142] видит глава департамента полиции главную для самодержавия опасность. Ибо он, Ленин,- основатель "большевистского течения". Он, Ленин, редактировал за границей "несколько партийных органов и в настоящее время состоит издателем Центрального органа "Социал-демократ"". Это он "в целях ближайшего воздействия Центрального Комитета на означенные социал-демократические организации" явился инициатором создания в пределах империи Русского бюро ЦК. А возглавляемая Лениным Российская социал-демократическая рабочая партия стремится "к устройству революционных выступлений в форме демонстраций политического характера, забастовок

рабочих и студенческих беспорядков с выпуском листков и прокламаций революционного содержания" [143].
Из России в Краков к Ленину поступают сообщения об этих "революционных выступлениях" - о незатухающей волне экономических и политических стачек. Он убеждается: от частных вопросов рабочая масса уже идет к постановке общеполитических вопросов. И пишет об этом для "Правды" статью "Жизнь учит"... Статью, в которой с удовлетворением отмечает, что "миллион участников одних политических стачек - оказался фактом" [144].
Приходят к Владимиру Ильичу и новые свидетельства все более растущего большевистского влияния среди рабочих. Он сообщает в Париж: "Из Питера, Московской области и Юга хорошие вести. Растет и складывается рабочая нелегальная организация" [145]. Пишет туда же месяц спустя: "Партийные дела в России вообще явно улучшаются. Рабочие кружки, группы и организации явно везде растут и укрепляются. Ширятся. И Урал и Юг и Моск. область (особенно). На Кавказе улучшение - несомненное оживление в соц.-демократии... Новость! В войсках есть признаки оживления революционных организаций" [146].
Этими радостными вестями Ленин делится и с польскими социал-демократами. Со многими из них он часто встречается, беседует, спорит.
Еще в первые дни пребывания в Кракове Ленин написал для варшавской "Газеты работничей" статью "Положение в РСДРП и ближайшие задачи партии". Опубликовал он в ней и письмо в Секретариат Международного социалистического бюро. Другой орган польской социал-демократии - "Письмо Дыскусыйне" вышел с его статьей ""Больные вопросы" нашей партии. "Ликвидаторский" и "национальный" вопросы". Сотрудничает Ленин и в краковском левом журнале "Вензень политичны" - официальном органе местного союза помощи политическим заключенным. Он подготовляет для этого журнала материалы о положении революционеров в царских казематах, на сибирской каторге.
Ленин выступает и публично. Его можно услышать в небольшом зале общества "Опуйня". Там знакомит он студентов Ягеллонского университета с революционным движением в России. А 16 апреля "Напшуд", центральный орган Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии, сообщает еще об одном выступлении вождя большевиков: "В пятницу 18 текущего месяца в 7. 30 вечера в зале Народного университета (ул. Шевская, 16) состоится лекция тов. Ленина на тему "Рабочее движение в России и социал-демократия"" [147]. Газета предупреждает: "Лекция состоится на основании § 2 положения о собраниях". А этим положением предусмотрено, что лекции и собрания по пригласительным билетам разрешается устраивать без уведомления полиции.
Народный университет имени Адама Мицкевича - центр культурно-просветительской деятельности. До сих пор Ленин посещал только университетскую читальню. Сейчас впервые пришел сюда как лектор.
"В небольшом зале на 200-300 человек,- сообщает корреспондент газеты "Нова культура",- мы разместились на простых лавках. Доклад должен был быть на русском языке, поскольку Ленин с трудом говорил по-польски. Тема доклада была очень интересной, ибо из России ежедневно приходили страшные известия о разгуле реакции, распоясавшейся после 1908 года, и поэтому каждый эмигрант с надеждой ожидал минуты, когда окончится черный террор и издевательство над оппозицией в России...
Мы пошли на доклад Ленина. Он не заставил долго ожидать себя, пришел почти в точно назначенное время, стал за стол и начал говорить. Говорил просто и свободно, с непоколебимой верой в то, о чем говорил..." [148]
Сидящий в зале осведомитель немедленно доносит в Варшавское отделение царской охранки о лекции "лидера русских большевиков Ленина" [149]... Сообщает и о том, что подробный отчет о лекции помещен в "Напшуде".
Уже не две-три сотни, а множество людей, в чьи руки попадает центральный орган Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии, узнают о том, что говорил в университетском зале "один из самых выдающихся вождей русской социал-демократии - товарищ Ленин",
Вот строки из этого газетного отчета:

“Характеризуя рабочее движение в России, докладчик отмечает большое значение, которое оно имеет также и для стран Запада, ибо несомненно, что в период социалистических революций и там будут происходить явления, подобные тем, какие имели место в России. Как на пример докладчик указывает на внезапный переход от относительного спокойствия к возникновению массовых движений. В 1895 году бастующих в России было только 40 тысяч, а в 1905 году в одном лишь январе бастовало 400 тысяч; в течение же всего года эта цифра возросла до 3 миллионов” [150].

Главной мыслью лекции, подчеркивает газета, был тезис о том, что российская “контрреволюционная система исчерпала себя”. А общественные силы России? Они, утверждал Ленин, росли вопреки реакции, вопреки сотрудничеству помещиков, буржуазии и царской бюрократии. Пролетариат “стоит перед новой революцией” [151]. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1910 году число бастующих, по официальной статистике, составляло только 40 тысяч человек, а в 1912 году - уже 680 тысяч; из них 500 тысяч участвовали в политических забастовках. Следовательно, говорил Ленин, надо сосредоточить “внимание на вопросе приближающейся революции в России и на задачах социал-демократии в ней”. [152]

- В чем же сущность споров в лагере русской социал-демократии? - спрашивает газета.

И в ответ приводит слова Ленина: “Ликвидаторство отнюдь не является изобретением части русских с.-д.; первыми ликвидаторами были “народники”, которые еще в 1906 г. в журнале “Русское Богатство” выставили лозунг: долой подполье, долой республику! Ликвидаторы хотели бы уничтожить нелегальную партию и основать открытую. Это смешно... При этих условиях ликвидаторские лозунги означают прямое предательство! Конечно, нелегальная партия должна использовать все легальные возможности: печать, Думу, даже закон о страховании,- но лишь для расширения агитации и организации; существо же агитации должно оставаться революционным. Следует бороться против иллюзии, что в России есть конституция, и лозунгам реформистским следует противопоставить лозунг революции, республики!” [153]

Ленин говорил спокойно, но с иронией и сарказмом, направленными против врагов. И чувствовалось, сообщит 11 лет спустя в варшавском общественно-политическом еженедельнике “Нова культура” один из слушателей ленинской лекции, “что этот человек подходит к вопросу очень реально и глубоко понимает жизнь” [154].

Примечания:

[104] “Переписка семьи Ульяновых”, с. 283.

[105] В. И, Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 87.

[106] Там же. с. 90.

[107] Там же. с. 44.

[108] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 318.

[109] В.И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 21 с. 343.

[110] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22. с. 140.

[111] Там же. с. 341-342.

[112] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 111.

[113] Там же, с. 113.

[114] См. “История СССР”, 1970, № 2, с. 90.

[115] Там же, с. 91.

[116] “Пролетарская революция”, 1925, № 8(43). с. 125.

[117] “Красный архив”, 1934. т. 1(62), с. 236.

[118] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 205-206.

[119] См. Ю. Бернов, А. Манусевич. Ленин в Кракове, с. 61.

[120] А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М, 1954. с. 67.

[121] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 48, с. 130.

[122] Там же, с. 131.

[123] Там же, с. 141.

[124] Там же, с. 139.

[125] Там же, с. 140.

[126] Там же, с. 142.

[127] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 283.

[128] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 143.
[129] Там же, с. 144.
[130] Там же, с. 145.
[131] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 257.
[132] "Социал-демократ" № 31, 15 (28) июня 1913 г.
[133] См. "Очерки Ленинградской организации КПСС", ч. 1. Л., 1962, с. 329.
[134] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 156-157.
[135] Там же, с. 157.
[136] Там же.
[137] Там же, с. 163.
[138] См. К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. М., 1960, с. 189.
[139] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 163.
[140] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине" т. 2, с. 349.
[141] "Красный архив", 1934, т. 1(62), с. 238.
[142] Там же.
[143] Там же, с. 239-240.
[144] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 300.
[145] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 169.
[146] Там же, с. 172.
[147] В. Найдус, Ленин в Польше, с. 54.
[148] См. Юзеф Серадский. Польские годы Ленина, с. 19-20.
[149] "Красный архив", 1934, т. 1(62), с. 241.
[150] В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 55.
[151] Там же, с. 57.
[152] Там же, с. 58.
[153] Там же.
[154] См. Ю. Бернов, А. Манусевич Ленин в Кракове, с. 181.

Лето в Белом Дунайце

Годы ссылки, огромная работа, нервное напряжение эмигрантской жизни изрядно подорвали здоровье Владимира Ильича. А тут еще Базедова болезнь, обнаружившаяся у Надежды Константиновны. Надо обязательно отдохнуть.

Давно слышал уже Владимир Ильич о Закопане. Писал даже о нем Горькому: "Эх, кабы можно было Вам поближе... Ежели бы здоровье позволило, перебраться в здешние галицийские курорты вроде Закопане, отыскать место в горах здоровое, на два дня ближе к России..." [1]

Но в Закопане - много приезжих. Там людно, шумно. А если поселиться чуть в стороне от курорта? Ну, хотя бы в семи километрах от него, в Поронине? Дачников там немного. Раскинулись же вокруг покрытые хвойными лесами живописные горы. Немаловажно и то, что жизнь там дешевая.

Но Владимира Ильича тревожит: не отразится ли переезд в Поронин на сношениях с Петербургом, не ослабнут ли связи? Он просит Багоцкого разузнать все о почтовых сообщениях с российской столицей.

- Выяснилось, - сообщает тот,- что нужно отправлять корреспонденцию всего на несколько часов раньше, чтобы она попадала на тот поезд, с которым Владимир Ильич посылал ее из Кракова.

Это вполне устраивает Ленина.

Крупская пишет свекрови в Россию:

"Сегодня мы отправили уже вещи в деревню.

...Сами двигаемся через три дня. Ужасная возня была с укладкой, ведь мы на 5 месяцев выбираемся в Поронин..." [2]

И уже из Поронина Владимир Ильич сообщает сестре:

"Это около гор Татр (Татры -горы прикарпатские, высотой до 2600 метров. Швейцария да и только! Прим. В. И. Ленина.), в 6-8 часах железной дороги от Кракова к югу - сообщение и с Россией и с Европой через Краков...

Место здесь чудесное. Воздух превосходный,- высота около 700 метров...
Население - польские крестьяне, "гурали" (горные жители), с которыми я объясняюсь на невероятно ломаном языке, из которого знаю пять слов, а остальные коверкаю русские. Надя говорит мало-мало и читает по-польски.
Деревня - типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети. Мужики ходят в костюме гуралей - белые суконные штаны и такие же накидки,- полуплащи, полукуртки... Надеюсь все же, что при спокойствии и горном воздухе Надя поправится. Жизнь мы здесь повели деревенскую - рано вставать и чуть не с петухами ложиться" [3].
Но не в самом Поронине, а в километре от него - в крохотной гуральской деревушке Белый Дунаец поселяются Ульяновы. "Вилла", о которой сообщает в Россию Крупская, стоит на тихой улице, метрах в двухстах от шоссе. Это всего лишь скромный крестьянский дом. Принадлежит он Терезе Скупень.
- Пан, наверно, какой-то профессор или ученый,- говорит та,- приехали они издалека, у них большой сундук с одеждой и плетеные корзины, полные бумаг. А книг! Целая телега!
Внизу дома - две комнаты. Одну отводят матери Надежды Константиновны Елизавете Васильевне. Во второй - спальня. Внизу же кухня. Как и во всех квартирах Ульяновых, предназначено ей служить и гостиной. А в мансарде - рабочий кабинет Ленина с деревянными полками, которые заполняют привезенные из Кракова комплекты газет, журналы, книги, брошюры.
Он очарован природой этих мест. Полюбил и пушистый лес, и горные тропинки, и озера. "Сегодня утром гуляли с Володей часа два,- пишет Надежда Константиновна,- а теперь он один ушел куда-то в неопределенную часть пространства" [4]. На нем широкие у колен и узкие книзу брюки, шерстяные носки до колен, черные шнурованные ботинки, кепка или полотняная шляпа, похожая на тирольскую.
Ленин бродит по холмам, протянувшимся вдоль долины: в ней расположены Поронин, Белый Дунаец, другие деревни. В хорошую погоду взбирается на плоскогорье, начинающееся у самого дома: оттуда открывается широкий вид на горную цепь Татр.
"Владимир Ильич,- расскажет много лет спустя Багоцкий,- ценил то, что, в отличие от швейцарских Альп, в Татрах можно было в течение одного-двух дней взобраться на любую вершину. Ни гостиниц, ни фуникулеров, ни киосков с сувенирами, поражающих обычно своей безвкусицей и пошлостью, в Татрах тогда не было. В нескольких долинах были примитивные туристские хижины - схрониско - с деревянными нарами и соломенными матрацами, часто даже без сторожей; туристам предоставлялась возможность самостоятельно в них хозяйничать, пользоваться дровами и т. д. Только в долине озера Морское око было проложено шоссе и имелась единственная в горах гостиница.
Культура Швейцарских Альп, где можно было доехать до многих вершин на фуникулере, не прельщала Владимира Ильича. Главную прелесть горных экскурсий он видел в преодолении трудностей подъема и в многообразии впечатлений, которые давал самый процесс подъема в горы" [5].
Но хоть Ульяновы и приехали сюда отдохнуть, Владимир Ильич выкраивает на прогулки лишь немногие часы. Он встает здесь чуть свет. Купается в Дунайце. Завтракает. И к восьми утра с дорожной сумкой на плече, на потрепанном велосипеде уже появляется в Поронине, в почтовом отделении. Обычно спокойное и сонное, оно заваливается теперь разноязычными журналами, газетами. Приходят большого формата с цветными иллюстрациями журналы из Америки. Приходят нью-йоркский "Геральд Трибюн", австрийские "Нейес Винер Цайтунг", "Нейе Фрейе Прессе", "Ди Цайт", французское "Фигаро", итальянские, английские и конечно же русские газеты. И все это, поражаются на почте, адресовано господину Ульянову!
- Кто такой Ульянов? - спрашивает жена начальника почтового отделения Станислава Радкевича.
- О,- отвечает тот,- он известный русский социал-демократ.
Они видят его через окно. Владимир Ильич присаживается на бревна, лежащие у почты. Тут же быстро просматривает газеты, читает письма, что-то поспешно пишет - может быть, ответы на них.
"Газет имеем много, и работать можно" [6],- сообщает он в Россию. Почти весь день Владимир Ильич у себя в мансарде за большим столом. Только обед отрывает его от

рукописей. Но работу Владимир Ильич старается закончить засветло. Ведь нет электричества, а писать при свете керосиновой лампы трудно.
Газеты, которые приходят к нему, дают материал для многих статей.
15 мая 1913 года. Ленин узнает: в воскресенье французские и немецкие парламентарии, встретившись в Берне, повели речь о мире, о путях решения международных конфликтов. И он пишет статью “Буржуазия и мир”. В ней предостерегает: “...было бы громадной ошибкой довериться прекраснодушным речам тех немногих буржуазных депутатов, которые присутствовали на конференции...” [7]
Приходит сообщение об окончании всеобщей стачки бельгийских рабочих, требовавших изменения конституции, всеобщего и равного избирательного права. Ленин откликается на эту весть статьей “Уроки бельгийской стачки”. Он анализирует в ней причины “малой удачи” [8] рабочих.
17 мая. Из “Русского слова” Ленин узнает об опросе городских управ 158 городов России, проведенном петербургским “Вестником финансов, промышленности и торговли”. Он выписывает результаты этого опроса, подтверждающего, что “промышленный подъем последних лет в России сопровождался, как и всегда, быстрым развитием строительной промышленности” [9]. Выписывает те данные, которые характеризуют тяжелое положение строительных рабочих. И пишет в “Правду” о необходимости их просвещения и сплочения, ибо им “негде искать помощи, кроме как у своей рабочей газеты, у своего рабочего союза, у своих, более развитых, товарищей - пролетариев” [10].
В петербургской “Речи” Ленин обращает внимание на официальные данные о крестьянских переселениях в России за два последних года. Он писал уже об этом дней двадцать назад. Но новые, только что опубликованные цифры позволяют сделать еще несколько выводов. И Ленин пишет для “Правды” вторую статью на ту же тему - “Еще о переселенческом деле”.
23 мая. “Торгово-промышленная газета” - ежедневное приложение к “Вестнику финансов, промышленности и торговли” - оповещает, что русское крестьянство “с каждым годом неуклонно прогрессирует” [11]. “Чрезвычайно поучительно,- приходит к заключению Ленин,- что данные, приводимые автором, говорят как раз обратное.” Он пишет статью “Поправляется или беднеет крестьянство?”, в которой обрушивается на бесстыдную ложь “казенных писателей и казенных газет” [12].
Пишет Ленин в этот день и статью “Отсталая Европа и передовая Азия”. Как и предыдущая, она уйдет в Петербург, в “Правду”. Речь в ней - о все растущем, ширящемся, крепнущем в Азии могучем демократическом движении, о том, что “вся молодая Азия, то есть сотни миллионов трудящихся в Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран” [13].
Еще одна ленинская статья, помеченная 23 мая. Поводом для нее служат споры, о которых сообщает “Новое время”. Спорят помещики Польши и других пограничных мест России по поводу ухода сельскохозяйственных рабочих на заработки в Германию и другие европейские страны. Одни утверждают, что для хозяина полезно массовое обучение русских рабочих лучшим приемам земледелия. Другие же возмущаются тем, что уход рабочих повышает заработную плату в самой России. Ленин обличает помещиков, “которые желали бы видеть крестьян “оседлыми” (т. е. привязанными к земле), покорными (чтобы им некуда было двинуться), забитыми, одичалыми...” [14].
29 мая. В очередном, пришедшем в Поронин, номере “Луча” - газеты меньшевиков-ликвидаторов - Ленин читает статью, в которой “нет ни единой мысли, ни единого живого слова”, в которой “сплошь - путаница и беспомощное ковыляние за ликвидаторами...” [15]. И он пишет заметку для “Правды” - “О беспомощности и растерянности”. Заметку, разоблачающую лозунги ликвидаторов о “борьбе за открытую партию”.
30 мая. Почта доставила из Петербурга свежий номер журнала “Промышленность и торговля”. В этом органе российских миллионеров-промышленников Ленин находит сравнительные данные об усилении в стране дороговизны. Но приводятся они, оказывается, лишь для того, чтобы обосновать жалобы на “несправедливость” обложения налогом торговли и промышленности! И, используя опубликованные в журнале цифры, Ленин пишет статью о том, как обдираются “массы трудящегося населения, и особенно рабочих, стакнувшимися капиталистами” [16], пишет статью “Дороговизна жизни и “тяжелая” жизнь капиталистов”...

И так изо дня в день.
Нередко Ленин располагается с рукописями на лоне чудесной природы - неподалеку от дома, на холме.
- Этот вид,- говорит он,- не только не рассеивает внимания, но помогает сосредоточиться.
Вечером, как и в Кракове, Ленин относит к поезду пакеты с написанными статьями. Предназначены они, главным образом, для "Правды".
Однажды на первом подвернувшемся клочке бумаги - им оказывается конверт пришедшего из Бостона письма - мелким бисерным почерком набрасывает Ленин для памяти названия отправленных из Поронина статей. Когда десятилетия спустя конверт попадет в руки исследователя, он поможет ему установить: между 9 мая и 21 июня 1913 года "Правда" опубликовала 47 названных в перечне статей. Все они - без подписей или подписаны псевдонимами. 32 войдут уже к тому времени в Собрание сочинений Ленина. А то, что остальные 15 также написаны им, станет впервые известно благодаря пометкам на бостонском конверте.
Как только сообщает Ленин адрес, сразу же начинает поступать сюда "Правда". В конце мая доставляют комплект за неделю. И в тот же день он пишет в Петербург: "Очень благодарю и очень поздравляю с успехом: по-моему, несомненно, газета теперь встала на ноги. Улучшение громадное и серьезное,- надо надеяться, прочное и окончательное" [17].
Владимир Ильич делает к письму приписку: "...особый привет Витимскому: очень удалась статья его о рабочей печати и рабочей демократии против либералов!!" [18]
Витимский - это М. Ольминский. Ленин имеет в виду его статью "Кто с кем?", напечатанную в "Правде" и посвященную полемике с "Лучом" о совещании редакторов буржуазных изданий с представителями рабочей печати.
И в этом, и в других своих письмах, направляемых в редакцию, Ленин оценивает опубликованные статьи, корреспонденции, заметки. Дает товарищам практические советы. Как относиться сейчас к Плеханову? Ленин не рекомендует ставить ему ультиматумы. "...Рано! может повредить!!"- предостерегает он и настоятельно советует: "Ежели будете писать ему, пишите любезнее и мягче. Он ценен теперь, ибо воюет с врагами рабочего движения" [19].
Его огорчает: из-за чьей-то, видимо, нечуткости, прервал свое сотрудничество с "Правдой" Демьян Бедный. И, узнав об этом, сообщает в редакцию: "Насчет Демьяна Бедного продолжаю быть за". Он убеждает: "Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант - редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше "грехов" личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, не поможете ему" [20].
Ленин призывает к "долгой и упорной войне за 100000 читателей". Но предупреждает товарищей из редакции: идти к этому надо своей, пролетарской дорогой. Надо вширь и вглубь проникать в массы. Увеличению тиража "марксисты рады, когда он увеличивается марксистскими статьями, а не статьями против марксизма" [21].
А товарищи из России сообщают между тем: по "Правде" усиливается с каждым днем огонь полицейских репрессий. Только в мае - июне конфисковано 20 из 50 номеров. Это подрывает материальную базу газеты, ставит под угрозу само ее существование, препятствует широкой пропаганде большевистских идей в рабочих массах.
Ленин обращается с письмом в парижскую секцию большевиков. В связи с преследованиями "Правды" он предлагает принять меры для регулярного издания за рубежом нелегальной литературы и центрального партийного органа - "Социал-демократа". И парижская секция ставит вопрос о созыве с этой целью специальной конференции.
Все большую тревогу вызывает у Владимира Ильича здоровье Надежды Константиновны. Не помог горный воздух, на который возлагались такие надежды. Не было и покоя, которым якобы лечат. "...У нас "покой",- признает он,- трудно осуществим при нервной жизни. Болезнь же на нервной почве" [22]. Надо последовать советам друзей - отправиться в Берн к знаменитому Кохеру.
Этому всячески противится Крупская. Она пытается убедить: и так обойдется, нельзя отрываться от работы, к тому же и денег нет.

Но Ленин уже списывается с живущим в Берне Шкловским. Просит навести справки насчет Кохера. Просит "Правду" переслать причитающийся ему гонорар: "Деньги крайне нужны мне на лечение жены, на операцию" [23]. И отправляется, в конце концов, с Надеждой Константиновной в Швейцарию.
"Вот уже несколько дней мы с Надей в Берне,- пишет Владимир Ильич матери в Вологду.- Кохер еще не принял. Капризник он. Знаменитость и... ломается. Здешние знающие врачи архихвалят его и обещают полный успех. Подождем" [24].
Но дни не пропадают зазря. И в Берне он много работает. "Надеюсь через несколько дней налажу и отсюда сотрудничество в "Правду"" [25], - сообщает Ленин в Петербург.
Он пишет соратникам в Париж, Цюрих, в Россию. Пишет и на адрес Н. Подвойского в Петербург. Отправленное ему письмо предназначено депутатам-большевикам IV Думы. Ленин уверен: допущена ошибка, нельзя было товарищам связываться с меньшевистской частью социал-демократической фракции в составлении отчета. Ведь ничего, кроме склоки, не выйдет. Отчет надо было издавать свой собственный. Теперь же приходится исходить из того, что сделано. И Ленин советует, как вести себя с депутатами-меньшевиками. Прилагает набросок тезисов отчета.
Особенно актуальным в это время стал национальный вопрос. Повсюду в связи с нарастанием революционного движения и надвигающейся войной усилилась националистическая пропаганда. Буржуазия стремится расколоть рабочий класс, подорвать и ослабить его интернациональное единство и солидарность. Ленин решает использовать пребывание в Швейцарии для выступлений с рефератами. Надо разъяснить взгляды большевиков на национальный вопрос и колониальную политику империалистических держав.
На почтовой бумаге черными чернилами почти без помарок Ленин пишет тезисы. Он намерен разбить своих противников, отстоять программу большевистской партии по национальному вопросу.
Состояние Надежды Константиновны позволяет отлучиться на день-другой. И Ленин отправляется сперва в Цюрих.
Его попутчицей оказывается русская девушка. Разговорились. Она - сельская учительница. Зовут ее Верой Курбатовой.
С неподдельным интересом слушает Ленин рассказ о первых шагах юной учительницы в маленькой карельской деревне, о связях с социал-демократами, о распространении их идей, о революционных выступлениях крестьян, об их борьбе против помещиков. Рассказывает девушка и о времени реакции, о преследовании многих участников революции 1905 года, в том числе и ее. А когда говорит она об условиях жизни на селе, о казенной винной лавке, находящейся против школы, об отсутствии библиотеки и книг, лицо Ленина становится задумчивым, суровым.
- Учителя, которые работают сейчас со мной,- продолжает свой рассказ Курбатова,- больше играют в преферанс и пьют водку. Не нахожу я сейчас среди них таких товарищей, каких знала в 1905 году.
- Какие же у вас были тогда товарищи?
- То были настоящие социал-демократы! - восклицает девушка.
- Вы это очень хорошо сказали-"настоящие социал-демократы!"- замечает Ленин.- Вот и скажите, какие же они, настоящие, и что вы знаете о "ненастоящих"?
И учительница поясняет: настоящими считает она тех, кто, несмотря на репрессии, остался верен идеям революции, а ненастоящими - приспосабливающихся к либеральной буржуазии.
Ленин спрашивает, что читала его собеседница. Та называет ряд книг. И упоминает две его работы - "Две тактики социал-демократии в демократической революции", "Шаг вперед, два шага назад".
- Эти книги,- говорит учительница,- помогли мне понять взгляды настоящих социал-демократов...
Поезд подходит к Цюриху. И Ленин прощается с попутчицей.
Его ждут здесь в большом зале ресторана "Цюр линден". И набит зал до отказа.
"У меня, как и у многих цюрихских большевиков,- расскажет эмигрировавшая из России участница первой русской революции Р. Харитонова,- не было полной ясности в трудном

для нас национальном вопросе. Бундовцы выступали с положением о “культурно-национальной автономии” для национальных меньшинств в России; ППС (Польская социалистическая партия) требовала полного отделения Польши от России, а польские социал-демократы возражали против этого. Наша же позиция в национальном вопросе - право наций на самоопределение - вызывала большие споры, которые особенно обострились в эти годы. Надо было добиться полной ясности в этом вопросе, и я слушала речь Ленина с большим вниманием. Сложный и запутанный, как мне всегда казалось, национальный вопрос становился в изложении Ленина ясным и понятным” [26].
- Нет большего несчастья для нации, как покорить себе другую нацию,- подчеркивает Владимир Ильич.
Страстно, взволнованно выступает он против угнетения слабых национальностей. Горячо отстаивает право наций на самоопределение, принципы пролетарского интернационализма, сплочения всех трудящихся в борьбе против царизма и буржуазии.
На следующий день Ленин уже в Женеве. Здесь, где такая масса всякого рода эмигрантских национальных групп, он выступает с тем же рефератом. Затем его слушают в Лозанне.
И снова Ленин в Берне. Наконец Кохер принял Надежду Константиновну, поместил в своей клинике на Фрейбург-штрассе. Она вспомнит позднее: “Ильич полдня сидел у меня”. А вторую половину? “Остальное время,- узнаем от нее же,- ходил в библиотеки, много читал, даже перечитал целый ряд медицинских книг по базедке, делал выписки по интересовавшим его вопросам” [27].
Наступает день, когда Надежду Константиновну оперируют. “Операция, видимо, сошла удачно, ибо вчера уже вид был у Нади здоровый довольно, начала пить с охотой,- сообщает Владимир Ильич матери.- Операция была, по-видимому, довольно трудная, помучили Надю около трех часов - без наркоза, но она перенесла мужественно. В четверг была очень плоха - сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно. Но вчера уже явно пошло на поправку...” [28]
Теперь Владимир Ильич может вплотную заняться делами. Из разных городов съезжаются в Берн представители заграничных большевистских групп. Здесь созывается II конференция Заграничной организации РСДРП.
Ленин выступает с докладом “О положении дел в партии”. Он высоко оценивает роль большевистской легальной печати в современных условиях. “Благодаря развернутой этой печатью колоссальной пропаганде,- указывает Ленин,- везде создано сильно революционное настроение”. И подтверждает сказанное примером: “Достаточно тайком напечатанной фразы на клочке бумаги: “Бастуйте такого-то числа, такой-то комитет”, чтобы тысячи рабочих оставляли работу беспрекословно...” Но в последнее время “правительство поняло подоплеку легальной партийной прессы и легальных учреждений и стало их преследовать” [29]. Поэтому, призывает он, следует возродить за границей нелегальную большевистскую печать.
Отсюда, из Берна, один из участников совещания пишет находящемуся в российской ссылке большевику Г. Вейнбауму: “...т. Ленин прочел доклад о положении дел в партии. Он отметил, теперь комитет когда выпускает листки, это очень коротенькие в несколько строк, и они имеют больше значения, чем когда-то выпускались большие листки, настолько рабочий вырос; также, что большевики по всему фронту победили. Даже за границей полное моральное разложение у ликвидаторов” [30].
Обстановка в России накаляется. Предвещает она и быстрое назревание революции, и новые удары со стороны царского правительства. Партийные организации на родине, думская фракция, рабочая печать больше, чем когда-либо, нуждаются в руководстве Ленина. “Надо было бы после операции,- пишет Крупская,- еще недели две провести в полулежачем состоянии в горах на Беатенберге, куда посылал Кохер, но из Поронина шли вести, что много спешных, экстренных дел...” [31] И сразу же после совещания Владимир Ильич и Надежда Константиновна покидают Берн.
Дождливым августовским днем возвращаются в Белый Дунаец Ульяновы. Множество дел ждет тут Владимира Ильича. Одно связано с созданным в России легальным издательством “Прибой”. Руководят им большевики М. Ольминский, М. Савельев, А. Ульянова-Елизарова, К. Комаровский и другие. Возникшее в начале 1913 года, оно выпускает много литературы по вопросам социального страхования ра-рабочих. Но по указанию Центрального Комитета

уделяет большое внимание изданию и популярных брошюр на социально-политические и партийные темы. И, вернувшись в Белый Дунаец, Ленин разрабатывает проект соглашения ЦК РСДРП с группой "Прибой". Отныне она станет издательством Центрального Комитета. Два дня спустя, 9 августа, подготовленный Лениным проект обсуждается на совещании членов ЦК. Здесь, на "вилле" Терезы Скупень, речь идет о положении в партии, ее очередных задачах, о думской социал-демократической фракции, о "Правде", "Социал-демократе", петербургском журнале "Просвещение". У Ленина в Белом Дунайце члены Центрального Комитета договариваются о новых мерах борьбы с беснующейся реакцией. Договариваются об издании нелегальных брошюр и листков, о транспортировке из-за границы нелегальной литературы, об увеличении тиража "Социал-демократа".
По-прежнему шлет Ленин отсюда в Россию указания, инструкции. Пишет товарищам, друзьям. Негодует в письмах на выступление Плеханова, "отмочившего глупенькую демонстрацию за единство с ликвидаторской сволочью" [32]. Запрашивает материалы по национальному вопросу, статистику национальностей Кавказа. И пересылает в Петербург статьи, написанные в деревенской тиши, в которых рассматривает главным образом причины нарастания в России нового революционного кризиса.
"Мертвое ликвидаторство и живая "Речь"" - так называет Владимир Ильич статью, в которой обрушивается на ликвидаторов, утверждающих, что охвачены будто бы рабочие лишь "стачечным азартом". Он разоблачает ликвидаторов, беспомощно плетущихся за либералами, озабоченными "хаотическими и дезорганизующими,- по их убеждению,- промышленность случайными стачками" [33].
Ленин пишет статью "Отделение либерализма от демократии". И заявляет в ней, что вынесенный в заголовок вопрос принадлежит в России к числу коренных вопросов всего освободительного движения. "Не сознавши глубоких классовых корней, отделяющих либерализм от демократии,- не распространив этого сознания в массах,- не научившись нейтрализовать таким образом измен и шатаний либерализма делу "народной свободы",- утверждает Ленин,- русская демократия не может сделать ни одного серьезного шага вперед" [34].
Последняя книжка либерального журнала "Право" побуждает написать о роли сословий и классов в освободительном движении... Выступить против злостно-клеветнической либеральной теории об "интеллигентской" сущности российской революции... Доказать с цифрами в руках, что все более растет роль в российском революционном движении городских рабочих, которые "разбудили уже массу крестьянства" [35].
И снова -в статье "Борьба за марксизм" - о ликвидаторах, сошедших с классового пути, вступивших "на путь беспартийного единства наемных рабочих с мелкобуржуазной партией" [36]. Надо, призывает Владимир Ильич, развивать сознание масс, помочь им разобраться в ликвидаторской проповеди беспартийности, в том, что это "есть отступничество от марксизма, есть проведение под сурдинку мелкобуржуазных взглядов и мелкобуржуазной политики" [37].
Разные псевдонимы ставит Владимир Ильич под этими и другими статьями - М., В. И., К. Т., Н., П. Осипов, В. Фрей, В. Ильин. И за такими подписями ленинские статьи публикует "Правда".
Как и прежде, газета в центре внимания Владимира Ильича. Августовским утром доставляют ему письмо К. Самойловой- секретаря редакции. Та сообщает: хоть и конфискуется чуть ли не каждый день газета, не падают товарищи духом. "...Она расходится среди петербургских пролетариев в 21 и более тысячах,- узнает из письма Ленин,- № 10 (не конфискованный) разошелся в количестве 36 000, № 11 - 35 500. Тираж, во всяком случае, не падает, и только конфискации сокращают его почти наполовину" [38].
Рад Ленин этим вестям. Рад тому, что растет популярность "Правды". Растет, несмотря на гонения, которым подвергается она со стороны властей.
"Деньги и приветствия,- сообщает Владимиру Ильичу Самойлова,- сыплются буквально, как из рога изобилия: бывает, что за один день, за какие-нибудь 2-3 часа приносят 240-300 рублей пожертвований. Сейчас я пишу вам письмо, а тут все время приносят и приносят деньги. Такое отношение естественно вселяет в нас бодрость и готовность бороться во что бы то ни стало. Рабочие так свыклись и срослись с газетой, что она стала для них неотложной и необходимой потребностью, что потеря газеты для них равносильна была бы

самоубийству. Убытков, благодаря пожертвованиям, мы не терпим и существовать пока можем, а это только и требуется" [39].
Скоро из России сюда должны вновь прибыть соратники. Надо обсудить с партийными работниками из промышленных городов, с думскими депутатами, как действовать дальше в условиях, когда вопрос о новой революции стоит в центре всей политической жизни страны.
Ленин встречает их в октябрьские дни 1913 года. Разными путями перебрались через границу товарищи из Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Харькова, Костромы, Киева, других городов. Прибывают 22 товарища: все находящиеся на свободе члены Центрального Комитета партии, представители газеты "Социал-демократ" и журнала "Просвещение", депутаты-большевики, И. Арманд и А. Шотман - от петербургской организации, Е. Розмирович - от киевской, С. Дерябина - от уральской и другие.
Их поселяют в корчме Гута Мостового - там, где спустя много лет откроют ленинский музей.
- До того у нас корчма днем всегда пустая стояла,- расскажет сын старого Гута Павло.- А тут понаехали люди, сидят днем за столом трезвые, а для вида сельтерскую воду пьют, о чем-то разговаривают, спорят... Я день работал, известно, осень - крестьянская страда. И те, что приехали к нам, тоже день работали - сидели, обсуждали свои дела. А вечером пели песни. Ого, как пели! Сядут на террасе: один - на ступеньках, другой - на перилах, кто где, и затянут... Гармошка у них была, и один из гостей, который очень хорошо на ней играл, меня научил петь несколько песен. Много песен хлопцы знали и пели. И про утес, и про Волгу. Ленин всегда тут был, стоял, прислонившись к стенке, и на плечах пальто. Ему вроде надо было идти куда-то, потому что он был человек всегда занятой, но не мог оторваться от песни...
Не может, конечно, знать Павло, о чем говорят эти русские. А обсуждают они политическую обстановку в России. Ленин записывает то, что сообщают делегаты партийных организаций Московской, Костромской, Владимирской губерний, Петербурга, Харькова, Киева, Донецкого бассейна, Урала. Посланцы из разных мест России делятся опытом нелегальной подпольной работы.
Ленин выступает перед делегатами с несколькими докладами. Развитие в России революционного движения, указывает он, подтверждает правильность тактической линии большевиков. Партия оказала идейное, организационное воздействие на борьбу широких масс рабочего класса.
- Мы,- заявляет Ленин,- со спокойной совестью можем сказать, что взятые на себя обязательства мы выполнили до конца. Доклады с мест говорят о желании и стремлении рабочих укреплять и строить свои организации. Пусть же рабочие знают, что только они сами могут создать свою организацию. Кроме них, никто ее не создаст.
Ленин предлагает девять подготовленных им резолюций. В их основе то, что сообщили товарищи из России.
"Положение в стране,- гласит одна из резолюций,- все больше и больше обостряется. Господство реакционных помещиков вызывает все больший ропот даже среди самых умеренных слоев населения. На пути к сколько-нибудь действительной политической свободе в России по-прежнему стоит царская монархия, враждебная всякой серьезной реформе, оберегающая только власть и доходы крепостников и особенно жестоко подавляющая всякое проявление рабочего движения".
В этих условиях, констатирует ленинская резолюция, "рабочий класс по-прежнему выступает как руководитель в революционной борьбе за общенациональное освобождение", а "массовое экономическое движение, часто начинаясь с самых первоначальных требований, в силу всей обстановки борьбы, все более сливается с революционным движением рабочего класса". Ленин призывает "ускорить сплочение пролетариата под революционными лозунгами эпохи" [40]. Лозунги же партии, поддержанные пролетарским авангардом,- это республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. Ленин включает в одну из резолюций пункт, приветствующий "почин Петербургского комитета и ряда партийных групп Москвы, поднявших вопрос о всеобщей политической стачке и сделавших шаги в этом направлении..." [41].

В перерыве между заседаниями к Владимиру Ильичу обращается депутат IV Думы Бадаев:
- Ну, хорошо, мы со своей стороны устраиваем демонстрации министрам и черносотенцам, когда они появляются на трибуне, но этого мало. Рабочие спросят: какие практические предложения делали вы в Думе, где выработанные вами законы?
Владимир Ильич разъясняет:
- Никаких законов, облегчающих положение рабочих, черносотенная Дума никогда не примет. Задача рабочего депутата- изо дня в день напоминать с думской трибуны черносотенцам, что рабочий класс силен и могуч, что недалек тот день, когда вновь подымется революция, которая сметет всю черную сотню вместе с ее министрами и правительством. Конечно, можно выступать и с поправками к бюджету и даже с каким-либо законом, но все эти выступления должны, сводиться к одному: надо клеймить царский строй, показывать весь ужасающий произвол правительства, говорить о бесправии и жесточайшей эксплуатации рабочего класса. Вот это будет действительно то, что должны слышать рабочие от своего депутата...
Девять дней - с 6 по 14 октября - под руководством Ленина совещаются в Поронине русские большевики.
“Совещание сделало, что могло,- сообщает Центральный Комитет партии,- чтобы дать ответ на все вопросы партийной жизни...
Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху. Верность старому революционному знамени испытана и доказана в новой обстановке и при новых условиях работы. Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины” [42].
И Центральный Комитет призывает:
- За работу же!
Примечания:
[1] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 139.
[2] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 337.
[3] Там же, с. 339.
[4] Там же, с. 341.
[5] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 321-322.
[6] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 339.
[7] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 144.
[8] Там же, с. 148.
[9] Там же, с. 151.
[10] Там же, с. 152.
[11] Там же, с. 163.
[12] Там же.
[13] Там же, с. 167.
[14] Там же, с. 169.
[15] Там же, с. 170.
[16] Там же, с. 179 - 180.
[17] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 182.
[18] Там же, с. 183.
[19] Там же, с. 182.
[20] Там же.
[21] Там же, с. 183.
[22] Там же, с. 179.
[23] Там же, с. 191.
[24] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 343.
[25] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 201.
[26] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 356-357.
[27] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 226.
[28] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 343-344.
[29] См. Р. Пересветов. Поиски бесценного наследия (О судьбе некоторых рукописей В. И. Ленина). Изд. 2. М., 1968, с. 238-239.

[30] См. А. М. Володарская. Ленин и партия в годы назревания революционного кпизиса. 1913-1914. М., 1960, с. 141.
[31] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 226.
[32] См. "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3., М., 1972, с. 132.
[33] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 354.
[34] Там же, с. 372.
[35] Там же, с. 399.
[36] Там же, с. 413.
[37] Там же.
[38] См. "Ленин в "Правде". Воспоминания". М., 1970, с. 109-110. Авторство К. Самойловой подтверждается: "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 3, с. 133.
[39] См. там же, с. 110.
[40] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24: с. 49.
[41] Там же, с. 52.
[42] "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 380.

Снова у подножия Татр
В Кракове, в кафе Яниковского на бульваре Плянты, журналист Альфред Майкосен беседует с Лениным. Его интересует отношение вождя революционного движения России к приближающейся войне.
- Вы жаждете конфликта? - спрашивает Майкосен.
- Нет, я не хочу его,- живо отвечает Ленин.- Почему я должен был бы его хотеть? Я делаю все и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания.
Ленин задумывается и через минуту продолжает:
- Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше - это одно. Хотеть войны и работать для нее - это нечто совершенно иное...
Этот разговор происходит в 1914 году. А еще задолго до него - в осенние дни 1912 года, когда началась первая балканская война между Турцией и Черногорией, Сербией, Болгарией, Грецией, Ленин написал воззвание "Ко всем гражданам России". Отдельным листком оно было отпечатано комитетом Заграничной организации РСДРП, вышло специальным приложением к "Социал-демократу". Владимир Ильич направил тогда воззвание секретарю Международного социалистического бюро К. Гюисмансу и просил его сообщить текст документа секретарям социал-демократических партий. И ленинское воззвание появилось на немецком языке в газетах "Лейпцигер фольксцайтунг" и "Форвертс", на французском в бельгийской "Пёпл", на французском, немецком, английском языках в периодическом бюллетене Международного социалистического бюро.
В этом воззвании Ленин предупреждал: "Грозит общеевропейская война. Готовятся к войне, вопреки всем лживым правительственным опровержениям, Россия и Австрия. Наглеет Италия в своей политике грабежа турецких земель. Биржевая паника в Вене и Берлине, в Париже и Лондоне показывает, что капиталисты всей Европы не видят возможности сохранить европейский мир...
Кризис разгорается. Сотни тысяч и миллионы наемных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель" [43].
Опасность войны усугубляется гонкой вооружений. Из года в год увеличивают ее "великие державы". А кому выгодна эта гонка? Народам, которые платят за нее своим потом и кровью? Нет! Она выгодна "пушечным королям", получающим сверхприбыли от военных заказов. Ленин назвал их поименно: "Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех "цивилизованных" странах?.. Вот кому выгодно раздувание шовинизма, болтовня о "патриотизме" (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!" [44]

И легальную печать, и трибуну Думы использует Ленин для антивоенной агитации. Еще в ноябре 1912 года он составил тезисы "К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов". Отправил эти тезисы в Петербург. В них выдвинул лозунг: "Война войне! За мир!" [45] Большевистские депутаты положили эти тезисы в основу декларации социал-демократической фракции ГУ Государственной думы.
Среди статей, которые ушли из Кракова в "Правду", в другие большевистские издания, и эта - "Буржуазия и мир". "Единственная гарантия мира,- утверждал в ней Ленин,- организованное, сознательное движение рабочего класса" [46]. Целью войны, развязываемой международным капиталом, является не только новый передел мира, но и удушение революции: "Европейская буржуазия судорожно цепляется за военщину и реакцию из страха перед рабочим движением" [47]. Для того чтобы облегчить себе проведение грабительской политики, она разжигает националистические настроения, национальную рознь.
В грозовой январь девятьсот четырнадцатого, когда все ощутимее приближение войны, Ленин из Кракова отправляется в Париж. Выступает на двух митингах, посвященных годовщине 9 Января 1905 года. В большом зале Географического общества читает реферат "Национальный вопрос". А затем - Брюссель. Прямо с вокзала идет Ленин к И. Попову, выполняющему секретарские обязанности в представительстве российской социал-демократии при II Интернационале.
- Газеты русские, питерские получены? Есть у вас? От какого числа? - спрашивает он.- Как там прошла годовщина девятого января? Много бастовало? Когда я выезжал, еще не было русских газет от девятого.
- В Питере, Владимир Ильич, больше полутораста тысяч бастовало, а в остальных городах очень понемногу,- сообщает Попов.
- А точно, где, сколько? Неужели не запомнили? Можно ли не запомнить? - забрасывает Ленин вопросами собеседника.
И рождается у Попова сперва смутное, а затем все более усиливающееся ощущение: нет, не из такой эмиграции, в какой жил он сам, прибыл Ленин, а приехал сюда, в Брюссель, прямо из России. Кажется Попову, что за границей Ленин только временный, случайный человек. Что всем духом своим он там, в России, в огне непрекращающейся на родине революционной битвы.
Его ждут в кафе "Золотой петух". Зал уже полон. Собрались съехавшиеся нелегально в Брюссель делегаты IV съезда Социал-демократии Латышского края. Открывается съезд завтра, а сегодня перед делегатами Ленин выступает с рефератом. Тема - национальный вопрос.
Пришедший с Владимиром Ильичей в кафе Попов вспомнит много лет спустя: "Ленина надо было видеть, когда он говорил, и хотелось смотреть на него не отрываясь, пока продолжается его речь. Привлечь и держать живым вниманием слушателей стремится всякий, кто говорит с трибуны. Но Ленин был больше, чем оратор. Он безраздельно овладевал вашими мыслями. Находил их, встречался с ними где-то у самого истока их зарождения. Он брал и обнажал самую первую, отправную логическую посылку. Затем как бы взвешивал ее на ладони и пускал в ход точный логический процесс, не сухой, а живой, богатый, разветвленный. Он толкал вашу мысль, давал ей направление сразу по многим разбегающимся разнообразным тропам, но которые все вели к одной главной дороге, где вы следовали за ним. И было еще одно в его речи, это - бесстрашие перед фактами, какие бы они ни были. Он подводил вас к самой вершине, с дерзновением и бесстрашием предлагал взобраться на нее и найти реальное, истинное там, где другая, робкая мысль прячется за иллюзию" [48].
В реферате Ленин раскрывает причины и обстановку усиливающихся национальных движений на Дальнем и Ближнем Востоке. Затем переходит к анализу положения в многонациональной России. Могут ли русские революционеры выкинуть из программы своей партии признание права наций на самоопределение, как предлагают некоторые противники большевиков? И отвечает:
- Исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают особенную насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

- Правильно! Верно! - отвечает зал.
Доклад окончен. Аплодисменты сливаются в сплошной гул. Многие делегаты встают...
Ленин пишет в этот день в Париж И. Арманд о поддержке большевиков большей частью делегатов IV съезда латышских социал-демократов:
"...Победа!! Ура! Большинство за нас. Я здесь останусь около недели, и, вероятно, мне придется много работать.
Я в восторге от того, что мы победили" [49].
Спустя сутки Ленин на заседании съезда.
Еще в мае прошлого года написал он "Проект платформы к IV съезду Социал-демократии Латышского края". Его опубликовала газета "Cinas Biedrs", а затем перепечатал "Бюллетень" Бюро заграничных групп латышских большевиков-эмигрантов. В "Проекте платформы" Ленин наметил политическую линию съезда. Резкой критике подверг он оппортунистические идеи и тактику ликвидаторов.
И вот Ленин поднимается на трибуну. Он обрушивается на тех, кто добивается раскола партии:
- Большевики выступают за единство... Единство нелегальной партии необходимо. Единство снизу. Но против тех, кто нападает на нелегальную партию, принижает значение этой партии, против тех остается только бороться. Пусть дают гарантию, что нелегальная партия остается неприкосновенной, что лозунг демократической республики не будет запятнан,- только тогда возможно единство сверху и снизу. Не знаю как в Азии, но в Европе раскольниками называют тех, кто не признает большинства. Раскольниками является меньшинство, которое не подчиняется решениям большинства [50].
Ленин вносит проект резолюции по вопросу об отношении Социал-демократии Латышского края к РСДРП. В первом же пункте этого документа подчеркивается, что объединение всех действительных социал-демократических сил, строгое единство партии абсолютно необходимы.
Ленин покидает Брюссель. По пути в Краков выступает с рефератами в Льеже, затем в Лейпциге. И морозным февральским днем возвращается в свою квартиру на улице Любомирского.
Его ждет прибывший из Петербурга депутат-большевик IV Думы Ф. Самойлов. Долго беседуют они. Обсуждают работу думской большевистской фракции.
Еще осенью депутаты-меньшевики официально отказались признать за большевистской "шестеркой" равные права в социал-демократической думской фракции. Это привело к расколу фракции. Шесть депутатов-большевиков стали действовать как самостоятельная фракция. По рекомендации Ленина она стала именоваться с тех пор Российской социал-демократической рабочей фракцией. И Самойлов рассказывает Ленину о том, как депутаты-большевики пропагандируют с думской трибуны идеи партии.
Снова Ленин за своим рабочим столом.
Он пишет сестре Анне в Петербург: "...я приехал домой после долгого отъезда; нашел и прочитал все твои письма; сегодня пришло еще одно, насчет которого ты специально сомневалась, дойдет ли. Все дошло. Насчет опаздывания со статьями ты права, но что же делать. Не десять рук... Сяду писать о самоопределении наций" [51].
Владимир Ильич просит прислать из Петербурга недостающие номера "Пролетарской правды", "Пути правды", "Новой рабочей газеты". Просит взять для него в библиотеке "либо Совета присяжных поверенных, либо Гос. думы" [52] свод статистических сведений по уголовным делам за 1905-1908 годы. Все это необходимо для работы. И, как обычно, просьбы выполняются быстро. Надежда Константиновна пишет Марии Александровне: "Аня нас балует в этом году посылкой книг" [53].
Всю зиму Ленин много работает. Из России приходят к нему номера журнала "Просвещение" с его статьями "К вопросу о задачах земской статистики", "От редакции к статье Ветерана "Национальный вопрос и латышский пролетариат"", с рецензией на книгу "Экспонаты по охране труда на Всероссийской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г.". Приходит "Путь правды" - под этим названием вынуждена по цензурным соображениям выходить сейчас "Правда". Во многих номерах - ленинские статьи: "Либеральное развращение рабочих", "Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях "единства"", "К истории национальной программы в Австрии и в России", "Сиятельный

либеральный помещик о “новой земской России””, “Народничество и класс наемных рабочих”, “Еще о “национализме”” и другие. Они посвящены борьбе партии за сплоченность рабочего движения. Подлинное единство рабочего класса состоит прежде всего и главным образом в единстве его политической организации, в единстве его партии. Ленин утверждает, что только такое единство может обеспечить успех всей борьбы рабочего класса.
А отовсюду по-прежнему разными путями доставляют ему письма.
К. Самойлова из Петербурга просит прислать для “Правды” критические статьи о народниках в связи с юбилеем Н. Михайловского, статью о недопустимости сотрудничества социал-демократов в буржуазной прессе.
Г. Сафарова, живущего сейчас в Нанси, интересует мнение Ленина о двух статьях, написанных им для журнала “Просвещение”.
Е. Розмирович из Петербурга запрашивает тексты речей для депутатов-большевиков IV Думы.
Н. Накоряков из Нью-Йорка сообщает о работе редакции выходящей там газеты “Новый мир”, просит написать американским рабочим о сущности разногласий между большевиками и меньшевиками.
С. Белов из Самары пишет о том, что желательно было бы получить от Ленина для журнала “Заря Поволжья” статьи о борьбе за свободу печати, свободу слова, по крестьянскому вопросу, о народничестве и т. д.
О. Пятницкий из Саратова рассказывает о настроении крестьян.
Я. Рудис-Гипслис из Берлина сообщает об аресте в Риге делегатов IV съезда Социал-демократии Латышского края.
В. Кингисепп - эстонский большевик информирует о положении дел в редакции эстонской рабочей газеты “Голос труда”, предлагает Ленину сотрудничать в ней.
О. Лола (Степанюк) - украинский рабочий-большевик, преследуемый царскими властями и эмигрировавший за границу, сообщает из Парижа о росте популярности социал-демократии среди пролетариата, о желании екатеринославских рабочих издавать социал-демократическую газету на украинском языке.
И. Скворцов-Степанов из Москвы пишет о проходивших •гам нелегальных совещаниях либеральной буржуазии. Он просит высказать свое мнение: целесообразно ли большевикам участвовать в таких совещаниях?
С. Закс из Петербурга информирует о деятельности издательства “Прибой”, о выпуске литературы по страхованию, о финансовом плане издательства.
С. Спандарян из Енисейской губернии рассказывает о жизни в ссылке. Он просит информировать его о положении дел в партии, о ходе борьбы с ликвидаторами.
Почти на все письма отвечает Ленин. С верными людьми отправляет запрашиваемые из Петербурга тексты речей думских депутатов. Пишет статьи, которые ждут от него в “Правде”. Делает выписки из книг, газет, журналов - они нужны ему для работ по национальному вопросу. Выкраивает время, чтобы познакомиться с новой литературой, присланной ему в Краков. И негодует на разного рода помехи, что отрывают его от главного. “...Ох, эти “делишки” подобия дел, суррогаты дел, помеха делу,- пишет он в Париж И. Арманд,- как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки...” [54]
Прошла зима. Трудная для Ульяновых зима. “Я ухитрилась в третий раз за месяц слечь опять в постель,- писала Надежда Константиновна в начале марта,- проклятый бронхит и инфлюэнца. Ильич тоже с недельку провалялся, так что форменный у нас лазарет” [55]. Болеет он и месяц спустя. “Я немножечко простудился последние дни (весной без этого нельзя!), но теперь поправился” [56],- пишет Владимир Ильич матери.
10 апреля уходит это письмо в Вологду. А пять дней спустя у едва оправившегося от болезни Владимира Ильича - заседание Центрального Комитета РСДРП. Присутствует на нем представитель думской фракции Г. Петровский. Когда тот возвращается в Петербург, провокатор сообщает главе департамента полиции:
“Член Государственной думы социал-демократ Петровский, вернувшись недавно из-за границы, где он был у известного Ленина, передал членам думской социал-демократической рабочей фракции (шестерке) следующие, выработанные Лениным, предположения о дальнейшем направлении партийной деятельности.

По определению Ленина (относится к середине апреля сего года), сильно поднявшееся за последнее время революционное настроение в России имеет тенденцию расти дальше, но, не будучи в достаточной степени руководимо, за отсутствием налаженных подпольных организаций, может оказаться бессильным и бесцельным" [57].

Майское утро 1914 года, когда в департамент полиции поступает это донесение, застает Владимира Ильича в Белом Дунайце. Вновь, как и год назад, переехали сюда Ульяновы. Поселились они в том же домике Терезы Скупень. Вновь по многу часов не покидает Ленин свою комнату в мансарде. Здесь читает идущие отовсюду письма. Отсюда пишет друзьям, соратникам.

Позднее 15 мая. Ленин просит Рудиса-Гипслиса прислать ему статьи из "Цини" - центрального органа латышской социал-демократии, поздравляет его "с успешной маевкой, особенно в Риге и Питере!" [58].

19 мая. Завершает статью для "Просвещения" "О праве наций на самоопределение". И сообщает о том в Баку Шаумяну. "Чтобы бороться с глупостью "культурно-национальных автономистов",- пишет Ленин,- надо, чтобы российская социал-демократическая рабочая фракция внесла в Государственную думу проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств". Он предлагает: "Давайте напишем такой проект" [59]. И излагает в письме план проекта этого закона для внесения большевистской фракцией в IV Думу.

Позднее 25 мая. В письме к Петровскому Ленин оценивает выступления в Думе большевиков-депутатов. "Выступления прекрасны,- пишет он.- Смело вперед. А ликвидаторов мало клеймят за грязь и помои. Так и звать их ежедневно: помойная газета, помойные литераторы. Их дело - помои. Наше дело - работа" [60].

Позднее 18 июня. Ленин пишет в редакцию газеты "Трудовая правда" по поводу Плеханова, который "теперь, к сожалению, опять оборачивает свою слабую сторону" [61]. Рекомендует, как следует писать сейчас о нем: напомнив о его заслугах перед революционным движением России, подчеркнуть - "полная неясность его мысли вызвана, может быть, отчасти полной неосведомленностью его: а неясность в том, с кем он хочет единства... И, поставив сии вопросы, спокойно заявить: ясного ответа на эти естественные вопросы читатель вряд ли дождется. Ибо из литературы известно, что именно сии вопросы Плеханову неясны" [62].

Ранее 6 июля. С "дорогим Суреном" - Шаумяном полемизирует в письме Ленин по национальному вопросу и предлагает тому посмотреть свои статьи "Критические заметки по национальному вопросу", "О праве наций на самоопределение". Просит: "Напишите мне критику моих статей в "Просвещении" - покалякаем" [63]. Поручает Шаумяну собрать срочно данные о выходе на Кавказе социал-демократических газет на грузинском, армянском и других языках.

11 июля. Из петербургского издательства "Прибой" приходит часть отпечатанных листов книги "Марксизм и ликвидаторство". Но Ленину она необходима целиком. "Дело крайне важное, не терпящее ни минуты отлагательства",- предупреждает он работников издательства. В связи с этим же делом, столь важным, "что бывает раз в два года", Ленин просит собрать "перлы ликвидаторской литературы" [64], а также выступления большевистской печати против ликвидаторов.

Каждое событие внутриполитической жизни, с удовлетворением отмечает Владимир Ильич, находит теперь отклик в пролетарской среде. Малейший повод вызывает стачку. "Современное политическое положение в России,- пишет он в "Правду",- характеризуется ростом стачечного движения..." И добавляет: "Связь между характером рабочего движения и тем направлением, которое признали своим сознательные рабочие в огромном большинстве,- очевидна и не требует особых пояснений" [65]. Поступающие отовсюду сообщения свидетельствуют, что это направление большевистское.

Как рад Ленин вестям о росте революционных настроений! "Поздравляю с прекрасной маевкой в России: 250 000 в одном Питере!!" [66] - пишет он 18 мая в Нью-Йорк. А в статье "Об единстве", несколько дней спустя отправленной в "Правду", отмечает, что за два с половиной последних года большинство сознательных рабочих всей России "объединилось на деле вокруг правдистских решений"; что по числу рабочих групп, делавших взносы на

газету в российской столице, видно: “ликвидаторы имели всего одну пятую среди сознательных рабочих...” [67].
Но хуже стало с газетами, в которых, несмотря на строжайшую цензуру, обнаруживал до сих пор Ленин немало для себя ценного. Сейчас из России приходит одна лишь “Киевская мысль”. И Владимир Ильич изыскивает новые каналы, по которым поступала бы к нему информация о подъеме рабочего движения. Обращается к находящемуся в Берлине В. Каспарову с просьбой “ежедневно посылать... берлинские газеты с наибольшими вестями из России...”, пересылать “Речь” и “Новое время”, телеграфировать в Поронин “об особо, исключительно важных событиях, если будут таковые, вроде восстания в войске и т.п.” [68]. Он просит собрать также для него вырезки из “Форвертс” с корреспонденциями о петербургском рабочем движении, о манифестациях. И Каспаров сразу же откликается: “Сегодня уже передал одному товарищу (большевику) несколько марок с просьбой ежедневно посылать Вам “Berliner Tageblatt”. Одновременно Вы будете получать от него же и “Русское слово”, которое он выписывает для себя. Сам я послал сегодня Вам “Русские ведомости” и “День” (с 1/VII). Через несколько дней вместо “Дня” буду посылать “Речь”... На случай экстренных и важных сообщений буду телеграфировать” [69].
А ликвидаторы и троцкисты, убеждается из поступающей в Поронин корреспонденции Ленин, не складывают оружия. Лишенные поддержки внутри российского рабочего движения, они пытаются заручиться поддержкой лидеров II Интернационала.
Ленин помнит, что сообщил ему не так давно в Брюсселе Попов:
- Затеваются очень скверные вещи... Мы стоим перед тяжким ударом. Против нас готовится небывалый концентрированный заговор по всей линии в масштабах всего Интернационала. Буквально каждый день сюда являются разные патентованные авторитеты из разных фракций с рецептами объединения и с планами “укрощения” Ленина. Под прикрытием “подготовки единства” коалиция сплачивается для разрушения подпольных рабочих организаций в России...
Ленин сказал тогда Попову:
- Не надо смешивать политиканство с политикой. Наша сила не в закулисных ходах, а в нашей собственной реальной силе. Весь этот блок, все эти объединившиеся против нас фракции, о которых вы говорите, не больше как штабы без армий.
В Брюсселе он встретился с Эмилем Вандервельде - председателем Международного социалистического бюро II Интернационала.
- Никаких компромиссных сделок ни искать, ни предлагать, ни обсуждать мы не будем,- заявил ему Ленин,- никаких идейных уступок мы не сделаем. Поэтому нам совершенно не нужны никакие предварительные закулисные сговоры ни с нашими противниками, ни с теми, кто взял на себя посредничество.
- И значит, со мною? - спросил Вандервельде.
- Да, и с вами, если вы видите вашу цель только в том, чтобы добиться от людей, стоящих за укрепление нашей партии и держащих курс на вторую революцию, и от людей, считающих революцию в России конченной, добиться от тех и других полюбовного принятия какой-нибудь формально единой бумажной резолюции.
Новый партийный съезд, который готовит Ленин, призван упрочить положение большевиков, сорвать замыслы ликвидаторов. В письмах, идущих в Россию, он настоятельно требует от “Правды”: “Вовсю бить нахалов из группок, беспощадно пресечь их попытку дезорганизации”. Ленин негодует: “Они смеют раскалывать 4/5!!” - то есть 4/5 передовых рабочих, объединившихся вокруг большевистской “Правды”, “И на ликвидаторов и на группки,- пишет Владимир Ильич в Петербург,- надо напасть сразу как можно сильнее... Наш долг осмеять авантюристов...” [70]
И нынешним летом к Ленину через русскую границу переходят подпольщики.
Июльским утром появляется А. Никифорова, большевичка из Сызрани. Ленин расспрашивает ее о партийных делах в Поволжье, о прокламациях, которые печатают там, о знакомых товарищах. И внимательно слушает. Только изредка задает он вопросы, уточняя то, что его особенно интересует.
Благополучно миновав кордоны, добираются сюда посланцы Питера... “Сегодня (воскресенье) прибыли двое рабочих, очень хорошие парни, из нашей столицы” [71],- сообщает 12 июля Владимир Ильич И. Арманд. “Очень хорошие парни” - это А. Киселев и

Н. Глебов (Авилов). Градом вопросов засыпает их Ленин: о работе среди металлистов, о росте влияния в их среде большевиков, о борьбе с ликвидаторами. Ждет к себе Владимир Ильич и нового председателя "нашей парламентской группы" [72] Петровского. Он предлагает Никифоровой, Киселеву, Глебову (Авилову) дождаться его, принять участие в заседании Центрального Комитета. А пока подолгу беседует с ними.
Об этих проведенных с Владимиром Ильичей днях Киселев расскажет: "Часто мы ходили в окрестности, в горы; помню, как-то раз мы поднялись вчетвером, вместе с Надеждой Константиновной, на одну гору. Владимир Ильич шел очень быстро, видно было, что здоровье его крепко. Мы на этой горе долго беседовали о задачах, которые тогда ставила перед нами партия. Мы возлагали большие надежды на предстоящий Международный конгресс и думали, что он сумеет принять решительные меры для предотвращения войны. Владимир Ильич расхолаживал нас и говорил, что это могло бы быть лишь в том случае, ежели бы мы имели большинство во II Интернационале, а так как в нем сидят оппортунисты, такие же, как российские меньшевики, то особых надежд возлагать на них нельзя. Его прозорливость полностью оправдалась впоследствии" [73].
В середине июля в Поронине собирается Центральный Комитет партии. Речь идет на его заседаниях о подготовке очередного съезда, об уполномоченных ЦК, которые должны объехать крупнейшие партийные организации в России, провести там конференции и выборы делегатов на съезд.
У Ленина Никифорову, Киселева, Глебова (Авилова) обучают тому, что должен знать революционер-подпольщик. Рабочие практикуются в шифровке и расшифровке. Учатся вести конспиративную переписку с Центральным Комитетом. Узнают, как, используя для этого брошюры, журналы, газеты, надо незаметно отмечать в них слова и буквы. Заучивают адреса, пароли, отзывы, уславливаются, как поступить в случае отсутствия адресата.
И наступает последнее перед отъездом утро. Питерские рабочие собираются в столовой. Еще раз проверяют шифры, адреса. Им дают (на случай непредвиденных осложнений!) дополнительные наказы. На папиросной бумаге они записывают ключ шифра и прячут клочки бумаги в швах одежды. "Прощание,- вспомнит Никифорова,- было очень душевным. Владимир Ильич и Надежда Константиновна желали нам удачи, возвращения к съезду, давали много практических советов и наказов, всех по очереди обняли, крепко пожали руки и вышли проводить" [74].
С заданиями Ленина возвращаются в российское подполье рабочие-большевики. Киселев отправляется в Прибалтийский край, Глебов (Авилов) и Никифорова - на Украину.
Примечания:
[43] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 135.
[44] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 62.
[45] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 198.
[46] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 144.
[47] Там же.
[48] "Октябрь", 1968, № 4, с. 163-164.
[49] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 252.
[50] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, с. 288.
[51] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55. с. 349.
[52] Там же.
[53] Там же, с. 352.
[54] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 285.
[55] См. Ю. Бернов, А. Манусевич. Ленин в Кракове, с. 197.
[56] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 353.
[57] "Красный архив", 1934, т. 1 (62), с. 247.
[58] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 286.
[59] Там же, с. 291.
[60] Там же, с. 294.
[61] Там же, с. 296.
[62] Там же, с. 296 - 297.
[63] Там же, с. 302.
[64] Там же, с. 313.

[65] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, с. 148.
[66] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 287.
[67] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, с. 178.
[68] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 322.
[69] См. “История СССР”, 1970, № 2, с. 90.
[70] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 297.
[71] Там же, с. 313.
[72] Там же.
[73] “Об Ильиче. Воспоминания питерцев”. Л.. 1970, с. 235-236.
[74] “О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы”, с. 172.

Война!
В воздухе все больше пахнет порохом.
Железные дороги загружены военными перевозками, опаздывают поезда. С большими перебоями приходят письма, газеты. Не за горами день, когда вовсе закроют границу с Россией.
“Наша связь с С.-Петербургом обычным путем (через Варшаву) стала сейчас невозможна,- обращается Ленин к шведскому социал-демократу В. Янсону.- Я прошу Вас поэтому дать нам несколько хороших конспиративных адресов или один хороший конспиративный адрес в Стокгольме. Адрес должен принадлежать надежному и очень аккуратному товарищу. Желательно было бы получить постоянный адрес. Мы можем объясняться на немецком, французском или английском языках.
Этот товарищ должен будет наклеивать шведские марки на получаемые от нас письма и отправлять их в Финляндию (или С.-Петербург). Также посылать получаемые из Финляндии (или России) письма (с конвертами) по нашему адресу... Если будут телеграммы, то сообщать их по телеграфу” [75].
Это письмо уходит из Поронина 25 июля. А несколько дней спустя начинается первая мировая война.
Связь Ленина с Россией полностью прерывается. Дальнейшее пребывание в Галиции уже бесполезно. Но теперь, после объявления войны, трудно получить разрешение на выезд за границу. К тому же Ульяновы оказываются без денег. Последний перевод из России (видимо, не без вмешательства коменданта поста жандармерии в Поронине) Владимиру Ильичу не выдают.
В Белом Дунайце, в квартире Ульяновых собираются живущие сейчас в Поронине большевики. Владимир Ильич обсуждает с ними создавшееся положение.
- Необходимо во что бы то ни стало,- заявляет он,- найти новые способы продолжения работы в условиях войны. Прежде всего следует возможно скорее установить связи с Россией через товарищей в Швейцарии и Швеции. Сегодня же напишем им. Нужно во что бы то ни стало добиться восстановления регулярных сношений с Петербургом.
И в Копенгаген большевику М. Кобецкому уходит письмо Владимира Ильича.
“Вы, вероятно, окажетесь теперь, в виде исключения и притом крайне редкого, жителем невоюющей страны,- пишет Ленин,- и потому, если только почта от Вас к нам будет функционировать, Вы должны непременно информировать нас и сообщать сведения из газет, кои для нас недоступны. Конечно, только важнейшие сведения (особенно о России). Сообщите, будут ли у Вас (или есть ли уже теперь) хорошие сношения с Стокгольмом, можете ли пересылать письма, дать адрес для денег из России и т. д.” [76].
По немногим газетам, приходящим сейчас в Поронин, следит Владимир Ильич за тем, как развиваются грозные события. С тревогой, с надеждой ждет он выступления в рейхстаге немецких социал-демократов. Позиция самой влиятельной партии II Интернационала может во многом определить сейчас поведение социалистов других стран. Ибо на эту партию равняются. С нее берут пример.
Утром 5 августа Багоцкий отправляется к поезду за краковскими газетами. С волнением перелистывает страницы. Вот оно - сообщение о заседании германского рейхстага; “Военный бюджет принят единогласно”.
Багоцкий торопится к Ленину.

- Не может быть,- восклицает тот.- Вы, вероятно, неправильно поняли польский текст телеграммы.
Владимир Ильич зовет Надежду Константиновну. Пусть она подтвердит точность перевода. Но все оказывается верно.
- Это конец II Интернационала,- говорит Ленин.- С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом.
Ленинский вывод о крахе II Интернационала подтверждается событиями ближайших дней. В Австро-Венгрии, где застает Ульяновых война, лидеры социал-демократии не голосуют, правда, за военные кредиты, но только потому, что... распущен парламент.
Одобрение же военных кредитов в германском рейхстаге центральный орган австрийских социал-демократов "Арбайтер цайтунг" восторженно приветствует. Волна шовинизма захлестывает и Францию. И там социалисты в парламенте голосуют за военные кредиты, за введение осадного положения, за установление строжайшей цензуры. Взяться за оружие для "защиты отечества", прекратить антивоенные демонстрации призывают трудящихся лидеры Бельгийской рабочей партии. И чтобы еще более подчеркнуть единство якобы всех классов перед лицом германской агрессии, глава этой партии - председатель Международного социалистического Бюро II Интернационала Эмиль Вандервельде входит в состав королевского правительства. Открыто шовинистическую позицию занимают также вожди британских тред-юнионов. И лидеры социалистических партий нейтральных стран - Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландов, узнает из газет Ленин, вотировали так называемые мобилизационные кредиты, предназначенные будто бы для "охраны нейтралитета".
Владимира Ильича убеждают:
- Война продлится не дольше трех -шести месяцев. Но он решительно возражает:
- Да подумайте только! Ведь это борьба величайших империалистических государств, борьба не на живот, а на смерть. Могут ли они признать себя побежденными, не исчерпав всех средств? Раньше каких-нибудь трех лет эта война, наверное, не кончится...
Обстановка в Поронине становится между тем все более напряженной. Объявлена мобилизация. Каждые несколько часов появляются грозные предписания военных властей. "Местное гуральское (горное) население,- расскажет Крупская,- совершенно было подавлено... С кем война, из-за чего война - никто ничего не понимал, никакого воодушевления не было, шли, как на убой. Наша хозяйка, владелица дачи, крестьянка, была совершенно убита горем - у нее взяли на войну мужа. Ксендз с амвона старался разжечь патриотические чувства. Поползли всякие слухи, и шестилетний соседский мальчонка из бедняцкой семьи, постоянно околачивавшийся у нас, таинственно сообщил мне, что русские - ксендз это говорил - сыплют яд в колодцы" [77].
Одурачить местное население стремится не один лишь ксендз. На митинге, где аптекарь, мясник, почтальон, какой-то военный и местный жандарм произносят пламенные речи в защиту "дорогой австро-венгерской монархии", популярно разъясняется:
- Шпионы - это подосланные нашими врагами темны) люди, которые пытаются убивать нас, отравлять наши колодцы... Они повсюду появляются, делают снимки наших дорог, наших крепостей... Вида они незаметного. Они прокрадываются в квартиры через двери, через окна и все выслеживают! Будьте бдительны. Лишь только заметите каких-либо подозрительных лиц, сейчас же сообщите...
В течение нескольких дней только и слышно: то здесь, то там видели подкрадывавшегося шпиона, но, увы, поймать его не удалось. Под влиянием этих слухов дочка местного крестьянина Франтишека Булы Виктория, помогающая Надежде Константиновне по хозяйству, пишет в поронинскую жандармерию донос на Ленина.
О том, что следует за этим, сообщают записки Крупской: "7 августа к нам на дачу пришел поронинский жандармский вахмистр с понятым - местным крестьянином с ружьем делать обыск. Чего искать, вахмистр хорошенько не знал, порылся в шкафу, нашел незаряженный браунинг, взял несколько тетрадок по аграрному вопросу с цифирью, предложил несколько незначащих вопросов. Понятой смущенно сидел на краешке стула и недоуменно осматривался, а вахмистр над ним издевался. Показывал на банку с клеем и уверял, что это бомба. Затем сказал, что на Владимира Ильича имеется донос и он должен был бы его арестовать, но так как завтра утром все равно придется везти его в Новый Тарг (ближайшее

местечко, где были военные власти), то пусть лучше Владимир Ильич придет завтра сам к утреннему шестичасовому поезду. Ясно было - грозит арест, а в военное время, в первые дни войны, легко могли мимоходом укокошить” [78].
Под проливным дождем на велосипеде отправляется Ленин к застрявшему, как и он, в Поронине Ганецкому. Рассказывает о визите жандармского вахмистра:
- Обыск был довольно поверхностный. Дурак, всю партийную переписку оставил, а забрал мою рукопись по аграрному вопросу. Статистические таблицы в ней принял за шифр. Хорошо, что переписку не взял. Там и адреса и другие конспиративные вещи. А жаль рукописи: не закончена, не затерялась бы... Да, в хламе нашел какой-то браунинг, я не знал даже, что имеется... Как думаете, арестуют завтра в Новом Тарге или отпустят?
- Положение неважное,- встревожен Ганецкий.- Глупый жандарм подозревает в шпионаже,- пожалуй, арестуют.
Надо принимать срочные меры.
Ленин телеграфирует в Краков, директору полиции: "Здешняя полиция подозревает меня в шпионаже. Жил два года в Кракове, в Звежинце и 51 ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин старосте Новый Тарг во избежание недоразумений.
Ульянов” [79]
Телеграфирует в Краков и Ганецкий. Он сообщает депутату парламента социал-демократу доктору Зыгмунту Мареку: над Лениным нависла угроза.
Ответы приходят спустя несколько часов. Директор полиции уведомляет жандармского вахмистра, что не имеет каких-либо оснований для обвинения Ульянова в шпионаже. Ганецкому телеграфирует доктор Марек: им предприняты соответствующие шаги. Копии этих телеграмм идут и в адрес старосты Нового Тарга.
И все же с шестичасовым утренним поездом Ленина доставляют в Новый Тарг. Вместе с задержанным жандармский вахмистр Леон Матыщук передает старосте донесение. В нем то, что известно ему о проживающем с 6 мая нынешнего года в Белом Дунайце в доме Терезы Скупень русском подданном Владимире Ульянове:
“Вышеупомянутый Ульянов является литератором и показывает, что из-за политических преступлений вынужден был бежать из России, после чего проживал в Швейцарии, а последние два года пробыл в Кракове и отчасти в Белом Дунайце, куда уезжал на лето. Произведенным расследованием установлено, что вышеупомянутый Ульянов проживал также в предыдущем году в волости Белый Дунаец, где согласно сообщению Виктории Була, дочери Франца из Белого Дунайца, которая в свое время у него служила, у него происходили разные совещания с другими русскими подданными, причем иногда количество их было так велико, что даже сени были переполнены слушателями. С момента объявления мобилизации жители стали с большим вниманием следить за поведением чужих, и начали ходить слухи, что Ульянов, должно быть, шпион, так как он будто ходит на окрестные возвышенности, делает съемки с дорог и т. п.”. Однако сам вахмистр относится к этим слухам критически. И далее сообщает, что “все это - неправда, ни один свидетель этого не показал, а заявляют лишь, что его видели только гуляющим по возвышенностям”.
Не дал каких-либо компрометирующих данных и произведенный у Ульянова обыск: “…не обнаружено ничего, что бы указывало на занятие его шпионажем, установлено лишь, что он поддерживает постоянную корреспонденцию с лицами, проживающими в Петербурге, а также с находящейся там редакцией газеты “Правда”, в которой будто бы состоит сотрудником”. Впрочем, обнаружены все же у Ульянова три тетрадки. Они “содержат, - пришел к заключению Матыщук, - различные сопоставления Австрии Венгрии и Германии”. Эти тетради с записями Владимира Ильича по аграрному вопросу, со статистическими таблицами вахмистр представляет на всякий случай начальству. Может быть, цифры и таблицы, которыми заполнены тетради, и есть шифрованные шпионские записи?
Вахмистр объясняет в донесении, что доставляет Ульянова в Новый Тарг “ввиду того, что вышеупомянутый, за исключением удостоверения личности, составленного на французском языке, никаких других документов не имеет, далее, что никто не может установить, не является ли его деятельность вредной для государства, так как в настоящее время русские

имеют с ним совещания", а также ввиду возможных предположений, что Ульянов, "поддерживая связи с разными индивидуумами, может также передавать другие детали, касающиеся Австрийского государства" [80].
Ленина арестовывают по подозрению в шпионаже. В условиях военного времени это чревато серьезными последствиями.
Его заключают в тюрьму Нового Тарга. И надзиратель делает в книге запись о новом обитателе пятой камеры, об отобранных у него вещах: "8. VIII. 11 ч. утра. Владимир Ульянов, уроженец России, лет 44, православного вероисповедания, русский, эмигрант, 91 крона 99 геллеров, черные часы, ножик" [81].
Несколько часов спустя, узнав об аресте Ленина, о предъявленных ему нелепых обвинениях, Ганецкий устремляется в Новый Тарг. Он добивается приема у старосты.
- Вы только что арестовали Ульянова,- заявляет ему Ганецкий.- Вы не отдаете себе отчета в вашем решении. Вы арестовали известного в мире вождя российской революции. Как такого человека можно заподозрить в шпионаже? Вы должны его немедленно выпустить.
- Как вы смеете делать мне подобные указания?! - кричит в ярости староста.- А вы кто такой?!
- Я... гражданин Поронина и являюсь к вам с протестом от всех видных граждан Поронина и Закопане. Все мы возмущены арестом Ульянова и настаиваем на его освобождении... Нам стало известно, что вы получили телеграмму от директора полиции в Кракове и от депутата парламента Марека... Имя Ульянова, его псевдоним Ленин хорошо известны и в Вене. Вряд ли Вена одобрит ваше поведение. Я еще раз советую освободить его, иначе у вас будут неприятности...
- Телеграммы эти я действительно получил,- признается староста.- Но ни директор полиции, ни Марек мне не указ. Сейчас война, я облечен военными полномочиями и должен действовать по-военному... То, что Ульянов социал-демократ, ничего не значит.
Следующий визит Ганецкого - к судебному следователю Пешковскому. Тот ведет допрос Ленина, начатый уездным комиссаром Гловинским.
- Он сейчас занят и вас принять не может,- заявляют Ганецкому.
Но Ганецкий настаивает. Он должен немедленно видеть следователя.
И тот вынужден выйти к нему.
- Этот человек,- говорит он о Ленине,- весьма меня заинтересовал... Создает впечатление благородного, и никак нельзя его заподозрить в шпионаже. Наш староста раздул дело. Ведь он передал дело одновременно в военный суд. И военные будут решать, и это уже весьма серьезно. Советую нам немедленно поехать в Краков и там энергично действовать.
Следователь говорит правду. В его столе лежит полученное от старосты официальное отношение: "Передается для дальнейшего производства по поводу подозрения в шпионаже... Одновременно уведомляю, что об указанном деле ставлю в известность Императорско-Королевский Генеральный Штаб 1-го Корпуса Краковского Гарнизона, далее, президиум Императорско-Королевского наместничества в Львове и дирекцию полиции в Кракове и Львове" [82].
Владимир Ильич сидит в тюрьме, а Надежда Константиновна вместе с друзьями принимает срочные меры для его спасения.
В адрес депутата австрийского парламента социал-демократа В. Адлера уходит ее полное тревоги за судьбу Ленина письмо:
"Уважаемый товарищ! Мой муж Владимир Ульянов (Ленин) арестован в Поронине (Галиция) по подозрению в шпионаже. Здесь население очень возбуждено и в каждом иностранце видит шпиона. Само собою разумеется, что при обыске ничего не нашли, но тетради с статистическими выписками об аграрном вопросе в Австрии произвели на здешнего жандарма впечатление. Он арестовал моего мужа и препроводил его в Ней-Маркт (Новый Тарг.). Там его допросили, и нелепость всех подозрений сейчас стала очевидной для гражданских властей, но они не хотели взять на себя ответственность освободить его и все бумаги послали к прокурору в Ней-Зандец (Новый Сонч.), где дело прекращено и передано военным властям. Может быть, прокурор тоже не захочет взять на себя ответственности, и тогда арест может продолжаться несколько недель... Поэтому очень прошу Вас, уважаемый товарищ, помочь моему мужу. Вы знаете его лично; он был, как Вы знаете, долгое время членом Международного бюро и хорошо известен Интернационалу. Я

попросила бы Вас отправить настоятельную телеграмму прокурору в Ней-Зандец, что хорошо знаете моего мужа, причем можете уверить, что это - недоразумение. Просите также прокурора, в случае, если бумаги уже переданы военным властям, переотправить последним Вашу телеграмму. Телеграмма, что мой муж стоит вне подозрения в шпионаже, прибыла здешнему жандарму от Краковской полиции, но слишком поздно, когда мой муж был уже отправлен в Ней-Маркт, туда уже прибыла телеграмма от депутата Рехстрата, тов. Марека, но не знаю, будет ли это достаточно. Я уверена, что Вы и еще другие австрийские товарищи сделают все возможное, чтобы содействовать освобождению моего мужа.
С партийным приветом
Надежда Ульянова" [83].
Каждый день шестичасовым поездом ездит Надежда Константиновна в Новый Тарг. Через час она уже на месте. До одиннадцати гуляет по улицам, затем - часовое свидание. Владимир Ильич рассказывает о тех, с кем оказался заточенным в тюрьме. Сидит с ним много местных крестьян. 84 Одних арестовали за то, что паспорт просрочен. Других - за то, что налог не внесли или за препирательство с местной властью. Сидят с Владимиром Ильичей и какой-то француз, и чиновник-поляк, ради дешевизны проехавшийся по чужому полупаску, и цыган, перекликающийся через стену тюремного двора с женой. "Ильич,- расскажет Крупская,- вспомнил свою шушенскую юридическую практику среди крестьян, которых вызволял из всяких затруднительных положений, и устроил в тюрьме своеобразную юридическую консультацию, писал заявления и т. п. Его сожители по тюрьме называли Ильича "бычий хлоп", что значит "крепкий мужик"... В этой уголовной тюрьме по ночам, когда засыпало ее население, он обдумывал, что сейчас должна делать партия, какие шаги надо предпринять для того, чтобы превратить разразившуюся мировую войну в мировую схватку пролетариата с буржуазией. Я передавала Ильичу те новости о войне, которые удавалось добыть" [84].
Десятки людей обеспокоены уже судьбой Ленина. "Вернувшись в Поронин,- сообщает Матыщук,- я не имел ни одной свободной минуты, потому что целый день приносили телеграмму за телеграммой" [85]
В защиту Ленина выступают многие представители польской интеллигенции. Крупный закопанский медик и общественный деятель Анджей Храме просит освободить Ульянова, предоставить ему возможность покинуть пределы монархии. Шлет телеграммы и письма директор закопанского санатория доктор Казимеж Длуский. Приезжают к старосте в Новый Тарг писатель Владислав Оркан, поэт Ян Каспрович. Ленину стремится помочь адвокат из Нового Сонча Герш Сыроп. Петицию к австрийским властям препровождает Стефан Жеромский. Энергично действует доктор Марек.
Об аресте Ленина узнают вскоре и в России. "Русское слово" сообщит, что в числе арестованных русских "находится известный социал-демократ Ленин, задержанный в Кракове" [86]. Это вызовет тревогу у родных, в большевистских кругах. Она усугубится тем, что русские войска уже недалеко от Кракова и при их успешном наступлении Владимир Ильич может оказаться в руках царской полиции. И опасения обоснованны, ибо полиция на сей счет примет вскоре соответствующие меры. Товарищ министра внутренних дел сообщит командующему Юго-западным фронтом русской армии, что Ленин, являющийся выдающимся представителем РСДРП и имеющий "за собой долголетнее революционное прошлое... состоит членом ЦК партии и создателем отдельного течения партии". Посему, в случае занятия Кракова, он должен быть арестован и препровожден "в распоряжение Петроградского градоначальства" [87].
Но борьба за освобождение Ленина принимает все больший размах.
16 августа. Министр внутренних дел Австро-Венгрии принимает депутата австрийского парламента В. Адлера. Тот настаивает: господин Ульянов должен быть немедленно освобожден.
- А вы уверены в том,- спрашивает министр,- что он действительно серьезный, непримиримый враг русского царизма?
- Убежден, ваше превосходительство,- заверяет Адлер,- что он гораздо более серьезный враг его, чем такой, как вы.
17 августа. В этот день из Вены в Краков уходит официальное отношение. Министерство внутренних дел уведомляет краковскую полицию:

“Члены парламента д-р Адлер и д-р Диаманд явились сюда и заявили следующее: Ульянов, решительный противник царизма, посвятил свою жизнь борьбе против русских властей, и, если бы он появился в России, с ним поступили бы по всей строгости и, возможно, казнили бы. Он пользуется европейской известностью благодаря своей борьбе против русского царизма. Д-р Адлер (Вена, VI район, Блюмельд № 1) и д-р Диаманд (Львов, в данное время - Вена, XIX район, ул. Бильрота, № 18) ручаются, что Ульянов не шпион. Они могут дать о нем исчерпывающие сведения и предлагают свои услуги как сведущие лица.
Статистические работы (цифры и сводки), которые были найдены у Ульянова, относятся, по мнению названных депутатов, к аграрному вопросу, над которым работал Ульянов. Производит впечатление, что д-р Адлер и д-р Диаманд говорят правду” [88].
18 августа. В “Деле по обвинению Ульянова Владимира в преступлении по ст. § 321”, заведенном военным прокурором императорско-королевского военного командования, появляются новые записи:
“Сущность дела. Владимир Ульянов обвиняется в том, что после мобилизации занимался шпионажем.
Предложение прокурора. Согласно устному заявлению здешней разведки, совершенно исключено, что обвиняемый занимался шпионажем. Предлагаю отказаться от обвинения согласно § 138 и за отсутствием данных для преследования.
Решение коменданта. Согласен. 18/VIII...
Исход дела. Дан телеграфный приказ об освобождении” [89].
19 августа. 9 часов 35 минут. Военный прокурор телеграфирует из Кракова в Новый Тарг, в окружной суд: “Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению” [90].
И спустя несколько часов из Нового Тарга отвечают: Ульянов выпущен на свободу.
Ленин смеется, когда рассказывает потом друзьям, с каким почтением разговаривали с ним представители власти, выпуская его из тюрьмы. Они извиняются за причиненную неприятность. Они поражены таким исходом дела.
“С утра я, по обыкновению, была в Новом Тарге,- рассказывает Крупская,- на этот раз меня даже пустили в тюрьму помочь взять вещи; мы наняли арбу и поехали в Поронин” [91].
Еще за несколько дней до того, при свидании, Владимир Ильич сказал ей:
- Недостаточно освободить меня из тюрьмы. Я в Поронине ни в коем случае остаться не могу. Следует во что бы то ни стало добиться разрешения на выезд из Австрии в Швейцарию. Добейтесь разрешения, нельзя остаться в воюющей стране, никакая работа здесь невозможна.
Пока нет еще разрешения покинуть Австрию. Но уже готовятся к отъезду Ульяновы. Прежде всего следует позаботиться о библиотеке и рукописях Владимира Ильича, об архиве Заграничного бюро ЦК РСДРП. Позаботиться о том, что находится здесь, в Белом Дунайце, и о том, что осталось в Кракове. Ведь взять все это с собой, перевезти через границу невозможно.
Проходит неделя.
Наконец уведомляют Владимира Ильича, что дано ему разрешение приобрести три билета - для себя, Надежды Константиновны и ее матери “в поезде железной дороги по воинскому расписанию от станции Поронин до станции Вена через Краков” [92]. Все книги, все рукописи, которые оказались тут, в Белом Дунайце, уже упакованы. Самые ценные документы и рукописи уложены в большие жестяные банки из-под конфет. Их запаяли и передали польским социал-демократам, чтобы те спрятали эти материалы в надежном месте (Эти материалы пока разыскать не удалось.).
А затем - три дня в Кракове. В ящики укладывается то, что оставлено было тут перед отъездом в Белый Дунаец, - книги, газеты, письма, рукописи Владимира Ильича, его заметки, проекты решений, партийные документы. И ящики прячут на чердаках двух домов по улице Любомирского *.
Целую неделю едут Ульяновы до швейцарской границы.
“Долго стояли на станциях, пропуская военные поезда,- расскажет об этих, проведенных в поезде, днях Надежда Константиновна.- Наблюдали шовинистскую агитацию, которую вели монахини и группировавшийся около них женский актив. На вокзалах они раздавали солдатам какие-то образки, молитвы и т. п. Ходила по вокзалам вылощенная военщина” [93].

* Гражданская война, напряженные отношения между Советской Россией и буржуазно-помещичьей Польшей в течение ряда лет не дали возможности заняться выяснением судьбы архива. Первые попытки были сделаны по указанию Ленина в 1921 году. На чердаках домов по улице Любомирского ящиков не оказалось. Только значительно позднее удалось получить из Польши часть книг ленинской библиотеки, некоторые архивные материалы и несколько десятков автографов Владимира Ильича. А после второй мировой войны в Польше была найдена и доставлена в Советский Союз большая часть краковско-поронинского архива Ленина.

Примечания:

[75] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 48, с. 327.
[76] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 1.
[77] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 239.
[78] Там же.
[79] В.И. Ленин, Полн. собр. соч.. т. 49, с. 2.
[80] Ленинский сборник II, с. 175.
[81] Там же, с. 177.
[82] Там же, с. 176.
[83] Там же, с. 179.
[84] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 240-241.
[85] См. В. Найдус. Ленин в Польше, с. 153.
[86] “Русское слово” № 181, 8(21) августа 1914 г.
[87] “Красный архив”, 1939, № 1, с. 48.
[88] Ленинский сборник II, с. 180.
[89] “Дон”, 1965, № 4, с. 155.
[90] Ленинский сборник II, с. 180.
[91] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 241.
[92] См. “Дон”, 1965, № 4, с. 156.
[93] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 242-243.

"Безусловная и открытая борьба"

И вот Ленин - в Берне. Он сообщает об этом родным, друзьям, соратникам.

6 сентября, в Женеву, В. Карпинскому: “Вчера приехал сюда со всей фамилией благополучно, после краткого австрийского пленения... Думали устроиться в Женеве, куда тянут все старые симпатии. Но здесь начались колебания в сторону Берна... Есть ли в Женеве товарищи большевики еще? в том числе едущие в Россию? Большой привет от всех нас...” [94]

9 сентября, в Поронин, В. Тихомирнову: “Дорогой друг! Мы благополучно прибыли сюда и остаемся в Берне... Напишите, пожалуйста, о своем здоровье и литературных работах” [95].

15 сентября, в Москву, секретарю редакции изданий Гранат: “...Извещаю Вас о перемене моего адреса. Только что высвободившись из маленького пленения в Австрии, я буду жить теперь в Берне. Известите, пожалуйста, о получении этого письма и о сроке представления статьи...” [96]

Ранее 28 сентября, в Лез-Аван (Швейцария), И. Арманд: “Остаемся в Берне. Маленький скучный городишко, но... лучше Галиции все же и лучшего нет!! Ничего. Приспособимся. Шляюсь по библиотекам: соскучился по ним” [97].

Позднее, когда представляется возможность отправить письмо в российскую столицу - с начала войны зовется она не Петербургом, а Петроградом,- Владимир Ильич пишет сестре Анне.

“Пленение мое было совсем короткое,- сообщает Владимир Ильич,-12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще “отсидка” была совсем легонькая, условия и обращение хорошие. Теперь понемногу осмотрелся и устроился здесь. Живем в 2-х меблированных комнатах, очень хороших, обедаем в ближней столовке... Пришлось только бросить часть (большую, почти все) книг в Галиции... боюсь очень за их судьбу” [98].

Прибыв в Берн, Ленин сразу же на квартире у Шкловского - секретаря местной группы большевиков - встречается с ее членами. Сюда приходит Каспаров, через которого ведется

переписка с некоторыми российскими организациями партии. С ним М. Гоберман, появившийся в Швейцарии после сибирской ссылки.
Ленин забрасывает их вопросами:
- Что думает о войне Мартов?
- Верно ли, что Плеханов одобряет голосование социалистов за военные кредиты?
- Как относятся к войне швейцарские социалисты?
- Как относятся к войне местные меньшевистская и эсеровская группы?
Вечером - новая встреча. На сей раз в кафе. И снова Ленина особенно интересует позиция живущих в Швейцарии русских:
- Верно ли, что Плеханов произнес в Париже напутственную речь перед уходящими на фронт русскими эмигрантами? Где это сообщение напечатано?
"Эмигрантские столовая и кафе Берна,- узнаем от Гобермана,- превратились с первых же дней войны в место толков, слухов, предположений. Здесь происходили горячие споры о характере войны, о патриотизме. Эсеры и большинство меньшевиков занимали оборонческую позицию. Мы с ними вели борьбу... Но глубоко обосновать свою интернационалистскую позицию у нас силенок не всегда хватало... Как хотели мы тогда знать позицию Ленина!" [99]
На другой день после приезда Ленина бернские большевики решили собраться для откровенного разговора не в кафе, а в лесу. Приходят Крупская, Каспаров, Самойлов, Шкловский, Гоберман, Сафаров и другие. Располагаются кто на траве, кто на пнях, кто прислонившись к дереву. Держа в руках небольшие листочки и лишь изредка заглядывая в них, Владимир Ильич излагает свои взгляды на характер войны, на отношение к ней интернационалистов.
В бернском лесу Ленин оглашает тезисы "Задачи революционной социал-демократии в европейской войне". Это - первый написанный им документ об отношении большевиков и международной социал-демократии к мировой войне. Ленин утверждает в нем:
"Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабочих в одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии- таково единственное реальное содержание и значение войны" [100].
Ленин клеймит лидеров немецкой, бельгийской, французской социал-демократии. Их поведение ничем не может быть оправдано, а измена социализму большинства вождей II Интернационала означает его идейно-политический крах.
Владимир Ильич разоблачает шовинистов, статьями которых заполнена мировая печать. Он пишет: "...когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом во главе и крупная буржуазия Германии всегда пели политику защиты царской монархии и не преминут, при всяком исходе войны, направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая - угнетает датчан, поляков и французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну с Бельгией и Францией ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который ей казался наиболее удобным для использования последних ее усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой Польшей военной программы Россией" [101].
Ленин призывает в тезисах к всесторонней, распространяющейся и на армию пропаганде социалистической революции, говорит о необходимости направить оружие против буржуазных правительств и буржуазных партий всех стран. Он зовет к беспощадной борьбе с шовинизмом и "патриотизмом" мещан и буржуа. Зовет к борьбе с царской монархией, к революции. Он ставит задачу "освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-часового рабочего дня" [102].
Тезисы Ленина становятся резолюцией бернского совещания. Под ними ставится подпись: "Группа социал-демократов, членов РСДРП". Тезисы переписываются от руки в

нескольких экземплярах, рассылаются другим заграничным секциям большевиков. В российскую столицу их нелегально доставляет находившийся в Швейцарии на лечении депутат Думы большевик Самойлов. С ними знакомятся члены большевистской фракции. Их обсуждают в районах, на крупнейших предприятиях столицы. Обсуждают в Москве, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Вологде, Красноярске, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Баку, Тифлисе и других городах. И всюду они получают горячее одобрение. Рабочие принимают резолюции об отношении к войне, полностью совпадающие с тезисами.

А Владимир Ильич каждое утро покидает дом на маленькой, чистенькой улочке Дистельвег. Дом, в котором на втором этаже у гладильщицы Ульяновы сняли две небольшие комнатки. Он ходит на Кесслергассе, где расположена городская и университетская библиотеки, на Архивштрассе - в Национальную библиотеку. С самого начала войны Ленин не видел немецкие, французские, швейцарские, итальянские газеты и журналы. Они помогают ему уяснить состояние дел в европейских социал-демократических партиях. “Совершенно невыносимо читать немецкие и французские (“L'Humanite”!! (“Юманите” в годы первой мировой войны, находясь в руках крайне правого крыла французской социалистической партии, занимала социал-шовинистическую позицию.)) социалистические газеты!! - пишет Владимир Ильич Арманд.- Крайний “шовинизм”! Я боюсь, что современный кризис заставил многих, слишком многих социалистов потерять голову (если можно так выразиться) и что в конечном итоге в этом необычайном “позоре” европейского социализма виноват оппортунизм” [103].

В тетради и на отдельных листках Ленин делает выписки. Самое важное подчеркивает красным и синим карандашами. Двумя-тремя словами комментирует прочитанное. Помечает книги на военную тему: их следует проштудировать тотчас же.

В эту пору, пишет Крупская, “кругом враждебное море”, вся русская буржуазия и эсеро-меньшевистская эмиграция “охвачена угаром шовинизма” [104]. Растерянность, констатирует Ленин, среди российских социалистов немалая. И усугубляется она “преследованиями царизма, поведением “европейцев”, переполохом войны” [105].

Позднее, работая над статьей “Что же дальше? (о задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму)”, Ленин охарактеризует обстановку, которую застал после приезда из Галиции: “Месяцы сентябрь и октябрь были тем периодом, когда в Париже и в Швейцарии, где было всего больше эмигрантов, всего больше связей с Россией и всего больше свободы, наиболее широко и полно шла в дискуссиях, на рефератах и в газетах новая размежевка по вопросам, поднятым войной. Можно с уверенностью сказать, что не осталось ни одного оттенка взглядов ни и едином течении (и фракции) социализма (и почти-социализма) в России, которые бы не нашли себе выражения и оценки” [106].

Ленин стремится разобраться: кто с кем и кто куда идет?

Прежде всего, какова позиция Плеханова? Действительно ли он стал оборонцем? И когда Ленину сообщают, что в Лозанне меньшевики организуют плехановский реферат, он сразу же решает: надо обязательно туда съездить.

И вот Ленин в зале Народного дома. Плеханов на трибуне. Ленин аплодирует ему после первой части реферата. Демонстративно одобряет он непримиримость, с какой обрушился тот на немецкую социал-демократию.

- Да, с немцами он хорошо расправился,- отмечает Владимир Ильич,- а вот что он скажет о французах?

Плеханов говорит о них после перерыва. Увы, говорит совсем с иных позиций. Развивает оборонческую точку зрения. И теперь уже нет у Ленина сомнений в отношении Плеханова к войне.

Он дает ему открытый бой.

- Плеханов вполне правильно критиковал германских социалистов за их поддержку кайзера и войны,- заявляет, выступив после него, Ленин.- Но защищать подобные же действия французских патриотов, оправдывать участие их в правительстве, принимать всерьез мошеннические выдумки о нападающей и обороняющейся стороне - недостойно революционного марксиста... Нет, честный социалист не последует совету Плеханова... Он в первую очередь будет обличать оппортунистов своей страны, бороться со своим правительством...

Ленин говорит об империалистическом характере первой мировой войны. Заявляет, что покончить с ней можно, лишь превратив ее в гражданскую войну пролетариата против буржуазии. И этого достаточно, чтобы слушатели поняли: в оценке характера войны и задач международной социал-демократии между большевиками и меньшевиками - непроходимая пропасть.
В этот вечер Владимир Ильич пишет в Женеву Карпинскому: “Сегодня я говорил здесь на реферате Плеханова против его шовинизма. Собираюсь читать здесь реферат во вторник. Хотел бы читать в Женеве (Европейская война и европейский социализм) в среду. Устройте, обсудив дело,-по возможности конспиративнее, т. е. чтобы не требовалось разрешения (конечно, желательно также, чтобы было maximum публики). Как это сделать, Вам виднее. Соединить maximum публики с minimum'ом полицейской огласки и полицейского вмешательства (или полицейской угрозы)” [107].
И наступает вторник. Здесь же в Лозанне, в Народном доме, выступает Ленин с рефератом “Пролетариат и война”. Присутствующий в зале корреспондент парижского “Голоса” отметит в своей газете, что “доклад Ленина состоялся при большом стечении публики” [108].
О чем же говорит в этот вечер Владимир Ильич? Из записей, сделанных корреспондентом, мы узнаем: о характере идущей сейчас войны, об отношении к ней социалистов.
Вновь, как и на реферате Плеханова, заявляет Владимир Ильич: “Настоящая война - империалистическая, и в этом ее основной характер” [109].
Он повторяет то же, что заявлял в этом зале три дня назад:
- Социалисты, не давшие себе отчета в том, что данная война есть империалистическая, не рассматривающие ее исторически, ничего в этой войне не поймут... [110]
Он анализирует позиции, занятые ныне социалистами разных стран. И призывает:
- Раз война началась, уйти от нее немыслимо. Надо идти и делать свое дело социалиста. На войне люди думают и задумываются, пожалуй, еще более, чем “дома”. Нужно идти туда и организовывать там пролетариат для конечной цели, так как утопия думать, что пролетариат пройдет к ней мирным путем [111].
Сутки спустя Ленин снова читает реферат. На сей раз уже в Женеве. А вскоре выступает в Монтрё. Затем в Цюрихе, в переполненном зале “Айнтрахт”.
Здесь, в Цюрихе, Владимира Ильича слушает Р. Харитонова - член местной секции большевиков. Она расскажет много лет спустя об этом ленинском реферате:
“Яркая интернационалистическая позиция, занятая В. И. Лениным против империалистической войны, его уничтожающая критика социал-предателей II Интернационала, заостренная особенно против идеолога социал-предательства К. Каутского, большевистские лозунги: превращение империалистической войны в гражданскую войну против господствующих классов, поражение своего правительства в империалистической войне и призыв к созданию III Интернационала - поразили присутствующих, как яркие молнии па черном грозовом небе.
Когда В. И. Ленин окончил доклад, в зале поднялся невероятный шум. Противники рвались к трибуне. Были объявлены прения, которые продолжались до наступления комендантского часа и весь следующий вечер. Первым и ведущим оппонентом выступил Троцкий, который начал свою речь с защиты Каутского. Он нападал на Ленина, назвавшего Каутского предателем дела рабочего класса. Он резко выступил против лозунга “Поражение своего правительства”. Заодно с ним и другие меньшевики, выступавшие в прениях, пугали нас тем, что в случае поражения Россия придет к полному развалу, развитие промышленности остановится, пролетариат погибнет и некому будет совершить революцию против царизма. Они выдвигали лозунг: “Сначала победа, а потом революция”” [112].
Везде рефераты Ленина вызывают бурные дебаты. Везде самые яростные возражения раздаются со стороны меньшевиков, троцкистов, бундовцев, анархистов. Но чем громче и враждебней звучат речи противников, тем спокойнее становится Ленин. Именно в эти дни на одном из листков сто блокнота появляется запись о том, что должны прежде всего делать в военную пору революционные социалисты:
“Не вотировать кредиты
бороться с шовинистами своей страны
не ограничиваться легальностью

пропагандировать гражданскую воину" [113].
Газеты не могут обойти молчанием рефераты, привлекшие всеобщее внимание. И берлинская "Форвертс", и венская "Арбайтер цайтунг" публикуют о них отчеты. Но извращают в своих сообщениях то, что говорилось на самом деле. И Ленин пишет в редакции этих газет возмущенные письма. Он заявляет, что опубликованные ими заметки создают впечатление, будто бы он ограничился в рефератах полемикой против царизма. "В действительности же я, будучи убежден, что долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны,- пишет Ленин,- резко нападал на царизм и в связи с этим говорил о свободе Украины. Но смысл моих рассуждений совершенно извращается, если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии. Девять десятых моего двухчасового реферата были посвящены этой критике" [114].
Ленин просит опубликовать "указанные дополнения" [115]. И редакция "Форвертса" вынуждена будет на это пойти. 22 ноября она опубликует краткую заметку, в которой сообщит: Ленин критиковал в реферате позицию немецкой и австрийской социал-демократии и заявил о крахе II Интернационала.
А еще до этого, в октябре, Ленин из Берна через представителя Центрального Комитета в Стокгольме передает в Петроград: "Надо вести сейчас принципиальную линию. У рабочих Питера лучшие чувства - вражда к изменникам немецкой социал-демократии. Всеми силами надо поддержать и закрепить это чувство и сознание в твердую решимость борьбы с международным оппортунизмом" [116].
Шесть дней спустя Ленин узнает из пришедшего к нему письма о забастовках и демонстрациях рабочих за Невской заставой, на Выборгской стороне, в других районах Петрограда- о демонстрациях, направленных против империалистической войны. "Корреспонденция в ЦО выйдет отсюда отличная" [117],- отмечает Ленин. Эту корреспонденцию он опубликует вскоре в "Социал-демократе".
Возобновление выхода центрального органа партии сейчас, считает Ленин,- вопрос первостепенной важности. Во время войны большевики особенно жестоко преследуются царским правительством; арестовано много членов партийных организаций Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Тулы, Костромы, Самары, Риги, Одессы, Киева, Баку и других городов; сосланы на каторгу тысячи передовых рабочих, репрессиям подверглись все большевистские издания. В таких трудных условиях "Социал-демократ" поможет сплотить большевистские силы, развернуть широкую пропаганду антивоенной программы. Вот почему уже на второй день после приезда в Берн запросил Владимир Ильич находящегося в Женеве В. Карпинского, заведующего библиотекой и архивом ЦК РСДРП: "А типография? Есть ли русская? Можно ли теперь издать листок и т. п.? по-русски? с особыми предосторожностями пли как прежде (против войны, конечно, и против националистов нового типа, от Гаазе до Вандервельда и Геда - все сподличали!)" [118]. И вот спустя короткое время в Женеве уже нее готово для возобновления издания "Социал-демократа". Ленин пишет в Стокгольм: "Оппортунисты - зло явное... Наша задача теперь - безусловная и открытая борьба с оппортунизмом международным и с его прикрывателями (Каутский). Это мы и будем делать в Центральном Органе, который выпустим вскоре... Надо изо всех сил поддержать теперь законную ненависть сознательных рабочих к поганому поведению немцев (германских социал-демократов.) и сделать из этой ненависти политический вывод против оппортунизма и всякой поблажки ому. Это - международная задача. Лежит она на нас, больше некому. Отступать от нее нельзя. Неверен лозунг "простого" возобновления Интернационала... Неверен лозунг "мира"-лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну... Не саботаж войны, не отдельные, индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди "штатских"), ведущая к превращению воины в гражданскую воину" [119].
В России этот лозунг означает борьбу против царизма, за победу буржуазно-демократической революции как исторически неизбежного этапа на пути к революции социалистической. И вытекает из этого лозунга то, к чему зовет Ленин: "...наименьшим злом было бы теперь и тотчас - поражение царизма в данной войне" [120]. Такова тактика большевиков.

Ленин излагает ее в манифесте “Война и российская социал-демократия”. Он пишет его на основе своих же тезисов о войне и посылает Карпинскому для 33-го - первого после возобновления - номера “Социал-демократа”. От имени Центрального Комитета РСДРП он провозглашает: “Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата - таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны” [121].
Ленин разоблачает попытки империалистов выдать развязанную империалистическую войну за национально-освободительную, справедливую, оборонительную. Он выдвигает в манифесте те же лозунги революционного пролетариата, которые отстаивал и отстаивает в своих рефератах.
Проходит некоторое время. И с удовлетворением встречает Владимир Ильич сообщение из Стокгольма, что “ЦО получен и пойдет куда следует” [122]. А “куда следует” - это главным образом в Россию. Разными путями переправляют туда большевистскую газету.
В Петроград, Г. Петровскому, доставляют ноябрьским утром из-за рубежа письмо. А с ним - пару ботинок. Курьер - молодая латышка - предлагает сорвать с каблуков набойки. Проделав эту операцию, Петровский обнаруживает два экземпляра 33-го номера “Социал-демократа” с манифестом ЦК РСДРП “Война и российская социал-демократия”. “Собрали совещание...- расскажет Петровский.- Мы прочитали 33-й номер “Социал-демократа”, и я положил его в карман. Совещание уже заканчивалось, когда в квартиру ворвались полиция и охранники. Захватив нас неожиданно, они обыскали депутатов Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова и А. Е. Бадаева. Я и М. К. Муранов не дали себя обыскивать, часа 3-4 отстраняли от себя полицейскую банду и тем самым задерживали составление протокола, арест и обыск всей квартиры. Жандармский ротмистр и пристав несколько раз бегали к телефону, требуя помощи и директивы. Только когда приехал жандармский генерал с жандармами, нас схватили за руки и силой обыскали. Они были очень рады, когда нашли в моем кармане 33-й номер “Социал-демократа”...” [123]
Ноябрьским вечером Владимир Ильич узнает из газеты, что в Петрограде арестовано 11 человек... Что среди них 5 членов думской большевистской фракции. Верить ли этому? Может быть, газетное сообщение не соответствует действительности? Вечером же Владимир Ильич телеграфирует Карлу Брантингу - лидеру Социал-демократической партии Швеции, просит немедленно навести справки. “Беда, если да!” [124] - спустя несколько часов с тревогой пишет Ленин другому товарищу в Стокгольм.
Но приходит телеграмма от Брантинга: “...газеты подтверждают арест пяти депутатов” [125]. И Ленин снова пишет в Стокгольм: “Правительство решило, видимо, мстить РСДР Фракции и не остановится ни перед чем. Надо ждать самого худшего: фальсификации документов, подлогов, подбрасыванья “улик”, лжесвидетельства, суда с закрытыми дверями и т. д. и т. д.” [126]. Без подобных приемов правительство не добилось бы осуждения большевистских депутатов. Владимир Ильич предупреждает: “...работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее”. Но он полон уверенности: “И все же мы ее поведем! “Правда” воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей - русский ЦК партии” [127].
А несколько дней спустя - 1 декабря - Ленин читает официальное правительственное сообщение об аресте. Он тотчас же пересылает его в Женеву Карпинскому. Просит вставить в написанную ранее передовую статью подготовленного к печати номера “Социал-демократа”.
Несмотря на репрессии, ленинский манифест тайком распространяется по всей России. С него снимаются копии, делаются на них приписки, призывающие создавать и поддерживать новые нелегальные организации, пополнять их “новыми стойкими борцами за рабочее дело”.
“Колоколом маяка, указывающего верный путь в тумане” [128], называет манифест высланный с юга России в Сибирь рабочий Г. Васенко. “Набатом среди темной ночи, созывающим на борьбу всех честных пролетариев против кровавого безумия империалистической буржуазии, против предательства вождей II Интернационала, против

национал-шовинизма" [129], признает манифест другой ссыльный - большевик Ф. Врублевский. "Мы стремились как можно лучше разъяснить нашим слушателям,- сообщает А. Додонова о беседах большевиков в клубе "Разумный отдых" - единственном уцелевшем в Москве легальном рабочем клубе,- основные ленинские положения: об империалистическом характере войны, о превращении войны империалистической в войну гражданскую, о поражении царского правительства в данной войне и т. д." [130].
Номер "Социал-демократа", в котором опубликован манифест, узнаем от питерского рабочего-металлиста, большевика Т. Кондратьева, "мы зачитали до того, что нельзя было уже больше прочесть, невозможно различить буквы от заселенности и ветхости этого номера". Он пишет о том, что состоялось обсуждение манифеста в 1-м Городском районе столицы и "оно дало нам новую свежую струю, ободряло и окрыляло нас, зажигало наши сердца непреодолимым желанием двигаться дальше, не останавливаясь ни перед чем. Оно нас укрепило в мысли, что вся работа, проделанная нами, была по существу правильная..." [131]. Этот документ одобряют, а затем размножают на машинке большевики Путиловского завода. Его приветствуют большевики-железнодорожники Питера, рабочая группа Всероссийского страхового совета и другие.
Но не только русские социал-демократы должны познакомиться с большевистской программой. Ленин передает для Коллонтай: "...пусть поможет "двинуть" этот манифест на других языках" [132]. И спустя некоторое время она сделает запись в своем норвежском дневнике: "Вчера провела вечер с "молодыми" (норвежский "Союз молодежи"). Перевела им тезисы Ленина (ноябрьские). Дискутировали. Разъясняла. Чем больше вчитываешься в этот важный глубокий документ, тем положения Ленина яснее открывают путь. Это - не просто "анализ", это тактика, это действие. Это политическая программа. Прежде всего во всех странах разрыв со всеми социал-патриотами. Разрыв решительный и безжалостный. Затем направить усилия рабочего класса в каждой стране, и прежде всего в странах воюющих, против собственной буржуазии. "Не сотрудничество классов", как сейчас... а именно острейшая, беспощадная, открытая классовая борьба. Баррикады в ответ на войну. Это мне по душе" [133].
Однако при помощи не одной лишь Коллонтай намерен Ленин распространять в других странах манифест "Война и российская социал-демократия". "...Удалось поместить 13 ноября сокращенное изложение манифеста в швейцарской газете "La sentinelle" ("Часовой"), выходившей на французском языке,- вспомнит Крупская.- Ильич торжествовал. Мы послали перевод манифеста во французские, английские и немецкие газеты" [134].
Уже разошелся тираж "Социал-демократа" с текстом манифеста ЦК РСДРП. Ленин запрашивает: "Не остался ли шрифт (неразобранный)? Оказалось, издали мало" [135]. Два дня спустя он вновь обращается в Женеву: "Пожалуйста, распорядитесь напечатать еще 1000 экземпляров..." [136]
А из разных мест приходят между тем к Ленину сообщения о том, что лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий обвиняют большевиков в антипатриотизме. Чтобы разоблачить клеветников, Ленин пишет статью "О национальной гордости великороссов".
"Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости?" - спрашивает он со страниц "Социал-демократа".
И категорически заявляет: "Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов..." [137]
Эта страстная любовь к своей родине, жгучая боль за насилия над нею, величайшая гордость за тех, кто выступал в России против своих поработителей, и дают Ленину право утверждать, что, полные чувства национальной гордости, русские рабочие хотят видеть свою порабощенную страну во что бы то ни стало свободной и счастливой. Именно поэтому, заявляет Владимир Ильич, нельзя в XX столетии в Европе "защищать отечество" иначе, как "борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины;-нельзя великороссам

“защищать отечество” иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализирует, унижает, обесчещивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами” [138].
Против ленинского лозунга поражения своего правительства в войне оппортунисты выдвигают лозунг:
- Ни побед, ни поражений!
Сторонники его стоят фактически на позициях буржуазии, на позициях социал-шовинистов. Они не верят в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желают помогать развитию таких действий. И Ленин разоблачает их со страниц “Социал-демократа”. Признающие лозунг “ни побед, ни поражений”, пишет Владимир Ильич, лишь лицемерно стоят за классовую борьбу, за “разрыв гражданского мира”. На деле же они отрекаются от самостоятельной, пролетарской политики. Те, кто провозглашает лозунг “ни побед, ни поражений”, стремятся подчинить “пролетариат всех воюющих стран задаче вполне буржуазной: охранять от поражений данные империалистские правительства” [139]. Сторонники лозунга “ни побед, ни поражений” - это сознательные или бессознательные шовинисты, в лучшем случае примирительные мелкие буржуа. И во всяком случае, они враги пролетарской политики. Они сторонники нынешних правительств, теперешних господствующих классов.
Большевики выступают за мир и учитывают стремление масс к справедливому демократическому миру. “Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий - именно наш идеал,- заявляет Ленин,- но только буржуазные софисты могут обольщать им массы, отрывая этот идеал от немедленной, прямой проповеди революционных действий” [140]. Задача состоит в том, чтобы движение за мир направить в русло пролетарской, а не пацифистской борьбы, связать его с борьбой пролетариата за власть.
Не так уж просто, даже из нейтральной страны, сплачивать для этого соратников по борьбе. Когда Ленин посылал в Женеву рукопись манифеста “Война и российская социал-демократия”, он предупреждал, чтобы печатали его “с максимальной осторожностью”, чтобы прятали тираж “обязательно у швейцарского депутата” [141]. Используя оказию, Ленин предостерегает Карпинского: “Есть все основания ждать, что швейцарская полиция и военные власти (по первому жесту послов русского или французского и т. п.) учинят военный суд или высылку за нарушение нейтралитета и т. п. Посему не пишите прямо в письмах ничего. Если надо что-либо сообщить, пишите химией. (Знак химии - подчеркнутая дата в письме)” [142]. Наставляет Владимир Ильич и А. Шляпникова, осуществляющего из Стокгольма связь между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП: “...положение таково, что борьба с царизмом требует сейчас сугубой осторожности... Поэтому очень и очень прошу Вас удвоить и утроить конспиративность...” [143]
И все же Берн становится большевистским центром. Постепенно восстанавливаются прерванные войной связи. Укрепляются контакты с партийными работниками в России. С трудом, кружными путями, но в дом на Дистельвег поступают оттуда к Ленину вести. Ему пересылают письма о забастовках и демонстрациях петроградских рабочих, протестующих против войны, против всеобщей мобилизации.
Ему сообщают о нелегальных прокламациях, выпускаемых в Петрограде, Риге, на Кавказе. Порой приходят солидные и по объему, и по содержанию книги и журналы - технические, медицинские или экономические. Напечатаны они на плотной матовой бумаге. Отправленные из России, поступают сперва на специально подобранные адреса, прежде чем попадают сюда, в Берн.
Между строк в книги и журналы вписаны химией письма Ленину. Под ними подпись: Джемс - один из партийных псевдонимов Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Она сообщает, что в Питере рабочие отказались от участия в Военно-промышленном комитете, “ясно, определенно высказав... интернационалистскую точку зрения” [144], что оказала влияние на их позицию передовая “Социал-демократа”. Сообщает Анна Ильинична Ленину и о том, что после арестов в Петербургском комитете “большое безлюдье - совсем нет своих людей для работы”, но “настроение хорошее - какое-то напряженное”... [145]. Она

пишет, что в Питере ждут "с нетерпением" газету "Социал-демократ", что Горький "статью Старика просил послать тотчас же на Стокгольм, откуда перешлют" [146].
"Старику" - Ленину пишут также из сибирской ссылки. А среди писем ссыльных весточки из Туруханского края, от С. Спандаряна. "Как живете? Что поделываете? Каково настроение? - запрашивает он Ленина.- Напишите, что можете. Жаждем живого слова. Будем ждать от Вас письма" [147]. И в другом письме, доставленном в Берн: "Привет Вам из полярных стран… Мы чувствуем себя бодро и настроены оптимистически. Мы вообще оптимисты. Полагаем, что и Вы не особенно скучаете и думаете скоро вернуться домой" [148]. Целый месяц идет в Туруханскую ссылку ответное письмо Ленина. "Оно сильно пострадало от долгого пути в наши полярные страны, а поэтому оно чрезвычайно смахивает на трудно разбираемые клинописи ассирийских царей" [149],- шутит по этому поводу в очередном письме Ленину Спандарян.
О письмах, которые поступают из России к Ленину, узнают, конечно, друзья. Собираются они у "Ильичей" часто. Приходят живущие неподалеку М. Кедров, Г Шкловский, И. Арманд, В. Каспаров и другие большевики. Допоздна беседуют о политических событиях. Обсуждают поступившие из России вести.
Но нередко и сами Ульяновы отправляются к друзьям. Чаще, чем к другим, идут к Кедрову, замечательному музыканту, чтобы на час-другой погрузиться в волшебный мир музыки. Больше всего любит Владимир Ильич Бетховена. И Кедров играет Патетическую сонату, увертюры "Кориолан" и "Эгмонт". Играет Шуберта, Листа, Шопена.
Идут Ульяновы и в ближайший лес. "Мы часами,- вспомнит Крупская,- бродили по лесным дорогам, усеянным осыпавшимися желтыми листьями. Большею частью ходили втроем - Владимир Ильич и мы с Инессой (И. Арманд.). Владимир Ильич развивал свои планы борьбы по международной линии. Инесса все это горячо принимала к сердцу. В этой развертывавшейся борьбе она стала принимать самое непосредственное участие: вела переписку, переводила на французский и английский языки разные наши документы, подбирала материалы, говорила с людьми и пр. Иногда мы часами сидели на солнечном откосе горы, покрытой кустарниками. Ильич набрасывал конспекты своих речей и статей, оттачивал формулировки..." [150]
Его статьи предназначены для "Социал-демократа". Он обрабатывает материал для газеты и пересылает его в Женеву. Шлет Карпинскому "распределение статей" для каждого номера. Здесь, в Берне, читает корректуру. И радуется тому, что растет популярность большевистской газеты.
Примечания:
[94] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 3.
[95] Там же, с. 4.
[96] Там же.
[97] Там же, с. 7.
[98] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 355-356.
[99] "О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы", с. 173.
[100] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 1.
[101] Там же, с. 5.
[102] Там же, с. 6 - 7.
[103] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 6.
[104] Ленинский сборник XI, с. 95-96.
[105] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 111.
[106] Там же.
[107] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 9-10.
[108] См. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 409.
[109] Там же, с. 28.
[110] Там же, с. 31.
[111] Там же, с. 32 - 35.
[112] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2, с. 358.
[113] Ленинский сборник XIV. с. 138.
[114] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 25.
[115] Там же, с. 26.

[116] Там же, с. 16.
[117] Там же, с. 20.
[118] Там же, с. 3.
[119] Там же, с. 13.
[120] Там же, с. 14.
[121] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 15.
[122] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 26.
[123] "О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы", с. 126.
[124] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 35.
[125] См. там же, с. 36.
[126] Там же.
[127] См. там же, с. 37.
[128] См. Э. Хазиахметов. Ленин и ссыльные большевики Сибири, с. 131.
[129] См. М. Горенский, А. Кудрявцева, В. Сафронов. Между двумя революциями. Красноярск, 1960, с. 133.
[130] "Слово старых большевиков". М., 1965, с. 121.
[131] "Красная летопись", 1922, № 5, с. 236.
[132] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 22.
[133] А. М. Коллонтай. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 181.
[134] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 253.
[135] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 32.
[136] Там же, с. 33.
[137] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.
[138] Там же, с. 108-109.
[139] Там же, с. 290.
[140] Там же, с. 304.
[141] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 10.
[142] Там же, с. 8.
[143] Там же, с. 47.
[144] "Пролетарская революция", 1930, № 7-8 (102-103), с. 185.
[145] Там же, с. 187.
[146] Там же, с. 188.
[147] С. С. Спандарян. Статьи, письма и документы. М., 1958, с. 285.
[148] Там же, с. 286-287.
[149] Там же, с. 287.
[150] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 250.

Революция близка!

В конце марта 1915 года умерла Елизавета Васильевна - мать Крупской. "Тянуло ее в Россию,- пишет Надежда Константиновна,- но там не было у нас никого, кто бы о ней заботился..." [1]

Пережитое Крупской горе обостряет у нее Базедову болезнь. Врачи настойчиво советуют Владимиру Ильичу: надо повезти жену в горы. Но всегда не густо у них с деньгами. А сейчас их особенно мало. И Владимир Ильич отыскивает по газетным объявлениям самый дешевый пансионат "Мариенталь" у подножия Ротхорна, в Зёренберге, окруженном лесами, высокими горами.

Он очень любит горы. Любит забираться под вечер на отроги Ротхорна, бродить по горе, что километрах в двух от пансионата.

Ложатся Ульяновы спать с петухами. А встают очень рано. И до самого обеда без устали трудится Владимир Ильич. "...Работы порядочно, так что скучать некогда" [2],- сообщает Багоцкому Крупская.

Множество писем пишет Владимир Ильич. Они уходят отсюда в Берн и Женеву, Зволле и Гертенштейн, Христианию (Осло) и Амстердам, Лозанну и Стокгольм, Цюрих и Лондон.

Письма в Христианию адресованы Коллонтай, по поручению Ленина участвующей в сплочении левых, интернационалистских элементов социал-демократии скандинавских стран.
В одном из писем, написанных позднее 11 июля, Ленин напоминает, что позицию большевиков Коллонтай уже знает из "Социал-демократа". Он считает, что левые должны выступить, во-первых, "с общей идейной декларацией", в которой обязаны осудить социал-шовинистов и оппортунистов. Во-вторых, они должны выступить "с программой революционных действий (сказать ли: гражданская война или революционные массовые действия - не так уже важно)" [3]. И, в-третьих, левые должны выступить против "защиты отечества" и других подобных лозунгов. Ленин подчеркивает при этом, что "идейная декларация "левых" от имени нескольких стран имела бы гигантское значение..." [4].
26 июля. Только что пришло письмо от Коллонтай. В нем - вести из России и главная: отрицательное отношение трудящихся масс к войне. В ответном письме Владимир Ильич разъясняет важность программных требований о вооружении народа, о праве наций на самоопределение. "Если слова о классовой борьбе не фраза в либеральном духе (каковою она стала у оппортунистов, Каутского и Плеханова),- спрашивает он,- то как можно возражать против факта истории- превращения сей борьбы, при известных условиях, в гражданскую войну? Как может, далее, угнетенный класс вообще быть против вооружения народа?" Ленин решительно заявляет: "Отрицать это значит впасть в полуанархистское отношение к империализму: это, по-моему, наблюдается у некоторых левых даже у нас. Если-де империализм, то не нужно ни самоопределения наций, ни вооружения народа! Это - вопиющая неверность. Именно для социалистической революции против империализма нужно и то и другое" [5].
Не ранее 4 августа. Владимир Ильич пишет Коллонтай, что "дьявольски важно было бы совместное интернациональное выступление левых марксистов!" [6]. И отмечает при этом: "Роланд-Гольст (Г. Роланд-Гольст - голландская социалистка.), как и Раковский (видали его французскую брошюру?), как и Троцкий, по-моему, все вреднейшие "каутскианцы" в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма" [7].
В письмах, которые приходят из Зёренберга в Христианию, Ленин делится своими мыслями. Порой с Коллонтай спорит. Возражает ей. Дает поручения. И ее дневниковые записи свидетельствуют, что она разделяет взгляды Ленина, стоит на его позициях, Коллонтай записывает в эти летние дни 1915 года:
2 августа. ""Социал-демократен" сейчас самый важный и единственный орган мирового рабочего класса, вернее, авангарда его. Это водораздел, и очень четкий, очень резкий, между социал-шовинистами и интернационалистами. Досадно, что это на русском языке. Надо работать над его распространением. Этому же послужил и журнал "Коммунист" (Журнал, созданный Лениным; издавался в Женеве редакцией газеты "Социал-демократ".). Только что вернулась из Фолькентсхауза. Очень долго обсуждали... "основное положение": поражение правительств и буржуазии в каждой стране должно стать лозунгом. Это то же, что говорит и Карл Либкнехт. Но Ленин идет дальше - не просто поражение, а "превращение войны империалистической в войну гражданскую". Это революционнейшая мысль. И это открывает путь к действию...
Для меня теперь совсем ясно, что никто так эффективно не борется с войною, как Ленин. Остальные - половинчатость. Только ударом масс, только волей пролетариата можно остановить войну. И эту волю надо спаять - солидарностью и решительностью к баррикадному бою. В этом наша задача" [8].
4 августа. "Я вижу, чувствую рост оппозиции левых сил и знаю, что этот год, точнее Ленин, нас многому научил. Вокруг Ленина идет собирание сил "молодых". Рухнули стены начинавшей коснеть "немецкой школы", оппортунизм привел в болото. Но уже пульсирует, выбивается наружу живой революционный дух искания. Левые всех стран группируются, организуются в духе Ленина. Нас мало, но они есть. Мысли [Ленина] отрезвляют умы. Сейчас это самая ясная голова..." [9]
В письмах из Зёренберга Ленин сообщает о поступающих к нему сюда из России недурных вестях, о начинающемся революционном брожении. Он шлет указания товарищу,

подготовляющему в Женеве очередные номера "Социал-демократа". "Имеете ли "Вопросы Страхования" № 3 и 4? - запрашивает в начале июля Ленин.- Если нет, пришлем" [10]. И вскоре сам просит: "Пришлите "Вопросы Страхования" с рецензией на Маслова" [11].
"Вопросы страхования" - это большевистский легальный журнал. Он выходит в Петрограде и ведет борьбу не только за осуществление рабочего страхования, но и за большевистские "неурезанные лозунги" - восьмичасовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, демократическую республику.
Владимир Ильич посылает открытки в бернские и цюрихские библиотеки. Он просит прислать необходимые ему книги. И эти книги приходят к Ленину в глухую деревушку. Лежат стопками - на столе, на подоконнике.
Ленин завершает здесь давно задуманную брошюру "Социализм и война". Он пишет в предисловии к ней:
"Война длится уже год. Наша партия определила свое отношение к ней в самом начале ее... В настоящее время в России явно растет революционное настроение в массах. В других странах замечаются повсюду признаки такого же явления, несмотря на придушение революционных стремлений пролетариата большинством официальных с.-д. партий, ставших на сторону своих правительств и своей буржуазии. Такое положение вещей делает особенно настоятельным издание брошюры, подводящей итоги с.-д. тактике в отношении к войне" [12].
Владимир Ильич отправляет рукопись в Женеву. И торопит: брошюра должна выйти как можно скорее! "...Печатайте 2000 экземпляров на самой дешевой бумаге (если есть тонкая, то 1000 экземпляров на тонкой) - формата самого дешевого и удобного для конвертов...- просит он. - Если можно сделать это без задержки, пришлите мне второй экземпляр всех корректур брошюры (для посылки товарищу, который едет в Россию)" [13].
Чуть ли не в каждом письме в Женеву идет речь об этой брошюре: "Как идет набор и когда надеетесь выпустить?" [14]; "О брошюре извещайте иногда открыткой, есть ли "надежда" на прогресс..." [15]; "Если брошюра сможет выйти во вторник или среду, пошлите экспрессом 10-20 экземпляров Шкловскому" [16]. Пишет Ленин и в Берн: "Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы выпустить нашу брошюру (по-немецки) до 5.IX... Можно ли напечатать в 3-4 дня? Мы должны приложить все усилия и сделать это!" [17]
Почему до 5 сентября? В этот день открывается 1-я Международная социалистическая конференция. Из Зёренберга Ленин ведет оживленную переписку с ее организаторами и участниками. Настойчиво, терпеливо разъясняет интернационалистам разных стран их ответственность за судьбы международного социализма. Добивается ясного, четкого заявления против империализма. Убеждает, что рабочие должны получить правильную политическую линию в борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую, в "войну наемных рабочих против капиталистов данного государства" [18].
Перед конференцией приходит письмо Я. Берзина. Не уверен тот, что удастся ему через воюющие страны пробраться в Швейцарию. И от имени Заграничного комитета Социал-демократии Латышского края Берзин просит Ленина выступить в качестве представителя этой организации на предстоящих совещаниях социалистов разных стран. "Наша организация, как Вам известно,- заявляет он,- вполне примыкает к той позиции, которую занял ЦК РСДРП в своем первом манифесте о войне..." [19]
Конференция созвана в Циммервальде, в десяти километрах от Берна. Автобусы с делегатами приближаются уже к этому горному поселку, состоящему из нескольких ферм да одной гостиницы, когда на тропинке с рюкзаком за спиной, с альпинистской палкой в руке показывается Ленин.
"Устроились мы,- вспомнит болгарский социалист Василь Коларов,- в этой маленькой гостинице все вместе, в качестве туристов, чтобы никто не догадался о том, кто мы и каковы истинные цели нашего приезда" [20]. И всем "туристам" (как доволен Ленин!) раздают сразу же брошюру "Социализм и война". Пусть еще до начала конференции напомнит она делегатам о том, как относятся большевики к войне. Пусть разъяснит она им важнейшие вопросы политики и тактики революционной социал-демократии.
Тридцать восемь человек из одиннадцати стран прибыли в Циммервальд. От России, Польши, Италии, Болгарии и Румынии - это официальные представители социал-

демократических партий. Из Германии, Франции, Голландии, Швеции, Норвегии - делегаты оппозиционных групп. От Швейцарии здесь представительство личное.
Восемь делегатов, возглавляемых Лениным, вносят проект резолюции. В нем содержится характеристика войны как грабительской, ведущейся в интересах буржуазии, осуждаются социал-шовинисты и их лозунг “защиты отечества” в несправедливой войне. И разгорается ожесточенная полемика с правым большинством о путях борьбы, о задачах социал-демократии.
Судя по протокольной записи, Ленин выступает несколько раз. Он разоблачает шаткую, непоследовательную позицию немецких делегатов. Признавая на словах нарастание, неизбежность революции, те не говорят о ней массам прямо, отказываются призывать к братанию солдат на фронте, к организации политических стачек, уличных демонстраций, гражданской войне.
- Наш безусловный долг, - заявляет Ленин,- разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее “технике” [21].
Владимир Ильич возражает также итальянскому делегату. Тот старается доказать, что война “еще не породила условий революции” и призывать к ней якобы преждевременно. Но Ленин напоминает: прямая проповедь революции необходима и тогда, когда она еще не началась.
- Дело обстоит так: или действительно революционная борьба или только пустая болтовня... [22] - говорит Ленин.
Быть за мир - это еще ничего не значит. В соответствии с новой ситуацией должны быть найдены новые действительные средства борьбы...
Пройдет немного дней, и Ленин подведет итоги Циммервальдской конференции: “Идейная борьба на конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции... После целого года войны единственным течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией,- а также с основанным на ней проектом манифеста,- и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией” [23].
Родилась международная группа революционных марксистов - Циммервальдская левая. Во главе ее становится Ленин. “Сплочение указанной группы,- считает он,- один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции” [24].
С рюкзаком за спиной, с альпинистской палкой в руках - заправским туристом выходит снова Владимир Ильич на горные тропы.
Словесные битвы измотали его. “На другой день по приезде Ильича из Циммервальда,- вспомнит Крупская,- полезли мы на Ротхорн. Лезли с “великоторжественным аппетитом”, но когда влезли наверх, Ильич вдруг лег на землю, как-то очень неудобно, чуть не на снег, и заснул. Набежали тучи, потом прорвались, чудесный вид на Альпы раскрылся с Ротхорна, а Ильич спит, как убитый, не шевельнется, больше часу проспал... Надо было несколько дней ходьбы по горам и зёренбергской обстановки, чтобы Ильич пришел в себя” [25].
Наступает осень. Вновь Ульяновы в Берне. Поселяются они на неказистой, кое-как мощенной улице Зейденвег с грязно-белыми домами-коробками, чахлыми деревьями. В доме 4а на четвертом этаже снимают меблированную комнату, в которой две железные койки, два канцелярских стола с книгами, круглый столик посредине да вешалка на три гвоздя.
Отсюда прежде всего отправляет Владимир Ильич срочное письмо в Женеву. Адресовано оно В. Карпинскому, выпускающему там “Социал-демократ”: “Пишу этот экспресс по такому спешному делу: из России получены очень важные (и благоприятные) новости. Хотим издать тотчас еще № ЦО (в две страницы), так чтобы он вышел действительно немедленно” [26]. Пишет он и в Стокгольм: “Из России вести свидетельствуют о нарастании революционного настроения и движения...” [27]
“Очень важные (и благоприятные) новости” - это пересланные Ленину по поручению Петербургского комитета РСДРП листовки и другие материалы о работе питерских большевиков.

Он внимательно изучает полученные документы. Делает на них пометки. Составляет перечень.
Вышедшая в начале октября 1914 года в Петрограде прокламация говорит о преследовании, эксплуатации пролетарских масс: “Грабят нас помещики, грабят фабриканты, купцы и домовладельцы, грабит полиция, грабит царь со своими чиновниками, и, когда нам наконец надоедает этот повальный грабеж, когда мы хотим отстоять свои интересы, когда мы объявляем забастовку, тогда на нас напускают полицию, солдат и казаков, нас бьют, бросают в острог, ссылают и вообще преследуют, как бешеных собак. Вот кто наши действительные враги, враги непримиримые и беспощадные” [28].
С этой лежащей перед Лениным листовкой перекликается та, которая призвала в январе питерских пролетариев к однодневной забастовке. “Миллионы наших братьев, рабочих и крестьян,- говорится в ней,- нашли и находят себе могилы в бессмысленной войне - во имя чего? Во имя защиты интересов своих врагов.
Ослабив и ослабляя военным положением и мобилизацией демократию и ее авангард - городской пролетариат, правительство пользуется громами наступившей войны в первую голову для одержания победы над своими внутренними врагами” [29].
Ленин с удовлетворением отмечает: питерские большевики зовут к гражданской войне, ибо “гражданская война - лозунг революционных социал-демократов в настоящий исторический момент” [30].
В стопке листовок на рабочем столе Владимира Ильича не только те, что изданы Петербургским комитетом. Здесь листок, отпечатанный столичной железнодорожной организацией РСДРП и предсказывающий, что “в огне и пороховом дыму зреет новая русская революция” [31]; здесь - протест группы рабочих-печатников против “политики царствующей монархии и капиталистов” [32]; прокламация питерских деревообделочников “о бойне народов, предпринятой во имя интересов кровавой буржуазии” [33]; призыв организации женщин-работниц к международной солидарности.
Все это надо опубликовать в “Социал-демократе”. Опубликовать как можно быстрее. А чтобы ускорить выход специального номера, лучше печатать его здесь, в Берне. Ленин просит Карпинского: “Пожалуйста, пошлите тотчас же (чтобы пришла никак не позже чем рано утром в субботу) тонкой бумаги на 2000 экз. ЦО...” [34]
Ее доставляют из Женевы на окраину Берна, в дом на Бюмплицштрассе, занимаемый типографией Бентели. И 13 октября 47-й номер “Социал-демократа” выходит в свет. Целиком посвящен он питерским большевикам. А открывается статьей Ленина “Несколько тезисов”. “Приведенный в этом номере материал показывает,- пишет Владимир Ильич,- какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это - поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Рабочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше, энергичнее, сильнее, шире по тому же пути” [35].
В статье намечаются основные задачи практической деятельности большевиков, формулируется их позиция по наиболее злободневным вопросам теории и практики революционной борьбы. И Ленин принимает меры, чтобы в Россию было доставлено как можно больше экземпляров этого номера центрального органа партии.
Еще с тех пор, как арестовали большевистских депутатов IV Государственной думы, настойчиво добивается Владимир Ильич восстановления в России Бюро Центрального Комитета. Он писал о том Шляпникову из Зёренберга, считая, что главную роль следует отвести в этом рабочим-правдистам: “Ясно, что передовой слой правдистов-рабочих, эта опора нашей партии, уцелел, несмотря на страшные опустошения в его рядах. Было бы крайне важно, чтобы сплотились в 2-3 центрах руководящие группы (архиконспиративно), связались с нами, восстановили бюро ЦК... и самый ЦК в России; связались с нами прочно... мы посылали бы листки и листовки и т. д.”. Ленин подчеркивал: “Самое важное-прочные, постоянные сношения” [36]. И когда создано будет Русское бюро ЦК, ему сообщат из Питера: вошли в него передовые рабочие, опытные, стойкие революционеры. А в департамент полиции поступит тогда же донесение: “В Петрограде организовалось Бюро ЦК РСДРП большевиков- сторонников Ленина... В распоряжении Бюро имеется партийная

заграничная литература, полученная в Петрограде из Швеции, а именно очередные номера "Социал-демократа" и "Коммуниста" (сборник статей Ленина и других)" [37].
Из дома на улице Зейденвег, где живут Ульяновы, уже налажена с Россией хорошо законспирированная связь. Через шведско-русскую и норвежско-русскую границы, при содействии скандинавских левых социалистов по многим адресам Петрограда и Москвы, Симферополя, Омска, Нарыма и других городов поддерживает переписку Ленин. Из Лелюа и Хапаранды на севере Швеции в Финляндию, через Торнео и другие финские пункты в Петроград, через норвежский порт Вардё в Архангельск идут выходящие за границей большевистские издания. И число их немалое. "...Литература на складе истощилась,- пишет Крупская Каспарову, ведающему экспедицией.- Еженедельно переправляют теперь 2000 экз. Шлите немедленно туда 500 экз. тонкой брошюры..." [38]
Но Ленин требует: теперь самое важное сделать эти связи еще более регулярными. Нельзя ли в переплете, запрашивает он находящегося в Стокгольме Шляпникова, посылать в Россию по одному экземпляру "Социал-демократа" и прокламаций? А можно ли организовать переписку химией для быстрой доставки в Питер отдельных статей центрального органа? И, в частности, статьи "Несколько тезисов"? "Обдумайте хорошенько!" [39] - настаивает он.
Как рад Владимир Ильич, когда подтверждают из России: дошли туда и номера "Социал-демократа", и другая изданная за рубежом большевистская литература. Рад и письму, переправленному из Нарыма. "Меня чрезвычайно обрадовало то поразительное единомыслие между нами,- сообщает ему ссыльный большевик Н. Яковлев,- в котором я убедился, прочитав все полученное" [40].
В эти дни, уже на русском языке, выходит в Женеве ленинская брошюра "Социализм и война". И ее сразу же нелегально отправляют в Россию. Только два месяца спустя узнают о том в министерстве внутренних дел. Сразу же разошлют оттуда распоряжение: принять меры "к недопущению распространения означенной брошюры". Предпишут: "По обнаружении надлежит конфисковать и уничтожить" [41]. Но как это сделать, если она уже разошлась и читают ее тайком во многих городах империи!
Ленин предлагает не только в России, но и среди рабочих других стран пропагандировать большевистские лозунги о войне, мире, революции, бороться против социал-шовинистов и их пособников. Он пишет в Нью-Йорк Коллонтай, выехавшей туда по приглашению немецкой секции Американской социалистической партии: "Мы издаем здесь на днях (по-немецки, а затем надеемся пустить по-французски и, если удастся извернуться с деньгами, по-итальянски) маленькую брошюрку от имени Циммервальдской левой. Под этим именем мы хотели бы пустить возможно шире в международное обращение нашу левую группу в Циммервальде... Надеемся на Вас, что Вы издадите это в Америке и по-английски... и, если можно, на других языках. Это должно быть первое выступление ядра левых социал-демократов всех стран, имеющих ясный, точный, полный ответ на вопрос, что делать и куда идти" [42]. Ленин просит М. Харитонова - секретаря большевистской секции в Цюрихе: "...надо наладить издания, брошюры, приложения к швейцарским газетам, конкретизирующие понятие "revolutionare Aktionen" ("революционные действия") и все это тайком ввозить в Германию" [43].
Две недели назад М. Покровский, активный участник первой русской революции, член редакций ряда большевистских газет, ученый-историк, уже шесть лет вынужденный жить в эмиграции, предложил Ленину большую работу. Он опросил его из Парижа: Горький предпринимает выпуск серии "Европа до и во время войны", не напишет ли Ленин к ней вводную брошюру - об империализме? "Никто, разумеется,- уверен Покровский,- не написал бы... лучше Владимира Ильича" [44], Ленин соглашается. Он считает, что нельзя дать глубокой оценки происходящей войны, не выяснив до конца экономической и политической сущности империализма.
И сразу же приступает к работе над книгой. С самого утра он в библиотеке. Делает выписки из только что вышедшей в Амстердаме книги Г. Гортера "Империализм, мировая война и социал-демократия". Составляет список литературы по египетскому вопросу, об исторических предпосылках империалистической войны. Читает "Около войны" Ваньера, "Технику и культуру" Эд. Ф. Майера, "Продукты питания человека" Гартвига, книгу Ю. Гольдштейна "Рабочие и предприниматели в строительной промышленности Германии".

Но, оказывается, в Берне нет всей необходимой литературы. Собственные же книги остались в Поронине, и неизвестно, какова их судьба. Надо съездить поэтому в Цюрих, чтобы поработать две-три недели в тамошних библиотеках. "Вопрос в том, сможем ли мы преодолеть финансовые затруднения" [45],- задумывается Ленин.
А они сейчас весьма серьезные. "У нас скоро прекращаются все старые источники существования,- сообщает Надежда Константиновна Марии Ильиничне Ульяновой,- и вопрос о заработке встает довольно остро. Тут найти что-либо трудно. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку - тоже ни черта. Предприму еще кое-что, но все сие весьма проблематично. Надо думать о литературном заработке. Не хочется мне, чтобы эта сторона дела падала целиком на Володю. Он и так много работает. Вопрос же о заработке его порядком беспокоит" [46].
Вот почему Ленин запрашивает М. Харитонова: помогут ли местные товарищи устроиться ему с женой в Цюрихе дешево? Можно ли будет снять комнату, самую дешевую, "в рабочей семье желательно"? Сколько будет стоить "обед в столовке, буде такая есть (здесь платим 65 сантимов в студенческой)" [47].
Ульяновы покидают Берн на две-три недели. Но обстоятельства складываются так, что не возвращаются они уже туда.
Живут Ульяновы в Цюрихе на Шпигельгассе, 14, в самой старой, средневековой части города, где узкие кривые улочки и переулки густо застроены двух-трехэтажными домами. Трудно взбираться по крутой, с винтовыми поворотами, темной лестнице, которая и днем освещается тусклой керосиновой лампочкой. Мрачно и в самой комнате, снятой у сапожника Каммерера.
Владимир Ильич пишет отсюда в Петроград: "Дорогая мамочка! Посылаю тебе карточки, одну для Маняши.
Мы живем теперь в Цюрихе. Приехали позаниматься в здешних библиотеках. Озеро здесь очень нам нравится, а библиотеки много лучше бернских, так что пробудем еще, пожалуй, дольше, чем хотели..." [48]
А в другом письме, еще ранее отправленном в Женеву, Ленин сообщает: "Мы сняли эту квартиру на месяц. В четверг (17. II) я читаю здесь первый реферат ("Два Интернационала"), а через некоторое время второй ("Условия мира и национальный вопрос" или нечто в этом роде)" [49].
В один из этих февральских вечеров Владимир Ильич выступает с рефератом в переполненном зале. Говорит он, вспоминает находящийся тут польский социал-демократ В. Краевский, о перспективах войны, о борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую, о необходимости нести в окопы лозунги братства, борьбы за низвержение капитализма.
"Ленин,- пишет Краевский,- не любил эффектов красноречия, не любил изысканных оборотов речи; его язык был на редкость прост и ясен. В тот вечер он говорил с особым увлечением; вся его речь дышала сдерживаемой страстностью, проникновенной уверенностью, неотразимой силой. Положительно чувствовалось, что он не только продумал, но что он видит те грядущие события, о которых говорит. Я знал Ильича очень хорошо, но помню точно, что меня поразил в выступлении его этот новый, словно пророческий тон, эта какая-то сгущенная сила страсти, прорывающаяся наружу сквозь железные, логические построения его доклада" [50].
Ленин обрушивается на меньшевиков. Безжалостно обнажает он предательскую сущность их пацифистских фраз. Сидящих в зале меньшевиков охватывает бешенство. Несутся протесты, негодующие крики. А Ленин, как бы не замечая этого, продолжает говорить. Кончает он поздно. Приближается полицейский час - полночь.
По-прежнему сложно сейчас поддерживать из Швейцарии связи с российским большевистским подпольем. По поручению Владимира Ильича Надежда Константиновна пишет в Петроград членам Русского бюро ЦК. Она сообщает: к ним послан "специальный человек" для установления непосредственных связей.
"Специальный человек" - это С. Гопнер. Она появляется вскоре в России с заданиями Ленина. Ездит из города в город. Связывается с товарищами. И об этом становится известно петроградской охранке. Одно из ее донесений гласит: "В партийных кругах получено письмо из Сибири, в котором сообщается, что агент ЦК ездит по Сибири и читает

там доклады... ведет чисто ленинскую линию в смысле возможности объединения и совместной работы лишь с теми социал-демократами, которые признают большевистский ЦК" [51].
В том письме, в котором Крупская сообщала о выезде в Россию посланца Ленина, передала она членам Русского бюро ЦК и требование Владимира Ильича регулярно информировать о работе петроградской, московской, харьковской и других партийных организаций, о настроениях рабочих, о работе больничных касс и профсоюзов, о листовках, собраниях. Но немыслимо, особенно в нынешних условиях, посылать с этими сведениями специальных людей. Проще прибегать к уже испытанным способам конспиративной переписки. "Возьмите,- рекомендовала Крупская,- к.-н. еженедельный журнал и пишите в нем между строками... крепким раствором лимонной кислоты или к.-н. другой кислоты... Этот журнал посылать еженедельно по одному из данных адресов..." Крупская заверяла товарищей: "Пятнадцатилетний опыт убедил нас, что только правильно поставленная химическая непосредственная переписка гарантирует правильность сношений" [52]. Она настаивала на том, чтобы "конспиративным сношениям" обучили товарищей из Москвы, Харькова, Нижнего Новгорода, Сибири, с Кавказа и других районов России. С тем, чтобы они переписывались не только с Русским бюро, но и непосредственно с Центральным Комитетом, с Лениным.
Из писем, которые приходят сейчас к Владимиру Ильичу, черпает он новые подтверждения того, что усиливается, обостряется в России революционный кризис. А. Елизарова сообщает ему, что в Петрограде и в других городах рабочие на многолюдных митингах обсуждают вопрос о всеобщей забастовке. А прокламации и резолюции, поступающие из Петербургского, Московского и других партийных комитетов, говорят о том, что экономические стачки превращаются все чаще в стачки политические. "...Чувствуется какое-то духо-подъемное настроение" [53],- пишет с удовлетворением Карпинскому Крупская, обобщая вести, идущие к Ленину из России.
В эти весенние дни 1916 года, когда в России все более ощущается "духоподъемное настроение", когда местные большевистские организации разъясняют в массах ленинскую тактику борьбы с империалистической войной, Владимир Ильич готовится ко 2-й Международной социалистической конференции.
Еще в феврале, на созванном в Берне совещании расширенной Интернациональной социалистической комиссии, он предложил "Проект постановления" о ее созыве. Предложил собраться тем, кто стоит на почве циммервальдских решений.
И вскоре Ленин пишет "Предложение Центрального Комитета РСДРП второй социалистической конференции". Он излагает в своих тезисах развернутую программу борьбы за окончание войны. И придает поэтому "Предложению" особое значение. "Надо,- настаивает он,- чтобы за несколько недель до конференции все левые и сочувствующие видели и обсудили" [54]. Владимир Ильич организует перевод документа на немецкий и французский языки. Его рассылают не только заграничным секциям большевиков, но и левым интернационалистам Франции, Швеции, Англии и других стран.
"Полгода, протекшие после Циммервальда, доказали,- утверждает Ленин,- что фактически работа в духе Циммервальда - мы не говорим о пустых словах, а только о работе - во всем мире связана с углублением и расширением раскола" [55]. И призывает не закрывать глаза на то, что фактически "обнаружились уже две, совершенно непримиримые, политики рабочего класса по отношению к войне" [56]. Так как в противном случае можно запутать рабочие массы, затемнить их сознание, затруднить ту революционную массовую борьбу, которой официально сочувствуют все циммервальдцы.
В Кинтале, горном поселке Швейцарии, созывается 2-я Международная социалистическая конференция. Ленин участвует в ее работе. Только поздно вечером Владимир Ильич возвращается в отель: весь день, с самого утра, он на конференции.
Там разгорается острая дискуссия вокруг предложений большевиков. Значительная часть участвующих в конференции представителей социал-демократических партий Европы колеблется по всем важнейшим вопросам. Но Ленин добивается принятия резолюции, подвергающей резкой критике оппортунистическое руководство II Интернационала. Он находит полную поддержку у левых других стран, когда идет речь о тактике пролетариата в

борьбе за демократический мир, когда эта борьба ставится в прямую связь с социалистической революцией.
Дебаты идут и днем, и вечером. И Владимир Ильич записывает выступления ораторов. Делает заметки о том, что намерен сам сказать. Обменивается записками с делегатами: одному доказывает, что, до тех пор пока во всех странах господствуют империалисты, разговоры о справедливом мире - “это лишь буржуазное надувательство” [57]; другому излагает свои взгляды на вопрос о защите отечества. А в перерывах между заседаниями беседует с делегатами - социалистами разных стран. “Его вопросы были очень точны, - сообщит немецкая работница А. Шуберт.- От меня он хотел узнать, как обстоят дела в Берлине, какое настроение у рабочих и как они ведут борьбу против войны” [58].
Ленин возвращается в Цюрих. И сразу же через находящегося в Христиании Шляпникова сообщает в Россию, что готовится обстоятельное письмо о конференции. Пока же товарищи должны принять обращение “К разоряемым и умерщвляемым народам”, призывающее бороться всеми средствами за скорейшее окончание мировой войны, за немедленное заключение мира без аннексий. Это, подчеркивает Ленин, “шаг вперед”. Товарищам в российском подполье следует также сообщить: “Принята резолюция с критикой пацифизма и резолюция о Международном Социалистическом Бюро с резкой критикой его. В общем, это все же, несмотря на тьму недостатков, шаг к разрыву с социал-патриотами” [59].
Ленин пишет и в Петроград. Его письмо адресовано членам Русского бюро ЦК и Петербургского комитета РСДРП. От имени циммервальдских левых он передает горячий привет питерским рабочим, борющимся против войны. Пусть знают питерцы, что “интернационалистское поведение русских рабочих нашей партии, несмотря на всю бездну лжи, распространяемой Мартовым и др. друзьями Чхеидзе за границей, становится известно в Европе все шире” [60].
Среди многих дел, которыми забиты дни,- рукопись книги, над которой работает Владимир Ильич. Покровский торопит. Просит прислать в начале лета. И Владимир Ильич по многу часов изучает и обобщает огромное количество материала. Делает выписки из книг, диссертаций, статистических сборников, периодических изданий.
Работу над книгой “Империализм, как высшая стадия капитализма” Ленин завершает 2 июля. И тотчас же отправляет рукопись находящемуся во Франции Покровскому. “Что касается до имени автора, - сообщает ему Владимир Ильич,- то я предпочел бы обычный свой псевдоним, конечно. Если неудобно, предлагаю новый: Н. Ленивцын. Хотите, возьмите любой иной” [61].
Покровский должен переслать рукопись в Петроград, в издательство “Парус”. Но туда она не доходит. Владимир Ильич обращается за помощью к родным, в Питер. Просит их навести справки. “Пожалуйста, извести, когда получится,- пишет он Марии Ильиничне.- Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде” [62].
Рукопись найти не удается. Пройдет некоторое время, и Ленин вынужден будет отправить новый экземпляр. Когда с ней познакомится Горький, он напишет Покровскому, что книга превосходна. Но меньшевики, стоящие у руководства издательством “Парус”, не согласятся с критикой Лениным ренегатской позиции Каутского. Они внесут в текст существенные изменения, исказят ряд ленинских формулировок. И Ленин напишет в связи с этим Покровскому: “Вы “сочли возможным” выкинуть критику Каутского из моей брошюры... Грустно! Ей-ей, грустно. Зачем? Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: мы, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать...” [63]
А пока мысли и выводы, сделанные в своей книге, Ленин намерен изложить в публичных докладах. Однажды он обращается к С. Гольдштейну - основателю болгарского союза металлистов, эмигрировавшему в Швейцарию:
- Как вы думаете, стоит ли сделать для всех эмигрантов доклад о войне и революции?
- По-моему, очень нужно... На днях в эмигрантской столовой мне один человек сказал: “Хоть бы Ленин выступил у нас с речью, а то задыхаешься от чудовищной гнусности измен во всем Интернационале”.
И Ленин выступает с докладом. Он излагает в нем основные мысли отправленной в Питер рукописи. Излагает так просто, что присутствующий в зале меньшевик восклицает:

- Нельзя так упрощать сложные исторические вопросы! Неужели так просто взять банки в свои руки?
- А вы организуйте борьбу пролетариата за овладение политической властью,- спокойно отвечает Ленин,- тогда захват банков произойдет легче и проще, чем кажется.
- "Упрощенчеством" борьба за власть не кончится,- не сдается меньшевик.- Посмотрите, как германский пролетариат, не кончив борьбу, вынужден отложить до конца войны привлечение к ответственности своей буржуазии.
- Когда буржуазия укрепит свое пошатнувшееся во время войны положение,- говорит Ленин,- уже будет поздно. А думать, как Каутский, что "война сама себя изживает",- вреднейший обман, прямая измена марксизму и революции...
Осенью и зимой Ленин много внимания уделяет теоретической работе. Старается использовать все время, пока открыта библиотека. В девять утра уже сидит за книгами. С двенадцати до часу в библиотеке перерыв. В это время он обедает. Затем сидит там до шести. "Дома было работать не очень удобно,- рассказывает Крупская.- Хотя комната у нас была светлая, но выходила во двор, где стояла невыносимая вонь, ибо во двор выходила колбасная фабрика. Только поздно ночью открывали мы окно. По четвергам после обеда, когда библиотека закрывалась, мы уходили на гору, на Цюрихберг. Идя из библиотеки, Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов, после обеда мы забирали этот шоколад и книги и шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал" [64].
По его собственным словам, ему по-прежнему "заботливо пишут" родные. Часто идут и к ним письма от Владимира Ильича. Идут в Петроград на Широкую улицу к сестрам. Идут в дом № 45 на Невском проспекте, в правление пароходного общества "По Волге", где служит М. Елизаров. "Если можно, посылайте раз в неделю прочитанные русские газеты, а то я не имею никаких..." [65] - просит его Ленин 20 сентября. "Если не затруднит,- с той же просьбой обращается он к сестре Марии,- посылай раза 3-4 в месяц прочитанную тобой русскую газету, крепко завязывая бечевкой (а то пропадает). Я сижу без русских газет" [66].
В один из осенних дней Ленин пишет из Цюриха на служебный адрес Елизарова: "Весть о том, что Анюта в больнице, меня очень обеспокоила. В чем дело? Не та ли эта болезнь ее, из-за которой ей пришлось уже, как она писала, побывать в больнице и оперироваться? Надеюсь, что, во всяком случае, она и Вы обратитесь только к самым лучшим хирургам, ибо с посредственными докторами в таких случаях иметь дело никогда не следует. Буду с нетерпением ждать вестей почаще, хотя бы кратких" [67].
Но не о болезни сестры пишет на самом деле Ленин, Речь идет об ее аресте.
Только в конце ноября Владимир Ильич получает из Петрограда открытку о предстоящем освобождении сестры из тюрьмы. "Ужасно рад вести про Анюту,- пишет он Марии Ильиничне.- Очень большой привет ей..." [68] Ленин уже знает: сестру ссылают в Астраханскую губернию, и просит передать, чтобы она была осторожнее, не заболела в непривычно жарком климате.
Между тем материальное положение Ульяновых становится все тяжелее. Они экономят на всем. Ленин усиленно ищет заработка. Обращается с этой целью в Россию к издателю Гранату, к Горькому, к родным. "Засяду писать что бы то ни было, ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно" [69], - сообщает Владимир Ильич Елизарову. Это подтверждает и сестра Мария Ильинична: "Ильичу нужен был заработок, дороговизна в связи с империалистической войной нарастала с каждым днем, и как ни умел он ограничиваться лишь самым необходимым минимумом в своих потребностях, но одно время невозможность найти литературную работу и "пристроить" свои книги сказалась особенно остро" [70].
А стандартная сумка почтальона уже с трудом вмещает корреспонденцию, идущую на Шпигельгассе, Для почты даже приспосабливают ящик, в котором сапожник обычно хранит обувь заказчиков. Пишут отовсюду. Несмотря на трудность военного времени, с каждым днем все шире становятся у Ленина связи с Россией.
Примечания:
[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 260.

[2] См. А. С. Кудрявцев, Л. Л. Муравьева, И. И. Сшюлап-Кафтанова. Ленин в Берне и Цюрихе. Памятные места. М., 1972, с. 65.
[3] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 94-95.
[4] Там же, с. 95.
[5] Там же, с. 107.
[6] Там же, с. 117.
[7] Там же, с. 117 - 118.
[8] А.М. Коллонтай. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники, с. 185.
[9] Там же, с. 187.
[10] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 89.
[11] Там же, с. 101.
[12] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 309.
[13] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 123.
[14] Там же, с. 120.
[15] Там же, с. 131.
[16] Там же, с. 135.
[17] Там же, с. 126.
[18] Там же, с. 118.
[19] См. "О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии". Рига, 1959 с. 38.
[20] "Воспоминания болгарских товарищей о Ленине". М., 1958, с. 20.
[21] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, с. 44.
[22] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, с. 375.
[23] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, с. 43.
[24] Там же.
[25] Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 265.
[26] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 158.
[27] Там же, с. 160.
[28] "Социал-демократ" № 47, 13 октября 1915 г.
[29] "Социал-демократ" № 47, 13 октября 1915 г.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 159.
[35] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, с. 48.
[36] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 133.
[37] См. "Большевики в годы империалистической войны". Сборник документов. М., 1939, с. 204.
[38] См. Я. Е. Квачев. В. И. Ленин и заграничные секции большевиков (1914 - февраль 1917). Минск, 1971, с. 69.
[39] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 160.
[40] См. Э. Хазиахметов. Ленин и ссыльные большевики Сибири, с. 81.
[41] См. "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 3, с. 423.
[42] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 163.
[43] Там же, с. 166.
[44] См. "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 3, с. 405.
[45] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 178.
[46] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 454.
[47] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 178.
[48] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 364.
[49] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 184.
[50] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 3. М., 1961, с. 104.
[51] См. Я. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914-1918 гг.). М., 1957, с. 195.
[52] См. там же, с. 191.
[53] См. там же, с. 193.

[54] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, с. 516.
[55] Там же, с. 292.
[56] Там же, с. 293.
[57] См. "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 3, с. 491.
[58] "Незабываемый Ленин". Сборник воспоминаний, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. (Пер. с нем). М., 1958, с. 48.
[59] В.И. Ленин, Полн. соб-р. соч., т. 49, с. 222.
[60] См. "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 3, с. 498.
[61] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 259.
[62] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 365.
[63] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 344.
[64] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 283-284.
[65] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, с. 365.
[66] Там же, с. 367.
[67] Там же, с. 364 - 365.
[68] Там же, с. 367.
[69] Там же, с. 365.
[70] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 1. М., 1968, с. 215.

В Россию, как можно скорее!

Россия вступила в девятьсот семнадцатый год...

В первый день Нового года российские газеты выходят с политическими, дипломатическими, экономическими, военными и всякими прочими обзорами.

Почти восемь страниц отвело под них "Новое время". "Силы наши ослаблены, благосостояние населения подорвано, многие отрасли промышленности разорены" [71],- вынуждена признать газета. И все же: война до победного конца!

Даже "Биржевые ведомости" сокрушаются сегодня: "Мы вступаем в новый год под знаком глубокого общественно-политического кризиса". Они пишут "о полной разрухе, которая и министров сменяла, и ряд общественных эксцессов вызвала" [72]. В мрачном свете видится обозревателю либерально-буржуазных "Биржевых ведомостей" завтрашний день России.

- Какие новые горизонты откроет начинающийся 1917 год? - этот вопрос занимает корреспондента "Русских ведомостей".

И безапелляционно на него отвечает:

- Все случившееся в прошлом году, все события самого последнего времени как бы соединились для того, чтобы придать этому вопросу особую мрачность... Никакое предвидение не в состоянии справиться с массой иксов, все более затрудняющих решение и без того запутанного уравнения... [73]

А Ленин в первый день 1917 года в доме на Шпигельгассе завершает статью "Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический". Она должна быть как можно быстрее отправлена в Россию. И, вложив рукопись в конверт, Ленин делает на нем надпись: "Послать в Питер через Стокгольм особо (в первую очередь)" [74].

Статья Ленина направлена против империалистических коалиций, стремящихся истощить друг друга. Она - о пресыщении финансового капитала нейтральных стран - Соединенных Штатов Америки, Голландии, Швейцарии, гигантски нажившихся на военных поставках.

"Обе империалистские коалиции,- заявляет Ленин,- награбили известное количество добычи, причем именно два главных и наиболее сильных хищника, Германия и Англия, награбили больше всего. Англия не потеряла ни пяди своей земли и своих колоний, "приобретя" немецкие колонии и часть Турции (Месопотамии). Германия потеряла почти все свои колонии, но приобрела неизмеримо более ценные территории в Европе, захватив Бельгию, Сербию, Румынию, часть Франции, часть России и пр." [75].

Ни "масса иксов", ни "запутанные уравнения", о которых вещают "Русские ведомости", не способны скрыть от Ленина истинного положения вещей. Не способны скрыть даже то, что предпринимается в строжайшей тайне: что самодержец российский вступил в контакт с Берлином, что по разным каналам ведет Николай II переговоры о сепаратном мире, который должен развязать ему руки для борьбы с революцией.

В доме на тихой цюрихской улице, шагая по комнате, выходящей окнами во двор, Ленин пытается представить себе сцену этой политической сделки между кайзером Германии и императором России.
Николай II: “Если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет... Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента” [76].
Вильгельм II: “Конечно, не расчет. Да и к чему нам открытый сепаратный мир или вообще написанный на бумаге? Разве нельзя того же добиться иным, более тонким, путем? Я обращусь открыто ко всему человечеству с предложением осчастливить его благами мира. Под сурдинку я мигну французам, что я готов отдать назад всю или почти всю Францию и Бельгию за “божецкие” уступки их колоний в Африке,- а итальянцам, что они могут рассчитывать на “кусочек” итальянских земель Австрии плюс кусочки на Балканах. Я в силах добиться того, что мои предложения и планы станут известны народам: смогут ли тогда англичане удержать дальше своих западноевропейских союзников? А мы с тобой ! разделим Румынию, Галицию, Армению - Константинополя ; же тебе, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать!..” [77]
Был или не был на самом деле такой разговор? Разве столь уж это важно? Существенно, что именно так пошли дела. Об этом Ленин и пишет в “Социал-демократе”: “Мы за демократический мир. И именно поэтому мы не хотим лгать народам... Мы будем говорить правду: что демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии, России не свергнет буржуазные правительства... На очередь дня - не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей - поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс, создающим новые устои, а не сделками на почве сгнившего и отмирающего старого” [78].
Номер “Социал-демократа” с этими ленинскими строками выходит 31 января. А несколько ранее в Народном доме Цюриха, где собирается обычно местная социал-демократическая организация, готовится молодежный митинг. Он посвящен двенадцатой годовщине Кровавого воскресенья. Ленин соглашается выступить на немецком языке.
Текст он пишет заранее и, хоть владеет немецким языком свободно, просит предварительно прослушать его.
Вечером накануне митинга Ульяновы приходят к Харитоновым.
- Здравствуйте! Вот и докладчик явился,- смеясь, приветствует Владимир Ильич хозяев. И сразу же предлагает: - Что ж, сейчас и начнем. Уже восемь часов, а вам ведь рано вставать на работу.
Не мешкая, Ленин усаживается за стол. Извлекает стопку листков, исписанных мелким, размашистым, не очень разборчивым почерком. Снимает с цепочки свои большие карманные часы, кладет их перед собой. И начинает читать доклад.
“В Цюрихе,- узнаем от Крупской,- в это время было немало революционно настроенной молодежи из других стран - из Германии, Италии и пр., не хотевших принимать участия в империалистской войне, и Владимир Ильич хотел для этой молодежи осветить как можно полнее опыт революционной борьбы рабочих, показать значение Московского восстания...” [79]
Ленин описывает трагические события, предшествовавшие первой русской революции. Он говорит о ее влиянии на судьбы народов. О размахе революционного движения в России. О том, что “грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых” [80].
Сутки спустя, на этот раз уже с трибуны Народного дома, Ленин вновь читает доклад. Обращаясь к молодежи, заполнившей просторный зал, он заявляет:
- Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы - буржуазия, и их приказчики - правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода... [81]

Через границы и фронты идут в эти январские дни к Ленину вести о том, как вступила в новый год Россия: о солдатах, мерзнущих в окопах; об их женах, выстаивающих в очередях за хлебом; о голодающих детях; о крестьянской нищете; о тянущихся к власти думских парламентариях, рассчитывающих конституционной монархией сменить прогнивший режим.
Идут к Ленину вести о приближающейся революционной буре: о забастовках в Питере за Нарвской заставой и на Выборгской стороне; о многотысячной демонстрации в Москве; о демонстрациях рабочих в Баку, Харькове, Туле, Нижнем Новгороде.
В один из этих дней в Цюрих приходит отправленная из Петрограда бандероль. В ней - "Журнал для хозяек". В его твердой обложке оказывается зашифрованное письмо Ленину. Когда на Шпигельгассе доставляют этот безобидный женский журнал, Крупская извлекает из его обложки листок папиросной бумаги. Она расшифровывает сообщение Русского бюро ЦК РСДРП о том, что политическая борьба с каждым днем обостряется; со дня на день может вспыхнуть революционный ураган; успешно сплачиваются Юг, Поволжье, Урал, основано Московское областное бюро.
Сколько таких радостных вестей теперь приходит в Цюрих! Ленин тотчас же делится ими с соратниками, друзьями - с теми, кто, как и он, обречен долгие годы жить в эмиграции.
Он сообщает однажды в Кларан И. Арманд: "Дорогой друг! Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник..." [82]
И вскоре сбываются эти вещие слова...
Владимир Ильич по обыкновению собирается после обеда в библиотеку. Но вдруг в комнату врывается возбужденный Мечислав Броньский, польский социал-демократ.
- Вы ничего не знаете? - восклицает он.- В России революция!
По узким переулкам Ульяновы устремляются к набережной озера. Там под навесом газеты вывешиваются тотчас по выходе. Несколько раз перечитывает Ленин телеграммы. Да, в России действительно после трехдневных боев победила революция, действительно низвергнуто самодержавие, арестованы царские министры.
Он торопится в русскую читальню - там наверняка уже собрались эмигранты,- а по дороге анализирует первые скупые газетные сообщения.
В читальне Владимира Ильича забрасывают вопросами. Кто-то связывается с редакциями газет:
- Нет ли новостей из России?
- Пока их еще нет.
Ленин пишет И. Арманд:
"Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.111 есть телеграмма... что в России 14.111 победила революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все арестованы...
Что Россия была последние дни накануне революции, это несомненно" [83].
С нетерпением ждет Владимир Ильич нового дня. Раскрывает газеты. В них - подробности о событиях в России.
"Сейчас,- пишет он в Христианию А. Коллонтай,- получили вторые правительственные телеграммы о революции 1 (14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По "старому" европейскому шаблону...
Ну что ж! Этот "первый этап первой (из порождаемых войной) революции" не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни" [84].
Проходит еще одна ночь. Ленин знакомится с сообщениями Петербургского телеграфного агентства о программе нового правительства. Снова он пишет Коллонтай. Но обращается, по существу, ко всем большевикам, находящимся сейчас в Скандинавии, готовящимся к отъезду в Россию.
"По-моему,- делится своими мыслями Владимир Ильич,- главное теперь - не дать себя запутать в глупые "объединительные" попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде ОК, Троцкого и К°) и продолжать работу своей партией в последовательно-интернациональном духе.

Сейчас на очереди - уширение работы, организация масс, пробуждение новых слоев, отсталых, сельских, прислуги, ячейки в войске для систематической, обстоятельной Entlarvung (Разоблачение.) нового правительства и подготовки завоевания власти Советами рабочих депутатов. Только такая власть может дать хлеб, мир и свободу.

Сейчас - добивать реакцию, ни тени доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°) и вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа" [85].

Ленин набросал уже тезисы о задачах пролетариата в русской революции и отправляет их Коллонтай. Просит ознакомить с ними всех большевиков, возвращающихся из Скандинавии в Россию. Он разъясняет:

"...Новое правительство, захватившее власть в Петербурге или, вернее, вырвавшее ее из рук победившего в геройской кровавой борьбе пролетариата, состоит из либеральных буржуа и помещиков... Новое правительство состоит из заведомых сторонников и защитников империалистской войны с Германией, т. е. войны в союзе с империалистскими правительствами Англии и Франции, войны ради грабежа и завоевания чужих стран... Новое правительство не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир..." [86]

Владимир Ильич опасается: "...болезнью повальной теперь будет в Питере "просто" увлечение, без систематической работы над партией нового типа" [87]. Он делится своей тревогой с Коллонтай. Снова указывает на то, что должно стать сейчас главным: "Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им доказать, что мир даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть" [88].

Но получит ли письмо Коллонтай? Надо и другим путем связаться с большевиками, возвращающимися из Стокгольма и Христиании в Россию. И Ленин телеграфирует им через шведского социал-демократа Лундстрёма: "Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата - единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями" [89].

Ленин просит сообщить об этом в Петроград. И несколько дней спустя его телеграмму огласят на заседаниях Русского бюро ЦК РСДРП, исполнительной комиссии Петербургского комитета партии.

В первые же минуты, как только пришло сообщение о революции, Ленин решительно заявил:

- Надо готовиться к отъезду в Россию!

С этой целью в Цюрихе на общешвейцарском съезде русских эмигрантов создается специальный комитет. Он связывается с такими же комитетами в Париже, Лондоне, Стокгольме. Оттуда поступают неутешительные вести: правительства держав Антанты способствуют возвращению на родину только социал-шовинистов, интернационалистам же чинят препятствия. В Цюрих пишут: "Существуют международные списки (так называемые военно-контрольные списки). Они составлялись союзными правительствами. В эти списки вносились не только военные шпионы, но под видом таковых и видные политические эмигранты, точка зрения которых не соответствовала видам правительства соответствующей страны. По указаниям русской политической полиции в эти списки вносились главным образом циммервальдцы" [90].

Сообщает и российская миссия в Берне: "В настоящее время пути для проезда в Россию нет, и гарантий беспрепятственного следования в Россию миссия предоставить не может" [91].

Ничего другого, конечно, нельзя было и ждать. Ведь в посольстве сидят те же, что и при царе, советники, те же секретари. Им-то хорошо известно, кого вовсе не жаждет видеть в России Временное правительство.

Ленин же рвется на родину. Он понимает, что нужно быть сейчас там. Но как туда попасть, если все пути сообщения из нейтральной Швейцарии в воюющую Россию находятся в руках Англии и Франции, не пропускающих интернационалистов?

“Я уверен,- пишет он Арманд,- что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) папашу (Партийный псевдоним М. Литвинова.) в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносится ли через меня с немецкими социалистами.
Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма “особых” мер” [92].
Может быть, проехать нелегально, если нет легальных путей? Владимир Ильич обдумывает всевозможные варианты. Не перелететь ли на аэроплане? Нет, этот план неосуществим. Или поехать через Германию с паспортом иностранца из нейтральной страны? Ну, хотя бы шведа? Но Ленин не знает языка. Может быть, прикинуться немым? Надо связаться с находящимся в Стокгольме Ганецким.
“Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением,- вспоминает тот,- что мне выслано важное письмо, получение которого он просит подтвердить по телеграфу. Дня через три получаю по почте книгу из Швейцарии. Я догадался, что в переплете найду письмо Ильича. Так и оказалось. Я нашел маленькую записку Ильича и... его фотографию. В записке было написано приблизительно следующее: ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемой. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию” [93].
Прочтя записку, Ганецкий понял, как томится Ленин, если предлагает столь фантастический план. Но фотографию Ганецкий использует. 6 апреля она появится в газете левых шведских социал-демократов “Политикен”. В этом же номере будет опубликована написанная В. Воровским статья “Вождь русской революции”. Она завершится словами: “Вскоре Ленин вернется в освобожденную Россию, где товарищи ждут с нетерпением приезда желанного вождя” [94].
Но как попасть в Россию?
В эмигрантской среде рождается план проезда через Германию. Ленин сознает, что этот шаг чреват политическими последствиями, что в обстановке войны он будет неминуемо использован противниками для вражеской пропаганды. Но иного выхода нет. Отказаться от поездки через Германию - значит отказаться от всякой борьбы вообще.
Чтобы обсудить новый план, в цюрихском Доме профсоюзов собираются представители партийных групп. И оказывается, что меньшевики, бундовцы, эсеры намерены ждать согласия на такую поездку от Временного правительства, в крайнем случае от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.
- Все мы убеждены,- возражает Ленин,- что мы, интернационалисты, не сможем ехать через Англию. Ни Милюков, ни Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, в своем большинстве состоящий из социал-патриотов, нам в этом не захотят помочь. Они заинтересованы, чтобы мы подольше здесь сидели и не мешали им вовлекать российский пролетариат в продолжение начатой царизмом империалистской войны. Наш долг - не допустить этого. Чего вы боитесь? Будут говорить, что мы воспользовались услугами немцев? Все равно и так говорят, что мы, интернационалисты, продались немцам, так как не хотим поддерживать империалистской политики буржуазии Франции и Англии. Откладывая поездку, мы нанесем вред рабочему движению, так как без нас социал-патриоты втянут рабочих в войну с немцами в интересах буржуазных кругов Антанты.
Долго ходит в этот вечер Ленин по пустынным улицам Цюриха. С горечью говорит он своему спутнику Багоцкому о тех, кто требует санкции из Петрограда:
- Ни один разумный человек не усомнится, что мы едем в Россию не по поручению немцев. Вся наша многолетняя работа служит тому доказательством. А дальнейшая работа еще более подтвердит это. Ведь просто преступно сидеть здесь сложа руки, когда мы так нужны пролетариату в России.
Но все эти дни, когда изыскиваются способы возвращения на родину, Ленин не сидит сложа руки. Он штудирует множество газет: “Таймс”, “Юманите”, “Нойе Цюрихер Цайтунг”, “Берлинер Тагеблат”, “Франкфуртер Цайтунг”, “Фоссише Цайтунг”, “Тан”, “Манчестер гардиан”, “Нойе Фрайе Прессе”, “Коррьере делла сера”, “Пти паризьен” и другие. Делает из них выписки о ходе революции в России.

“Хорошо бы было,- высказывает пожелание Ленин,- если бы какой-либо свободный человек (еще бы лучше группа, но если нет ее, то хоть один) взялся собрать все телеграммы (и статьи по возможности) всех заграничных газет с русской революции.
Материала тьма. Следить не под силу” [95]. Не до поездок сейчас Ленину с рефератами. Но еще два месяца назад дал он слово приехать в Ла-Шо-де-Фон, выступить там в годовщину Парижской коммуны. И Ленин сообщает: будет, как условились, восемнадцатого. Однако формулирует теперь тему реферата так: “Пойдет ли русская революция по пути Парижской коммуны?”
Ленин выступает в рабочем клубе на улице Премье Марс. Четыре дня спустя газета “Сентинель” сообщит: “По случаю праздника в ознаменование событий марта 1871 года, организованного социалистической партией и международным рабочим союзом, состоялось собрание. В празднике было представлено много русских и немецких товарищей. Русский товарищ Ленин, вождь левого русского течения, говорил на немецком языке о событиях 1871 года и их значении” [96].
Поздно вечером возвращается он в Цюрих, где намерен выступить на митинге в Народном доме. Митинг будет посвящен второй русской революции. А проводится он швейцарским “Союзом молодежи”. Однако в самый последний момент выясняется: организаторы пригласили докладчиком не только Ленина, но и Мартынова. Нет, выступать с одним из лидеров меньшевиков Владимир Ильич ни в коем случае не будет!
- Вы, видимо, меньшевиков еще недостаточно хорошо знаете,- говорит Ленин секретарю Цюрихской секции большевиков.- Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым, то содержание моей речи станет известно в России значительно позже, а о самом факте нашего совместного выступления заграничные меньшевики протелеграфируют в Россию, а там Дан и компания сумеют использовать этот факт в целях объединения большевиков с меньшевиками. Раз Ленин и Мартынов объединились за границей, то нам в России и подавно следует объединиться и т. п. Самая большая опасность, которая угрожает русской революции,- это объединение большевиков с меньшевиками. Ленин отказывается от приглашения приехать и в Женеву. “Ни на реферат, ни на митинг я теперь не поеду,- сообщает он Карпинскому,- ибо надо писать ежедневно в “Правду” в Питер” [97].
Пишет Ленин “Письма из далека”. Он оценивает в них движущие силы, характер, направление революции в России. Он разрабатывает сложнейшие вопросы теории революции, государства, войны и мира, тактики партии.
Завершив два первых письма - “Первый этап первой революции” и “Новое правительство и пролетариат”,- Ленин пересылает их в Петроград. “Я только что отослал ускоренной почтой два письма с двумя статьями для петроградской “Правды” в Христианию (Виднее, “Социал-Демократ”, для Коллонтай),- сообщает он Ганецкому.- Я надеюсь, что оба письма застанут Коллонтай в Христиании до ее отъезда... Если же нет, прошу Вас, будьте так добры, во-первых, проверить, хорошо ли работает в Христиании аппарат пересылки; во-вторых, если надо, перешлите все сами. Я пользуюсь пока лишь одним петроградским адресом: Издательство “Жизнь и Знание”, г-ну Влад. Бонч-Бруевичу, Фонтанка, 38, кв. 19, Петроград. Этот издатель тотчас передаст “Правде”” [98].
А на следующее утро, раскрыв “Франкфуртер Цайтунг”, Ленин узнает о “Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии ко всем гражданам России”. И хотя в газете приведены только выдержки из этого документа, опубликованного “Известиями Петроградского Совета”, но и по ним можно судить о том, что Центральный Комитет РСДРП провозгласил требования демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, конфискации хлебных запасов, а главное, прекращения грабительской войны.
Ленин в восторге. Он просит Ганецкого: “Телеграфируйте “Правде”, с приложением обратного адреса. Только что прочел выдержки из Манифеста Центрального Комитета. Наилучшие пожелания!..” [99] Он сразу же запрашивает Арманд:
“Видели в “Frankfurter Zaitung” (и в “Volksrecht!”) выдержки из Манифеста ЦК? Хороши ведь! Поздравляю” [100].
Ленин приступает сейчас к третьему “Письму из далека”. Начинает он его с того, что принесло сегодня огромную радость,- с опубликованного в Петрограде “Манифеста”. Это

письмо, как и четвертое, уходит из Цюриха три дня спустя. Чтобы удобнее было доставить их в Петроград, Ленин настоятельно просит находящуюся в Женеве С. Равич: “Мои письма в “Правду” прошу переписать на самой тонкой бумаге” [101]. Обеспокоенный судьбой этих писем, он запрашивает вскоре Ганецкого: “Я надеюсь, Вы получили мои “Письма из далека №№ 1-4... Если эти письма пропали или не дошли до Питера, прошу телеграфировать мне, и я вышлю копии” [102]. В пятом из своих “Писем” Ленин излагает содержание первых четырех: “В предыдущих письмах задачи революционного пролетариата в России в настоящий момент были намечены следующим образом: (1) суметь подойти наиболее верным путем к следующему этапу революции или ко второй революции, которая (2) должна передать государственную власть из рук правительства помещиков и капиталистов (Гучковых, Львовых, Милюковых, Керенских) в руки правительства рабочих и беднейших крестьян. (3) Это последнее правительство должно организоваться по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов, именно (4) оно должно разбить, совершенно устранить старую и обычную во всех буржуазных государствах государственную машину, армию, полицию, бюрократию (чиновничество), заменив эту машину (5) не только массовой, но и поголовно-всеобщей организацией вооруженного народа. (6) Только такое правительство, “такое” по своему классовому составу (“революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства”) и по своим органам управления (“пролетарская милиция”) в состоянии успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно-неотложную, главнейшую задачу момента, именно: добиться мира, притом не империалистского мира, не сделки между империалистскими державами о дележе награбленной капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достижим без пролетарской революции в ряде стран. (7) В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли...). (8) В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению “всеобщей трудовой повинности” и т. д. ...” [103]

Такова вкратце намеченная Лениным программа. Она учитывает классовые силы революции. Учитывает опыт и Парижской коммуны, и первой русской революции.

“Письма из далека” перепечатываются на машинке. Через Скандинавию они пересылаются в Россию.

Но туда должен попасть и сам Ленин. Попасть как можно быстрее. Он отвергает доводы меньшевиков, бундовцев, эсеров, уверяющих, что немецкий кайзер, даже если он пропустит русских эмигрантов, будет преследовать при этом свои собственные цели.

- Мне нет дела до целей кайзера,- заявляет Владимир Ильич,- какая в конце концов разница, что он хочет? Я знаю одно: я должен быть там, а не здесь...

Ленин негодует:

- Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков мерзавцами первой степени, “боящихся” того, что скажет “общественное мнение”, т. е. социал-патриоты!!! Я еду... во всяком случае [104].

Ленин, свидетельствует Луначарский, уверен в своей правоте. С усмешкой обращается он к тем, кто тормозит возвращение в Россию:

- Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех.

2 апреля в цюрихском рабочем клубе собирается группа левых социал-демократов. Возбужденный, ходит по комнате Владимир Ильич. Переговоры с германским правительством не сдвинулись с места. И это, конечно, неспроста.

- Мы просим вас,- обращается Владимир Ильич к Фрицу Платтену,- быть нашим доверенным лицом, взять на себя переговоры с немецким послом Ромбергом. Мы уполномочиваем вас говорить с Ромбергом прямо от моего имени.

Фриц Платтен уже шесть лет член социал-демократической партии Швейцарии. С той поры, как началась война, он установил контакт с Цюрихской секцией большевиков. Ленин хорошо его знает. Полностью ему доверяет.
Платтен раздумывает недолго. Спустя два часа он и Ленин уже в бернском поезде. В тот же вечер Платтен звонит послу.
"На первом свидании с Ромбергом,- сообщает он,- был поставлен только один основной вопрос: согласно ли германское правительство пропустить через Германию русских эмигрантов без различия их партийной принадлежности? На это был получен утвердительный ответ. Теперь осталось только выработать условия, при которых будет происходить поездка. Ленин поселился в маленькой комнатке в Народном доме, Там и были составлены эти условия..." [105]
Вот документ, подготовленный при участии Ленина и немедленно врученный германскому послу:
"1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и на свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.
2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтеном. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.
3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.
4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире.
5. Платтен берет на себя снабжение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.
6. По возможности, проезд должен быть совершен без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической к тому необходимости.
7. Разрешение на проезд дается на основе обмена на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.
8. Посредник и пассажиры принимают на себя обязательство персонально и в частном порядке добиваться у рабочего класса выполнения пункта 7-го.
9. Наивозможно скорое совершение переезда от Швейцарской границы к Шведской, насколько это технически выполнимо" [106].
Владимир Ильич понимает, что при любых условиях проезд русских через Германию вызовет бурю, что сторонники Антанты обрушатся на них с клеветой. Тем более важно оградить себя и товарищей от всяких контактов с населением Германии. Признание за русскими эмигрантами экстерриториальности позволит создать прочную защиту от нежелательных инцидентов.
Ромберг знакомится с врученным ему текстом условий переговоров.
- Кажется,-- хмуро замечает он,- не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия. В дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-либо государства условия проезда через его страну. Подобная позиция уезжающих может затормозить разрешение на поездку.
- Уезжающие,- категорически возражает Платтен,- находятся в совершенно исключительном положении. Я имею поручение сообщить господину Ромбергу, что эмигранты во главе с Лениным лишены будут возможности предпринять путешествие, если будет внесено какое-либо изменение или будет аннулирован какой-либо из пунктов.
- Я буду телеграфировать в Берлин,- заверяет Ромберг.
Он встает, давая понять, что аудиенция закончена.
А в парижской "Пти паризьен" появляется между тем корреспонденция из России. Министр иностранных дел Милюков, сообщает газета, грозится предать суду всех, кто поедет через Германию.
Эта весть укрепляет Ленина в убеждении, что необходима полная гласность отъезда. Надо составить, а затем опубликовать заявление представителей социалистических партий разных стран. Оно должно подтвердить, что у эмигрантов нет иного пути для возвращения на родину.

Ленин хочет знать мнение Бюро ЦК партии большевиков. Он телеграфирует Ганецкому: "Желательно мнение Беленина" [107].
Под Белениным подразумевает Ленин Бюро ЦК. И оно дает директиву: "Ульянов должен тотчас же приехать" [108].
Эта директива поступает 5 апреля. А на следующий день Фриц Платтен сообщает находящемуся в Берне Ленину, что после некоторых колебаний германское правительство согласилось пропустить русских через свою территорию. Значит, заявление представителей социалистических партий разных стран необходимо немедленно. В Народном доме Ленин проводит совещание с представителями левых социал-демократов Франции, Германии, Швейцарии, Польши. Он информирует их об обстоятельствах отъезда русских политических эмигрантов в Россию через Германию. Те тут же пишут декларацию, к которой присоединяются вскоре шведские и норвежские социалисты. Она будет опубликована 14 апреля в № 86 газеты "Политикен".
"Нам, нижеподписавшимся,- говорится в декларации,- известны препятствия, которые правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов. Нам известны условия, на которых немецкое правительство разрешило проезд в Швецию... Мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, Швеции и Норвегии, полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию. Мы желаем им наилучшего успеха в их борьбе против империалистской политики русской буржуазии - борьбе, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социалистическую революцию" [109].
- Я как сейчас вижу сияющее лицо Ленина,- подтвердит несколько лет спустя один из французских представителей Анри Гильбо.
Давно уже подготовлено Лениным "Прощальное письмо к швейцарским рабочим". Он оглашает его на собрании отъезжающих большевиков. От имени своих единомышленников Владимир Ильич шлет привет рабочим-швейцарцам, выражает признательность за товарищеское отношение к эмигрантам.
"...Со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения,- пишет он,- мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними" [110].
Ленин заявляет в "Прощальном письме к швейцарским рабочим": "Превращение империалистской войны в войну гражданскую становится фактом" [111]. Он завершает письмо призывом: "Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!" [112]
На следующий день, 9 апреля, Ульяновы в Цюрихе. Ленин собирает тех, кто возвращается с ним на родину. Ответственность за проезд через Германию каждый принимает на себя. Ленин первым подписывает заявление:
"Я нижеподписавшийся удостоверяю своей подписью:
1. что условия, установленные Платтеном с германским посольством, мне объявлены;
2. что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;
3. что мне сообщено известие из "Petit Parisien", согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;
4. что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;
5. что Платтеном мне гарантирована поездка только до Стокгольма..." [113]
До отхода поезда, который увезет Ленина и его товарищей из Швейцарии, остается два часа. А еще предстоит ликвидировать "домашнее хозяйство", отнести в библиотеку книги, выполнить множество других дел.
В течение двух часов Владимир Ильич и Надежда Константиновна укладывают книги, отбирают необходимую одежду, вещи. Навсегда покидают они дом на Шпигельгассе, гостеприимный кров сапожника Каммерера.
- Надо надеяться, что в России, - говорит тот, прощаясь,- вам не придется так много работать, как здесь, господин Ульянов!
- Я думаю, господин Каммерер, - задумчиво произносит Владимир Ильич, - в Петрограде мне придется работать еще больше!

- Ну-ну, - отвечает сапожник, - больше, чем здесь, вы, так или иначе, не сможете писать!.. А найдете ли вы там сразу комнату? Ведь там, наверное, сейчас жилищный кризис?
- Комнату-то я получу в любом случае, - успокаивает его Владимир Ильич, - только я не знаю, будет ли она такой же тихой, как ваша, господин Каммерер!
В этот ясный весенний день у поезда, идущего к немецкой границе, собирается небольшая группа людей - 19 большевиков, несколько бундовцев и сторонников издающейся в Париже меньшевистско-троцкистской газеты "Наше слово" Уезжающих провожают швейцарские рабочие. Здесь больше молодежи - членов кружка при журнале "Фрайе югенд", с которыми Ленин вел занятия.
Он пытается скрыть волнение. Весело шутит. Непринужденно беседует с провожающими. Но часто поглядывает на часы. И только по этому можно догадаться, с каким нетерпением ждет он момента отъезда.
- Надеемся вскоре вновь увидеть вас среди нас, товарищ! - обращается к нему один из швейцарских друзей.
- Это было бы нехорошим политическим признаком! - отвечает, улыбаясь, Ленин.
- Простите, что обременяю вас поручением, но не хватило времени сделать это самому,- отводит он в сторону остающуюся еще в Цюрихе Р. Харитонову.
Ленин протягивает ей сберегательную книжку и просит уплатить за него и Крупскую в Цюрихскую секцию большевиков апрельский взнос.
Эту сберегательную книжку под № 611361 Ленин завел в Цюрихском кантональном банке еще 28 декабря 1916 года. Он положил тогда на счет сто франков - залог, который потребовали от него в городском полицейском управлении для продления срока проживания в Цюрихе. Но, готовясь к отъезду в Россию, Ленин взял из банка девяносто пять франков. Осталось на книжке пять франков и пять сантимов.
Когда Харитонова с этой книжкой придет в кантональный банк, Ленин будет уже в Петрограде. Буржуазные газеты, склоняя на все лады его имя, распустят слух о том, что Ульянов получил, дескать, от германского правительства два миллиона франков.
- Прошу обратить внимание на эту сберкнижку, - попросит Харитонова главного кассира.
- В. Ульянов. Как? Тот самый Ульянов, который жил как политический эмигрант у нас в Цюрихе, а сейчас в России стал таким знаменитым человеком? Ульянов, о котором пишется во всех газетах?! - воскликнет кассир.
- Да, - ответит Харитонова. - Это тот самый Ульянов, политический эмигрант, который проживал в старом Цюрихе, на Шпигельгассе, 14, у сапожного мастера Каммерера. Теперь он после долгих лет изгнания вернулся в Россию, чтобы вместе с народом добиться свободы и счастья для своей родины.
К окну главного кассира подойдут клерки. Сберегательная книжка знаменитого вкладчика пойдет по рукам.
- Что ж,- обратится наконец к Харитоновой главный кассир, - вы можете закрыть счет и получить этот вклад.
- Нет, благодарю вас,- откажется Харитонова.- Не для этого я пришла к вам. Эту сберкнижку я увезу с собой на родину - в Россию, а вклад пусть останется в банке, в Швейцарии. Невелик вклад, но зато велик его вкладчик. Мне лишь хотелось, чтобы вы знали об этом...
Примечания:
[71] "Новое время", 1(14) января 1917 г.
[72] "Биржевые ведомости", 1(14) января 1917 г.
[73] "Русские ведомости", 1 (14) января 1917
[74] См. "Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника", т. 3, с. 585.
[75] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 244.
[76] Там же, с. 341-342.
[77] Там же, с. 342-343.
[78] Там же, с. 346.
[79] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 286.
[80] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 327.
[81] Там же.
[82] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 390.

[83] Там же, с. 399.
[84] Там же.
[85] Там же, с. 402.
[86] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 1-2.
[87] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 403.
[88] Там же.
[89] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 7.
[90] См. “Знамя”, 1956, № 12, с. 178.
[91] Там же.
[92] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 404-405.
[93] “Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине”, т. 2, с. 377.
[94] В. Воровский. Сборник статей. М., 1959, с. 132.
[95] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 414.
[96] См. А. С. Кудрявцев, Л. Л. Муравьева, И. И. Сиволап-Кафтанова. Ленин в Берне и Цюрихе, с. 223.
[97] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 406.
[98] Там же, с. 407.
[99] Там же, с. 409.
[100] Там же.
[101] Там же, с. 416.
[102] Там же, с. 420.
[103] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 55-56.
[104] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 427.
[105] “О Ленине. Воспоминания зарубежных современников”. Изд. 2. М., 1966, с. 160.
[106] Ленинский сборник II, с. 382-383.
[107] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 429.
[108] Ленинский сборник XIII, с. 270.
[109] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 524.
[110] Там же, с. 87.
[111] Там же, с. 94.
[112] Там же.
[113] См. там же, с. 524-525.
[114] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 353.

Впереди - Петроград!

Поезд приходит на пограничную станцию Готтмадинген. Здесь предстоит пересесть в германский железнодорожный состав. На перроне русских эмигрантов ждут немецкие офицеры. Они указывают зал таможни, где должны пересчитать едущих. По договору спрашивать у них паспорта они не имеют права.

Владимир Ильич спокойно стоит у стены, окруженный товарищами. Как и все, стоит молча, о чем-то думая.

Начинается посадка. Русским эмигрантам предоставляют вагон. Три его двери запломбированы. Четвертая, задняя дверь остается открытой. Ближайшее к ней купе отведено двум офицерам - уполномоченным германского военного командования. На полу коридора мелом отмечена граница между ними и российскими революционерами. Никто, кроме Фрица Платтена, не имеет права переходить эту меловую черту.

Ульяновым выделяют отдельное купе. Ленин энергично протестует. Но все знают: ему надо работать. И действительно, когда кто-то вскоре заглядывает в купе, он видит Владимира Ильича уже склонившимся над тетрадью. Ленин делает наброски документа, с которым познакомит вскоре едущих с ним большевиков, наброски своих знаменитых Апрельских тезисов. Их огласит он по приезде в Петроград. Ленин развивает в этих тезисах мысли, высказанные им в “Письмах из далека”. Он разрабатывает конкретный план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. В купе вагона пишет Ленин о путях выхода из империалистической войны, о новой форме государственной власти, о проведении назревших экономических мер, являющихся

первыми шагами к социализму, о борьбе с голодом и разрухой, о тактике партии в период подготовки социалистической революции.
Германские власти боятся, как бы появление на немецкой территории русских революционеров не вызвало манифестации. Поэтому пока поезд с эмигрантами не покинет Германию, газетам строго-настрого запрещено что-либо сообщать о них.
И все же кое-кто узнает о запломбированном вагоне. Во Франкфурте поезд стоит дольше обычного, и платформу оцепляет военная стража. Вдруг сквозь цепь к вагону устремляются немецкие солдаты. Каждый держит в обеих руках по кувшину пива. Они выкрикивают:
- Будет ли мир? Когда?
На другой остановке - в Штутгарте в вагон пытаются проникнуть представители германских профсоюзов, те, кого Ленин уже не первый год бичует в своих статьях. “Когда мы ехали в вагоне по Германии,- вспомнит он,- то эти господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим” [114].
12 апреля поезд прибывает наконец в Засниц. Это пограничный пункт. Германия осталась позади. Впереди лежит Швеция. В Стокгольм к Ганецкому уходит телеграмма. Она оповещает находящихся там большевиков и шведских левых социал-демократов: “Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг. Платтен, Ульянов” [115].
Треллеборг - порт в Швеции. Прибывших доставит туда пароход “Королева Виктория”. Ленин со своими спутниками поднимается на его борт. Они поют революционные песни. “Марсельеза” сменяется “Карманьолой”, “Карманьола” - “Интернационалом”.
Капитан требует заполнить длиннейшие анкеты. Владимир Ильич встречает их с опаской.
- Подписывайтесь лучше псевдонимами,- предлагает он.
А Ганецкий уже ждет товарищей в Треллеборге. С удивлением и тревогой знакомится он вскоре со списком пассажиров. Какая досада: ни Ленина, ни других, кто должен сегодня прибыть, на пароходе нет!
Ганецкий обращается к начальнику станции:
- Нельзя ли телеграфировать в Засниц?
- Пароход оттуда уже ушел,- отвечает тот.
- Нельзя ли в таком случае дать радиограмму на пароход?
- Можно, но принимаются лишь служебные радиограммы.
Ганецкий заметил на станции объявление царского Красного Креста. Можно этим воспользоваться. Он разъясняет начальнику, что командирован обществом принять партию эмигрантов. И тот радирует капитану: “Господин Ганецкий спрашивает, едет ли господин Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей”.
Пароходное радио принимает запрос. Ульянова, если верить анкетам, на борту нет. Но на всякий случай капитан обращается к пассажирам:
- Нет ли среди вас господина Ульянова? Ленин переглядывается со своим спутником - Михой Цхакая: можно ожидать любой неприятности.
- Что вам угодно? Я Ульянов,- отвечает он. Минут через двадцать в Треллеборг приходит ответ:
- Господин Ульянов приветствует господина Ганецкого и просит его заготовить билеты.
“Первым делом,- рассказывает Ганецкий,- бросаюсь к телефону, сообщаю товарищу в Мальме о приезде и прошу закрепить заказанный условно вагон в Стокгольм, а также заказать ужин в ближайшем возле вокзала ресторане. Переговорил с женой по телефону и просил исполнить оставленный план относительно гостиниц и тому подобного...
Заказываю билеты до Мальме и предупреждаю таможенные власти, что приезжает партия эмигрантов. Я прямо в исступлении. Начинаю агитировать таможенников в пользу нашей революции. Объясняю значение ее и роль в ней Ленина. Чиновники слушают внимательно, обещают вещей не осматривать, просят лишь... показать им Ленина.
Вот приближается пароход. Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец он причаливает. Постепенно появляются фигуры Владимира Ильича, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей...
Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах” [116].
Нельзя терять ни минуты: через четверть часа отходит поезд в Мальме. Таможенники не осматривают багажа, но настойчиво спрашивают:

- Где Ленин?..
Из Мальме - большого портового города со старинными замками, каналами, обрамленными зеленью вековых деревьев,- в специальном вагоне отправляются русские революционеры в Стокгольм.
До самого рассвета в купе Ленина длится беседа. Здесь" Ганецкий, с ним шведский социал-демократ журналист Отто Гримлунд. Ленин задает множество вопросов:
- Какова численность шведских социал-демократов? Что сделано партией? Какова позиция профсоюзов по отношению к политическим течениям? Кто руководители? Количество стачек? Союз молодежи?
Гримлунд отвечает, и Ленин проявляет живой интерес даже к самым незначительным деталям. А затем они меняются ролями. Теперь спрашивает журналист. Его интересует точка зрения Ленина и реакция большевиков на бурные события в России, тактика пролетариата в эти дни, задачи Советов рабочих и солдатских депутатов.
Лишь в четыре утра удается уговорить Владимира Ильича немного поспать. А через шесть часов поезд подходит к Стокгольму.
На перроне - бургомистр, представители шведских левых социал-демократов, русские политэмигранты. Здесь корреспонденты всех газет: коллеги из Мальме сообщили - в поезде Ленин. Вождя русских большевиков ждет кинооператор, и мимо него не пройти незамеченным.
Корреспондент “Политикен” просит интервью. Владимир Ильич заявляет:
- Самое важное - чтобы мы прибыли в Россию как можно скорее. Дорог каждый день...
Сутки спустя “Политикен” выйдет с сообщением на первой полосе: “Знаменитые революционеры - Ленин с 30-тью товарищами - проездом в Стокгольме”. Вместе с портретом опубликует газета и короткое интервью, взятое накануне ее корреспондентом у Владимира Ильича.
Ленин с товарищами останавливаются в отеле “Регина”. Здесь в первой половине дня он более часа беседует со шведским социал-демократом Фредриком Стрёмой.
- Русская революция,- заявляет Владимир Ильич,- только начинается. Она является продолжением революции девятьсот пятого года. Это еще буржуазная революция, вызванная войной и недовольством рабочих. Эта буржуазная революция должна перерасти в пролетарскую. Буржуазию поддерживают правые элементы рабочего движения, социал-патриоты, которые хотят продолжать империалистическую войну. Мы выставим требование: хлеба, мира и свободы. Кадеты, октябристы и помещики примкнули к настоящей революции в надежде избежать революции пролетарской и крестьянского бунта. Мы должны созвать конвент рабочих, солдат и крестьян.
Владимиру Ильичу передают: его хочет видеть Арвид Хансен. Давно уже как председатель Социал-демократического союза молодежи Норвегии и редактор газеты “Классе-кампен” он поддерживал контакты с Циммервальдской левой, переписывался с Лениным, посылал ему свои статьи о норвежском рабочем движении. Несколько дней назад Хансен вернулся из России. Он отправился туда в тот день, когда пришли первые вести о Февральской революции. Отправился корреспондентом западноевропейских газет. В российской столице он встречался с членами ЦК большевистской партии. У него важные сообщения для Ленина. И они беседуют в одном из коридоров отеля.
Здесь же в отеле прибывшие политэмигранты совещаются с руководителями шведских левых социал-демократов. Ленин выступает с сообщением об обстоятельствах проезда через Германию. И шведские социал-демократы приветствуют русских революционеров.
Несмотря на просьбы шведских друзей остаться хоть ненадолго, Ленин решает ехать немедля. Но прежде, чем покинуть Стокгольм, передает в “Политикен”, а через нее - представителям печати и общественности коммюнике:
“Англия, официально с “радостью в сердце” приветствовавшая русскую революцию, сделала все, чтобы тотчас же свести на нет один из результатов революции - политическую амнистию. Английское правительство не пропускает в Россию живущих за границей русских революционеров, которые выступают против войны. После того как это было бесспорно доказано,- данный факт подтвержден множеством материалов, которые в самое ближайшее время будут опубликованы, и русские социалисты всех направлений констатировали это в единодушно принятой резолюции - часть русских партийных

товарищей приняла решение попытаться вернуться из Швейцарии в Россию через Германию и Швецию...” [117]
Бурно прореагирует на это коммюнике английский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен. Он передаст министру иностранных дел Временного правительства Милюкову памятную записку. Со слов английского посланника в Стокгольме Бьюкенен сообщит, что “во время пребывания в Швеции Ленин излил свою горечь против Англии в газетной статье, в которой он заявляет, что скоро он опубликует доказательство того, что Англия сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать политической амнистии в России” [118]. Игнорируя эти доказательства, Бьюкенен поспешит отвергнуть обвинения вождя большевиков против Англии.
18 часов 37 минут. Ленин и его спутники покидают шведскую столицу. “Вокруг платформы,- узнают читатели “Политикен”,- была лихорадочная жизнь. До конца велись переговоры и обменивались информациями. В одном из окон вагона была видна характерная голова Ленина. Он, конечно, находился в центре внимания, в центре интересов. Незадолго до отхода поезда один армянин выступил с восторженной речью в честь Ленина, несгибаемого поборника интернационализма. Затем зазвучали слова “Интернационала” со всех взволнованно дрожащих уст. Из переполненных людьми окон вагона развевались красные флажки. Шум и пение как бы отражали великий революционный гром на востоке. При отходе поезда шведами была провозглашена здравица в честь революции, горячо подхваченная русскими. При неописуемом ликовании и бесчисленных “до свидания” поезд увез тех людей, которые должны принять участие в руководстве судьбами великой, освобожденной России” [119].
Поезд идет через Швецию. На всех станциях его встречают рабочие. Ленин приветствует их с площадки вагона, а провожающие русских шведские социалисты переводят его слова.
Утром Ленин просит одного из спутников:
- Пройдите, товарищ, по купе и попросите всех собраться. Поговорим и условимся, как держаться и что говорить в случае, если нас при въезде в Россию арестуют...
Опасность вполне реальная. И подстерегает она всех эмигрантов на шведско-русской границе. Ибо хозяйничают там военные представители английского правительства, которым Временное правительство фактически передало контроль над русской границей.
“Политикен” предупреждает; “Если английские офицеры, которые в настоящее время несут охрану на русской границе, не остановят Ленина на пороге его родины, то это будет зависеть только от того, что русские рабочие произвели бы сильный нажим на свое правительство, если оно осмелилось бы обращаться с их руководителем по английскому рецепту” [120].
Эмигранты собираются в длинном узком коридоре вагона. Ленин объясняет, что следует говорить в суде, если их арестуют, отдадут под суд за проезд через территорию Германии.
- Наши слова,- говорит он,- должны носить характер не защиты, а наоборот, мы обязаны сами обвинять Временное правительство, что оно не позаботилось о нас, не указало нам возможности выбраться из эмиграции, не снеслось для этого с правительствами держав-союзников...
7 часов 5 минут утра. Поезд останавливается в Хапаранде. Здесь кончается Швеция. На финских вейках по льду Ленин и его спутники отправляются дальше на финскую сторону. И вот они на пропускном пункте в Торнео. Английские офицеры - чины межсоюзнической комендатуры - обыскивают русских эмигрантов. Как хорошо, что Ленин предусмотрительно оставил в Стокгольме все документы о проезде в Россию!
- Наши испытания, товарищ Миха, кажется, кончились,- говорит Ленин Цхакая,- мы на своей земле. И мы им покажем, что мы - достойные хозяева будущего.
“Было уже все свое, милое - плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты,- пишет Крупская.- Ужасно хорошо было” [121].
Несколько раз прошел мимо Ульяновых поручик. И когда они перешли в соседний пустой вагон, он подсел к Ленину, заговорил с ним. Поручик - оборонец. Ленин защищает свою точку зрения. Вскоре вагон заполняют солдаты. Они стоят на лавках, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит о грабительской войне С каждой минутой растет их внимание...
Все ближе и ближе Петроград...

8 этот пасхальный день - 3 (16) апреля - в российской столице не вышли газеты. Но там уже знают: из эмиграции возвращается Ленин.
Еще утром английский посол передал в министерство иностранных дел Временного правительства записку. Он предостерег: "Ленин - хороший организатор и крайне опасный человек, и, весьма вероятно, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде". Возвращение Ленина встревожило и французского посла. От него также поступила в этот день записка, полная намеков: неспроста, дескать, германское правительство разрешило Ленину проезд через свою территорию.
Временное правительство подхватило эту рожденную в посольском особняке провокационную версию. Особенно после того, как узнало о встрече, которую готовил рабочий Питер своему вождю.
Утром в Петроград из Торнео пришла телеграмма: "Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите "Правде". Ульянов" [122]. Адресована она была сестре на Широкую улицу. Мария Ильинична тотчас же отправилась в особняк Кшесинской. Здесь помещались Центральный и Петербургский комитеты партии. Дежурил в это утро Подвойский - член исполнительной комиссии ПК, председатель Военной организации большевиков. Ему и сообщила Мария Ильинична о приезде Ленина.
- Мы были озадачены вопросом: как мы можем поднять массы на встречу Владимира Ильича? - вспоминал Подвойский.- Заводы стоят. Воинские команды в отпуску... Решили привлечь броневой дивизион, с которым у нас была связь через товарища Елина как руководителя большевистской организации мастерских этого дивизиона.
И рассказывает о том, что предпринял он, Г. Елин.
- Разговор происходил с т. Подвойским часов в 7 вечера,- свидетельствует Г. Елин,- а к Финляндскому вокзалу надо было прибыть часам к 10-11 вечера. Поэтому надо было разрешать все в самом срочном порядке... В мастерских в это время, кроме охраны, никого не было, а поэтому немедленно приступили к делу. Проверили, какие машины на ходу, таких оказалось три: 1 легковая, 1 грузовая, 1 броневик. Тут же вскоре появились солдаты из казарм, и закипела работа. Одни бензин собирали по капле из разных машин, другие регулировали моторы, третьи мыли броневик, чтобы он был почище. И все это делалось необычайно быстро, изобретательно, восторженно.
Охране было заявлено, что машины выезжают на испытание. А направились они к Финляндскому вокзалу.
"Встреча Ленина началась с Белоострова...- сообщила "Правда" 5(18) апреля 1917 года.- Но это было лишь начало, настоящая встреча ждала Ленина в Питере.
В Петрограде на перроне по обеим сторонам были выстроены броневики, солдаты пулеметной роты, Московского, Преображенского полков, матросы флотского экипажа с оркестром музыки и пр. При появлении тов. Ленина и др. ехавших с ним эмигрантов солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл "Марсельезу".
Несколько кратких приветственных речей к матросам и солдатам были произнесены Лениным на перроне, после чего почетный караул провел его в бывшие царские покои. Туда собрались для встречи представители Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, петроградских районных и подрайонных организаций, приветствовавшие приезжих.
Вся площадь и улицы, прилегающие к вокзалу, были заполнены организованными рабочими различных районов Петрограда. Тут были десятки тысяч народу...
На улице, стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе, указав, что пролетариат всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русского пролетариата" [123].
Об этом историческом дне Крупская вспоминает:
"Нас привезли в дом Кшесинской... Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона. Впечатления от встречи, от этой поднятой революционной стихии заслоняли все.

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу. Мария Ильинична жила с ними. Жили они на Петроградской стороне, на Широкой улице" [124].
Уже на следующий день Ленин отправляется в Таврический дворец. Его ждут там большевики - участники Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Он знакомит их со своими тезисами.
Проходит несколько часов. И снова Ленин на трибуне. На этот раз он выступает на объединенном заседании делегатов Всероссийского совещания Советов - и большевиков, и меньшевиков.
Ленин оглашает десять пунктов своих тезисов, которым суждено войти в историю под названием Апрельских тезисов. Он говорит о необходимости немедленного выхода России из империалистической войны. Ленин призывает не оказывать никакой поддержки Временному правительству, разоблачать лживость его обещаний. Он говорит о Советах, как новой форме государственной власти, о необходимых преобразованиях в области экономики, о борьбе с голодом и разрухой, о тактике партии. Он заявляет:
"Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, - ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства" [125].
Ленин становится во главе Центрального Комитета. Его дни заполнены множеством дел: выступлениями на совещаниях, митингах, встречами с рабочими, солдатами, матросами. А ночами у себя, на Широкой, Ленин пишет статьи. Едва ли не каждый день печатает их "Правда". С ее страниц Ленин выступает против контрреволюционных действий Временного правительства, против соглашательской политики лидеров эсеро-меньшевистских Советов, разъясняет, обосновывает курс большевиков на социалистическую революцию. Он возглавляет борьбу за нее пролетариата России.
Ей - этой борьбе - отданы могучий ум, все преодолевающая воля, революционная страсть, безграничная вера Ленина в творческие силы народа.
Этой борьбе отдана вся его жизнь.
Примечания:
[115] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 433.
[116] "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", т. 2, с. 379-380.
[117] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 487.
[118] "Красный архив", 1927, т. 1(20), с. 11.
[119] См. "Вопросы истории", 1954, № 4, с. 15-16.
[120] Там же, с. 17.
[121] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 297.
[122] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, с. 434.
[123] "Правда", 5(18) апреля 1917 г.
[124] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, с. 298.
[125] В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, с. 106.

http://nounivers.narod.ru/bibl/mnp.htm#len

and
CSS
.